

Дж. Буранов

СРАВНИТЕЛЬНАЯ ТИПОЛОГИЯ АНГЛИЙСКОГО и ТЮРКСКИХ ЯЗЫКОВ

Допущено
Министерством просвещения СССР
в качестве учебного пособия
для студентов педагогических институтов

МОСКВА «ВЫСШАЯ ШКОЛА» 1983

ББК 81.2
Б 91

Ответственный редактор проф. В. Д. Аракин

Рецензенты:

кафедра английского языка Московского областного педагогического
института им. Н. К. Крупской
(зав. кафедрой д-р филол. наук, проф. Г. С. Клычков);
чл.-корр. АН УзССР, проф. Э. И. Фазылов (Институт языка
и литературы им. А. С. Пушкина АН УзССР)

И. Гаспранлы адына
кырымтатар
Джумкурмет
кытмышлы

ТРАДИЦИОННАЯ
СИСТЕМА БИБЛИОТЕК
ДЛЯ ВЗРОСЛЫХ
19

Буранов Дж.

Б 91 Сравнительная типология английского и тюркских языков: Учеб. пособие для пед. ин-тов. — М.: Высш. шк., 1983. — 267 с.

В пер.: 1 р.

Настоящее пособие написано по дисциплине «Сравнительная типология родного и изучаемого иностранного языка», включенной в учебный план пединститутов, и рассчитано на использование в учебном процессе в среднеазиатских республиках.

В пособии впервые дается научная классификация лингвистической типологии, основанная на последних достижениях советской и зарубежной науки в области типологии языков.

Б $\frac{4602010000-456}{001(01)-83}$ 167-83

ББК 81.2
4И

ПРЕДИСЛОВИЕ

Сравнительное изучение систем различных родственных и неродственных языков — одно из значительных достижений советского языкознания, поэтому вполне закономерным является введение нового теоретического курса «Сравнительная типология родного и изучаемого иностранного языка» в качестве обязательной дисциплины для педагогических институтов страны.

Данное пособие предназначено для студентов старших курсов (для VIII семестра с четырехгодичным сроком обучения и для X семестра с пятигодичным сроком обучения) и рассчитано на 40 учебных часов. Студенты начинают изучать данную дисциплину после того, как они приобретут достаточную теоретическую подготовку по ряду дисциплин: теоретической фонетике, теоретической грамматике, лексикологии, истории языка, стилистике, переводу и др.

Различные виды сравнения языковых систем проводятся давно. Написаны многочисленные исследования, в которых сопоставляются фонетические, морфологические, синтаксические и лексические подсистемы самых различных языков мира. В этом отношении особое место занимает наша отечественная лингвистика как с точки зрения разработки методов описания, так и с точки зрения масштаба и объема исследований. Почти все языки народов СССР в той или иной мере сопоставлялись с русским языком и между собой. Классическим образцом начала таких исследований служит «Русская грамматика в сопоставлении с узбекским языком» Е. Д. Поливанова, которая, по словам самого Е. Д. Поливанова, считается «дифференциальной грамматикой русского языка по отношению к узбекскому языку». Этот труд Е. Д. Поливанова оказал большое влияние на дальнейшее развитие сопоставления разносистемных языков.

Научное сравнение (сопоставление) системы русского языка с системами других языков мира, в первую очередь с английским, французским, немецким и испанским, которые являются основными иностранными языками, изучаемыми в школах и вузах, в настоящее время имеет должное распространение. Сравнение же отдельных национальных языков СССР с иностранными языками в теоретических и практических целях началось лишь недавно. Однако отсюда исключаются исследования сравнительно-исторического характера, так как генетическое сравнение систем русского и других генетически родственных языков народов СССР с другими индоевропейскими языками имело место еще в прошлом столетии. Об этом свидетельствуют труды компаративистов XIX века. Но в XIX веке типологическая классификация являлась лишь частью сравнительно-исторического языкознания, в настоящее же время лингвистическая типология включает сравнение генетически родственных языков в качестве своего особого раздела. Типологическое сравнение разносистемных языков имеет большое практическое значение, ибо оно свободно от генетических и ареальных ограничений.

Цель настоящего пособия — ознакомить будущих филологов, педагогов тюркоязычных аудиторий, с системными особенностями изучаемого иностранного языка и своего родного и близкородственных языков, с основными принципами сравнения систем языков, помочь начинающим лингвистам разработать теоретически обоснованную методику преподавания иностранного языка.

Пособие написано с учетом последних достижений советской лингвистической школы по сравнительному языкознанию. Автор надеется, что после прохождения данного курса будущие специалисты английского языка приобретут определенные знания по типологии и научатся критически и творчески подходить к работам по сравнительному языкознанию, изданным у нас и за рубежом.

В настоящем учебном пособии предпринята попытка рассмотреть теоретико-методологические и практические вопросы бинарного сравнения систем английского и нескольких тюркских языков среднеазиатского ареала: узбекского, киргизского, каракалпакского и туркменского. Сюда также включена система казахского языка, близкого к выше указанным языкам как по месту распространения, так и по структуре. Сравнение проводилось по принципу односторонней многоязычной бинарности. Выбор этого подхода преследует как научную, так и практическую цель. Разработка данной системы будет способствовать подъему научного уровня работ по сравнительному языкознанию в союзных республиках, улучшению учебного процесса и созданию единых учебников и учебных пособий для нескольких республик определенного ареала, в вузах которых изучается указанная выше учебная дисциплина, что, несомненно, явится положительным фактором и с точки зрения экономии средств.

Данное учебное пособие состоит из двух частей. В первой части рассматриваются общие вопросы лингвистической типологии с кратким экскурсом в историю ее развития; сделана попытка классифицировать ее разделы, определяется место сравнительной типологии среди других разделов лингвистической типологии; устанавливаются специальные типологические категории и их основные параметры, служащие в качестве ведущих при сравнении систем различных генетически неродственных языков; изучается соотношение сравнительной типологии и теории перевода, стилистики, лексикографии и методики.

Во второй части рассматриваются конкретные типологические категории выборочно и, в частности, описывается одна конкретная категория плюральности (множественности). Данный тип лингвистического описания может послужить своеобразным эталоном для последующих описаний других категориальных понятий.

Целесообразность изложения по указанной выше структуре оправдывается тем, что сначала студенты знакомятся с общими вопросами лингвистической типологии, с ее разделами, операционными принципами и т. д., а затем приступают к изучению принципов сравнительного анализа при помощи типологических категорий, выбранных в настоящей работе в качестве основного метаязыка сопоставления. Как указывалось выше, сравнительное описание систем английского и группы тюркских языков проводилось на основе типологических категорий, которые будучи межъязыковыми, межуровневыми и межразрядными имеют ряд преимуществ перед традиционными грамматическими категориями, лежащими в основе сопоставительных грамматик других языков.

Как известно, грамматические категории в основном строятся на уровневой изоляции формальных средств выражения того или иного понятия, что не всегда совпадает в разносистемных языках и делает их типологически малозффективными. Однако мы далеки от мысли считать межуровневый подход единственно эффективным методом. При сравнении систем различных языков можно использовать два подхода:

1) **уровневый подход** возможен в следующих случаях:

а) при сравнении систем генетически близкородственных языков (изоморфизм на этическом уровне); б) при сравнении систем типологически родственных языков, относящихся к идентичным языковым типам (изоморфизм на эмическом уровне); в) при отборе определенных языковых единиц плана выражения одного и того же уровня в системах сравниваемых языков (изоморфизм на этическом и эмическом уровнях);

2) межуровневый подход оправдывается при сравнении систем генетически отдаленных родственных языков и при определении межуровневых синонимов внутри системы каждого из сравниваемых языков, а также при установлении межуровневых соответствий в системах сравниваемых языков. Межуровневый подход крайне необходим в тех случаях, когда сравнению подвергаются системы генетически неродственных языков, так как их системы характеризуются отсутствием глубинно-поверхностного тождества типологических категорий. В связи с этим настоящее учебное пособие основывается на межуровневом подходе, так как типологу приходится выявлять все межуровневые показатели изучаемых единиц того или иного категориального понятия в системах сравниваемых языков. Следует отметить, что бинарное сравнение систем двух языков в советском языкознании широко распространено. Однако сравнение выбранного нами типа еще только развивается. Многие вопросы, связанные с выбором категориальных понятий, а также с ограничением средств выражения поверхностных единиц в пределах определенного минимума и многих других, оказались весьма сложными.

На основе сказанного выше автор считает необходимым еще раз упомянуть следующее:

1) при сравнительном описании систем английского и тюркских языков автор исходил из типологических категорий, считая их наиболее приемлемыми при сравнительном описании систем языков, хотя автор не отрицает существования и других принципов или подходов типологического описания;

2) типологическое описание систем английского и тюркских языков проводилось в плане современной синхронии, ибо основная задача сравнительной типологии — это описание современного статуса сопоставляемых языков;

3) данное учебное пособие является теоретическим курсом, поэтому автор рассматривал многие вопросы с учетом дискуссионности многих теоретических проблем. Это позволило автору не вдаваться в подробности при освещении практической стороны вопроса, так как студенты могут найти ответы на практические вопросы в нормативных и академических грамматиках сравниваемых языков;

4) при рассмотрении отдельных теоретических проблем автор учел теоретическую и практическую подготовленность студентов, для которых предназначено данное пособие, поэтому одни проблемы освещены подробнее, а другие должны прорабатываться студентами как на семинарских занятиях и в спецкурсах, так и при подготовке дипломных и курсовых работ;

5) в связи с тем, что данное пособие предназначено для студентов, для которых основным языком обучения является английский, автор старался больше сослаться на английские источники или английские переводы книг, написанных на других иностранных языках;

6) с целью сокращения объема пособия автор был вынужден: во-первых, ограничиться малым количеством примеров, во-вторых, ограничиться приме-

рами только одного из тюркских языков, когда рассматриваемое в них явление изоморфно;

7) в работе сохранены некоторые термины, которые уже прочно вошли в лингвистическую литературу и применяются в типологической литературе (среднеязыковые корреспонденты, плюральность, футуральность, бинарность и т. д.);

8) нами специально использованы переводы политической литературы, ибо мы считаем, что именно в ней больше сохраняется точность передачи того или иного общего смысла и достигается более строгая адекватность перевода;

9) в пособии даются предпосылки для дальнейшего построения внутриязыковых типологических грамматик конкретных языков;

10) в пособии дается довольно развернутый список названий специальной литературы по типологии, так как данная книга предназначена для студентов, которые проводят самостоятельные научные исследования в различных областях типологической науки.

К сожалению, отдельные работы, посвященные различным вопросам сравнения языков, не нашли своего отражения в настоящем пособии, так как они вышли в свет после того, как работа над рукописью была завершена. Это работы В. Н. Ярцевой, М. М. Гухман, Г. А. Климова, О. С. Широкова, А. В. Широковой и др.

Автор считает приятным долгом выразить искреннюю признательность коллегам, оказавшим ему большую помощь в процессе подготовки пособия к печати — профессорам Л. С. Бархударову и Г. В. Колшанскому, а также рецензентам, чьи ценные замечания были учтены в окончательной редакции учебного пособия. Особую благодарность автор выражает профессору Ю. В. Рождественскому за полезные советы, которые сыграли большую роль в формировании взглядов автора по лингвистической типологии.

Все замечания и пожелания, направленные на устранение недостатков пособия, будут приняты автором с благодарностью.

Автор

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

ОБЩЕТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ВОПРОСЫ ЛИНГВИСТИЧЕСКОЙ ТИПОЛОГИИ

ГЛАВА ПЕРВАЯ

СОВРЕМЕННЫЕ МЕТОДЫ СРАВНИТЕЛЬНОГО ИЗУЧЕНИЯ СИСТЕМ РАЗЛИЧНЫХ ЯЗЫКОВ. ЛИНГВИСТИЧЕСКАЯ ТИПОЛОГИЯ И ЕЕ МЕСТО В СИСТЕМЕ НАУК

УНИВЕРСАЛЬНОСТЬ ТИПОЛОГИЧЕСКОГО СРАВНЕНИЯ

История лингвистических учений уходит вглубь истории человечества. Каждый новый этап развития науки о языке имеет свои особенности: появляются новые отрасли, аспекты и методы изучения языка. Возникают новые лингвистические школы и направления. Одним из таких направлений языкознания является лингвистическая типология, которая в настоящее время получила широкое распространение и завоевала общее признание среди языковедов различных стран и разных направлений.

Типология как особый раздел науки характерна для всех отраслей знаний, ибо таксономическое описание, классификация и сравнение различных объектов, состоящих из совокупности неопределенного множества, применяется как в лингвистических, так и в нелингвистических науках. Это свидетельствует об универсальности типологии как метода науки. Поэтому проникновение и распространение термина «типология» в системах различных наук можно считать вполне закономерным явлением.

На этом основании многие вопросы таксономии, изучающей теорию классификации и систематизации, представляют одинаковый интерес для всех наук, и поэтому они изучаются обобщенно представителями многих существующих направлений. Большая Советская Энциклопедия об этом пишет следующее: «Проблемы типологии возникают во всех науках, которые имеют дело с крайне разнородными по своему составу множествами объектов (как правило, дискретных) и решают задачу упорядоченного описания и объяснения этих множеств (химия, биология, психология, языкознание, география, социология и др.)» [54, с. 564]. Научные исследования Дж. Грега, А. А. Любишева, Э. Майра, Р. Лойтера и многих др., рассматривающих межаспектные проблемы таксономии с различных точек зрения, также свидетельствуют об этом. (Прим. 1.)

Как упоминалось выше, процесс сравнения характерен для всех наук без исключения, но типология имеет различные виды и способы своего проявления в различных науках. Эти особенности свидетельствуют о ее многогранности и многоаспектности. Однако, несмотря на

все это, типология имеет свою внутреннюю организованность, на основе которой она выделяется как самостоятельная научная дисциплина.

Характер сравнения разнообразен. В научных построениях можно выделить два типа сравнения: 1) субстанциональное сравнение (т.е. сравнение конкретных вещей или предметов и овеществление субстанций типа звуков, цифр, чисел и др.), 2) несубстанциональное сравнение (предполагающее сравнение систем и их элементов, относящихся к различным сферам науки и жизни).

С точки зрения лингвистичности и нелингвистичности сравниваемых физических единиц в общей типологии субстанциональное сравнение может распадаться на: а) общее субстанциональное (нелингвистическое) сравнение и б) лингвистическое субстанциональное сравнение. В свою очередь, несубстанциональное сравнение может состоять из: а) общего несубстанционального сравнения и б) лингвистического несубстанционального сравнения.

При возникновении типологии основную роль играло субстанциональное сравнение, ибо оно является первичным. По данному поводу Ю. В. Рождественский отмечает, что «для классического языкознания отношения между языковыми системами коренились в субстанциональных свойствах языка. Языки считались родственными именно потому, что лингвисты усматривали принципиальное сходство их «субстанций»: звучания и значения» [253, с. 17]. Что же касается несубстанционального сравнения, то оно играло важнейшую роль при формировании типологии в качестве самостоятельной отрасли науки в целом, так как этот весьма абстрагированный компонент сравнения являлся своеобразным источником теоретического осмысления материальной стороны сравнения, отождествления или различения сравниваемых объектов.

РАЗДЕЛЫ ОБЩЕЙ ТИПОЛОГИИ

Будучи методом научного познания, общая типология объединяет нелингвистическую и лингвистическую типологию, ибо обе они имеют общие задачи и аналогичные принципы выявления как изоморфных, так и алломорфных свойств субстанций, явлений, признаков, фактов, отношений, событий и др., классифицируют их с учетом сходства—несходства, общности—раздельности, обобщенности—специфичности, устойчивости—неустойчивости и т. д., рассматривая их как конституенты определенных иерархических систем, объединенных по принципу диалектического единства.

НЕЛИНГВИСТИЧЕСКАЯ ТИПОЛОГИЯ

Нелингвистическая типология служит методом сравнения для многих наук, поэтому диапазон ее применения очень широк. Нелингвистическая типология может быть методом сравнения для таких наук, как геология, история, ботаника, обществоведение, юриспруденция, математика, искусство, экономика, биология, психология и многих других. Для всех этих наук характерно существование общего и еди-

ничного, сходства и отличия, на основе которых проводится сравнение. В свою очередь, сравнение является одним из логических приемов познания внешнего мира.

Следует отметить, что в некоторых науках типология выделяется в самостоятельную отрасль. В последние годы определенное развитие получила сравнительная психология, являющаяся отраслью типологии при изучении психики. Будучи самостоятельной научной дисциплиной, она изучает генетические связи между онтогенезом психики человека и онтогенезом психики животных разных филогенетических рядов [180, с. 4].

Как указывают специалисты в области сравнительно-психологических исследований, сравнительная психология является биосоциальной наукой и имеет определенную связь с психолингвистикой, ибо она занимается вопросами филогенеза и онтогенеза психики человека. Современное состояние науки характеризуется бурным развитием как лингвистической типологии, так и сравнительной психологии. Начало научному направлению в сравнительной психологии было положено Аристотелем, когда он указал на психическое родство между животными и человеком. В дальнейшем сравнительная психология развивается Ч. Дарвином [180].

Подробные сведения о более позднем и совершенном развитии сравнительной психологии и сравнительной анатомии можно получить, ознакомившись с трудами В. А. Вагнера, Д. Н. Кашкарова, К. Стоуна, П. Фресса и Ж. Пиаже, Н. Н. Ладыгиной-Котс, А. В. Петровского, И. И. Канаева и др. [180].

Одновременно необходимо отметить, что в истории отдельных психологических течений и теорий наблюдается и много негативных моментов, когда неверно истолковывались некоторые языковые явления. (Прим. 2.)

В последние годы большое распространение получает новая отрасль педагогических наук, которая называется «сравнительная педагогика». Предмет сравнительной педагогики определяется следующим образом: «сравнительная педагогика изучает общие и отличительные черты и тенденции развития педагогических теорий и практического обучения и воспитания в современном мире, вскрывая их экономические, социально-политические и философские основы, а также национальные особенности» [278, с. 20—21].

Таким образом, основной задачей данного раздела педагогической науки также является сравнение и сопоставительное изучение педагогических явлений, установление ведущих тенденций в воспитании и образовании подрастающих поколений и определение дальнейших путей их развития [278, с. 4]. В этом отношении сравнительная педагогика имеет аналогичные задачи и принципы анализа и на этой основе входит в общую типологию в качестве ее составной части.

Сравнительный метод широко применяется в общественных науках. Об этом свидетельствуют многочисленные работы, посвященные различным сторонам данного вопроса. (Прим. 3.) В этих и во многих других работах рассматриваются вопросы применения

сравнительного метода в философии, истории, культуре, юриспруденции, социологии и в других науках.

Говоря об основных проблемах культурно-исторической типологии, Э. С. Маркарян пишет следующее: «Проблема исторической типологии является одной из важнейших методологических проблем современной исторической науки» [195, с. 89].

Историческая типология оперирует историческими фактами, как и другие типологические науки. Процесс типизации обобщения и абстрагирования «историко-типологических понятий» происходит аналогичным образом. Историческая типология также занимается инвентаризацией исторических явлений с точки зрения индивидуальной истории каждого народа и обобщением этих исторических явлений с точки зрения их общности и разнообразности. Историческая типология занимается обобщением исторических понятий. По утверждению Э. С. Маркаряна, типологические понятия весьма разнообразны и в зависимости от задач исследования могут строиться на самых различных уровнях абстракции. Они могут охватывать как отдельные явления социально-исторической жизни (например, тип государственного устройства, тип оружия и т. д.), так и соответствующий этап социально-исторического развития в целом, комплексно (например типы первобытного, капиталистического и т. д. обществ). Таким образом, историческая типология также выступает как один из разделов общей типологии.

Среди общественных наук сравнительный метод в последние годы интенсивно разрабатывается в юридических науках.

В пособии «Сравнительный метод в юридических дисциплинах» А. А. Тилле и Г. В. Швеков рассматривают сравнение в юридических дисциплинах как часть общего сравнения и выявляют случаи юридического преломления сравнительного метода. После краткой характеристики истории сравнительного правоведения в России и СССР они описывают проблемы правовой типологии, а также уточняют применение сравнительного метода: в теоретико-исторических правовых дисциплинах в изучении специальных дисциплин советского права; в изучении иностранного права; в изучении международного права и многие другие вопросы [298].

Сравнительное правоведение еще в прошлом веке существовало в качестве разновидности общей компаративистики XIX века; в своей примитивной форме оно существовало еще раньше. Однако подобно другим разделам общей типологии свою научную интерпретацию оно получает в настоящее время.

Одновременно многие стороны сравнительного правоведения интенсивно разрабатываются во многих зарубежных странах.

Существует литературоведческое сравнение. Необходимо отметить особую близость литературоведческой и лингвистической типологии: литературоведческой и языковедческой компаративистике присуща определенная общность как по материалам исследования, так и по принципам и методам анализа.

Сравнительный метод широко применяется в современном литературоведении. О роли данного метода И. Г. Неупокоева пишет сле-

дующее: «В системе методов и приемов, которыми пользуется современное литературоведение в трудах обобщающего характера, сравнительный метод играет важнейшую роль. Это связано с его возрастающей ролью во всех общественных науках, все более обращающих свое внимание к исследованиям широкого исторического синтеза» [220, с. 89].

Сравнительное литературоведение сравнивает национальные литературы в общей системе всемирной литературы. Эта система тоже имеет свой собственный предмет, свою историю, этапы и основные факторы, игравшие положительную роль в развитии и оформлении сравнительного литературоведения в качестве самостоятельного раздела литературы. (Прим. 4.)

Сравнительное литературоведение прошло такой же путь развития, как и сравнительное языкознание. По мнению специалистов, развитие собственно сравнительного литературоведения начинается во второй половине XIX века, т. е. параллельно с развитием лингвистической компаративистики (сравнительно-исторического языкознания). До этого периода оно также существовало, но более научное свое оформление оно получило в этот период. (См. работу А. Димы в прим. 4.)

В русской и советской литературе вопросами компаративистики занимались А. Л. Веселовский, Р. М. Самарин, И. И. Анисимов, В. М. Жирмунский, М. П. Алексеев, В. И. Кулешов, Н. И. Конрад, И. Г. Неупокоева, Б. Г. Резиев, Т. Л. Мотылева и мн. др.

В последние годы у нас издано много работ, посвященных различным теоретическим и методологическим сторонам сравнительного литературоведения, в которых ставятся вопросы методологического характера, т. е. разрабатываются фундаментальные принципы сравнительного анализа разнонациональных литературных процессов [220, с. 90—91].

Поставленная задача является общей не только для сравнительного литературоведения, но и для всех разделов общей типологии. При этом одни принципы присущи всем разделам без исключения, другие — смежным разделам общей типологии. Так, например, как говорилось выше, особая близость характерна для литературоведческого и лингвистического сравнения. Приведем некоторые общие черты, свидетельствующие об их близости:

- 1) лингвистическое сравнение занимается выявлением универсальных принципов сравнительного описания систем национальных языков, а сравнительное литературоведение устанавливает принципы типологического описания национальных культур;
- 2) обе науки занимаются выявлением и сравнением системных признаков: одна — в системах национальных языков, а другая — в системах национальных литератур;
- 3) обе они устанавливают общие закономерности типологического сходства, которые могут быть обусловленными системно, генетически и ареально;
- 4) они изучают взаимосвязи и взаимодействия национальных языков и национальных литератур;
- 5) типологическая инвентаризация осуществляется как во внутри-

языковом, так и в межъязыковом плане и многих др. Здесь необходимо отметить, что в сравнительном литературоведении под внутриязыковой инвентаризацией нами понимается типологическая систематизация также и одноязычных национальных литератур.

Таковыми же параметрами можно определить общие идентифицирующие признаки других разделов общей типологии.

Определение взаимосвязей и взаиморазличий разделов общей типологии требует специальных исследований, в которых одновременно изучаются общие и частные проблемы смежных дисциплин. К такого рода работам последних лет относится «Введение в общую филологию» Ю. В. Рождественского [252].

Особого внимания заслуживает бурное развитие сравнительного метода в различных областях знания в XIX веке: в сравнительном языкознании, в сравнительной анатомии, в сравнительной физиологии, в сравнительной педагогике и в других науках. Почти во всех университетах Европы начали выделять сравнение в качестве самостоятельного раздела той или иной науки и почти во всех областях сравнение получает более строгий научный подход. Можно утверждать, что сравнение в различных областях знания оказало взаимовлияние друг на друга, о чем свидетельствует и тот факт, что иногда одни и те же ученые писали и читали курсы сравнительного плана в различных областях науки. Так, например, определенный вклад и в сравнительное языкознание, и в сравнительное литературоведение в этот период одновременно внесли братья Шлегели. (Прим. 5.)

Наличие приблизительно сходных операций и аналогичных приемов подхода к сравнению в различных областях знания свидетельствует о том, что общая типология является единой наукой, располагающей конкретными разделами, сходными методами и принципами анализа и классификации фактов, событий из различных сфер деятельности человека.

На этом основании все виды сравнения можно отнести к типологии и считать общую типологию единой наукой сравнения в настоящее время.

ЛИНГВИСТИЧЕСКАЯ ТИПОЛОГИЯ

Предмет лингвистической типологии

Лингвистическая типология, или типология языков, является разделом общего языкознания. Она имеет свой предмет, свои методы, разделы и историю, что определяет ее самостоятельность среди других разделов языкознания.

В современной научной литературе по языкознанию предмет лингвистической типологии понимается по-разному. Существуют различные мнения по определению предмета типологии: одни языковеды чрезмерно расширяют круг и объем науки типологии, другие же, наоборот, под типологией понимают весьма узкую область исследования.

Особого внимания в этом отношении заслуживает своеобразная точка зрения Дж. Эллиса, который в своей работе [384], посвященной общим проблемам сравнительного изучения систем различных генетически родственных и неродственных языков, методологии сравнения и взаимоотношения различных филологических дисциплин, также имеющих определенное отношение к полному и частичному сравнению, сильно расширяет сферу применения типологии. Он включает в сферу сравнительного языкознания теорию перевода, диалектологию, заимствование и др., которые, имея тесный контакт с лингвистической типологией, входят в объект исследования и других специальных научных областей.

Несмотря на более подробную классификацию сравнительной лингвистики, цель, характер и виды сравнительного исследования у Дж. Эллиса конкретно не дифференцированы между собой.

В типологических исследованиях мы встречаем различные термины, условно закрепленные за определенными разделами типологии. К ним можно отнести такие понятия, как «типология», «структурная типология», «сравнительная типология», «ареальная лингвистика», «характерология», «контрастивная лингвистика», «конфронтационная лингвистика», «языковые универсалии», «трансляционная грамматика», «сравнительно-типологическое языкознание» и ряд других.

Англистика также не свободна от подобного разнообразия терминов. Ср.: Comparative historical method, Comparative philology, Comparative linguistics, Contrastive linguistics, Descriptive comparative linguistics, Comparative grammar, Confrontational linguistics и т. д.

В английской научной литературе сочетание «Comparative philology» часто используется вместо понятия «общее языкознание». Термины «сравнение», «сопоставление» и «сравнительный метод», «сопоставительный метод» обычно употребляются синонимично [325, с. 5—7; 24; 382].

С развитием науки о сравнительном изучении языков языковеды начинают дифференцированно относиться к данным терминам. В советском языкознании становятся общепризнанными термины «сравнительный метод» и «сопоставительный метод». Под сравнительным методом подразумевается сравнительно-историческое исследование родственных языков, а под сопоставительным — сравнение (сопоставление) как родственных, так и неродственных языков в синхронном срезе. Однако термины «сопоставление», «сопоставительный метод» и многие другие тоже не ставят четкой грани между сопоставлением родственных и неродственных языков. К сопоставительной грамматике, например, можно отнести сопоставление грамматических систем и родственных и неродственных языков.

В последние годы сравнительное языкознание и метод сравнительного изучения систем различных языков стали все больше привлекать внимание лингвистов всего мира, и за последнее десятилетие в Советском Союзе и за рубежом появился ряд фундаментальных исследований, посвященных различным сторонам типологии языков. В результате лингвистическая наука располагает определенными данными,

которые дают возможность более четко определить предмет типологии, ее разделы и методы анализа.

Работы Р. Якобсона конкретизировали и обогатили предмет типологии. Он писал: «Генетический метод имеет дело с родством, ареальный — со сродством языков, а типологический — с изоморфизмом. В отличие от родства и сродства, изоморфизм не связан обязательно ни с фактором времени; ни с фактором пространства. Изоморфизм может объединять различные состояния одного и того же языка или два состояния (как одновременных, так и отдельных во времени) двух различных языков, причем как языков, расположенных по соседству, так и находящихся на далеком расстоянии, как родственных, так и имеющих разное происхождение» [355, с. 97].

В исследованиях по сравнительному языкознанию делаются определенные попытки определить характер лингвистической типологии. Однако до сих пор не выработан единый взгляд на сущность предмета типологии. По этому поводу высказываются следующие суждения:

а) лингвистическая типология является самостоятельной научной дисциплиной, включающей в предмет своего исследования все виды сравнения языковых систем. В этом понимании лингвистическая типология отождествляется со сравнительной лингвистикой в полном смысле этого слова;

б) лингвистическая типология — это часть сравнительной лингвистики. Она фигурирует самостоятельно и противопоставляется традиционной компаративистике, характерологии и ареальной лингвистике. В этом смысле лингвистическая типология отождествляется со структурной типологией.

Принципиальное значение имеет количественное ограничение сравниваемых языков. По этому вопросу нет конкретного мнения. Одни языковеды становятся сторонниками сравнения неограниченного количества языков. В своих утверждениях они исходят из положений лингвистических универсалий и, по их мнению, результаты исследования должны претендовать на универсальность. Другие же лингвисты пишут о возможности сравнения ограниченного числа родственных языков. И, наконец, третья группа языковедов утверждает, что в лингвистической типологии количество сравниваемых языков можно свести до минимума — к двум языкам. Причиной всех этих разногласий служит недифференцированный подход к разделам или видам лингвистической типологии.

Языковедческая наука еще не располагает достаточным материалом для разъяснения таких важных вопросов лингвистической типологии, как, например, определение предмета каждого раздела и вида лингвистической типологии. Иногда встречаются такие факты, как противопоставление сопоставительного и типологического методов, хотя первый должен быть рассмотрен как составляющий [269, с. 5]. В некоторых трудах по сравнительному изучению языков сравнение делят на типологическое исследование родственных и неродственных языков [292], противопоставляют структурное и типологическое описание языков, а также противопоставляются характерологическое и нехарактерологическое исследование и т. п.

Более конкретная характеристика предмета типологии дается в работах Б. А. Успенского [318], Ю. В. Рождественского [253; 251], В. Г. Гака [89]. Ценным в работе Ю. В. Рождественского является также то, что он дифференцирует предмет типологии и характерологию [251, с. 42—45]. Основу предмета типологии составляет структурная типология, которая объединяет ряд разделов данной области: 1) типологическую классификацию языков, 2) лингвистические универсалии, 3) язык-эталон, 4) специальную типологическую теорию и др. [251].

По характеру объекта исследования типология делится на типологию текста, типологию систем и т. д. Данное понимание разделов типологии является более систематизированным. Особого внимания при этом заслуживает тот факт, что Ю. В. Рождественский идентифицирует типологию и структурную типологию, при этом, в отличие от некоторых языковедов, он не отрицает существования других разделов типологии, также занимающихся сравнением систем различных родственных и неродственных языков.

При всем многообразии существующих определений под типологией понимаются различные виды сравнения систем языков. Генетические, типологические и ареальные сравнения составляют три стороны единого процесса сравнения. Эти методы не конкурируют между собой, а взаимодополняют друг друга.

Итак, виды лингвистического сравнения можно представить следующим образом: 1) сравнительно-генеалогическое (историческое) сравнение (реконструкция общих праформ родственных языков); 2) типологическое сравнение систем и подсистем языков: а) родственных, б) неродственных — односистемных или разносистемных языков. Особого внимания заслуживает также деление на близкородственные и дальнородственные языки; так как в ходе исторического развития дальнородственных языков структурные различия могут стать настолько значительными, что «родственность» у них может сохраниться в качестве исторического фактора; 3) ареальная лингвистика, для которой характерно сравнение систем языков определенной географической близости. Четвертым видом можно включить доминантную классификацию Г. П. Мельникова, которая определяет языковые типы на основе доминантных признаков [203].

Здесь мы не будем специально останавливаться на определении характера и природы каждого из указанных методов. Однако считаем необходимым указать на то, что лингвистическая типология, занимающаяся синтезированием полученных результатов описательных работ, в отличие от нелингвистической типологии должна включить в себя все сферы лингвистического сравнения.

Этапы развития лингвистической типологии

Будучи самостоятельной научной дисциплиной, лингвистическая типология имеет свои разделы. Эти разделы находятся в тесном контакте друг с другом и выделяются на основе своих собственных параметров.

В настоящем разделе будут рассмотрены вопросы периодизации истории сравнения языков и языковых систем, хотя вопросы периодизации типологии чрезвычайно сложны и относятся к числу нерешенных до конца вопросов истории лингвистики в целом. Поскольку сравнение языков, их систем и отдельных языковых явлений постоянно сопровождало развитие лингвистической науки, определение хронологических рубежей различных этапов лингвистической типологии неразрывно связано с историей языкознания, а все они — с историей народа и историей развития умственной деятельности человечества в целом. В современной лингвистике до сих пор нет всесторонне разработанных критериев периодизации истории языкознания, все существующие классификации разработаны под определенным углом зрения исследователя.

Так, авторы «Очерков по истории лингвистики» делят историю развития языкознания и его этапы на шесть периодов. Для полноты нашего изложения цитируем:

I. Теория именованья в античной философии языка, устанавливающая правила именованья и возникающая в рамках философской систематики.

Теория именованья не содержит специализированного знания о языке, поэтому она не входит в корпус языкознания. Но ее рассмотрение важно для понимания становления предмета языкознания и ряда особенностей его развития, прослеживаемых историей языкознания.

II. Античные грамматические традиции, представленные античными и средневековыми грамматиками Запада и Востока.

На данном этапе возникает грамматическая теория, дающая систематику языка прежде всего через установление лингвистических отношений между именами (и отчасти другими единицами языка) и формулирующая правила обращения с языком.

III. Универсальная грамматика, вскрывающая общность систем языков и открывающая собой языкознание нового времени (первый этап научного языкознания).

IV. Сравнительное языкознание, которое включает в себя три области: 1) сравнительно-историческое языкознание, занимающееся исследованием генетических языковых общностей; 2) сравнительно-типологическое языкознание, занимающееся изучением типов языковой структуры независимо от культурно-исторической принадлежности языков; 3) теоретическое языкознание, формирующее философию языка внутри лингвистики и дающее начало теории общего языкознания, занимающегося общелингвистической систематикой на базе описательных и сравнительных исследований.

V. Системное языкознание, формулирующее в своем разделе философию языка концепции психолингвистики и социолингвистики.

VI. Структурная лингвистика, которая: 1) исследует внутреннюю организацию языка; устанавливает отношения между языком и другими знаковыми системами; 2) формулирует теорию лингвистических методов и методик, дает основания для лингвистического моделирования» [15, с. 28—29].

Г. С. Клычков подразделяет развитие языка на три основные этапа:

«а) От возникновения человеческой речи до начала становления родового строя. Наука не знает языков, находящихся на этом этапе развития, их особенности могут быть только экстраполированы из особенностей звукового общения приматов, детской речи: преобладание эмоционально-экспрессивных супrasegmentных знаков, появление первых сегментных стержневых слов-операторов (pivots) и слов открытого класса.

б) Период родового строя характеризуется становлением ономазиологической системы языка, континуумом контактно расположенных родовых языков, отсутствием регулярных фонетических соответствий и четких семей языков, быстрыми темпами развития.

в) Эпоха классового общества и литературно-письменных языков отличается синтаксической вариативностью языка, возникновением семей языков, замедлением типологического развития, устойчивой принадлежностью конкретных языков определенному типу» [161, с. 100].

Как видно из указанных выше цитат, нет единого мнения по периодизации не только лингвистической типологии, но и истории языкознания. Отсутствуют общие критерии, которые можно было бы положить в основу периодизации истории языкознания, что, естественно, затрудняет и периодизацию в области типологической науки.

В истории развития типологических учений нам представляется возможным выделить четыре основных периода.

Первый период характеризуется как стихийный, или эволюционный. Он начинается вместе с появлением первых лингвистических работ: при составлении отдельных грамматик, различных трактатов языковеды уже пользовались готовыми моделями по принципу аналогии. Этот период завершается незадолго до Ренессанса.

Второй период характеризуется как период становления языкового сравнения, когда появляются первые обобщающие труды в этой области. К основным произведениям такого типа относятся «Грамматика Пор-Рояль» (XVII в.) в индоевропеистике, а на материале тюркских языков — «Диван лугат ат-тюрк» Махмуда Кашгарского и др.

Третий период истории развития лингвистической типологии связан с возникновением сравнительно-исторического языкознания, с появлением генеалогической и типологической классификации языков.

Четвертый период связан с выделением научной лингвистической типологии в качестве самостоятельной научной дисциплины. Он совпадает с XX веком, временем бурного развития типологических наук в мировом масштабе, характеризующегося делением лингвистической типологии на различные конкретные области; такие как структурная, генетическая, ареальная, сравнительная типология.

Первый (стихийный) период развития лингвистической типологии совпадает с началом формирования лингвистической науки.

В Древней Греции язык изучался прежде всего философами, ко-

торых в первую очередь интересовали вопросы соответствия и несоответствия вещей их названиям. Однако уже в работах Протагора, Платона и Аристотеля мы находим более конкретные высказывания о словах, словосочетаниях, лингвистических категориях (например, о категориях рода, падежа), о классификации слов по частям речи, служебных словах, об определении предложения и др. [383; 369]. На основе древнегреческого лингвистического наследия наука о языке выделилась в самостоятельную область и получила свое развитие в других европейских странах.

Вслед за латинскими грамматиками появились первые английские грамматики Р. Лоуса (R. Lowth, *Short Introduction to English Grammar*, 1762 г.), Дж. Пристли (J. Priestly, *Rudiments of English Grammar*, 1761 г.), Дж. Кэмпбелла (G. Campbell, *Philosophy of Rhetoric*, 1766 г.), а также американские грамматики, из которых первая была написана Н. Вебстером (N. Webster, *Plain and Comprehensive Grammar*, 1784 г.) и др. [377, с. 383].

Особое место в истории языкознания занимает сравнительно-историческое языкознание XIX века, которое создало основу для теоретического учения о языке.

Лингвистическая типология, которая считается частью общего языкознания, не является совершенно новым, внезапно возникшим разделом языкознания. Она развивалась постепенно, на основе описательных и сравнительных грамматик, т. е. с появлением первых элементарных описаний систем языков. Прав Дж. Эллис, который пишет: «Сравнительная лингвистика в широком смысле этого слова такая же древняя наука, как сама лингвистика» [384, с. 112]. В. Скаличка также считает, что «типология является одним из самых древних и, вместе с тем, наименее разработанных разделов языкознания» [270, с. 19].

Примером работ по сравнению языков может служить работа Макробиуса (400 г. до н. э.), в которой в примитивной форме сравниваются глагольные системы греческого и латинского языков [423, с. 62—63].

Определенное место в истории развития лингвистической типологии занимает средневековый период до Ренессанса, ибо в это время подготавливалась почва для следующего этапа развития типологии. В этот предренессансный период, т. е. начиная с XII века до эпохи Ренессанса, ученые начинают знакомиться с античными произведениями, с различными ранними европейскими и арабскими переводами. Многие стороны философии и логики получили отражение в лингвистических исследованиях. Были созданы грамматика «Doctrinale» Александра Вилладейского (около 1200 г. н. э.) и грамматика его современника Петра Гелийского. В этих трудах высказывается мысль о том, что каждый язык имеет свой грамматический строй. Несколько позже составители ряда «спекулятивных грамматик» выступали с идеей существования единой универсальной грамматики [15, с. 162—171].

Большую роль в развитии лингвистической типологии сыграло ознакомление со многими азиатскими, африканскими, американскими

и австралийскими языками, в результате чего в отдельных европейских странах появились каталоги языков, словари с комментариями и грамматическими справочниками и т. д. К ним относятся: «Митридат» К. Геснера, «Сравнительные словари...» П. С. Палласа, «Идея вселенной» Лоренцо Эрвас-и-Пандуры, «Митридат» И. Х. Аделунга и мн. др. [15, с. 250—252].

При лексикографической классификации разноязычных слов составители словарей должны были одновременно оговорить лексикографические соответствия, грамматические особенности строя языков.

Преемниками предренессансного периода явились представители эпохи Возрождения, рассматривавшие философские и нефилософские проблемы языка.

Самым большим вкладом в последующее развитие типологии является «Грамматика Пор-Рояль», вышедшая в 1660 году в аббатстве Пор-Рояль под Парижем [225, с. 53—73; 226, с. 220—228]. «Грамматика Пор-Рояль» появилась как результат слияния грамматических и философских идей того времени. Философские мысли нашли свое отражение при выделении общих единиц содержательной стороны, в то время как грамматические концепции легли в основу процесса сопоставления разноязычных поверхностных единиц.

Самое большое влияние на развитие лингвистической типологии в современном понимании оказала компаративистика, т. е. сравнительно-историческое языкознание. Как мы увидим далее, сам сравнительно-исторический метод тесно связан с типологическим методом и является одной из составляющих сравнения языковых систем в целом.

Основным объектом сравнительно-исторического языкознания было сравнение языков или групп языков, поэтому сегодняшнее типологическое сравнение языков тесно связано с классической компаративистикой. Прав был Э. Бенвенист, когда писал, что «... генеалогическая классификация является в то же время типологической» [44, с. 45—46].

Вопросы сравнения рассматривались в трудах Ф. Боппа, Р. Раска, Я. Гримма, А. Ф. Потта, А. Шлейхера, К. Бругмана, Б. Дельбрюка, Ф. Дица, А. Х. Востокова, Ф. И. Буслаева и многих других. Своеобразным продолжением работ по сравнению языков можно считать труды Ф. Шлегеля, А. Шлегеля, Г. Штейнталя, Ф. Мистели, Ф. Финка, В. Гумбольдта, Ф. Ф. Фортунатова, Э. Сепира, И. А. Бодуэна де Куртенэ, М. Н. Петерсона, И. И. Мещанинова, Е. Д. Поливанова и других [111, с. 72—90].

Сравнительное изучение систем тюркских языков имеет свою собственную историю.

Предтеча сравнительного метода в тюркологии Махмуд Кашгарский своим капитальным трехтомным трудом «Диван лугат ат-тюрк» заложил основу данному направлению в тюркологии. Он подверг фонетическому, лексическому и грамматическому анализу целую группу тюркских языков и на основе своих научных наблюдений определил степень родства языков существовавших в его время тюркских племен [154]. Он тщательно изучил дистрибутивные отношения звуков в сло-

ве и на основе соответствующих признаков определил степень родства тюркоязычных диалектов.

Дальнейшее развитие сравнительное изучение тюркских языков получает в трудах, изданных в качестве глоссариев и словарей, тюрко-и иноязычных параллелей, грамматических справочников, специальных трактатов и т. д. К ним можно отнести филологическое сочинение ал-Замах-Шари (XII в.), тюркско-монгольско-персидский словарь, составленный в Египте (1245 г.); латино-персидско-кыпчакский словарь, так называемый «Кодекс Куманикус» (XII в.), словарь и грамматику арабского филолога Абу-Хайяна ал-Гарнати (XIV в.), сочинение по изучению тюркско-кыпчакского и огузского диалектов Джамал эд-дина ат-Турки и ряд других сочинений ученых Востока [38, с. 190; 7, с. 8—9; 182, с. 21—31].

Известным трудом, посвященным сравнению тюркских и индоевропейских языков, бесспорно, является сочинение А. Навои (1441—1501 гг.) «Мухокаматул-Луғатайн» («Спор двух языков»), написанное в 1499 г. В данной работе впервые сопоставляются системы двух генетически неродственных языков — староузбекского и персидского. С удивительной проницательностью, в изящной поэтической форме А. Навои сравнивает лексическую, грамматическую и словообразовательную системы этих двух языков, разрешая их «спор». В данной работе автору удалось выявить ряд языковых особенностей узбекского языка, не имеющих прямых одноуровневых соответствий в персидском: например, некоторые словообразовательные суффиксы, образующие имена действующих лиц, суффиксы, выражающие рефлексивность, совместность, каузативность, взаимность, модальность, компаративность и др. Труд А. Навои можно определить как типологию алломорфем в более упрощенном смысле этого слова [216, с. 105—132].

С XVIII века научным изучением и теоретической разработкой тюркских языков занимались ученые Европы: Ф. И. Табберт-Страленберг, О. Бётлингк, В. В. Радлов, Н. Ф. Катанов, М. Ряснян, К. Грэнбек, Б. Я. Владимирцов, Г. Рамstedт, Н. К. Дмитриев и многие другие зарубежные и отечественные ученые.

В советский период тюркология получила широкое развитие. В описании систем тюркских языков метаязыковую роль играло описание флективных языков в целом, и русского языка в частности. Об этом свидетельствует следующее высказывание Э. В. Севортына: «Обращаясь теперь в своих теоретических исследованиях по грамматике, как и прежде, к научным достижениям в области флективных языков, советские тюркологи в своей массе проявили общий интерес к теоретическому опыту современного и дореволюционного русского языкознания» [262, с. 309].

Одновременно с развитием описания систем национальных языков Советского Союза развивается межъязыковое описание систем русского и национальных языков. Основное направление при этом характеризуется как бинарное описание русского и национальных языков. В качестве практического материала служили русско-национальные переводы. Эти переводы дали богатейший материал для сопоставления и теоретических обобщений в плане межъязыковых сравнений.

Сюда добавляются многочисленные лексикографические труды, которые также сыграли положительную роль в развитии типологической науки.

История сравнения и сопоставления систем русского и иностранных языков с системами национальных языков в нашей стране относится к последнему, четвертому, периоду хронологии лингвистической типологии. Внутри этого периода можно выделить этап описания системы каждого конкретного языка в отдельности, т. е. этап подлинной внутриязыковой инвентаризации систем национальных языков — ступень к сравнительно-сопоставительному описанию языковых систем.

В этой связи в последние годы появились некоторые программы и учебники по сопоставлению систем русского и отдельных иностранных языков, русского и национальных языков, иностранных и национальных языков. В последние годы разрабатывается методика сравнения, уточняются основные разделы, определяются и разрабатываются главные параметры разделов лингвистической типологии, совершенствуются методы сравнительных исследований. Так, например, при сопоставлении систем различных генетически неродственных языков выделяются общие черты, на основе которых намечаются новые пути сближения языковых систем, устанавливаются новые универсалии, которые не зависят от их генетической и морфологической изоляции.

Выше мы дали очень краткую общую характеристику развития лингвистической типологии с уклоном в сторону сравнительной типологии. При этом следует подчеркнуть, что каждый раздел лингвистической типологии имеет свою конкретную историю, характеризуется собственным путем развития и является составляющей общей истории лингвистической типологии. Поэтому при периодизации истории лингвистической типологии необходимо учесть специфику истории каждого языка и его носителей, историю образования ареальных и региональных союзов, а также историю системных изменений в динамике развития сравниваемых языков.

Основные факторы развития лингвистической типологии

В развитии сравнения языковых систем определенную роль играли отдельные факторы, характерные для каждого периода истории лингвистической типологии. Последняя же (т. е. типология) понимается нами как единая наука о сравнении или сопоставлении в целом. Если исходить из данного понимания предмета лингвистической типологии, то круг стимуляторов лингвистической типологии расширяется. Но если под лингвистической типологией понимать только структурную типологию, как это принято у отдельных лингвистов, то тогда круг стимулирующих факторов появления лингвистической типологии сужается. Дело в том, что, по утверждению Б. А. Успенского и др., типология имеет дело с неограниченным количеством живых и мертвых языков. Вот что пишет по данному вопросу Б. А. Успенский: «Типология не имеет дело с ограниченным количеством языков. Сравнение, имеющее дело с заранее ограниченным количеством

языков, хотелось бы отделить от типологии и называть как-то иначе, например «характерология» или «сопоставительное описание». Вообще целесообразно считать, что число языков, составляющих предмет типологии, принципиально бесконечно в том смысле, что мы не можем задать их списком» [320, с. 309]. Аналогичное мнение мы встречаем у В. А. Виноградова, когда он противопоставляет разделы лингвистической типологии самой типологии [83, с. 224—252].

Мы же исходим из утверждения о том, что сравнение языковых систем как ограниченного, так и неограниченного количества языков на научной основе относится к типологии и является типологическим. Поэтому те факторы, которые играли положительную роль в развитии лингвистической типологии, являются общими, и они стимулировали возникновение и установление современной науки о сравнении языковых систем.

Эта наука о сравнении языковых систем развивалась очень медленно, и в ее становлении положительную роль играло множество факторов, которые будут рассматриваться ниже. К стимулирующим факторам можно отнести: типологическую имитацию, возникновение «Грамматики Пор-Рояль» и сравнительно-исторического языкознания, процесс изучения систем бесписьменных языков, влияние перевода и переводческой науки, влияние лексикографии, практическое и теоретическое изучение других языков и др.

Первый фактор — это типологическая имитация. Под типологической имитацией понимается использование определенных методов или моделей одного языка при описании системы другого языка. Этот вид описания системы какого-либо языка является самым древним, и типологической имитацией пользовались при составлении грамматик почти всех языков мира. Так первые латинские грамматики были составлены на основе древнегреческих грамматик. Например, один из первых составителей латинских грамматик М. Варрон (116—27 гг. до н. э.) при написании книги «De Lingua Latina» умело воспользовался древнегреческой системой и развил дальше существовавший в то время принцип описания языков. В частности, он выделил в латинском языке артикль, шесть падежей вместо пяти греческих [423, с. 48—52] и семь частей речи вместо восьми в греческом [383, с. 44].

В дальнейшем многие европейские и неевропейские грамматики составлялись на основе латинских грамматик. Например, первые английские грамматики были составлены на древнегреческой и латинской основе. Под непосредственным влиянием классических грамматик были составлены: «Glossary» аббата Эльфрика (1000 г.), грамматический справочник С. Джонсона (1709—1784 гг.), а также грамматики английского языка Дж. Пристли, Р. Лоуса, Дж. Кэмпбелла и многие др.

При изучении той или иной категории или лингвистического явления иногда ориентируются на предшествующие системы. Подобные случаи также можно отнести к типологической имитации. Например, в настоящее время древнеиндийская модель сложных слов с успехом используется в качестве метаязыка во многих европейских

языках (ср.: *dvandva*, *tatpuruṣa*, *karmadhāraya*, *dvigu*, *bahuvrīhi*) [139, с. 125—127].

Здесь следует указать, что типологическая имитация противопоставляется ненаучному уподоблению, которое характеризуется как негативное явление. Можно привести множество примеров этого явления из систем самых различных языков мира. Например, в латинские грамматики были перенесены некоторые явления греческого языка, которые не были характерны для системы латинского языка. По утверждению П. П. Ильющенко, подражание греческому языку было характерно не только для грамматического искусства, но также и для поэтической речи и других пластов языка.

По данным авторов книги «Очерки по истории лингвистики» [15], первые грамматики тибетского и классического тамильского языков были построены в традиции индийской грамматики Панини, но с учетом особенностей грамматического строя тамильского и тибетского языков. Так, тибетские грамматики, заимствовав индийское письмо и приспособив его к тибетскому языку, явно под влиянием индийской грамматики распределяли фонетические построения тибетских слоговых слов по категориям словообразования и словоизменения индийской грамматической традиции.

О влиянии греческих и латинских грамматик на европейские грамматики В. М. Жирмунский писал следующее: «Грамматическая теория сложилась у европейских народов под влиянием изучения и преподавания так называемых «классических языков», латинского и греческого, в особенности первого, — языков флективного типа...». По образцу латинских грамматик были составлены и первые грамматики неевропейских языков [129, с. 15].

Английские грамматики, составленные на основе латинского языка, тоже не были свободными от влияния ненаучного уподобления.

В первых грамматических трудах по английскому языку, составленных прямым переносом отдельных грамматических форм латинского языка в систему английского языка, допускалось существование шести падежных форм. Например, принцип, впервые введенный Эльфриком при переводе латинских названий падежных форм, получил дальнейшее развитие в последующих грамматиках С. Джонсона, который в своем грамматическом справочнике также выделял *Nominative*, *Genitive*, *Dative*, *Accusative*, *Vocative*, *Ablative*. На основе уподобления грамматической системы английского языка системе греческого и латинского языков некоторые языковеды определяли английский язык как язык «с дефектами» и пробелами (*lacunae*) [423, с. 44]. К сожалению, подобные случаи встречаются и в некоторых работах по современному английскому языку [143, с. 80—81].

Вторым фактором развития лингвистической типологии служит появление научных сравнений и работ по сравнению и сопоставлению. Большое влияние на формирование лингвистической типологии оказали те работы по сравнению языков, которые в дальнейшем стимулировали появление подлинно научных сравнений. Сравнение языков началось с сопоставления двух конкретных языков, т. е. сопоставление двух языков есть

начало сравнительного языкознания. Многоязычные сопоставления начались в последующие века. Кроме того, первые сравнения основывались на субстанциональном, или материальном, сходстве, так как в сходстве различаются материальное и структурное. Иначе говоря, сходство можно охарактеризовать как этическое и эмпирическое. Материальное сравнение исходит из сходства языковых единиц типа корней, аффиксов, слов и т. д. [249, с. 384]. По данному поводу Ю. С. Маслов пишет: «Материальное же сходство есть сходство звукового материала, из которого построены в сравниваемых языках экспоненты тождественных или близких по значению слов и морфем» [196, с. 280].

Структурное сходство связано с общностью строя и типа. Цитируем определение, данное тем же Ю. С. Масловым: «Наряду с чертами материального сходства (и, соответственно, различия) между языками мира наблюдаются сходства и различия структурного (типологического) порядка — сходства и различия не в самом материале, а в принципах его организации» [196, с. 290].

Необходимо здесь учитывать тот факт, что языки, которые имеют материальное сходство, одновременно имеют и структурное сходство и называются субстанционально-структурными родственными языками, а языки без материального сходства, но имеющие только системное совпадение, относятся к типологически (или морфологически) родственным языкам. Можно предполагать, что развитие современной лингвистической типологии началось с сопоставления конкретных языковых единиц, т. е. сначала сравнивались конкретные единицы, а в дальнейшем начался процесс их абстрагирования.

Субстанциональное сравнение конкретных языков и конкретных языковых единиц начинается с античности. А более систематизированная научная организация сравнения систем различных языков осуществляется в «Грамматике Пор-Рояль», в которой А. Арно и К. Лансло подвергают анализу такие языки, как французский, латинский, греческий и древнееврейский, из них древнееврейский не имеет субстанционального сходства с предыдущими. Данная грамматика, написанная еще в XVII веке на латинском языке, сыграла большую роль в развитии языковедческой науки, в том числе сравнительного языкознания [37]. В последние годы специалисты начали чаще обращаться к этой работе. Не будет большим преувеличением высказывание Н. Крецманна, когда он пишет: «In the last seven or eight years the Port Royal Grammar has been discussed more often in the English-speaking world than at any other time since its publication more than three hundred years ago» [405, с. 176].

Нам кажется, что одной из причин такого роста популярности данной работы является развитие лингвистической типологии в настоящее время, так как при становлении подлинной лингвистической типологии «Грамматика Пор-Рояль» и другие аналогичные работы выступали как предшественники данного направления. В дальнейшем

в разных странах появились другие работы, которые также внесли определенную лепту в развитие лингвистической типологии.

Основную роль в развитии и оформлении лингвистической типологии играл сравнительно-исторический метод, компаративистика XIX века, которая занималась сравнением языковых единиц, установлением предполагаемых праформ и определением генетического родства языков, развившихся из общего языка-основы. Появление не-субстанционального, или структурного, сравнения языков, т. е. морфологической классификации языков, дало основной толчок развитию лингвистической типологии. Морфологическая классификация лежит в основе современной лингвистической типологии.

Сравнительно-историческое языкознание уже относят к научному сравнению, так как оно обладает своеобразным научным аппаратом сравнения. Этим научным аппаратом являются разнообразные мета-языки, которые нашли свое выражение в различных абстрактных лингвистических (фонетических и морфологических) моделях, считавшихся праязыковыми формами группы родственных языков.

В дальнейшем появились и другие классификации, также сыгравшие определенную роль в развитии лингвистической классификации. В первую очередь, сюда можно отнести классификацию американского лингвиста Э. Сепира и др.

Проблемы категоризации языковых явлений в лингвистических сравнениях получили свое развитие в работах И. И. Мещанинова и др.

Таким образом, генеалогическая и типологическая классификации играли одинаковую роль в развитии лингвистической типологии. Они не противопоставляются друг другу, а взаимодополняют друг друга.

Третьим фактором можно считать процесс изучения систем малоизвестных и бесписьменных языков различных народов земного шара. За последние годы накопился большой исследовательский материал по строю малоизученных языков как народов Латинской Америки, Азии, Африки, Австралии и других, так и народов Советского Союза, не имевших своей письменности. Процесс изучения этих языков, определение степени их родства с другими языками, а также сравнение их систем с системами индоевропейских языков также дали определенный стимул для развития лингвистической типологии. Если раньше компаративисты интересовались генетическим родством изучаемых языков, то теперь они начали изучать типологическое сходство, изоморфность их систем, типологическую классификацию и другие вопросы.

Четвертым фактором является влияние перевода и переводческой науки. Переводческая наука — древняя наука, имеющая многовековую историю. При переводе мы также имеем дело со своеобразным процессом сравнения систем языков, поскольку при переводе того или иного произведения с языка на язык, переводчик вынужден соположить системы языка источника с системой языка перевода. На этой основе некоторые лингвисты считают перевод одной из составляющих типологии [384, с. 11].

Влияние перевода на лингвистическую типологию осуществляет-

ся: 1) при переводе художественного произведения; 2) при переводе грамматических форм или конструкций (ср. переводы латинских грамматических форм на древнеанглийский язык); 3) при машинном переводе, который строится на базе математической лингвистики, и т. д.

Пятый фактор — это влияние лексикографии. При составлении двуязычных или многоязычных словарей лексикограф одновременно проводит сравнение систем двух или более языков.

Словари составляются без учета генетического родства языков, и в процессе работы лексикограф выделяет фонетические, грамматические и лексические особенности языка-источника с целью точной передачи их на второй язык.

Результаты могут быть использованы типологом в качестве готового материала.

В своем развитии лингвистическая типология во многом обязана лексикографии. Так, если исходить только из истории развития типологических наук, то можно убедиться, что первые труды по истории грамматики, лексикографии и лингвистической типологии неделимы и начинаются одновременно. Примерами могут служить словари типа первого латинско-англосаксонского словаря Эльфрика, латинско-англосаксонского словаря С. Джонсона и др.

Примерно таким же путем развивалась лингвистическая типология у тюркоязычных народов. Можно предположить, что типологическая теория тюркских языков развивалась, прежде всего, на основе лексикографических данных. Так, персидские и тюркские ученые средневековья располагали словарями, в которых сопоставлялись персидские и тюркские языки с арабским. Двуязычное описание церковно-славянского языка тоже начинается со словарей ономастиконов и азбукоников [162]. Тунгусская письменность начинается с составления китайско-тунгусского двуязычного словаря. Почти всякая письменная традиция, тесно связанная с основными лингвистическими системами (средиземноморская, арабская, индийская, китаяйская, шумеро-аккадская), имеет традицию составления двуязычных словарей. В них проводятся последовательные сравнения лексики языков. Построение двуязычных словарей, как известно, было связано с практическими потребностями передачи и сопоставления языковых и культурных норм национальных литературных языков, зависевших от основных культурных традиций.

Шестым фактором является практическое и теоретическое изучение иностранных языков и межъязыковые контакты.

При изучении иностранного языка и при обучении иностранному языку возникает необходимость в сравнении систем родного и изучаемого языков.

Широкое распространение лингвистическая типология получила в нашей стране, ибо Советский Союз является многонациональным государством, и поэтому значительная часть его населения двуязычна. Без наличия двуязычия «невозможно было бы организовать нормальное сотрудничество наций, народностей в политической, эконо-

мической и культурной жизни». (Из предисловия к сборнику «Проблемы двуязычия и многоязычия» [242, с. 5].)

В союзных республиках СССР население использует в качестве национального языка и русский — язык межнационального общения. А в таких республиках, как Узбекистан и Таджикистан, значительная часть населения трехязычна [115, с. 41]. Ведущим типом двуязычия в нашей стране является владение родным и русским языком, языком межнационального общения [326, с. 22].

Что касается развития лингвистической типологии в нашей стране на основе изучения иностранных языков, то в этом отношении достигнуты определенные успехи. Этому содействуют обязательное изучение одного иностранного языка в качестве учебной дисциплины, развитие межгосударственных отношений Советского Союза с другими государствами мира, в том числе со странами Азии и Америки.

Для практического изучения языков проделано немало. Составлены сравнительные фонетики, сопоставительные грамматики, а также работы общего характера.

По теории сравнения опубликованы работы по различным разделам лингвистической типологии, которые создают методологические основы данного раздела общего языкознания.

В последние годы мировая лингвистика достигла определенных успехов и в области сравнения систем самых различных языков.

В течение двух последних десятилетий появился ряд научных исследований, монографий, учебников, диссертаций, статей, опубликованных либо в специальных сборниках по типологии, либо в трудах общего характера.

Что касается исследований прикладного характера, то они составляют довольно длинный список [47; 111; 130; 83].

КЛАССИФИКАЦИЯ РАЗДЕЛОВ ЛИНГВИСТИЧЕСКОЙ ТИПОЛОГИИ ОСНОВНЫЕ КРИТЕРИИ, ОПРЕДЕЛЯЮЩИЕ ПРЕДМЕТ И РАЗДЕЛЫ ТИПОЛОГИИ

В научной литературе еще нет точных классификаций методов и разделов лингвистической типологии. Однако в основе работ Ю. В. Рождественского [251], Б. А. Успенского [318], Г. Гака [89], Дж. Гринберга [391], К. Горна [399], Р. Якобсона [355], В. Скалички [270], Т. Милевского [211] и др., а также в ряде отдельных типологических исследований многих других авторов, предлагаем нашу классификацию разделов типологии.

При определении разделов лингвистической типологии мы брали за основу условно установленные нами критерии.

К основным критериям, служащим модификаторами разделов лингвистической типологии, мы относим следующие:

- 1) системная близость;
- 2) генетическая близость;
- 3) количественная ограниченность и неограниченность сравниваемых языков;

- 4) ареальная ограниченность и неограниченность систем сравниваемых языков;
- 5) глубинно-поверхностное тождество и нетождество;
- 6) этико-эмическое тождество;
- 7) атомарный подход к сравнению;
- 8) межуровневый подход к сравнению;
- 9) контенсивный подход к сравнению;
- 10) формальный подход к сравнению;
- 11) ограниченность и неограниченность языка-эталона;
- 12) завершенность и незавершенность типологических операций.

Ниже рассмотрим краткую и общую характеристику каждого критерия. Подробная характеристика и практическая реализация их даны в тех параграфах и главах, в которых изучаются конкретные разделы лингвистической типологии.

Приведем определение каждого из названных критериев.

Системная близость сравниваемых языков подразумевает общность языковых типов, которые определяют сравниваемые языки. Каждый язык представляет собой системно-структурное образование [279, с. 12; 283; 318]. Однако внутри общеязыковой системы различаются типы, характеризующие строй языков. Будучи дискретной, система языка состоит из элементов, и в зависимости от характера взаимоотношения или взаимосвязи, т. е. внутренней организации этих элементов, выделяются типы языков. На основе совпадения этих типовых признаков определяется системная близость, и в случае отсутствия этих типовых признаков модифицируется системная близость (дистантность) или системная гетерогенность.

Понятие «тип языка» у лингвистов вызывает различные ассоциации, так как в лингвистике до настоящего времени еще не определены основные критерии, «которые могли бы служить надежным основанием для определения того или иного типа языка» [18, с. 13].

В настоящее время в языкознании различаются две разновидности типа: 1) тип языка; 2) тип в языке.

Тип языка понимается шире, чем тип в языке, и он же является общим понятием. К типам языка относятся: агглютинативный, флективный, изолирующий, полисинтетический, которые выделены лингвистами XIX века и получают свои дополнительные характеристики в трудах современных лингвистов.

Тип в языке считается уже, чем тип языка, т. е. частным языковым типом. Тип в языке характеризуется М. И. Журиной следующим образом: «Тип в языке — обычно отмеченное в нескольких языках качество языковой структуры, как, например, наличие или степень аналитизма грамматических форм, наличие/отсутствие фонетических изменений на стыке морфем и т. д., и связанный с этим способ соединения морфем — фузия или агглютинация» [130, с. 517]. Таким образом, когда говорят о типе языка, имеют в виду совокупность ведущих признаков, которыми характеризуются системы языков [18, с. 187], а когда говорят о типе в языке — частные языковые признаки, существующие в системе того или иного конкретного языка или языков. Например, в одних языках ударе-

ние является свободным, а в других фиксированным, долгота гласных в одних языках фонематически обусловлена, а в других не обусловлена. В одних языках показатели множественности взаимовключают аффиксальные морфемы плюральности (английский, русский и др.), а в других они взаимоисключают друг друга (сравниваемые в данной работе тюркские), хотя при выражении других категорий в этих языках происходит процесс взаимовключения или взаимоисключения. Например, возвратные местоимения и рефлексивные суффиксы взаимоисключаются в языках того и другого типа. Итак, системная близость языков представлена ведущими признаками или модификаторами языкового типа, а близость отдельных подсистем определяется теми признаками, которые характеризуются как признаки подтипа, или типа в языке.

Для сравниваемых языков более характерна близость отдельных подсистем.

Генетическая близость — это межъязыковое сходство, основанное на материальной общности межъязыковых корреспондирующих средств. Степень сохранности и несохранности этих межъязыковых материальных средств определяется близостью или дистантностью генетического родства.

Для генетически близкородственных языков обычно характерно наличие одновременно и системной близости и этико-эмического тождества.

Количественная ограниченность и неограниченность систем сравниваемых языков — это закрытость или открытость списка включаемых в сравнение языков.

В типологической литературе открытость и закрытость списка языков служит одним из дифференцирующих признаков разделов языкового сравнения. Например, Ю. В. Рождественский указывает, что для характерологии список языков закрытый, а для типологии список языков открытый [251, с. 44]. В целом этот подход оправдывает себя, однако в отдельных случаях в типологических исследованиях также приходится иметь дело с ограниченным количеством языков, так как отдельные языковые признаки могут быть ограничены только отдельными языковыми системами. Об этом свидетельствуют случаи статистических универсалий (ср. «почти универсалии» — *near universals*), ограниченная эквивалентность [101, с. 36—37].

В понятие «количественное ограничение» систем языков входят следующие типы ограничения: а) максимальное ограничение, которое состоит из систем двух языков; б) ограничение, обусловленное той или иной генетической группой или генеалогической семьей языков; в) ограничение тем или иным языковым типом; г) ареальное ограничение, которое исходит из системы языков определенного ареала; д) ограничение определенными типами универсалий.

Элементы ограничения характерны для всех разделов лингвистической типологии, однако в подавляющем большинстве случаев неограниченность числа языков характерна для того раздела типологии, который имеет дело с универсальными признаками языков,

а для других разделов свойственно наличие ограниченности количества языков.

Ареальная ограниченность систем сравниваемых языков — это регионально обусловленное ограничение систем языков на основе распространения тех или иных языковых явлений или признаков. Ареальная неограниченность — это отсутствие регионального, или пространственного, ограничения как систем сравниваемых языков, так и языковых явлений в пределах определенного ареала.

Глубинно-поверхностное тождество и нетождество — это совпадение или несовпадение поверхностных материальных средств, объединенных общим глубинным значением. Здесь под глубинной структурой понимается обобщенное языковое значение, лежащее в основе сравниваемых языков. В генетически близкородственных языках та же самая единица глубинной структуры выражается идентичными языковыми средствами, а в языках разных генетических групп такое тождество отсутствует. В тех случаях, когда объекты сравнения различных разделов типологии совпадают, типолог располагает частичным тождеством соответствующих средств в системах сравниваемых языков. Например, можно сравнивать два или более родственных языка определенного ареала. В таком случае ареальная типология также имеет глубинно-поверхностное тождество. Глубинно-поверхностное тождество является одним из основных дифференцирующих признаков генетической типологии.

Этико-эмическое тождество предполагает совпадения более конкретных семиологически нерелевантных материальных единиц с семиологически релевантными абстрагированными единицами. Например, при сравнении единиц грамматического уровня определенная грамматическая категория выражается при помощи того или иного аффикса или аффиксов. Будучи материальными единицами, эти аффиксы относятся к этическому подуровню языка, а их абстрагированные корреспонденты в качестве морфем относятся к эмическому подуровню языка. Если в сравниваемых языках залоговость выражается морфемой залоговости, это свидетельствует об эмическом совпадении. Однако на этическом подуровне эти морфемы могут реализоваться по-разному.

Межъязыковое совпадение можно характеризовать следующим образом: 1) этико-эмическое совпадение, т. е. совпадение материальных единиц при выражении того или иного категориального понятия в системах генетически близкородственных языков. Например, в тюркских языках возвратность выражается специальной морфемой возвратности, которая имеет одинаковую реализацию при помощи суффикса *-(и)ш*; 2) эмическое совпадение, т. е. абстрагированное соответствие языковых единиц на уровне морфемы. Например, возвратность и в русском, и в тюркских языках выражается суффиксальной морфемой, т. е. в русском языке при помощи морфемы *-ся(сь)*, а в тюркских — морфемой *-(и)ш*. Хотя они материально разные, они все же относятся к уровню морфемы.

Несовпадение может быть: а) этически обусловленным и

б) эмически обусловленным. Этически обусловленное несовпадение — это выражение того или другого категориального понятия разными материальными средствами, а эмически обусловленное несовпадение — это выражение выбранной категории единицами различных уровней иерархии языка. Например, к последнему относится выражение каузативности единицами морфемного уровня в тюркских языках и словами или словосочетаниями в английском языке.

Единицы эмического подуровня выступают в качестве своеобразной глубины единиц этического подуровня. Поэтому при описании строя языка обычно одна общая аффиксальная морфема лежит в основе нескольких аффиксов, участвующих при выражении той или иной категории.

Таким образом, этико-эмическое тождество также характерно для систем генетически близкородственных языков. А для других разделов лингвистической типологии достаточно описания типологического изоморфизма только на эмически организованной поверхности.

Атомарный подход к сравнению в данной работе характеризуется как уровневая изоляция той или иной категории. Типология оперирует системами языков на одном изолированном уровне или на нескольких уровнях одновременно. В истории лингвистических учений большое развитие получило понятие «уровневая изоляция». Этот подход применялся компаративистами XIX и XX вв. Он оправдывает себя, когда сравниваются системы тех языков, в которых уровневые признаки категориальных понятий совпадают. Естественно, что генетически родственные языки в целом имеют одноуровневые межъязыковые экспоненты категориальных понятий. Однако, когда типолог выявляет межъязыковые средства выражения того или иного категориального понятия на различных уровнях иерархии языка, атомарный подход не отвечает требованию. Как увидим далее, так называемые типологические категории выражаются межуровневыми средствами.

Межуровневый подход к сравнению противопоставляется уровневой изоляции. Он применяется в случаях, когда то или другое категориальное понятие изучается на нескольких уровнях иерархии языка. При исследовании систем языков посредством межуровневого анализа устанавливаются межуровневые синонимы и далее определяются межъязыковые корреспонденты в системах различных языков. Межуровневый подход используется для полной инвентаризации систем сравниваемых языков. Межуровневая инвентаризация может быть внутриязыковой, межъязыковой, односторонней и двусторонней.

При сравнении систем генетически и типологически неродственных языков более эффективным является межуровневый подход.

Контенсивный подход к сравнению заключается в том, что типологические категории выделяются на семантической основе. Выбранный семантический инвариант служит метаязыком для сравнения. Термин «контенсивный подход» подразумевает выявление формальных средств на основе выбранной единицы значения [267, с. 14—16].

Каждый раздел типологии имеет свою специфику. Если для одного раздела более подходящим является уровневый анализ, то для другого характерно выявление межуровневых средств выражения на основе единиц плана содержания. При сравнении систем неродственных языков предпочтителен контенсивный подход, ибо в лингвистике принято искать средства выражения того или иного категориального понятия в основном на формализованных морфологическом и синтаксическом уровнях. Единицы лексического уровня остаются вне поля зрения, так как эти единицы выражают категориальное понятие имплицитно. При сравнении систем языков с различной степенью развития морфологии включение единиц лексического уровня является необходимым. Необходимость языкового анализа на основе содержания была отмечена еще Ф. Брюно [376], Л. В. Щербой и другими [348].

Несколько в ином плане контенсивный подход изучается в настоящее время. Об этом свидетельствует появление понятий «грамматико-лексические поля», «функционально-семантические категории» и др., которые будут рассмотрены нами далее.

Выбранный нами термин «контенсивный подход» является условным. В языкознании употребляются и другие термины. В. Г. Гак относит этот подход к ономазиологической типологии и противопоставляет ономазиологическую типологию семантической типологии [89, с. 17—18].

Формальный подход к сравнению связан со способами сравнительного описания языковых систем. Сравнение языковых систем можно осуществлять либо описательно, либо формально при помощи специальных символов, созданных для сравнения. Об этом свидетельствует система описания языковых универсалий при помощи специальных символов (см. с. 39). Принцип формализации характерен для всех разделов лингвистической типологии. Однако шире и успешнее им пользуется структурная типология.

Ограниченность и неограниченность языка-эталона в практических целях. По утверждению Ю. В. Рождественского, «Язык-эталон представляет собой язык-объект для типологической теории: он представляет все языки мира в одном языке» [251, с. 40]. В указанном выше понимании язык-эталон является максимальным, или универсальным, формальным языком, состоящим из универсальных правил [251, с. 37—41].

Для практических целей в языке-эталоне, или метаязыке, можно различить: а) максимальный язык-эталон (метаязык); б) минимальный язык-эталон (метаязык). Эти два варианта различаются сферой своего действия. Максимальный язык-эталон располагает универсальным свойством и употребляется при выявлении языковых универсалий, в то время как минимальный метаязык (язык-эталон) ограничен в своем употреблении пределами генетической и ареальной группы языков и бинарно системами двух конкретных языков.

Завершенность и незавершенность типологических операций также связана с объемом исследования и сферой действия языка-эталона. Под типологической операцией

понимается весь процесс сравнения языковых систем, который состоит из двух этапов: а) этапа анализа; б) этапа корреспондирования. Первый этап может быть охарактеризован как внутриязыковой процесс, в то время как этап корреспондирования является межъязыковым.

Типологическая операция бывает завершенной и незавершенной или, иначе говоря, неограниченной и ограниченной. Мы различаем два типа ограниченности: 1) количественно-языковая; 2) уровневая. На основе первого типа сравнению можно подвергнуть: а) два языка единого языкового типа; б) два языка различных типов; в) несколько языков одного типа; г) несколько языков различных типов. Принцип выбора: генетический, региональный, типологический и структурный. Уровневая ограниченность (второй тип ограниченности) связана с уровневой изоляцией средств выражения того или иного категориального понятия.

Типологическая операция считается завершенной, если в процесс сравнения включается максимальное количество языков. При этом уровневая максимальность, или межуровневая завершенность, зависит от характера сравнения. Для структурной типологии характерна языковая неограниченность и уровневая ограниченность. В сравнительной типологии используется количественно-языковая ограниченность без уровневой лимитации, для генетической типологии также характерна количественно-языковая ограниченность в пределах генетической группы и выборочно уровневая ограниченность. Ареальная типология ограничивается определенным регионом, а также тем или иным языковым явлением.

РАЗДЕЛЫ ЛИНГВИСТИЧЕСКОЙ ТИПОЛОГИИ ПО ОБЪЕКТУ ИССЛЕДОВАНИЯ

По объекту исследования лингвистическая типология может включать следующие разделы: 1) генетическая типология, 2) структурная типология, 3) ареальная типология, 4) сравнительная типология¹.

В типологической литературе разделы лингвистической типологии рассматриваются весьма разнообразно. Например, интересна система классификации, которую Ю. В. Рождественский определяет как типологию текста и типологию систем [251]. Системная типология включается нами в раздел структурной типологии. Некоторые лингвисты сильно расширяют сферу действия структурной типологии, другие совсем отрицают ее существование. Отдельные языковеды под лингвистической типологией подразумевают универсалии языка. Часто в разделы лингвистики включаются социолингвистическая, супraseгментная, символическая, этноцентрическая и др. типологии [391; 399], которые в данной работе рассматриваются либо в связи с уровневой дифференциацией, либо как смежные разделы типологии (например, социолингвистическая типология). Кроме того, в пос-

¹ Здесь разделы имеют иные наименования по сравнению с предшествующими данной работе исследованиями.

леднее время начали употреблять термин «функциональная типология», который применяется к исследованиям, связанным с описанием одноязычных синонимичных конструкций вокруг определенных семантико-функциональных категорий [308].

Рассмотрим каждый из разделов лингвистической типологии.

Генетическая типология

Генетическая типология занимается сравнением систем генетически родственных языков как диахронно, так и синхронно с учетом генетической общности сравниваемых языков. В этом отношении генетическая типология имеет частнолингвистический характер.

Основная цель генетической типологии — это выявление материально тождественных единиц в родственных языках. Типологическая изоморфность основывается на материальном сходстве единиц этического уровня. Сходство единиц этического уровня является зависимым от тождества материальных единиц этического уровня. Иначе говоря, для генетической типологии характерно глубинно-поверхностное тождество. Она изучает степень распространения идентичных лингвистических единиц в системах различных языков, объединенных на основе соответствующих материальных элементов, с учетом их исторической общности.

Сравнительно-историческое языкознание, которое развивалось в течение веков и достигло своего апогея в XIX в., явилось началом генетической типологии. Например, определение формальных сходств и звуковых соответствий, ретроспективно установленных праформ, существовавших в доисторический период, создание Я. Гриммом своеобразного метаязыка для соответствий германских и негерманских согласных, выявление определенных формальных сходств в системах индоевропейских языков Ф. Боппом и т. д., безусловно, стимулировали развитие генетической типологии. Полученные генетической типологией результаты могут быть использованы при составлении языковых универсалий, особенно при выявлении диахронических универсалий.

В советском языкознании имеется большое количество исследований по генетической типологии. По германским языкам к ним, в первую очередь, надо отнести четырехтомную «Сравнительную грамматику германских языков», «Введение...» В. М. Жирмунского, трехтомную «Историко-типологическую морфологию германских языков» и многие др. [284; 128; 148].

Компаративистика, или сравнительно-историческое языкознание, изучает конкретные единицы языка (звуки, аффиксы, слова и др.) в их динамическом развитии. Сравнительно-историческое языкознание считалось единственно научным методом языкового исследования в XIX веке.

Основателями этого метода являются Ф. Бопп, Р. Раск, Я. Гримм, А. Х. Востоков. Много сделали в этой области А. Потт, А. Шлейхер, К. Бругманн, Б. Дельбрюк, Ф. Динц и др. Большой интерес к компаративистике проявлял Ф. Энгельс, о чем свидетельствует его работа «Франкский период» [2].

Из русских ученых в ряду основателей сравнительно-исторического метода можно назвать Ф. И. Буслаева, И. И. Срезневского, А. А. Потебню, И. А. Бодуэна де Куртенэ, А. А. Шахматова, В. А. Богородицкого, Н. В. Крушевского, Ф. Ф. Fortunatova и многих др., которые сделали определенный вклад в компаративистику, особенно в область сравнительной славистики [336; 305].

Основной чертой сравнительно-исторического языкознания того времени можно назвать преимущественное изучение материальных единиц языка. В любом исследовании компаративиста прежде всего интересовала реконструкция выб-

ранной единицы в языке и его дивергентное распространение в различных диалектах. Например, глагол «быть» с генеалогической точки зрения восходит к общиндоевропейским *bheu, *es. Из них первая форма получила следующие распространения: санскр. bhū, лат. fui, англ. be, русск. «быть» и т. д.

По своему характеру современные компаративистические исследования отличаются от предшествующих сравнительных исследований. Если представителей сравнительно-исторического языкознания в основном интересовали вопросы выявления праформ и архетипов определенных физических элементов, то сегодня компаративистов больше интересует их место в системах родственных языков и системно-типологическая сторона языковых субстантов.

Внутри генетической типологии можно различать: а) динамико-генетическую типологию, б) статико-генетическую типологию.

Динамико-генетическая типология сравнивает системы языков в плане диахронии, и поэтому ее можно назвать диахронно-исторической. Данный тип генетической типологии не аннулирует классическую компаративистику, а, наоборот, является ее дальнейшим развитием.

Динамико-генетическая типология занимается также теоретическим реконструированием систем языков той или иной группы. Однако сфера охвата ограничивается самое большее языковой семьей, ибо выход за рамки генетической группы связан с нарушением этико-эмического тождества. Главные вопросы, как, например, проблема праиндоевропейской «ларингальной» согласной, праиндоевропейской структуры слова, решались только в плане индоевропеистики. Аналогичное явление наблюдаем в урало-алтайских языках при решении урало-алтайской проблемы.

Статико-генетическая типология занимается сопоставлением систем генетически родственных языков в плане синхронии. Ее можно также назвать синхронно-генетической типологией. Статико-генетическая типология рассматривает системы языков на определенном синхронном срезе, выявляет общие изоморфные или алломорфные свойства, характерные для данного периода.

Данное деление ограничивается рамками только генетической типологии. Более крупное деление исторической типологии дается М. М. Гухман, которая в исторической, или диахронной, типологии различает: а) историческую типологию языковых структур, или структурную диахронную типологию, б) историческую функциональную типологию [112, с. 36—46]. Она объединяет диахронный аспект ряда разделов лингвистической типологии в историко-функциональную типологию. Между тем, динамико-генетическая типология, в нашем понимании, характеризует исторический уровень только генетически родственных языков.

Динамическое и статическое сравнение в пределах генетически родственных языков мы относим к объекту генетико-диахронной и генетико-синхронной типологии. Если данному типу исследования подвергаются системы различных языковых групп и семей, то такое сравнение характеризуется как объект исследования структурной типологии. Некоторые лингвисты диахронную типологию отождествляют только со структурно-диахронической типологией [92, с. 30—36].

Для генетической типологии характерен ряд модифицирующих факторов, на основе которых она выделяется в качестве специального раздела лингвистической типологии. К ним относятся следующие:

- а) генетическая ограниченность систем сравниваемых языков внутри определенного языкового типа;
- б) количественная ограниченность, или закрытость, числа языков;
- в) глубинно-поверхностная идентичность;
- г) совпадение единиц этического и эмического уровней;
- д) атомарность сферы действий, т. е. возможность изолированного сравнения единиц отдельного уровня иерархии языка в зависимости от близости и дистантности систем сравниваемых языков;
- е) системная близость исследуемых языков;
- ж) ограниченность языка-эталона в пределах систем генетически родственных языков.

На основе наборов указанных свойств определяются генетические типы языков. Генетические типы основываются на подсистемных свойствах сравниваемых языков.

Таким образом, генетическая типология — это раздел лингвистической типологии, определяющий языковой тип на основе глубинно-поверхностного и этико-эмического тождества. Генетическая типология занимается установлением идентичных поверхностных единиц глубинных категориальных понятий, определяет место генетических микротипов среди общетипологических макротипов. Последние выступают нейтрально по отношению к глубинно-поверхностному тождеству и объединяют несколько генетических микротипов. Генетическая типология сравнивает системы генетически родственных языков как в динамике, так и в статике.

Структурная типология

Структурная типология является одним из разделов лингвистической типологии, ее можно назвать основной составляющей частью типологии. Некоторые типологи считают ее самостоятельной лингвистической дисциплиной. Она отличается от генетической типологии тем, что «создает основу для строгой научной классификации языковых систем, их элементов и отношений между ними» [85, с. 3]. Структурная типология занимается систематизацией и инвентаризацией фактов конкретных языков и выявлением общих языковых универсалий [318, с. 10].

По этому поводу Ю. В. Рождественский пишет, что структурная типология представляет собой вполне самостоятельный отдел лингвистики. Она связана не только с сравнительно-историческим описанием языков, но и с теорией методов лингвистики, с синхроническим описанием языков и всеми отделами прикладного языкознания [251, с. 6].

Этот вид исследования связан с общей теорией создания языковых универсалий и выявлением изоморфных [359, с. 3; 355, с. 97; 318, с. 17] — алломорфных явлений.

Структурная типология рассматривает системы различных языков вне всякого генетического или ареального ограничения. Свои

операции она завершает определением типовых признаков. Она может пользоваться данными как генетической, так и других разделов лингвистической типологии. Конечная цель структурной типологии — выявление универсальных свойств языков.

Новые методы, возникшие в процессе практического изучения языков, не имевших письменности, начали применяться и при описании самих «классических» языков. Эти методы сделали еще более доступным сопоставление систем различных неродственных языков путем выявления характерных особенностей их структур.

Структурная типология решает двойную задачу, т. е., с одной стороны, она должна ускорить развитие описательных методов для дальнейшей разработки или инвентаризации систем языков и, во-вторых, должна производить сопоставление систем языков.

Сопоставление систем исходит из сопоставления подсистем. Для того чтобы выявить общесистемные свойства, сначала необходимо определить основные признаки подсистем, составляющих целую систему. По этому поводу Б. А. Успенский пишет: «один из актуальных типологических подходов призывает сделать непосредственным объектом типологического сравнения языков именно подсистемы, а не общие системы языков» [319, с. 3; 373].

Для структурной типологии также характерен ряд следующих модифицирующих факторов, на основе которых определяется ее предмет:

- а) индифферентность к системной близости;
- б) индифферентность к генетической близости;
- в) неограниченность сфер или числа оперируемых языков, т. е. открытость числа сравниваемых языков;
- г) ареальная неограниченность;
- д) возможность наличия или отсутствия глубинно-поверхностного тождества;
- е) нейтральность к этико-эмическому тождеству;
- ж) возможность атомарного и межуровневого подхода к сравнению;
- з) относительная неограниченность языка-эталона;
- и) завершенность типологических операций.

Подобно другим разделам языкознания структурная типология имеет свой предмет и свои задачи. На основе узловых задач структурной типологии Ю. В. Рождественский выделяет четыре раздела: 1) лингвистические универсалии; 2) язык-эталон; 3) типологическая классификация; 4) специальная типологическая теория [251, с. 13].

Лингвистические универсалии. Понятие лингвистических универсалий связано с процессом унификации языковых фактов, установлением общих черт, характерных для систем всех или определенных групп языков мира и, наконец, разработкой специального метода обобщения языковых явлений.

Проблема универсализации языковых признаков является одной из основных задач современной лингвистической типологии, полное решение которой вряд ли может быть осуществлено в ближайшем будущем.

Широкое распространение лингвистические универсалии получили недавно, хотя «этот вопрос не новый для языкознания» [167, с. 545; 321, с. 5].

Впервые об универсалиях стали говорить в 50-е годы XX в. Начало этому положила статья Б. и Э. Агинских «The Importance of Language Universals» (1941 г.) [354, с. 3]. Подлинное развитие данное направление получило после нью-йоркской конференции, которая состоялась в апреле 1961 года. На этой конференции был провозглашен «Меморандум о языковых универсалиях», его авторами стали Дж. Гринберг, Дж. Дженкинс и Ч. Осгуд [321, с. 8—9]. Действительно, инициаторы этой конференции определили дальнейший ход развития этого направления и разработали методику описания систем языков. Поэтому до некоторой степени прав Ч. Осгуд, когда он сказал: «На этой конференции мы являемся свидетелями бескровной революции» [135, с. 295].

В последующие годы данный раздел структурной типологии получил свое развитие в работах советских лингвистов. Систематизацией фактов языков по новому методу занимаются такие исследователи, как Б. А. Успенский, Ю. В. Рождественский, И. Ф. Вардоль, В. В. Иванов, В. П. Неделков и другие.

Из зарубежных специалистов проблемами универсалий занимались Дж. Гринберг, С. Сапорта, Р. Якобсон, Ч. А. Фергусон, Н. С. Трубецкой, Б. Трнка, Ч. Ф. Хоккет, П. Кречмер, И. Крамской, В. Скаличка и др.

Мы не будем специально заниматься анализом всех дефиниций сущности лингвистических универсалий, но считаем необходимым привести некоторые примеры для иллюстрации. «Языковая универсалия — это некоторый признак или свойство, присущее всем языкам или языку в целом», — пишет Ч. Ф. Хоккет [331, с. 45]. Аналогичное высказывание мы находим и у Б. А. Успенского: «Под языковыми универсалиями принято понимать закономерности общие для всех языков или для их абсолютного большинства» [321, с. 10].

Следует указать, что выявление общности в языках характерно и для ареальной, и для генетической типологии, однако первая ограничивается определенным географическим ареалом, а генетическая типология занимается группой генетически родственных языков. Что касается языковой универсалии, то она не имеет указанных ограничений. Кроме того, лингвистические универсалии иначе систематизируют и абстрагируют сравниваемые единицы языка. С точки зрения обобщения фактов языка данный раздел языкознания имеет ряд преимуществ по сравнению с другими лингвистическими методами исследования.

Остановимся коротко на процессе описания универсальных лингвистических явлений. В научной литературе языковые универсалии могут передаваться либо описательным путем, либо при помощи специальных сводов, в которых располагаются кванторы. Впервые эти своды были применены Б. А. Успенским [318, с. 182—222]. Приведем образцы языковых универсалий, представленных словесно Дж. Гринбергом и при помощи формальных таблиц Б. А. Успенским.

Дж. Гринберг пишет: «1) Если язык обладает прерывными аффиксами, то в нем всегда имеет место либо префиксация, либо суффиксация, либо то и другое вместе. 2) Если язык исключительно суффиксальный, то это язык с послелогами, если язык исключительно префиксальный, то это язык с предлогами» [100, с. 137].

У Б. А. Успенского эти же универсалии представлены при помощи формальных таблиц следующим образом [318, с. 221]:

Квантор универсалий ¹	Условия действия универсалий	Лингвистические явления	Примечание
V	E прерывистая морфема	E префикс или E суффикс	Гр. 73(26)
V	E суффикс и E префикс	E послелог и E предлог	Гр. 73(27)
V	E префикс и E суффикс	E предлог и E послелог	

Уточним, что языковые универсалии могут быть разного типа. По характеру универсалии обычно делятся на дедуктивные и индуктивные, абсолютные и статистические (полные и неполные), простые и сложные, синхронические и диахронические, универсалии языка и универсалии речи, экстралингвистические и собственно-лингвистические универсалии разных уровней абстракции и т. п. В зависимости от места универсальных единиц на том или другом уровне лингвистической иерархии универсалии могут быть фонологическими, морфологическими, синтаксическими и т. д. [318; 354].

Языковые универсалии еще не получили своего полного решения, и многие вопросы определения универсалий вызывают разногласия, и многие вопросы определения универсалий вызывают разногласия, и многие вопросы определения универсалий вызывают разногласия.

Некоторые лингвисты преувеличивают роль лингвистических универсалий, утверждая, что лингвистические универсалии должны равняться всему объекту лингвистики в целом, т. е. что общая теория лингвистики должна быть по существу теорией универсалий [167, с. 545—560]. Мы же считаем, что лингвистические универсалии являются одним из разделов, который занимается систематизацией фактов или признаков, установленных при помощи дескриптивных, генетических и типологических методов.

Язык-эталон (метаязык). Язык-эталон является лингвистическим средством или системой, при помощи которой осуществляется процесс сравнения структуры различных языков. Язык-эталон, или метаязык, выделяется на дедуктивной основе. О функции языка-эталона Б. А. Успенский пишет: «Структурную типологию можно построить, определив язык-эталон (метаязык) и трансформации перехода

¹ V — квантор всеобщности, E — квантор существования, E — квантор вероятности.

от языка-эталона к конкретным языкам и обратно (для разных уровней)» [318, с. 63].

Понятие «язык-эталон» было предложено Б. А. Успенским. Идея языка-эталона исходит из понятия сравнения. Всякое сравнение, лежащее в основе типологии, т. е. учение о типах (в широком смысле слова) строится на основании сравнения.

Основная мысль Б. А. Успенского о языке-эталоне заключалась в том, чтобы зафиксировать в таком языке те основания сравнения, которые специфичны для лингвистической типологии. С этой целью Б. А. Успенский рассмотрел классическую морфологическую классификацию языков В. Гумбольдта, А. Шлейхера и, основываясь на идеях П. С. Кузнецова и М. Н. Петерсона о принципе морфологических классификаций, построил формальное основание сравнения языков.

Ю. В. Рождественский выделяет следующие признаки языка-эталона:

1. Язык-эталон строится для проверки и установления универсальных дефиниций и влияет на создание собственно типологической (содержательной) теории.

2. Язык-эталон содержит утверждения, описывающие два рода свойств языка: утверждения, объясняющие строение всех языков без их типологических различий, и утверждения, касающиеся универсальных дефиниций, различающих языки.

3. Язык-эталон представляет собой язык-объект для типологической теории: он представляет все языки мира в одном языке.

4. Язык-эталон строится на генеративных основаниях и обычно пользуется символами.

5. Язык-эталон представляет собой метаязык типологии, так как он интерпретирует предшествующие типологические высказывания [251, с. 40].

Понятие «язык-эталон» существует сравнительно недавно. Однако своеобразный метаязык существовал с момента появления языкознания: модель описания системы латинского языка фактически выполняла эту функцию. Возникновение грамматик многих языков обязано использованию метаязыка. Кроме того, различные грамматические и другие категории в разнообразных языках изучались через язык-эталон. Как универсальный язык язык-эталон имеет свои инварианты во всех языках, которые служат своеобразной единицей измерения систем сравниваемых языков. Традиционная грамматика разработала большое количество инвариантов языка-эталона, на основе которых можно расширить список метаязыковых наименований.

В современной типологии виды и количества языка-эталона полностью не разработаны. Однако на основе уже известных фактов можно выделить некоторые системы, которые используются в качестве языка-эталона:

1) специально созданный искусственный язык, или символический язык, состоящий из общих искусственных правил; 2) определенный конкретный язык с хорошо разработанной системой; 3) определенная система; 4) лингвистическая (грамматическая, семантическая и

др.) категория; 5) определенные дифференциальные признаки; 6) определенное грамматическое правило; 7) определенное семантическое поле; 8) фонетические, морфологические, синтаксические и др. модели; 9) определенный метод; 10) язык-посредник при переводе; 11) типологические категории и др. Указанный перечень можно продолжить в зависимости от характера и целей исследования.

Выбранный язык-эталон должен обладать широкой применимостью, универсальностью при сравнении систем различных известных и неизвестных языков.

В зависимости от масштаба или диапазона объекта изучения язык-эталон можно условно разделить на максимальный язык-эталон и минимальный язык-эталон. Такое деление обусловлено практически целями.

Максимальный язык-эталон, который обладает способностью к универсальности, имеет относительно неограниченное применение при сравнении, и, главным образом, при его помощи определяются лингвистические универсалии.

Минимальный язык-эталон — это вариант языка-эталона, создаваемый специально для практических целей при сравнении ограниченного количества языков. На основе минимального языка-эталона создается максимальный язык-эталон, т. е. минимальный язык-эталон перерастает в максимальный.

При сравнении систем английского языка и ряда тюркских языков метаязыком может служить либо система английского, либо общая система тюркских языков. Наиболее оптимальный выбор зависит от характера сравниваемого материала. Главным образом, это связано со степенью абстракции формальных средств, т. е. при сравнении той или иной категории мы исходим из степени абстрагирования поверхностных единиц, служащих в качестве межъязыковых корреспондентов. Например, когда сравнивается категория определенности и неопределенности, в качестве метаязыка можно выбрать английский язык, так как для его системы характерно существование специальных маркеров определенности и неопределенности, называемых определенным и неопределенным артиклями. А при сравнении категориальных понятий, связанных с падежными формами, целесообразно исходить из систем тюркских языков в качестве метаязыка. Однако, как мы увидим далее, метаязыком сравнения в сравнительной типологии нами выбираются типологические категории.

Типологическая классификация. Типологическая классификация языков противопоставляется генеалогической классификации. Она связана с распределением языков по таксономическим признакам, с определением языковых типов и типовых признаков. По этому вопросу В. М. Солнцев пишет: «Выявление принадлежности того или иного языка к данному типу есть задача типологической классификации и определенный этап в познании свойств языка вообще» [280, с. 153].

Типологическая (или морфологическая) классификация сыграла большую роль в развитии лингвистической типологии. Типологическая классификация имеет свою собственную историю и свой путь развития [181]. Основные представители типологической классифи-

кации Ф. Шлегель, А. Шлегель, В. Гумбольдт, А. Шлейхер, Г. Штейнталь, М. Мюллер, Ф. Мистели, Ф. Финк, Ф. Ф. Фортунатов, Э. Сепир и др. классифицировали языки по их принадлежности к определенному типу [249; 270; 44; 93; 399; 391].

Указанные выше лингвисты в основном исходили из формальных признаков, т. е. грамматического строя языков. Сначала Ф. Шлегель (Friedrich von Schlegel) [427], указав на грамматическое родство ряда индоевропейских языков, разделил языки на два типа: 1) флективные, 2) аффиксирующие; десять лет спустя его брат А. Шлегель (August von Schlegel) [428] добавил третий и классифицировал языки как: 1) флективные, 2) аффиксирующие, 3) аморфные. Четвертый тип языков был добавлен В. Гумбольдтом (Wilhelm von Humboldt) [400]. Он различает следующие типы языков: 1) изолирующий, 2) флективный, 3) агглютинирующий, 4) инкорпорирующий. Классификация В. Гумбольдта не была признана Ф. Боппом (Franz Bopp), который различал три типа языков на основе корневого признака, т. е. он выделял: 1) языки с моносиллабическими корнями, 2) языки с диссиллабическими корнями и 3) языки с корнями, имеющими возможность сочетаться. К моносиллабическим языкам относится китайский, к диссиллабическим — семитские языки, а к третьей группе — индоевропейские и др. [375]. Морфологическая классификация Ф. Боппа не отличается оригинальностью. Своеобразное понимание моносиллабичности очень осложнило классификацию Ф. Боппа [399, с. 15—23]. Кроме того, его классификация охватывает не все языковые типы. Интересную попытку классификации языков сделал А. Потт (August Friedrich Pott) [420]. Признавая существование изолирующих, агглютинирующих, флективных и инкорпорирующих языков, он говорит о «инфранормальности» и «транснаормальности» языков, относящихся к агглютинирующим и инкорпорирующим языкам [399, с. 15—16].

Заметную роль в типологической классификации языков играл представитель натуралистического направления в языкознании А. Шлейхер (August Schleicher). Он делил языки на три типа: изолирующий, агглютинирующий и флективный [429; 430; 431]. «Типологическая классификация А. Шлейхера не предусматривает инкорпорирующих языков, а указывает три типа в двух возможностях: синтетической и аналитической», — пишет А. А. Реформатский. А. Шлейхеру принадлежит создание теории родословного древа (Stammbaum theory), разработка методики реконструкций и многие др. [249, с. 455—456]. Однако в его исследованиях имеется и ряд неудачных и ошибочных концепций, которые необходимо учитывать при оценке его типологической классификации [249; 455—456; 164, с. 30—34].

Один из основателей психологического направления в языкознании Г. Штейнталь (Heyman Steinthal) также занимался типологической классификацией [434]. Исходя из форм слов и предложений, он разделил языки на две группы: без формы и с формой. (Прим. 6.) В целом типологическая классификация Г. Штейнталья является

своеобразной и недостаточно полной, хотя в другой области языкознания (в психологическом направлении) его труды могут представлять определенный интерес [189, с. 66—67].

Среди тех, кто занимался типологической классификацией, был и М. Мюллер (Max Müller). Его типологическая концепция связана с изучением характера корней слов. На основе возможности и способа сочетания корней он различает три типа языков [412]: 1) языки, где корни могут употребляться как слова, при этом каждый корень сохраняет свое значение, 2) языки, где два корня могут соединяться, чтобы образовывать слова, в результате чего один из компонентов теряет свое значение, 3) языки, где два корня образуют сложное слово, и в сложении оба корня теряют свое значение [399, с. 19]. Однако эта классификация неполная, и она больше связана с теорией композиции.

Если теорию Ф. Боппа, основанную на изменении корней слов, переработал М. Мюллер, то переработкой типологической теории Г. Штейнталя, связанной с языками с формой и без формы, занимался Ф. Мистели (Franz Misteli) [411]. Классификация Ф. Мистели представляет две большие группы, которые, в свою очередь, состоят из четырех подгрупп. (Прим. 7.)

Как указал А. А. Реформатский, «достоинством классификации Ф. Мистели является разграничение корнеизолирующих языков (китайский) и основизолирующих» [249, с. 457].

Своеобразной классификацией, построенной на «произвольных логических основаниях», занимался Ф. Финк (Frank Nikolaus Finck) [387]. Классификация Ф. Финка основывалась на сложности слова (complexity of the word) и «фрагментарности его структуры (fragmentary character of its structure)». Исходя из этого положения, он распределил языки на языки с массивной структурой и с фрагментарной структурой [399, с. 25—26; 249, с. 157].

Ценным для сопоставительных работ у Ф. Финка является и то, что он попытался выявить поверхностные соответствующие единицы в системах разноструктурных языков. Это видно в его англо-баскских примерах по выявлению эквивалентов. Что касается общих типов языка, то он делит их на изолирующие, флектирующие и комбинирующие, которые включают восемь подтипов. (Прим. 8.)

В целом, его классификацией можно пользоваться при рассмотрении частных вопросов типологии, при определении структуры отдельных типов, а также при изучении структуры слов в различных языках.

Большое внимание морфологической классификации языков уделял Ф. Ф. Фортунатов. Он писал: «На общих сходствах и различиях, существующих между различными языками по отношению к образованию простых, т. е. не составных, форм слов, основывается так называемая морфологическая классификация языков, которую, понятно, не следует смешивать с генеалогической классификацией языков, т. е. с той классификацией, которая имеет в виду родственные отношения между языками и о которой я говорил прежде» [328, с. 153].

Ф. Ф. Фортунатов классифицировал языки на четыре типа на основе морфологических особенностей слов. К ним относятся: 1) агглютинативные, или агглютинативные, языки, в которых основа и аффикс слов остаются по их значению отдельными частями слов в формах слов, как бы склеенными; 2) флективно-агглютинативные языки, в которых, по словам Ф. Ф. Фортунатова, основы слов сами имеют необходимые (именно в словах-названиях) формы, образуемые флексией основ, т. е. видоизменением части звуковой стороны. К ним он относит семитские языки, хотя отношение между основой и аффиксом в семитских языках такое же, как и в языках агглютинативных [328, с. 153—154]; 3) флективные языки, «представляющие флексию основ в сочетании основ с аффиксами, т. е. для образования тех самых форм слов, которые образуются аффиксами». К этой группе он относит индоевропейские языки; 4) корневые языки, в которых не существует форм отдельных слов. К таким языкам причисляются китайский, сиамский и др. [328, с. 154].

В этих языках корень является не частью слова, а самим словом, которое может быть не только простым, но и непростым (сложным).

Если считать, что Ф. Ф. Фортунатов признает и инкорпорирующий тип, то тогда специально выделенный им флективно-агглютинативный тип окажется пятым типом [328, с. 154]. Недостатком классификации Ф. Ф. Фортунатова, как указал А. А. Реформатский, является недостаточный охват языков [249, с. 458]. Однако нельзя не упомянуть здесь об огромном вкладе Ф. Ф. Фортунатова в сравнительно-историческое языкознание [47].

Во всех указанных выше работах эталоном служил примерно одинаковый принцип классификации. Однако в 1921 г. эту традицию нарушил американский лингвист Э. Сепир (Edward Sapir), который в том же году опубликовал свою известную работу «Язык» [263].

Э. Сепир построил классификацию на основе своих концепций об оформленности всякого языка, о четырех видах понятий, а также о том, что «язык стремится к двум полюсам языкового выражения — материального содержания и отношения и что между этими полюсами протягиваются связующие ряды переходных понятий» [263, с. 85].

Прежде чем дать его классификацию, необходимо кратко остановиться на упомянутых выше понятиях Э. Сепира¹ [263].

Основными критериями, на основе которых Э. Сепир классифицировал языки по типам, служили следующие: 1) типы выраженных «понятий», 2) «техника», преобладающая в языке, 3) степень «синтеза» [44, с. 51].

Э. Сепир различает четыре группы или типа понятий:

1) основные (конкретные) понятия, выражаемые самостоятельными словами или корневыми элементами ...;

¹ Это необходимо потому, что студенты должны иметь более полное представление о его классификации, а книга Э. Сепира стала библиографической редкостью, и в библиотеках многих вузов нет этой работы.

II) деривационные понятия, которые выражаются путем аффиксации некорневых элементов к элементам корневым или же путем внутреннего изменения этих последних ...;

III) конкретно-реляционные понятия, выражаемые путем аффиксации некорневых элементов к элементам корневым или путем внутреннего изменения корневых элементов ...;

IV) чисто-реляционные понятия (чисто-абстрактные), которые выражаются путем аффиксации некорневых элементов к элементам корневым или же путем внутреннего изменения, посредством самостоятельных слов или позиций ... [263, с. 78—79].

С точки зрения конкретности и способности выражать синтаксические отношения эти четыре группы символизированы следующим образом:

Материальное содержание	{	I Основные понятия
		II Деривационные понятия
Отношение	{	III Конкретно-реляционные понятия
		IV Чисто-реляционные понятия [263, с. 79]

Соответственно языки также подразделяются на четыре типа:

A) простые чисто-реляционные языки (или чисто-реляционные языки без деривации);

B) сложные чисто-реляционные языки (чисто-реляционные языки с деривацией);

C) простые смешанно-реляционные языки (или смешанно-реляционные языки без деривации);

D) сложные смешанно-реляционные языки (т. е. смешанно-реляционные языки с деривацией).

Эти четыре типа самим Э. Сепиром упрощаются следующим образом:

I. Чисто-реляционные языки	{	A. Простые
		B. Сложные
II. Смешанно-реляционные языки	{	C. Простые
		D. Сложные [263, с. 108]

По утверждению Э. Сепира, указанные четыре типа по-разному распространяются в языках. Вот что он пишет по данному поводу: «Понятия типа I присущи всем видам человеческой речи, равно как и понятия типа IV. Типы II и III обычны, но не обязательны; в особенности тип III, представляющий в действительности психологическое и формальное смешение типов II и IV или же типов I и IV, является таким классом понятий, который в некоторых языках может вовсе отсутствовать» [263, с. 79—80].

Досепировская классификация языков на типы рассматривается Э. Сепиром как техника выражения отношений, к которой относятся: a — изоляция, b — агглютинация, c — фузия, d — символизация.

По степени синтезирования в классификации Э. Сепира различаются аналитические, синтетические и полисинтетические языки.

Таким образом, так называемая концептуальная классификация Э. Сепира является «шагом вперед» по сравнению с классификациями его предшественников. По словам Э. Бенвениста, к ее основным достоинствам относится то, что «1) Она более сложна, чем предыдущие теории, в том смысле, что вернее отражает всю необходимую сложность языковых структур. Мы находим здесь умелое сочетание трех рядов критериев, находящихся в отношении соподчинения. 2) Между этими критериями установлена иерархия сообразно со степенью устойчивости описанных признаков» [44, с. 53].

Однако его классификация не лишена отдельных недостатков, к которым относятся: чрезмерная сложность, отсутствие отчетливой границы между типами С и D [44, с. 53]; смешение формальных и семантических критериев; некоторая асимметричность изоляции в схеме [391, с. 73—74]. К недостаткам можно отнести и то, что Э. Сепир охарактеризовал арабский язык как «символико-фузионный» и турецкий как «синтетический» язык (Прим. 9.), а также ряд других положений, отмеченных Г. П. Мельниковым и другими [203].

Теперь приведем схему классификации Э. Сепира из его книги [263, с. 210—211]:

Основной тип	II	III	IV	Техника	Синтезиро- вание	Примерные языки
А (Простые чисто-ре- ляционные языки)	—	—	a	Изолирую- щий	Аналитиче- ский	Китайский, аннамский
	(d)	—	a, b	Изолирую- щий (сла- бо-агглю- тинатив- ный)	Аналитиче- ский	Эве (Гвинея)
	(b)	—	a, b, c	Агглютина- тивный (слегка агглюти- нативно- фузион- ный)	Аналитиче- ский	Совр. тибет- ский
В (Сложные чисто-ре- ляцион- ные язы- ки)	b, (d)	—	a	Агглютина- тивно-изо- лирующий	Аналитиче- ский	Полинезий- ский
	b	—	a, (b)	Агглютина- тивно-изо- лирующий	Полисинте- тический	Хайда
	c	—	a	Фузионно- изолирую- щий	Аналитиче- ский	Камбоджий- ский
	b	—	b	Агглютина- тивный	Синтетиче- ский	Турецкий

	b, d	(b)	b	Агглютина- тивный (чуть сим- воличе- ский)	Полисинте- тический	Яна (Сев. Калифор- ния)
	c, d (b)	—	a, b	Фузионно- агглюти- нативн. (чуть сим- волич.)	Синтетиче- ский (слегка)	Класс. тибетский
	b	—	c	Агглютина- тивно-фу- зионный	Синтетиче- ский (слегка полисин- тетиче- ский)	Сью
	c	—	c	Фузионный	Синтетиче- ский	Салина (Ю.-З. Калифор- ния)
	d, c	(d)	d, c, a	Символиче- ский	Аналитиче- ский	Шиллук (Верх. Нил)
С (Простые смешанно- реляцион- ные язы- ки)	(b)	b	—	Агглютина- тивный	Синтетиче- ский	Банту
	(c)	c, (d)	a	Фузионный	Аналитиче- ский (слег- ка синте- тический)	Француз- ский ¹
D (Сложные смешанно- реляцион- ные язы- ки)	b, c, d	b	b	Агглютина- тивный (чуть сим- воличе- ский)	Полисинте- тический	Нутка (остр. Ванку- вер) ²
	c, (d)	b	—	Фузионно- агглюти- нативный	Полисинте- тический (слегка)	Чинук (нижн. теч. р. Колум- бии)
	c, (d)	c, (d)	—	Фузионный	Полисинте- тический	Алгонкин- ские
	c	c, d	a	Фузионный	Аналитиче- ский	Английский
	c, d	c, d	—	Фузионный (чуть сим- воличе- ский)	Синтетиче- ский	Латинский, греческий, санскрит
	c, b, d	c, d	(a)	Фузионный (сильно символи- ческий)	Синтетиче- ский	Токелма (Ю.-З. Орегон)
	d, c	c, d	(a)	Символико- фузионный	Синтетиче- ский	Семитские (арабский, древне- еврейский)

¹ Может почти столь же обоснованно быть отнесенным к типу D.

² Весьма близок к чисто-реляционному. Примечание: Скобки указывают на слабое развитие данного процесса.

Классификация Э. Сепира получила свое продолжение в специальной работе Дж. Гринберга (Joseph Greenberg), посвященной квантитативному подходу к морфологической классификации. Дж. Гринберг сравнивает отдельные черты и категории языков с учетом их статистической встречаемости [99, с. 60—94]. В основу классификации Дж. Гринберга положено пять признаков, которые служат основными параметрами. Каждый параметр, в свою очередь, состоит из одного или более индексов — для определения места того или иного языка в отношении каждого из них [99, с. 74]. К этим параметрам относятся следующие: 1) степень синтеза (degrees of synthesis), 2) способ связи (technique), 3) наличие или отсутствие деривационных и конкретно-реляционных понятий (the presence or absence of "derivational and concrete-relational concepts"), 4) порядок следования подчиненных элементов по отношению к корню (order of subordinate elements in relation to the root), 5) способы, используемые в различных языках для установления связи между словами (devices for relating words to each other) [399, с. 32—35].

На основе этих параметров выделяются следующие 10 индексов:

- 1) M/W — индекс синтеза (degree of synthesis)
- 2) A/J — индекс агглютинации (index of agglutination)
- 3) R/W — индекс словосложения (compositional index)
- 4) D/W — индекс деривации (derivational index)
- 5) I/W — индекс преобладающего словоизменения (gross inflectional index)
- 6) P/W — индекс префиксации (prefixal index)
- 7) S/W — индекс суффиксации (suffixal index)
- 8) O/W — индекс изоляции (isolational index)
- 9) Pi/W — индекс словоизменения в чистом виде (pure inflectional index)
- 10) Co/N — индекс согласования (concordial index)¹.

Указанные выше индексы Дж. Гринберг применил по отношению к восьми языкам из самых различных групп (санскрит, англосаксонский, персидский, английский, якутский, вьетнамский, эскимосский) и определил степень наличия указанных индексов в сравниваемых языках. Рассмотрим его схему [99]:

	Санс- крит	Англо- сакс.	Пер- сидск.	Анг- лийск.	Якут- ский	Суа- хили	Вьет- намск.	Эски- мосск.
Синтез	2,59	2,12	1,52	1,68	2,17	2,55	1,06	3,72
Агглютинация	0,09	0,11	0,34	0,30	0,51	0,67	...	0,03
Словосложение	1,13	1,00	1,03	1,00	1,02	1,00	1,07	1,00
Деривация	0,62	0,20	0,10	0,15	0,35	0,07	0,00	1,25
Преобладающее слово- изменение	0,84	0,90	0,39	0,53	0,82	0,80	0,00	1,75
Префиксация	0,16	0,06	0,01	0,04	0,00	1,16	0,00	0,00
Суффиксация	1,18	1,03	0,49	0,64	1,15	0,41	0,00	2,72
Изоляция	0,16	0,15	0,53	0,75	0,29	0,40	1,00	0,02
Собственно словоизме- нение	0,46	0,47	0,29	0,14	0,59	0,19	0,00	0,46
Согласование	0,38	0,38	0,19	0,11	0,12	0,41	0,00	0,38

¹ W — word (слово), M — morpheme (морфема), J — juncture (стык, шов), R — root (корень) I — inflectional (словоизменятельный), D — derivational (словообразовательный), P — prefix (префикс), S — suffix (суффикс), Pi — pure inflection (чистое словоизменение), Co — concord (согласование), N — nexus (нексус), O — order (порядок).

Как видно из приведенной выше таблицы, выбранные индексы встречаются почти в каждом языке. Однако одни признаки преобладают над другими, что определяет основной тип. Действительно, рассмотренный Дж. Гринбергом языковой материал и число включенных в анализ языков очень ограничены. Тем не менее, в будущем этот метод может играть определенную роль в классификации языков.

Квантитативный подход к типологии в дальнейшем получил свое развитие в ряде других работ. Например, проблемы выявления индивидуальных морфологических индексов, а также некоторые вопросы реляционного подхода к типологии получили развитие в совместной статье В. Крупы и Г. Альтмана. К циклу этих работ относятся также другие статьи В. Крупы, Дж. Пирса и многие др. В этих работах рассматриваются различные стороны типологического изучения языков. Например, в работе Дж. Пирса все языки делятся на четыре группы на основе билабиальных смычных фонем [419] и т. д. Поиск в данной области продолжается.

Существуют и другие классификации, предлагаемые рядом советских и зарубежных лингвистов. Например, А. Мартине (André Martinet) различает четыре морфологических типа [408], Г. П. Мельников предложил детерминантную классификацию языков [203] и т. д. Кроме того, существует целый ряд классификаций языков по отдельным уровневым признакам: фонологическим, морфологическим, лексическим, синтаксическим.

Деление существующих языков мира на изолирующие, агглютинирующие, флективные и инкорпорирующие осуществлялось на основе чисто типологических признаков языков. Лингвисты доказали, что аналитизм и синтетизм являются характерными для систем самых разнообразных языков, независимо от их генетического родства. Во всех лингвистических исследованиях в курсах общего языкознания и во введениях в языкознание типологическая классификация языков обычно противопоставляется генеалогической по двум признакам: 1) любая языковая семья составляет часть языков мира, а морфологическая классификация строится на основе данных всех языков мира, 2) типологическая и морфологическая классификации языков имеют разные основания сравнения.

В генеалогической классификации языков основанием сравнения выступают общие типологические элементы сравниваемых языков.

В типологической классификации основанием сравнения является характер языковых форм, который не зависит от этимологии и способа выражения значения или, как иногда говорят, «способа членораздельности».

Генеалогическая и типологическая классификации дополняют друг друга.

В XIX в. при зарождении и становлении сравнительно-исторического метода главное внимание уделялось сравнительно-историческому языкознанию. Типологическая классификация, т. е. сравнение неродственных языков, занимала подчиненное место. Такое сравнение по преимуществу служило основанием деления языков на типы и подтипы и предваряло сравнительно-историческое сближение языков, установление морфологических, лексических и фонетических корреспондентий между ними.

К началу XX в. и в первой четверти XX в. отношение к типологическим исследованиям существенным образом изменилось. По мнению Ю. В. Рождественского, эти изменения происходили сразу по нескольким линиям [251, 253].

В о - п е р в ы х, лингвисты сделали много попыток построить типологические классификации языков на основании уровней признаков: синтаксических, морфологических, фонетических, лексических, семантических.

Как пишет Ю. В. Рождественский, «количество классификаций чрезвычайно возросло, их основания усложнились и стали необычно разнообразными» [253, с. 42—43]. Появилось множество типологических классификаций, различающих типы языков на разных уровнях описания их систем.

Типологические классификации перестали играть роль «дополнения» к генеалогическим классификациям и становятся самостоятельным разделом языкознания. К наиболее авторитетным классификациям этого рода относится рассмотренная нами выше классификация Э. Сепира, который широко применяет понятие аналитического и синтетического строя языков [263, с. 63—116].

В о - в т о р ы х, Ж. Вандриес в своем известном курсе «Язык» предложил своеобразное понятие морфемы [73, с. 76—89], которому в русской традиции соответствуют понятия «способы передачи грамматических значений», «грамматические способы» [249]. Сюда, как известно, относятся все средства выражения грамматических значений: аффиксы, внутренние чередования (или внутренняя флексия), порядок слов, повторы и др. Особенностью «морфем» Ж. Вандриеса является то, что они составлены как конечный закрытый список выражения грамматических значений, присущий языкам мира и представленный в каждом конкретном языке в той или иной пропорции. Например, китайский язык широко пользуется порядком слов и служебными словами, тогда как тюркские языки избегают служебных слов, и для них характерен относительно свободный порядок слов, но тюркские языки широко используют аффиксацию.

Способы выражения грамматического значения и деление языков по типам фактически служили выявлению двух рядов понятий в типологии: понятия о типовых средствах языков (пока на уровне грамматики) и о типологических классах языков (пока на уровне классификации).

В - т р е т ь и х, изменилось отношение между сравнительно-историческим и типологическим изучением языков. Если в XIX в. сравнительно-исторический метод использовался, по сути дела, при изучении лишь индоевропейской семьи, то в XX в. лингвистические исследования проводятся на материале основных языковых семей.

И. Н. Березин, Н. И. Ильминский, В. В. Радлов, Н. Ф. Катанов, В. Котвич, Ф. Е. Корш, А. Н. Самойлович, Л. Будагов и многие другие исследователи начали разработку классификации языков тюркской семьи [38].

К. Брокельман, Г. Реккендорф и другие заложили основы сравнительно-исторической семитологии. Б. М. Гранде и др. обосновали семито-хамитское языковое родство. К. Мейнхоф проанализировал именные классы языков банту и обосновал родство языков банту.

Эти и многие другие примеры показывают, что в языкознании XX века развивается сравнительно-историческое изучение неиндоевропейских языковых семей: кавказской, монгольской, тунгусо-маньчжурской, китайско-тибетской, малайско-полинезийской (индонезийской) и др. Сравнительно-исторический метод стал применяться уже ко всем языковым семьям и фактически стал общезыковедческим методом, и представление о том, что морфологическая и типологичес-

кая классификации различаются между собой как общие и частные разделы языкознания, оказались несостоятельным.

В - ч е т в е р т ы х, развитие сравнительно-исторического языкознания неиндоевропейских языковых семей показало, что процедура генеалогических сближений и сопоставлений, разработанная в индоевропейской компаративистике, нуждается в пересмотре и коррекции в применении ее к языкам неиндоевропейских семей [364].

Сравнительно-историческое исследование языков неиндоевропейских семей поставило вопрос о типологических особенностях каждой из семей. Н. С. Трубецкой сделал первую попытку перечисления типологических особенностей неиндоевропейской языковой семьи, назвав ее «отличительные типологические признаки» [307]. Эти исследования показывают, что между генеалогическим и типологическим сравнением языков существуют новые точки соприкосновения и противопоставления.

В - п я т ы х, новые данные по типологии, полученные благодаря развитию сравнительно-исторического языкознания, привели к новой мысли о типологическом развитии языков. Так родилась идея динамики в типологии. И. И. Мещанинов в известной книге «Члены предложения и части речи» [205] сделал первую фундаментальную попытку описания типологического развития языков. Суть взгляда И. И. Мещанинова на типологическое развитие языков, как известно, заключается в следующем: грамматический строй языков отражает как бы в «снятом виде» развитие категорий мышления, или понятийных категорий, которые через синтаксические структуры трансформируются в морфологические категории. И. И. Мещанинов расположил данные ряда языковых семей так, что получилась картина последовательного развития грамматических категорий от диффузного состояния к более развитому строю. Книга И. И. Мещанинова, как известно, фактически поставила перед типологами проблемы подбора типологического материала. Критика работы И. И. Мещанинова касалась только структуры понятийных категорий, но не предложенного им материала.

В - ш е с т ы х, в 30-х годах в советском языкознании по преимуществу разрабатывалась идея социальных типов языков. Выделялись языки родовые, племенные, языки донациональные и т. п. Ошибочно предполагалось, что разные социальные типы языков отражают разные нормы мышления. В социальной типологии классификация языков рассматривалась с динамической точки зрения, а динамическая типология была основана на понятийных категориях языков. Параллельно с социальной типологией языков развивались историко-культурная и другие виды типологии языков.

Таким образом, предмет типологии становится предметом любых языковых сопоставлений и сравнений, в том числе и внутренних языковых сравнений в пределах одного языка, поскольку в одном и том же языке обычно представлены разные способы выражения грамматических значений.

Расширение предмета типологии, его детализация и внутреннее противоречие привели к попыткам логически уточнить состав предмета типологии, установить принципы работы с типологическим материалом и тем самым сделать работу типолога проверяемой, находящейся в пределах единых методических и методологических нормативов [71].

Итак, будучи индифферентной к генетическому родству, типологическая классификация не знает языкового ограничения, что и является ее преимуществом. Универсальность и неограниченность типологической классификации привлекали внимание самых различных языковедов мира, и постепенно в последующие годы типологические исследования обогатили эту область очень ценными данными. В дальнейшем появились такие виды типологической классификации, как характерологическая, стадияльная, группирующая, синтаксическая, словообразовательная, многоступенчатая, квантитативная и многие другие.

Типологическая классификация может быть ограниченной и не-

ограниченной. Ограниченная классификация представлена генетической и уровневой лимитацией. Генетическая ограниченность связана с классификацией систем языков в пределах генетического родства. В пределах систем генетически родственных языков определяются общие генетические типы и их подтипы.

Уровневая ограниченность связана с типологической классификацией языков на определенном уровне. Существующая традиционная морфологическая классификация основана на морфологических свойствах языков. Соответственно можно выявить лексические и синтаксические типы. Следует указать, что морфологическая классификация не является всеобъемлющей. Поэтому в языкознании были предложены и другие классификации.

Неограниченная классификация не лимитируется генетическим родством и подсистемными свойствами. При определении типов языков она оперирует максимальным количеством языков.

Типологическая теория. Под термином «типологическая теория» понимается выявление общих лингвистических понятий, применяемых в типологии. При помощи этих типологических теорий можно определить изоморфизм и алломорфизм между системами различных языков, установить степень типологического родства языков.

В данный момент разрабатываются специальные типологические теории по сравнению языковых систем.

Классификация языков, выявление языковых универсалий и др. осуществляются на основе формальных признаков, выделяемых лингвистической типологией. Однако до сих пор еще не разработана единая методика сравнения языковых систем с учетом взаимоотношения языковых типов и категориальных понятий.

Как мы указали выше, разработка языковых универсалий, языка-эталона, шкалы дифференциальных признаков по каждому уровню иерархии языков и мн. другие конкретные методы анализа также входят в общий список типологической теории языков. В этом отношении нашими типологами много делается для того, чтобы разработать точные методы анализа и сравнения языковых систем. К ним еще можно отнести принципы детерминантной классификации, разработанные Г. П. Мельниковым. (Прим. 10.)

В последние годы большая работа проделана группой типологов ЛОАН СССР во главе с А. А. Холодовичем и В. С. Храковским. Их заслуга заключается в том, что они разрабатывают типологические концепции на основе эмпирического материала. Основной упор делается на синтаксические способы выражения определенных категорий с учетом семантических отношений различных типов. На этой основе ими описан ряд глагольных категорий, в том числе диатеза и залог. Это направление также является частью типологической теории [152; 300].

Таким образом, разрабатываются различные виды типологической теории, которые в дальнейшем могут быть унифицированы при описании систем языков мира. По данной теме ставятся различные задачи, и лингвисты ищут пути их решения. В этом отношении определенный интерес для типологической теории представляют рассматриваемые нами типологические категории.

В задачу типологической теории должны входить такие вопросы, как определение минимальных и максимальных параметров, соотносящихся с сравнением систем ограниченного и неограниченного количества языков, и др.

Ареальная типология

Ареальная типология также является одним из самостоятельных разделов лингвистической типологии, которая занимается сравнением или сопоставлением языковых систем. Однако, в отличие от генетической и сравнительной типологии, она изучает степень распространения и близость языковых свойств определенной территории, или ареала. Р. Якобсон писал об этом: «Генетический метод имеет дело с родством, ареальный — со сродством языков, а типологический — с изоморфизмом» [355, с. 97].

По мнению В. Г. Гака, данный раздел лингвистической типологии «сопоставляет языки независимо от степени их родства с целью определения в них общих элементов, образовавшихся в результате взаимного влияния самих языков и стоящих за ними культур или воздействий на них третьих языков. Объектом такого изучения являются заимствованные элементы в языках, языковые союзы, двуязычие» [89, с. 6—7].

Подобно генетической и сравнительной типологии ареальная типология разрабатывает определенные системы или модели, по которым определяются ареальные изоглоссы различных уровней языка [191; 194].

Языковое сродство, или ареальная близость, может быть характерной как для родственных, так и для неродственных языков, поэтому языковые свойства, которые изучаются ареальной типологией, можно делить на генетически обусловленные и генетически необусловленные.

Ареальная близость родственных языков может быть определена распространением того или иного свойства в системе более ограниченной группы языковой семьи, в то время как ареальная близость генетически неродственных языков не имеет такого ограничения. Как пишут авторы «Общего языкознания», для данного раздела языкознания в лингвистической литературе существуют различные термины: «ареальная лингвистика», «лингвистическая география» и др. Ее задача определяется как «изучение пространственного размещения языковых явлений и решение различных проблем, вытекающих из этого размещения» [224а, с. 120—166, 180]. Так как ареальная лингвистика занимается сравнением, ее можно считать частью или разделом лингвистической типологии и мы называем ее ареальной типологией.

В круг исследования ареальной типологии можно включить следующие вопросы: а) изучение диалектов и диалектальных разграничений; б) составление диалектологических карт; в) изучение распространения отдельных черт в системах родственных и неродственных языков; г) фиксирование отдельных языковых изменений и опре-

деление статистики их распространения; д) определение неологизмов, архаизмов; е) изучение языков-субстратов; ж) изучение заимствований различных слоев; з) изучение взаимовлияния различных языков и многие другие.

Вначале изучались, в основном, ареальные особенности родственных языков. Однако в настоящее время ареальная типология вышла за рамки родственных языков и ею занимаются и типологи. Такие вопросы, как существование ареальной близости в системе определенной группы языков типа «индоиранского языкового единства», границы распространения языкового явления «кентум» и «сатэм» в индоевропейских языках, масштаб распространения первого передвижения согласных в диалектах германских языков, относятся к генетически обусловленным явлениям. Сюда же можно отнести ареальное распространение различных групп семьи языков банту [44, с. 40—43], составление диалектологических карт родственных диалектов и т. п.

Особый интерес представляют языковые контакты в определенном ареале или государстве, появление гибридных языков и многих др. К спорным случаям относятся проблемы, связанные с определением природы вариантов английского языка (в Шотландии, Ирландии, Америке, Азии, Африке), а также статуса гибридных языков типа Pidgin English (в Китае, Австралии, Океании, на Гавайских островах), Koro English, Fanagalo English, Taki-Taki English и многих др. [341].

К генетически необусловленным, или неограниченным, вопросам ареальной типологии относятся такие, как распространение отдельных явлений в определенных регионах независимо от генетического родства и др.

Основное достоинство ареальной типологии — не простое фиксирование степени распространения тех или иных явлений, а выявление отдельных закономерностей их распространения, типологическая разработка, установление изоморфизма и ряд других.

К основным модифицирующим факторам ареальной типологии можно отнести следующие:

- а) ареальная ограниченность сферы действия;
- б) индифферентность к генетической близости;
- в) индифферентность к системной близости;
- г) ограниченность языка-эталона;
- д) возможность наличия глубинно-поверхностного тождества;
- е) атомарность подхода к сравнению и др.

В настоящее время предмет и задачи ареальной типологии еще точно не определены. Это и естественно, ибо подлинно научное освещение она получает только сейчас. Однако лингвисты обращаются к ареальной типологии при изучении различных вопросов, связанных с выявлением генезиса, или причин, языковых особенностей отдельных регионов, при описании диалектных особенностей отдельных родственных языков как синхронно, так и диахронно [49; 87; 39].

Отдельные исследователи выделяют еще раздел языкознания «ареалогия», который противопоставляется ареальной лингвистике и за-

нимается больше исследованием современного среза состояния языка [60].

В таком понимании ареалогия противопоставляется лингвистической типологии. Однако она является не самостоятельным разделом общего языкознания, а разделом лингвистической типологии.

В ареальной типологии выявление ареального изоморфизма также можно осуществить на основе типологических категорий.

Сравнительная типология

Сравнительная типология, являясь одним из самостоятельных разделов лингвистической типологии, рассматривает ограниченное число языков. Минимум ограничения сравнения может быть сведен к бинарности. Сравнительная типология занимается выявлением межъязыковых инвариантов выбранной общей единицы плана содержания.

Следует отметить, что, несмотря на большое количество работ в данной области, основные методы анализа и общие принципы сравнения пока еще не разработаны.

Сопоставление двух языков, принадлежащих разным структурам и семьям, стало возможным только после того, как стали сравниваться не языки, а системы и подсистемы языков. Сравнительная типология определяет типологические сходства языков самых различных генетических групп. Она может выделять некоторую общность, или изоморфность, в системе ограниченного числа языков. Из-за ограниченного количества сопоставляемых языков сравнительная типология не может выявлять лингвистических универсалий. Однако результаты, полученные на основе изучения систем ограниченного количества языков, могут быть использованы структурной типологией для дальнейшего выявления лингвистических универсалий. В свою очередь, данные структурной типологии, полученные путем «атомизации» языкового строя, могут быть использованы в сравнительной типологии при выявлении корреспондирующих средств. Сравнительная типология разрабатывает систему каждого языка в отдельности независимо от разновидности языковых явлений. Выявление корреспондирующих средств сравнительной типологии может быть многоярусным, в то время как структурная типология исходит из одноярусности изоморфных явлений.

На данном этапе своего развития лингвистическая наука еще не располагает готовыми фактами, которые могли бы использоваться в структурной типологии при сравнении систем всех или большинства языков мира, поэтому результаты, полученные сравнительной, генетической и ареальной типологией, могут быть использованы и для проверки общих положений, установленных структурной типологией.

Сравнение систем двух или более языков строится на уже известном материале системы каждого сопоставляемого языка в отдельности. При этом учитываются характерные особенности единиц каждого уровня как в отдельности, так и во взаимоотношении с единицами других уровней.

Можно сравнивать различные подсистемы в нескольких языках одновременно. Начальным процессом при этом является сопоставление систем двух языков. Обычно избирается два языка из двух групп или семей в качестве представителей, и далее число языков увеличивается.

Сравнительная типология преследует двоякую цель — теоретическую и прикладную (или учебную). Как показал обзор проделанных работ по сравнению систем тюркских языков с другими языками, многие работы последних лет имеют методический характер. Они лишены всяких теоретических обобщений в отношении изоморфности или алломорфности систем сопоставляемых языков. К сожалению, в настоящее время еще нет и общепринятых терминов по сравнительной типологии. Например, работы по сравнению языковых систем называются: «сравнительные», «сопоставительные», «синхронно-сопоставительные», «контрастивные», «конфронтационные», «трансляционные», «характерологические», «типологические» и т. п.

Метод, принятый в предлагаемом учебном пособии, мы называем сравнительно-типологическим и соответствующий раздел лингвистической типологии — сравнительной типологией, которая противопоставляется структурной, генетической и ареальной типологии. Можно использовать и другой термин, но термин «сравнительная типология» выбран в соответствии с учебной дисциплиной «сравнительная типология родного и изучаемого иностранного языка».

Между разделами лингвистической типологии существует много общих черт, что служит основой для взаимодополнения и взаимобогащения этих разделов. В то же время каждый из разделов имеет свои особенности, на основе которых они различаются.

Общая цель лингвистической типологии — это определение языковых типов, выделение основных методов сравнения языковых систем. На этой основе осуществлялись генеалогические и морфологические классификации языков мира, выделены такие типы языков, как флективный, агглютинирующий, изолирующий и инкорпорирующий.

Структурная типология рассматривает общие вопросы в пределах неограниченного количества языков, генетическая типология ограничивается сравнением систем генетически ограниченных (т. е. родственных) языков, ареальная типология выбирает языки определенного ареала, и, наконец, сравнительная типология изучает системы ограниченного количества языков. Как мы увидим далее, по своей функции сравнительная типология является своеобразным минимальным вариантом структурной типологии. Однако между ними существуют определенные различия, главные из которых заключаются в следующем: 1) структурная типология выявляет глобальные типовые признаки, а сравнительная типология — минимальные типовые признаки, характерные для систем сравниваемых языков; 2) в объект своего изучения структурная типология может включить системы никогда не существовавших языков [76, с. 37—38], в то время как сравнительная типология ограничивается системами конкретно

существующих или существовавших языков; 3) структурная типология может выявить типовые признаки индуктивно без конкретного языкового материала, а сравнительная типология — путем анализа и тщательной инвентаризации систем сравниваемых языков; 4) для структурной типологии важны формальные признаки отдельных ярусов, а для сравнительной типологии главным является изучение соответствия формально-содержательных единиц на различных уровнях иерархии языка.

Сравнительная типология является научно-прикладной учебной дисциплиной.

Итак, появление сравнительной типологии продиктовано ее прикладным значением.

Как и для других разделов лингвистической типологии, для сравнительной типологии характерен ряд модифицирующих факторов:

- а) индифферентность к генетическому родству;
- б) индифферентность к системной близости;
- в) понятийный, или контенсивный, подход к сравнению;
- г) ограниченность числа сравниваемых языков;
- д) межуровневый подход к сравнению;
- е) межязыковость инвариантов;
- ж) относительная завершенность типологических операций;
- з) минимальность языка-эталона;
- и) индифферентность к глубинно-поверхностному тождеству соответствующих единиц в системах сравниваемых языков.

Рассмотрим основные связи сравнительной типологии с отдельными видами сопоставления. Например, сравнительная типология тесно связана с так называемой «характерологией». Сравнительная типология дает возможность сравнивать единицы каждого уровня изолированно. В качестве объекта сравнения можно выбирать как единицу этнического, так и эмиического уровней.

Х а р а к т е р о л о г и я — это раздел лингвистической типологии, занимающийся сравнительным изучением отдельных языковых явлений в системах ограниченного числа генетически родственных и неродственных языков.

Работы по характерологии в лингвистике известны с давних времен, однако значительная конкретизация предмета характерологии связана с работой В. Матезиуса [409]. Различные характеристики характерологии даются в трудах Б. А. Успенского, Ю. В. Рождественского, В. Скалички и др. [318, с. 37—40; 251, с. 43—44; 270, с. 25—28].

История развития характерологии тесно связана с историей развития лингвистической типологии, вернее ее выделение мотивируется более углубленным изучением выделенных языковых типов такими лингвистами, как В. Гумбольдт, Г. Штейнталь, Ф. Мистели и Ф. Финк [409, с. 56—57]. Именно указанные работы в дальнейшем побудили таких языковедов, как Штрамайер, Аронштейн и другие, написать труды по стилистике в характерологическом плане.

Определенных успехов добились К. Фосслер, В. Вартбург, Э. Леви, П. Гартман и другие, которые в своих исследованиях поставили

цель выделить особенности того или иного конкретного языка на основе сравнения. Несмотря на то, что работы по характерологии, в основном, касались систем генетически родственных языков, характерология в целом может изучать структуру как родственных, так и неродственных языков. Она связана с выявлением основных свойств конкретных языков.

В. Матезиус отметил в практической части своей статьи ряд особенностей грамматического субъекта английского языка в сравнении с немецким и, частично, с чешским языком.

Следует указать, что сравнение систем языков с характерологической точки зрения пока проводилось далеко недостаточно. В работах Е. Д. Поливанова, Н. С. Трубецкого, Г. П. Мельникова, Б. А. Серебренникова, А. Кэйпелла и других рассматривались общие вопросы данного раздела лингвистики [224а, с. 528, 534—536]. Сущность лингвистической характерологии более конкретно определил Ю. В. Рождественский — противопоставляя типологию и характерологию, он дает перечень их свойств [251, с. 43—45]. Следует, однако, оговориться, что под характерологией Ю. В. Рождественский понимает всякое сопоставление, противопоставляемое структурной и генетической типологии в нашем понимании. Он дает следующие дифференцирующие признаки лингвистической типологии и характерологии:

Список дифференцирующих признаков	Характерология	Типология
	Открытый	Закрытый
Список языков	Закрытый	Открытый

Таким образом, как метод сравнения языковых систем характерология входит в состав лингвистической типологии. Ее можно назвать научно-неоформленным вариантом и предшественником сравнительной типологии: основная цель сравнительной типологии — установить закономерность соответствий общих и частных явлений между системами языков, в то время как характерология занимается выявлением более общих свойств одного языка или группы языков по сравнению с другими.

Выделение двух самостоятельных наук — характерологии и типологии — невозможно. Дело в том, что и характерология, и типология рассматривают одни и те же явления в языке и фактически под одним и тем же углом зрения. Поэтому и характерология, и типология не исключают, а взаимодополняют друг друга. Их нельзя понимать как науки, различные по направлению и принципам исследования. «Несводимость» характерологии с типологией кажущаяся. Она вызвана тем, что отсутствует единица, общая для обеих наук, позволяющая строить сопоставительное описание двух языков с перспективой такого описания всех языков. Такой единицей, по нашему

мнению, должны стать типологические категории в том значении, которое мы им придаем (см. Главу III).

Рассмотрим сущность контрастивной лингвистики. Как мы уже говорили выше, контрастивный метод появился в противопоставлении сравнительно-историческому методу. В этом отношении контрастивная лингвистика может считаться синонимом сопоставительной лингвистики. Они развивались аналогичным путем, а термин «контрастивный» является иноязычным эквивалентом термина «сопоставительный». В этом можно убедиться, читая отдельные работы, авторы которых утверждают, что контрастивный метод совпадает с сопоставительным методом [368]. В отдельных странах изданы специальные проекты или тезисы, в которых излагаются основные цели и задачи сопоставления, а также методы сравнения, предлагаемые авторами. К ним относится «Югославско(сербо-хорватско)-английский проект по контрастивной лингвистике» [436; 437]. Данный проект издан совместно югославскими и американскими учеными и включает материалы по методике сравнения, а также отдельные конкретные исследования по грамматике и методике. По мнению сопоставителей, контрастивная лингвистика больше сближается с методикой преподавания, нежели с лингвистикой. Для них более приемлемым методом для сравнения считается генеративно-трансформационный метод [385].

Создан другой центр контрастивной лингвистики при Штутгартском институте. Основные положения этого центра излагаются в сборнике научных докладов, изданном под редакцией Г. Никкеля [413, с. X].

В последние годы много сделано в этой области польскими учеными. Изданы пять томов сборников статей, посвященных сравнению систем английского и польского языков [415; 416; 417; 418].

В указанных проектах и программах контрастивная лингвистика рассматривается как наука о сопоставлении. Проводятся исследования по сравнению систем конкретных языков. Однако многие вопросы сравнения в них рассматриваются по-разному. В данный момент нет единого мнения о предмете и методах контрастивной лингвистики.

Контрастивная лингвистика и сравнительная типология различаются между собой на основе следующих факторов: а) контрастивная лингвистика противопоставляется лингвистической типологии, а сравнительная типология считается разделом лингвистической типологии; б) во многих исследованиях по контрастивной лингвистике не разграничиваются методические, лингвистические, психологические и переводческие аспекты, а в сравнительной типологии они строго дифференцируются; в) контрастивная лингвистика рассматривается как наука, изучающая одноуровневые соответствующие средства в системах двух языков, а для сравнительной типологии больше характерно межуровневое сопоставление систем языков и др.

По нашему мнению, самым главным недостатком контрастивной лингвистики является то, что контрастивная лингвистика не имеет еще конкретно разработанного инструмента, или метаязыка. В исследованиях по контрастивной лингвистике встречаются самые различные

принципы сравнения при помощи генеративно-трансформационной грамматики и др.

Отрадно отметить, что в настоящее время советские лингвисты во главе с членом-корреспондентом АН СССР В. Н. Ярцевой начали разрабатывать теоретические основы контрастивной лингвистики.

Итак, в современной лингвистической науке е д и н с т в е н н ы м р а з д е л о м общего языкознания, занимающимся сравнением систем различных языков, является лингвистическая типология, ее основными разделами могут считаться структурная, генетическая, ареальная и сравнительная типология, каждая из которых имеет свою форму распространения, свои задачи и свое назначение. Одна не может заменить другую.

На основе всего сказанного разделы общей и лингвистической типологии схематически можно представить следующим образом:

Ниже рассмотрим основные признаки разделов лингвистической типологии. Следует указать, что список этих модифицирующих факторов еще не закрыт.

Сравнительная таблица модифицирующих факторов разделов лингвистической типологии

№	Модифицирующие факторы лингвистической типологии	Структурная типология	Генетическая типология	Ареальная типология	Сравнительная типология
1.	Отношение к системной близости	-1	+	(+)	(+)
2.	Отношение к генетической близости	-	+	-	(+)
3.	Неограниченность числа языков	+	-	-	-
4.	Ограниченность числа языков	-	+	+	+
5.	Ареальная ограниченность	-	-	+	-

¹ Условные знаки обозначают: + — характерно, — — не характерно, (+) — частично характерно.

№	Модифицирующие факторы лингвистической типологии	Структурная типология	Генетическая типология	Ареальная типология	Сравнительная типология
6.	Отношение к глубинно-поверхностному тождеству	—	+	(+)	(+)
7.	Отношение к этико-эмическому тождеству	—	+	(+)	—
8.	Атомарный подход к сравнению	+	+	+	—
9.	Межуровневый подход к сравнению	(+)	—	—	+
10.	Контенсивный подход к сравнению	—	(+)	(+)	+
11.	Формальный подход к сравнению	+	(+)	(+)	(+)
12.	Ограниченность языка-эталола	—	+	+	+
13.	Неограниченность языка-эталола	+	—	—	—
14.	Завершенность типологических операций	+	—	—	(+)
15.	Незавершенность типологических операций	—	+	+	—

РАЗДЕЛЫ ЛИНГВИСТИЧЕСКОЙ ТИПОЛОГИИ ПО ЕЕ ОТНОШЕНИЮ К ДВУМ ПЛАНАМ ЯЗЫКА

В зависимости от плана выражения и плана содержания лингвистическая типология может быть разделена на формальную и семантическую типологию. Будучи взаимозависимыми и взаимообуславливающими, каждый из этих двух разделов имеет свои задачи, свои особенности.

И формальная, и семантическая типология могут объединить ряд других подразделов в зависимости от того, с каким уровнем совпадают рассматриваемые им лингвистические единицы. На этой основе они могут быть разделены на фонетико-фонологическую, морфологическую, синтаксическую и лексическую типологию.

Прежде чем приступить к рассмотрению формальной и семантической типологии, следует сказать о том, что в литературе по типологии встречаются самые различные подходы к ее членению. Например, Т. Милевский разделил типологию на три раздела: фонологический, семантический и синтаксический [211, с. 6]. Основным недостатком его классификации заключается в том, что он допускает смешение языковых планов [95, с. 127]. Данная классификация связана с концепцией деления грамматики на синтаксический, семантический и фонологический компоненты. Иную классификацию мы находим у Р. Робинса. Он различает следующие разделы лингвистической типологии: фонетическую, фонологическую, грамматическую, структурную и семантическую [424, с. 325—341]. Для Р. Робинса также характерно смешение аспектов разных плоскостей. Более конкретную классификацию мы находим у Б. Ю. Городеца. Разделяя типологию на формальную и семантическую, он от

чивает формальную типологию фонологической, морфологической и синтаксической типологией. К семантической типологии он относит только морфо-семантическую и лексико-семантическую типологию [95, с. 126 и сл.].

Таким образом, по отношению к двум планам языка можно различать в лингвистической типологии два раздела с соответствующими подразделами и подвидами.

Формальная типология

Данный раздел лингвистической типологии изучает единицы плана выражения. Единицы плана содержания могут находиться на различных уровнях. Поэтому при сравнении систем языков с формальной или внешне-структурной точки зрения типологу приходится иметь дело со всеми уровнями языка. К основным задачам формальной типологии можно отнести ряд проблем, и среди них: а) внешние, или формальные, свойства языка; б) установление общего принципа записи в языках различных типов, т. е. графическую систему (типологию); в) принцип составления и разработки общих транскрипционных систем; г) создание алфавитов языков; д) разработка правил пунктуации; е) определение формальных структур, слогов, слов, различных форм слов, сложных слов, словосочетаний, предложений и др. Сюда также можно отнести вопросы, связанные с изучением внешней структуры слов и предложений в языках инкорпорирующего и полисинтетического типа, изучение принципов сокращения, проблеме определения структуры сочетаемости разноразрядных однокорневых слов в языках различных систем.

Можно выделить ряд разделов формальной типологии, например: типология формализации, формальные универсалии, графическая типология, типология пунктуации, типология сокращения и многие др. Сюда можно отнести разработку семантико-синтаксических сигналов пунктуации, орфоэпии и др.

В настоящее время в нашей стране разрабатываются общие системы совершенствования и унификации алфавитов тюркских и других языков [84].

Совершенствование графической системы является актуальным и для английского языка. Разрабатываются различные системы алфавита английского языка.

Следует указать, что с расширением международного сотрудничества возникает большая необходимость решения многих графических вопросов, связанных с переводом или передачей отдельных терминов, имен собственных на другие языки. (А. В. Суперанская)

В целом, мировая графическая система требует типологического изучения, ибо существующие системы описания конкретных звуковых языков очень разнообразны и нуждаются в совершенствовании как во внутриязыковом, так и в межъязыковом плане. При этом создание новых письменностей может осуществляться по-разному [15, с. 120—146].

В формальной типологии еще много нерешенных вопросов в сугубо языковом плане, т. е. в области соотношения «планов выражения письменного и устного языков», терминологического обозначения единиц письменного языка (ср.: графема, графология, графика и др.). (Прим. 11.) Существуют еще много межъязыковых вопросов, связанных с составлением орфографических словарей, с теорией создания формальных языков, которые также частично касаются предмета формальной типологии. (Прим. 12.)

Формальная типология может также изучаться со стилистической точки зрения при выявлении стилистических особенностей графических кодов. Кроме того, сравнительный анализ играет большую роль при изучении графической системы различных языков в процессе преподавания иностранных языков и т. д. (Прим. 13.) Итак, существование письменного языка обуславливает существование собственных проблем формальной, или графической, типологии. Этот вопрос всегда был и остается актуальным у нас в стране, так как при ускорении процесса ликвидации неграмотности определенную роль играла разработка и замена отдельных алфавитов. В свое время этим вопросом специально занимался Л. В. Щерба и др. (Прим. 14.)

Типологическое изучение данного вопроса является актуальным в нашей стране, ибо в настоящее время в союзных республиках используются несколько алфавитов, почти каждый из которых имеет свои собственные проблемы.

Решение проблемы унификации алфавитов различных национальных языков, языковых групп (например, славянских), языковых семей, ареалов или, наконец, всех языков мира с учетом последних достижений науки и техники намного уменьшило бы затраты людьми времени на изучение различных алфавитов.

К перечисленным выше задачам формальной типологии относятся вопросы разработки графической системы искусственных языков международного общения [243] и многие др.

Семантическая типология

Семантическая типология — это раздел лингвистической типологии, изучающий семантическую структуру единиц языка в сравнительном плане. Она занимается выделением единиц плана содержания, их моделированием, сравнением и выявлением межъязыковых изоморфных и алломорфных свойств. Семантическая типология определяет типовые признаки на основе семантических свойств языков. Конечной целью является установление семантических универсалий. Мы солидарны с Б. Ю. Городецким и Т. З. Зевакиной, когда они пишут, что цель семантико-типологических исследований — выявление и систематизация универсальных и специфических семантических механизмов, лежащих в основе функционирования языка («Полевые методы в семантической типологии»). Однако процесс создания семантических универсалий не прост, ибо он связан с вопросом семантического моделирования систем каждого сравниваемого языка, а семантическое моделирование в языкознании еще не получило своего

решения. «Одним из наиболее сложных вопросов теории моделирования предложений, — пишет О. И. Москальская, — является вопрос о семантической интерпретации моделей предложения» [214].

В лингвистике семантика считается самой слабо разработанной и дискутируемой областью. Здесь достаточно процитировать высказывание А. А. Уфимцевой: «Ни в одной другой лингвистической дисциплине нет такого большого разнобоя в понятиях и терминах, как в семантике, под которую одинаково подводятся как собственно языковые, онтологические, так и методические, гносеологические категории, как данные интуитивного знания, так и результаты речемыслительной деятельности человека» [323, с. 32]. Об этом пишут и другие ученые, которые занимались содержательной структурой слова и другими аналогичными вопросами. (Прим. 15.)

Вопросы семантической типологии еще менее изучены и находятся в процессе становления. Р. А. Будагов с сожалением отмечает, что «Книг, которые бы назывались „Сравнительная семасиология романских языков“ или „Сравнительная семасиология славянских языков“ или „Сравнительная семасиология индоевропейских языков“ вообще не существует» [62, с. 3—4]. Анализ работ, посвященных общим и частным вопросам семантической типологии, дается в работах Н. А. Слюсаревой, Ю. С. Мартемьянова и др. (Прим. 16.)

К основным проблемам семантической типологии можно отнести следующие: определение цели и задачи семантической типологии, выделение семантических универсалий, определение отдельных семантических полей для сравнения, группировка слов на основе семантических признаков, определение семантической структуры слов в различных языках, создание критериев определения семантических категорий, разработка принципов составления семантико-сопоставительных словарей и тезаурусов и многие др.

Большое практическое значение имеет определение семантических областей (полей или категорий) в системах родственных и неродственных языков. Сюда можно отнести категории агентивности, времени, родства, локальности, цветообозначения, компаративности и др.

Семантическая типология служит объектом изучения психолингвистики.

В последнее время проводятся широкие исследования в области семантической типологии по ограниченному языковому типу [329; 117]. Вопросы семантического анализа рассматриваются в различных сборниках, изданных АН СССР [239].

Глубинно-поверхностное тождество в семантической типологии выражается своеобразно в системах генетически родственных и неродственных языков. Для генетически родственных языков более характерно глубинно-поверхностное тождество на уровне этических единиц. Однако для семантической типологии этот случай изоморфизма не играет решающей роли. Для нее необходимо совпадение одноуровневых единиц на эмическом уровне, т. е. отдельные семантические категории могут иметь одинаковое выражение в языках самых различных структур и генетических происхождений. Примером может служить существование определенной семантической близости в

системах таких далеких друг от друга языков, как латинский язык и современный узбекский язык. Например, в системах этих языков категория родства может передаваться аналогичным образом, т. е. при помощи специальных терминов, хотя лексические единицы в них являются гетерогенными. Например:

Лат. яз.	Узб. яз.	Перевод
matertera	хола	тетка со стороны матери
amita	амма	тетка со стороны отца
patruus	амаки	дядя со стороны отца
avunculus	тога	дядя со стороны матери

Небезынтересно отметить, что даже в индоевропейской семье языков указанные латинские слова не имеют полных или идентичных терминологических соответствий. Точно такая картина наблюдается в системах тюркских языков. Будучи членами тюркской группы языков, киргизский и каракалпакский языки тоже не имеют прямых соответствий в узбекских терминах. Например:

Узб. яз.	Кирг. яз.	Каракалп. яз.	Перевод
хола	тай еже	эже ала	тетка со стороны матери
тога	таяке	дайы	дядя со стороны матери

В отдельных случаях родственность в языковом типе может совпадать с семантической родственностью. В этом отношении большое сходство наблюдается между тюркскими и финно-угорскими языками. Это можно проиллюстрировать, пользуясь системой или таблицей описания Л. Ельмслева и др. [123, с. 127; 314, с. 289; 211, с. 22; 424, с. 338—341].

Тюркские	Угро-финские	Славянские		Германские		Романские	Индонезийский
		Русск.	Польск.	Англ.	Нем.	Фр.	
ака	bátya	брат	brat	brother	Bruder	frère	saudara
ука	õccs						
опа	néne	сестра	siostra	sister	Schwester	sœur	
сингил	hug						

Как видно из указанных примеров, в узбекском и венгерском языках для выражения понятий «старшая сестра» и «младшая сестра» и «младший брат» и «старший брат» употребляются специальные термины, в то время как в русском, польском, английском, немецком и французском языках эти понятия специальными терминами не обо-

значаються. Що стосується індонезійського мови, то в ній поняття «брат» і «сестра» виражаються одним терміном. С глибинно-поверховою точки зору в узбекському і венгерському мовах типологічна ізоморфність характеризується як емічна ідентичність; в той час як в російському, польському, німецькому і французькому — як етико-емічна ідентичність.

Слід згадати, що при позначенні спорідненості складно знайти ідеальний мову, в якій точно виражалась би симетрія вікового і родового (точніше статевий) значення. В одному мові ці особливості знаходять свої формальні способи вираження в спеціальних термінах, в той час як в іншому або в інших ці значення передаються описательним шляхом. Наприклад, в сучасному англійському мові поняття «племінник» і «племінниця» виражаються спеціальними словами: *perhew* племінник, *piесе* племінниця. Однак таке різниця в таких тюркських мовах, як турецький, узбекський, каракалпакський і др., не виражається. Вказані поняття передаються одним словом: *тур.* *уегеп* племінник, племінниця; *узб.* *жиян* племінник, племінниця; *каракалп.* *жийен* племінник, племінниця. В разі необхідності, як це робиться і в словниках, використовується описательний спосіб, т. є. використовуються відповідні слова: *тур.* *егкек*, *узб.* *эркак*, *каракалп.* *еркек* чоловік; *тур.* *kadın*, *узб.* *хотин*, *каракалп.* *катын* жінка; *тур.* *kız*, *узб.* *кыз*, *каракалп.* *кыз* дівчина перед вказаними словами.

Тут можна віднести ще багато випадків семантичного ізоморфізму з різних розділів семантичної типології, характерних або для всіх мов світу, або для систем окремих груп. Дивовижна загальність характерна для систем мов світу при вираженні так званого табу, яке в силу окремих причин в мовах виражається по-різному. Наприклад, в російській мові слово *медведь* підвергалося табу двічі: *арктос* — *медведь* → *Мишка* (*Топтыгин*, *Косолапый*, *Махнач* і др.) («Наука і життя», 1965, № 7). Узбекське слово *бўри* і *волк* іноді замінюється словом *қашқир*; слова *чәён* *скорпион*, *бий*, *қоракурт* *фаланга* замінюються словами *газанда*, *оти йўқ* *безмянний* [66, с. 67]. Таких прикладів дуже багато. Головна причина використання табу, помітного, боязнь і повага.

РАЗДЕЛЫ ЛИНГВИСТИЧЕСКОЙ ТИПОЛОГИИ ПО ОТНОШЕНИЮ К УРОВНЯМ ИЕРАРХИИ ЯЗЫКА

Лингвістическа типологія оперує всіма рівнями ієрархії мови без виключення. Інакше кажучи, вона може порівнювати одиниці фонологічного, морфологічного, лексического і синтаксического рівнів. Існують різні підходи до рівневого аналізу, однак більшість типологів віддають перевагу розмежовувати рівні мови [318; 95; 424; 399]. Виділення цих або інших одиниць визначеного рівня залежить від різних причин. По-перше, від характеру порівняння, т. є. для структурної, генетическої і ареальної типології більше характерен атомарний, т. є. рівневий, підхід, в той час як порівняльна типологія займається виявленням різнорівневих одиниць. По-друге, окремі рівні потребують більш ізоляційного розгляду. Так, наприклад, фонологічний рівень потребує більшої ізоляції. Розмежування мовних рівнів

ней при сравнении имеет определенный смысл, ибо без такого разграничения невозможно выявить универсалии.

Итак, по отношению к уровням иерархии языка лингвистическая типология может иметь следующие разделы: а) фонологическая типология; б) фонетическая типология; в) морфологическая типология; г) синтаксическая типология; д) лексическая типология и ряд других.

Фонологическая типология

По сравнению с другими уровнями данный уровень является более изолированным и, в то же время, более разработанным с типологической точки зрения разделом. Внутри фонологического уровня различаются собственно фонологический и фонетический подуровни [424, с. 326—331; 318, с. 41—42].

Фонологическая типология подразумевает сравнение единиц фонологико-эмического уровня языка. Она занимается вопросами выделения фонологических дифференциальных признаков, определением их универсальности, изучением фонологической структуры языков, классификацией языков на основе их фонологических особенностей (типа тональные и нетональные языки) [424, с. 328—331], определением фонемного состава языков мира и многими др.

Центром фонологической типологии в свое время была пражская лингвистическая школа. Определенный вклад в разработку фонологической типологии сделал Н. С. Трубецкой, которого по праву считают основателем типологии фонологических систем [306; 307]. Работали в этой области также Р. Якобсон — Г. Фант — М. Халле (Прим. 17) и др. В дальнейшем разные стороны фонологической типологии разрабатывали такие ученые, как Ч. Хоккет, К. Вегилин, Т. Милевский, П. Мензерат, В. Скаличка, А. Мартине, М. И. Лекомцева, Т. Я. Елизаренкова, Г. П. Мельников, Т. В. Гамкрелидзе, Г. И. Мачавариани, Г. С. Клычков, О. С. Широков и мн. др. (Прим. 18.)

К достижениям в развитии фонологической типологии можно отнести: выделенные случаи фонологических универсалий (Прим. 19), дифференциальные признаки Н. С. Трубецкого, количественные критерии И. Крамского и П. Ковалева, супraseгментную типологическую классификацию по тону и ударению А. Мартине, установление степени артикуляционно-акустической близости различных гласных Г. П. Мельниковым и др.

Сюда же относятся многочисленные исследования по сравнению фонологических систем различных конкретных языков. (Прим. 20.)

Фонетическая типология

Фонетическая типология занимается сравнением единиц фонетического уровня языка. Главным образом она изучает конкретные физические единицы. Фонетическая типология может сравнивать единицы как родственных, так и неродственных языков. В ее задачу

входят такие вопросы, как определение количества гласных и согласных звуков во всех языках или в языках определенной группы, ареала, или бинарно в двух конкретных языках, выделение типичных артикуляционных свойств гласных и согласных конкретных языков, изучение наличия или отсутствия тех или иных специфических звуков в отдельных группах языков, классификация языков по звуковым особенностям, сравнение экспериментальных данных и многие другие вопросы.

Одним из первых представителей фонетической типологии является Е. Д. Поливанов, которого считают основателем фонетической типологии.

В настоящее время имеется большое количество работ по фонетической типологии, рассматривающих различные стороны данного раздела [251, с. 52—59].

Сравнение фонетических и фонологических единиц имеет своеобразное применение в структурной, генетической, ареальной и сравнительной типологии.

Фонетическая или фонологическая типология может быть использована при исследовании типологических вопросов фонологической стилистики типа метрической типологии (*metric typology*) и многих др. По утверждению Дж. Лотца, для метрики фонетические свойства могут быть разными в сравниваемых языках. (Прим. 21.)

При сравнении фонетической и фонологической систем единицами измерения, или «единицами соотношения» [318, с. 52—53], должны служить фонемы и дифференциальные признаки.

Фонетическая система тюркских языков рассматривается в специальной работе А. М. Щербака [349] и др.

Морфологическая типология

Круг исследований морфологической типологии очень широк. Она сравнивает единицы морфологического уровня. По характеру исследования морфологическую типологию можно разделить на два типа:

- 1) морфологическая типология, занимающаяся морфологической классификацией языков;
- 2) морфологическая типология, занимающаяся отдельными конкретными вопросами грамматики.

Первая является продолжением классической типологической классификации, которая занимается определением языковых типов. Она занимается общими вопросами классификации языков по определенным типам.

Если книга Э. Сепира [263] была написана на основе критики его предшественников, то количественная классификация Дж. Гринберга [99, с. 60—105] считается своеобразным продолжением сепировской классификации [318, с. 42]. В дальнейшем различные стороны морфологической классификации языков получают новое освещение. Некоторые языковеды считают невозможным при морфологической классификации исходить из изолированного морфологического уровня языка [181].

Второй тип морфологической типологии занимается частными вопросами сравнения, где в качестве предмета сравнения можно выбрать: сравнение грамматических категорий в различных языках, определение способов выражения грамматических категорий, выражение грамматических значений в языках различных систем, определение характера морфологических маркеров, установление синонимичных отношений аффиксальных морфем и служебных слов (предлогов и послелогов), сравнение частей речи (существительных, прилагательных, местоимений, глаголов, наречий, числительных и других), сравнение грамматических категорий конкретных лексико-грамматических разрядов слов (падеж, число, определенность—неопределенность, одушевленность—неодушевленность, переходность—непереходность, время, аспект, залог, наклонение, модальность и др.), определение характера парадигмы в различных языках, морфологические и морфосинтаксические способы выражения грамматических категорий, признаки словоизменения, определение синтетизма и аналитизма и многие др. Основными единицами измерения в морфологической типологии могут служить морфемы [318, с. 52—53; 131].

Категориальная морфологическая типология сравнивает указанные явления в системе как родственных, так и неродственных языков, как в плане универсалии, так и бинарно в двух языках. В настоящее время в распоряжении типологов имеется большой материал и по сравнительной типологии, и по отдельным конкретным языкам. К межъязыковым и внутриязыковым исследованиям можно отнести работы Л. Ельмслева, Р. Якобсона, Л. Н. Засориной, Б. А. Успенского, М. М. Гухман, П. Л. Гарвина и многих др. (Прим. 22.)

Почти все работы по данному разделу типологии характеризуются как уровневые. Однако не во всех языках уровневый подход оправдывает себя. Уровневая морфологическая типология может быть применена при сравнении систем языков с развитой морфологией. К трудам такого характера относятся «Очерки по сравнительной морфологии тюркских языков» [350] и др. При сравнении системы английского языка с системами тюркских языков морфологическое сравнение может быть использовано лишь частично, ибо английский и тюркские языки имеют различный характер развития морфологии.

Синтаксическая типология

Синтаксическая типология занимается сравнением единиц синтаксического уровня. Основными единицами для сравнения служат слово, словосочетание и предложение. В зависимости от характера исследования синтаксическая типология может состоять из нескольких разделов: из сравнения единиц уровня словосочетания, уровня предложения, а также сравнения единиц различных уровней с учетом их синтаксического функционирования. Синтаксическая типология обычно сравнивает языки на основе трансформационного синтаксиса и т. д. [318, с. 42—43].

Вопросы синтаксической типологии первыми начали разрабатывать И. И. Мещанинов, Т. Милевский, Ч. Е. Базелл, А. Мартине, В. Брендаль, Ю. В. Рождественский, Г. П. Мельников, Н. Хомский и многие др. (Прим. 23.)

В существующих работах по типологии рассматриваются различные стороны синтаксической типологии. Например, у И. И. Мещанинова члены предложения выступают в качестве универсальных категорий, Ч. Е. Базелл объединяет морфологический и синтаксический уровни при сравнении систем языков [318, с. 43], Т. Милевский различает языки с предложениями концентрическими и языки с предложениями эксцентрическими [270, с. 30], предлагается построение универсального синтаксиса и др. [224а, с. 537]. Вопросы типологии эргативных конструкций рассматриваются в трудах Е. Курловича («Очерки по лингвистике», М., 1962), И. И. Мещанинова [210] и др. Проблемы взаимоотношения агглютинации и синтаксического строя тюркских языков рассматриваются Н. З. Гаджиевой [86]. Вопросами определения критериев выделения аналитических форм занимается А. А. Юлдашев [353] и др.

Конкретные принципы синтаксического описания конкретных лингвистических категорий, а также способы «описания типов отношений, на основе которых организуется система предложений и их структур», разрабатываются В. С. Храковским и др. [333; 334; с. 243—248; 300].

Общие вопросы синтаксического описания системы языка, в том числе и типологического описания, рассматриваются в исследованиях В. Г. Адмони [8, 9], Н. Д. Арутюновой [19; 20; 21], И. Ф. Вардуля [75], А. М. Мухина [215], В. Д. Аракина [17; 18] и многих др.

Основные типологические характеристики синтаксиса, «сведения о категориях синтаксиса, содержащиеся в универсалиях» и многие конкретные вопросы выделения синтаксических универсалий подробно описываются в исследовании Ю. В. Рождественского [251, с. 198—240].

К конкретным вопросам синтаксической типологии относится весьма большое количество проблем. Однако пока нет всеобъемлющего перечня всех вопросов синтаксической типологии. В число этих вопросов могут войти следующие темы: определение предмета и объема синтаксической типологии, создание основных критериев и метаязыка синтаксической типологии, разграничение синтаксической типологии от других разделов лингвистической типологии и установление их взаимосвязи, разработка синтаксических универсалий, определение системы синтаксиса языков мира (отдельных генетических, генетико-типологических и типологическо-родственных языков), определение типов синтаксических связей (атрибутивных, комплетивных, предикативных и др.), определение типов предложения в языках мира или в системах отдельных групп, выделение основных синтаксических категорий, классификация типов языков на основе их синтаксической структуры и многие др.

Лексическая типология

Главной задачей лексической типологии является сравнение единиц лексического уровня языка. Лексическая типология рассматривает межъязыковые парадигмы слов, межъязыковые инварианты значения, выражаемые словесными единицами. Некоторые языковеды объединяют лексическую и семантическую типологию. Однако, подобно фонетико-фонологической, морфологической и синтаксической типологии, она правомерно может быть рассмотрена в качестве специального раздела сравнительной типологии. Основные вопросы лексической типологии рассматривались в работах различного типа — в специальных трудах, посвященных типологии слова, лексическому сопоставлению языков, лексико-семантическим проблемам языков (Прим. 24), лексико-синтаксическому уровню языков, словообразованию, лексикографии, лингвостатистике и др.

Лексическая типология включает ряд разделов: 1) лексическая типология слов, или типология слова; 2) лексическая типология словообразования, или словообразовательная типология; 3) сравнительная лексикография; 4) лексико-статистическая типология; 5) лексическая типология заимствования; 6) лексическая типология фразеологии; 7) лексическая типология пословиц и поговорок; 8) лексическая типология ономастики; 9) лексическая типология топонимики; 10) лексическая типология терминологии; 11) диахроническая лексическая типология; 12) синхроническая лексическая типология и многие др.

Каждый из указанных разделов имеет свою специфику и собственные задачи, и предмет лексической типологии определяется суммой задач выделенных нами разделов.

Предмет и объем лексической типологии еще не совсем определены, и по сравнению со звуковой или грамматической структурой лексическая система языка считается еще малоразработанной и трудоемкой. Однако уже сделаны первые шаги по систематизации и инвентаризации языкового материала, а также по определению основных задач лексической типологии. Например, актуальные вопросы антропонимов разрабатываются В. А. Никоновым [223] и др. Методы общего, или типологического, анализа рассматриваются М. Д. Степановой, А. А. Уфимцевой, И. Р. Гальпериным, В. Г. Гаком, Э. М. Медниковой и др. (Прим. 25.)

В последние годы активно разрабатываются вопросы словообразовательной типологии. (Прим. 26.) К основным вопросам лексической типологии можно отнести такие вопросы, как определение места лексической типологии в лингвистической типологии; определение ее предмета, установление основных принципов выделения лексических универсалий, определение словарного состава общечеловеческого языка и ряд других. К типологии слова можно отнести: сравнительное изучение слова и корневых морфем, или составление основных критериев выделения корня в языках различных систем, определение границы слова, изучение словообразовательных типов в языках различных систем, изучение парадигматических и синтагматических от-

ношений в лексике, сравнительное изучение структуры слов и их функций, сравнительное изучение процесса и методов трансформации лексических единиц, определение отношения слов к различным семантическим группам, определение синонимии корневых и словообразовательных морфем с единицами других уровней языка и др.

Итак, лингвистическая типология является разноуровневой, при типологических операциях можно исходить: а) из единиц каждого уровня изолированно, б) из общности и взаимосвязи единиц различных уровней. При этом для сравнительной типологии больше характерна разноуровневость сравниваемых единиц.

Вышеуказанные разделы лингвистической типологии связаны с фонетико-фонологическим, морфологическим, синтаксическим и лексическим уровнями иерархии языка. Внутри этих разделов можно выделить еще некоторые другие подразделы лингвистической типологии.

К ним относится супraseгментная типология, изучающая просодические единицы языков (интонацию, тон, акцент), которые одновременно связаны с фонологическим, морфологическим и синтаксическим уровнями языков.

Еще различается так называемая символическая типология [399, с. 5—7], изучающая наличие определенной семантики в звуковом выражении слова. Например, обусловленность уменьшительности в звуке [i] в итальянских суффиксах -ico, -ito [22]. По данному поводу Г. Марчанд пишет следующее: «[i] is suggestive of the subjectively, emotionally small and therefore frequent with diminutive and pet suffixes (-ling, -let, OE. -icel, G. -lein, L. -icellum, -iculum)». Наличие носового звука в словах связано со значением *мать*. (Прим. 27.) Напр.: лат. mater, англ. mother, нем. Mutter, русск. мать, тадж. модар.

С большой осторожностью здесь можно назвать тюркские слова со звуком -н-, участвующим в словах со значением *мать*. Напр.: тур. апа, аппе, узб. она, кирг. эне, каз. она, каракалп. ана, ене, туркм. эни, ина. (Прим. 28.)

Наличие данного явления во многих языках свидетельствует о его типологической изоморфности. В настоящее время звуковой символизм мало изучен или ограничивается определенными языковыми группами или языковыми союзами. (Прим. 29.) Что касается тюркских языков, а также межъязыкового сравнения с генеалогически разноструктурными типами, то это явление еще мало исследовано.

Выделяется еще функциональная типология, которая изучает «частоту знаков в речи, а также их использование для обозначения определенных объектов (предметов, понятий, отношений)». Функциональная типология также может быть межъязыковой и внутриязыковой [89, с. 17; 308]. Межъязыковая функциональная типология занимается сравнением, в частности, типологически аналогичных форм речи, поскольку формальные средства одного языка соответствуют определенным формальным средствам другого языка. Эти формальные средства в различных языках могут иметь общую глубину. При определении частотности межъязыковых одно-

типных конструкций необходимо выявить причину количественного колебания формальных единиц.

Итак, рассмотренные нами в данной главе разделы лингвистической типологии являются самыми основными, выделенными для учебной цели. Что касается символического, функционального и других разделов, то они соотносятся с тем или иным разделом лингвистической типологии.

ГЛАВА ВТОРАЯ

СРАВНИТЕЛЬНАЯ ТИПОЛОГИЯ И ОСНОВНЫЕ ПАРАМЕТРЫ, ОПРЕДЕЛЯЮЩИЕ ЕЕ ПРЕДМЕТ

Задачей данной главы является определение предмета сравнительной типологии, выделение основных признаков, отличающих ее от других разделов типологии. Основная задача сравнительной типологии — это сравнение систем различных генетически родственных и неродственных языков, выявление общих и специфических черт, установление межъязыковых соответствий в пределах конкретных, количественно ограниченных языков с учетом их типовых или системных особенностей. В. Г. Гак определяет предмет сравнительной типологии следующим образом: «Сравнительная типология — раздел языкознания, изучающий языки в сопоставлении с другими языками с целью установления особенностей, присущих данным языкам, а также сходств и различий между языками» [89, с. 5].

Будучи ограниченной в пределах определенных языков, сравнительная типология создает основу для других более общих разделов лингвистической типологии. В свою очередь, лингвистическая типология создает фундамент для общего языкознания. В этом отношении можно согласиться с Л. Ельмслевом, когда он пишет, что лингвистика может подняться до уровня теоретической науки только через типологию [397, с. 96]. Являясь одним из разделов лингвистической типологии, сравнительная типология имеет свой собственный предмет, свои задачи и специфику, на основе которых она выделяется в качестве научной дисциплины.

Межъязыковые сравнения в грамматическом искусстве известны с древности. Еще в античный период существовали работы, сравнивающие греческий и латинский языки (напр., известная грамматика латинского языка М. Варрона).

Сопоставительные грамматики появились значительно позднее. Техника сопоставления и методика сравнения языков в них оказываются представленными различным образом. По данным авторов книги «Очерки по истории лингвистики» [15], первые грамматики тибетского и классического тамильского языков были построены в традиции индийской грамматики Пáнини, но с учетом особенностей грамматического строя тамильского и тибетского языков. Первая грамматика церковно-славянского языка Адельфотиса, написанная в XVI в., давала сравнение греческого и церковно-славянского языков. Таким же образом составлялись первые английские грамматики, сос-

тавленные на древнегреческой и латинской основе. Например, глоссарий Эльфрика, грамматический справочник С. Джонсона, грамматики Дж. Пристли, Р. Лоуса, Дж. Кэмпбелла относятся к грамматикам этого типа того же времени.

В XVIII в. многоязычные сопоставительные описания строились на основе элементарных сравнений двух языков, идущих от античности и средневековья. Сейчас эти сравнительные описания представляют, в основном, исторический интерес, так как являются существенной частью истории мировой культуры.

Принцип сравнения языков берет начало от «Грамматики Пор-Рояль», где впервые внимание было обращено на методологию языковых сопоставлений.

В современном языкознании написаны сотни работ, в которых сопоставляются фонетические, морфологические, синтаксические и лексические подсистемы языков народов СССР. Почти все языки народов СССР в той или иной мере сопоставлялись с русским языком и между собой. Классической, образцовой грамматикой такого рода может считаться «Русская грамматика в сопоставлении с узбекским языком» и другие работы Е. Д. Поливанова [236; 237]. Эта грамматика построена на принципах формальной грамматики. В ней Е. Д. Поливанов строит законченную систему грамматической структуры узбекского языка и отмечает сходства и различия узбекского языка в сопоставлении его с русским. В этой работе намечены принципы покатегориального сравнения и выявлены смысловые особенности, присущие соответствующим категориям сопоставляемых языков. При этом в сопоставляемых языках внутри каждой грамматической категории фактически выделяются дифференциальные признаки значения. Некоторые из них оказываются общими для обеих систем, а некоторые — специфичными для каждого из языков.

В своих сравнениях Е. Д. Поливанов исходил из общих типовых признаков сравниваемых языков. Поэтому многие его выводы представляют общезыковедческий интерес, например его утверждение, что агглютинирующие языки относятся к аналитическим. Данная концепция Е. Д. Поливанова явно противопоставляется концепции Э. Сепира, который охарактеризовал турецкий язык как синтетический тип [249]. Кроме того, сравнивая системы русского и узбекского языков, Е. Д. Поливанов делает выводы, касающиеся всех тюркских языков. Вот что он пишет об общезыковом типе тюркских и русского языков: «Обычной характеристикой тюркских языков — и значит узбекского языка, в частности, — с точки зрения морфологической классификации языков, — служит такое их определение: суффиксально-агглютинативные языки из категории аналитических языков. Русский же язык, наоборот, не входит в категорию аналитических языков, а является довольно типичным (хотя и не самым типичным¹) из языков противоположной категории —

¹ Так, например, латинский служит более типичным представителем категории синтетических языков, чем русский. (Примечание Е. Д. Поливанова.)

синтетических. Следовательно, русский язык не может подходить и под понятие агглютинативных языков (ибо агглютинативные языки вместе с так называемыми изолирующими и составляют два главных подкласса категории аналитических языков), а, наоборот, противопоставляется агглютинативным языкам в качестве одного из флективных языков» [237, с. 47].

Таким образом, чтобы утверждать, что узбекский — «суффиксальный агглютинативный аналитический» и «русский суффиксально-префиксальный флективный синтетический», Е. Д. Поливанову пришлось одновременно определить природу, или типовую принадлежность, агглютинирующих языков в целом.

Основной принцип сравнения Е. Д. Поливанова на материале русского и тюркских языков может быть определен как уровневый, т.е. он исходит из уровневых особенностей сравниваемых языков. На этой основе он сравнивал категории падежа, времени, залога и т. д. Однако при выявлении соответствующих средств он не ограничивается единицами только данного уровня, а в них включает также предложно-именные и послеложно-именные сочетания. У Е. Д. Поливанова семантика грамматических категорий рассматривается дифференцированно. Категории сближаются по основным признакам значения и дифференцируются по сопутствующим признакам. В качестве примера можно сослаться на анализ множественного числа и др.

Заслуга Е. Д. Поливанова заключается в том, что он впервые создал общезыковедческую основу сравнения русского и тюркских языков и разработал элементарные принципы сравнения. Это дало стимул для создания в дальнейшем целого цикла сравнительно-сопоставительных работ русского и тюркских языков.

Что касается сравнения иностранных языков с тюркскими, то оно относится к дальнейшему развитию данного метода.

Следует указать, что иностранно-тюркские исследования осуществляются изолированно на каждом уровне. Уровневое сравнение можно оправдывать в следующих случаях: а) когда сравнивается звуковая система языков, т.е. единицы фонетико-фонологического уровня, б) когда сравниваются конкретные единицы плана выражения того же самого уровня и т. д. Однако мы предпочитаем межуровневое сравнение.

Важным при сравнении систем языков является выбор определенного метода анализа. Здесь следует отметить, что в типологии еще нет специального общепринятого метода анализа, который был бы оптимальным при сравнении систем двух или более языков.

Выбор метода сравнения меняется с появлением новых приемов описания систем конкретных языков. Например, до появления структурной лингвистики различные виды сравнения проводились на основе традиционной грамматики. Однако, по справедливому утверждению Э. П. Хэмпса, с появлением таксономической модели языка в период так называемой блумфилдианской эпохи языковеды начали сравнивать языки на основе данной модели.

В настоящее время трансформационно-генеративная модель по-

лучила широкое применение в отдельных зарубежных сравнительных исследованиях. Трансформационно-генеративная модель принята в качестве основной модели в польско-английском проекте по контрастивной лингвистике [415, с. 7]. Она считается более приемлемой в Штутгартском проекте [413, с. 4], а также в ряде других работ, где сравнение ведется на этой основе.

Выбор метода зависит от цели исследования. Нам представляется, что в учебной аудитории, в которой обучение системе иностранного или другого неродного языка ведется на основе традиционной грамматики, лучше вести сравнение на основе данного метода. (Прим. 30.)

При выборе метода типолог может исходить из разработанности или неразработанности систем сравниваемых языков на различных уровнях иерархии языка с различных точек зрения.

Прежде чем рассматривать операционные и классифицирующие данные сравнительной типологии, рассмотрим основные параметры и признаки, на основе которых сравнительная типология отличается от других разделов лингвистической типологии. Как мы рассмотрели в предыдущей главе, к основным параметрам сравнительной типологии относятся девять признаков. Самыми главными из них являются следующие: 1) ограниченность числа сравниваемых языков, 2) индифферентность к глубинно-поверхностному тождеству, 3) индифферентность к генетическому родству и системной близости, 4) относительная ограниченность и завершенность типологических операций, 5) контенсивный подход к сравнению и межъязыковость инвариантов, 6) минимальность языка-эталона.

Каждый из указанных параметров служит фактором, определяющим предмет сравнительной типологии.

ОГРАНИЧЕННОСТЬ ЧИСЛА СРАВНИВАЕМЫХ ЯЗЫКОВ

Сравнительная типология рассматривает ограниченное число языков. Во всех отношениях сравнение носит бинарный характер. Бинарность делится на двуязычную и многоязычную. **Д в у я з ы ч н а я б и н а р н о с т ь** означает сравнение систем двух конкретных языков. Например, английский—узбекский, русский—узбекский, русский—казахский, английский—киргизский, русский—уйгурский и др. **М н о г о я з ы ч н а я б и н а р н о с т ь** может означать а) одностороннюю многоязычную бинарность, б) двустороннюю многоязычную бинарность.

Двуязычная бинарность сравнения применима для систем двух изолированных родственных и неродственных языков.

Одностороннее многоязычное бинарное сравнение характеризуется как сравнение системы одного языка с системами нескольких близкородственных языков одновременно. Схематически это выглядит так: А=А, Б, В, Г, Д. При этом исходный язык и сравниваемые языки должны отличаться своей генетической гетерогенностью хотя бы в их генезисе. Следует указать, что объединяемые для сравнения группы языков должны быть близкородствен-

ными. Это необходимо для выявления межъязыковых алломорфем той или иной типологической категории. При этом группа языков рассматривается как одно целое. Генетико-типологическая близкородственность позволяет типологу объединить их в одну группу оппозиции.

В свою очередь, число сравниваемых языков можно увеличить или уменьшить. Это зависит от цели исследования. Принцип ограничения осуществляется на основе следующих особенностей: а) учитывается системная близость объединяемой группы оппозиции, б) учитывается ареальная, или региональная, близость. В большинстве случаев ареальная близость родственных языков обуславливается системной близостью. Примером одностороннего бинарного сравнения может служить сравнение английского языка с системой группы тюркских языков, т. е. сравнение системы английского языка с системами узбекского, каракалпакского, казахского, туркменского, киргизского и уйгурского языков. При выборе этих языков мы исходили из указанных двух факторов, т. е. эти языки одновременно имеют и ареальную, и системную близость.

Заметим, что всегда можно выделить пограничные языки, которые могут входить и в другую группу. В нашем примере имеется в виду туркменский язык, который может быть включен в другую группу вместе с азербайджанским языком. Однако тогда системная близость отрывается от региональной близости. С учетом системно-ареальной близости тюркские языки можно сравнивать, сгруппировав их не менее чем в четыре подгруппы.

При объединении группы тюркских языков учитывается глубоко-поверхностное и эмико-этическое тождество. Например, категория залоговости в тюркских языках выражается общими морфемами {-ил}, {-ин}, {-иш}, {-дир}, {-каз}, для которых характерен, глубоко-поверхностный изоморфизм. Однако внутри систем тюркских языков существует определенное звуковое расхождение, но фонетическое изменение отдельных звуковых единиц несколько не мешает субстанционально-этическому сходству межъязыковых алломорфем залоговости. Следует указать, что этот тип сравнения имеет и большое теоретическое, и важное прикладное значение.

Для нашей многонациональной страны, где в равноправных союзных республиках проживают многомиллионные тюркоязычные народы, особенно необходимо проводить сравнение русского и тюркских, а также иностранного и тюркских языков на основе односторонней многоязычной бинарности. Это, во-первых, поднимет научный уровень работ по сравнению языков, во-вторых, будет способствовать созданию единых учебников для тюркоязычных республик, в вузах которых изучается учебная дисциплина «сравнительная типология изучаемого иностранного и родного языка», что несомненно даст большой экономический эффект. Кроме того, на данной основе можно идентифицировать учебный процесс и научное сравнение.

При изучении той или иной категории на основе одностороннего многоязычного бинарного сравнения категориальные маркеры одного языка сравниваются с обобщенными категориальными маркерами язы-

ков другой сравниваемой группы. Так, например, при сравнении типологической категории множественности в английском языке и в группе тюркских языков сначала выделяется морфема множественности, которая в английском языке выражается при помощи *-(e)s*. Эта морфема противопоставляется морфеме множественности в тюркских языках. Будучи межъязыковой морфемой, морфема множественности в тюркских языках состоит из межъязыковых алломорфем. В английском языке морфемой множественности считается *-(e)s*, поэтому она употребляется в фигурных скобках *{-(e)s}*, в тюркских языках морфемой множественности выступает суффикс *-лар*, который также употребляется в фигурных скобках — *{-лар}*. Различные варианты *-лар* выступают в качестве алломорфем данной морфемы. Ср.:

узб. *-лар*: балалар *дети*;

каз. *-лар, -лер, -дар, -дер, -тар, -тер*: балалар *дети*, үйлер *дома*, күндер *дни*, жігіттер *парни*; аттар *лошади*, қыздар *девочки*, *девушки*;

кирг. *-лар, -лер, -дар, -лор, -дор*: окуучулар *читатели, ученики*, энелер *матери*, болодар *дети*, тоолор *горы*, столдор *столы*;

туркм. *-лар, -лер*: балалар *дети*, демирлер *железо*;

уйг. *-лар, -ләр*: балалар *дети*, эмгәкчиләр *трудящиеся*;

каракалп. *-лар, -лер*: балалар *дети*, күнлер *дни*.

Двустороннее [многоязычное бинарное сравнение] связано с сравнением систем группы близкородственных языков с системами другой группы близкородственных языков одновременно. Схематически сказанное выглядит так: А, В, Г ... = А₁, В₁, Г₁

Например, когда сравнивается категория множественности в системах тюркских и германских языков, тогда мы имеем многоязычную бинарность.

Данный тип сравнения в основном преследует научную цель. Так, например, при сравнении категории залоговости в системах германских и тюркских языков возникает большое расхождение, ибо во всех германских языках выделенные нами субкатегории морфологически выражены недостаточно. Например, в системах самих германских языков нет глубинно-поверхностного тождества при передаче категории залоговости. Например, категория пассивности в английском выражается при помощи модели *be+V_{en}*, немецком — *werden+V_{en}*, датском — *-(e)s* и *blive+V_{en}*, шведском — *bli(va), vara+V_{en}* и т. д.

Германские языки требуют дальнейшей классификации по определенным ареалам типа скандинавского.

По сравнению с германскими языками, где структуры современных германских языков намного отошли друг от друга, тюркские языки имеют очень близкую друг другу структуру.

Те единицы, которые выше уровня морфемы могут объединяться под обобщенными единицами, называются залоговыми маркерами.

В лингвистической типологии исследователь больше сталкивается с алломорфными свойствами сравниваемых языков, ибо полная

материальная изоморфность соответствующих средств связана с языковой близостью или близкородственностью.

ИНДИФФЕРЕНТНОСТЬ К ГЛУБИННО-ПОВЕРХНОСТНОМУ ТОЖДЕСТВУ

Особый интерес представляет применение дихотомической теории глубинной и поверхностной структур при сравнении языков.

В настоящей работе под глубинной структурой условно понимается обобщенное языковое категориальное значение, соответствующее определенным единицам плана содержания, которые, в свою очередь, имеют различные соотношения с уровнями иерархии языка. Глубинная структура является весьма абстрагированной, ибо категориальное значение само абстрагировано.

Поверхностная структура объясняется как внешнее проявление глубинной структуры. Глубинная структура превращается в поверхностную при помощи трансформации.

Глубинная структура, или уровень глубинной структуры, и поверхностная структура, или уровень поверхностной структуры, характерны для всех языков. Глубинная и поверхностная структуры характеризуют все пласты иерархии языка, т. е. на каждом уровне выделяются единицы глубинной и поверхностной структур. Далее на фонологическом уровне выделяют глубинную и поверхностную структуры. По мнению А. Мартине, на этом уровне глубинная структура выражается фонематической системой языка, а поверхностная структура — фонетической структурой. Например, в глубинной структуре слов типа *bike*, *trike* имеются слова *bicycle*, *tricycle* и т. д.

Сущность глубинных и поверхностных структур связана с вопросами определения соотношения формы и значения лингвистических единиц, с грамматикой, семантикой и др. Вопрос о сущности глубинных и поверхностных структур был в прошлом и является сейчас предметом больших лингвистических споров и научных дискуссий.

В зарубежной лингвистике концепцию глубинной структуры впервые выдвинул Н. Хомский, который утверждал, что при лингвистическом анализе семантической структуры рассмотрение семантики не является обязательным. (Прим. 31.) В противоположность ему Дж. Кац, Дж. Макколи, Дж. Лакофф, Дж. Фодор, П. Постал и др. утверждают, что трансформации имеют значение и предложения, которые являются перифразами друг друга, имеют ту же самую глубинную структуру. В их понимании глубинная структура идентифицируется со смыслом предложения. (Прим. 32.) Общность смысла связана с межъязыковостью, т. е. с типологической сущностью глубинной структуры. Дж. Кац и Дж. Фодор включают семантику в генеративную модель. (Прим. 33.)

Различные трактовки данного понятия в порождающей и аналитической грамматике излагаются Л. С. Бархударовым, Ю. С. Мартемьяновым, В. В. Богдановым, Р. Бота (Прим. 34) и др.

Специальную систему описания глубинных падежей предложил Ч. Филлмор [386]. В своей работе он изучает падеж на основе взаимосвязи семантического и синтаксического отношений компонентов пред-

ложения. По мнению Ч. Филлмора, падеж должен представлять отношения глубинной структуры между именными сочетаниями и глаголами, в то время как представители традиционной, а также генеративной грамматики рассматривали падежные отношения на уровне поверхностной структуры. (Прим. 35.) У Ч. Филлмора отношение между подлежащим и сказуемым относится к поверхностной структуре. Семантику он считает генеративной, а синтаксис интерпретивным. Каждое предложение у него состоит из двух компонентов: модальности и пропозиции. Под модальностью подразумеваются: отрицание, время, наклонение, аспект. Под пропозицией понимается безвременная сеть отношений, включающая в себя глаголы и существительные. В свою очередь, пропозиция состоит из обязательного глагола и из одной или более падежных категорий. В пропозиции падежная категория больше одного раза не появляется. Каждая падежная категория делится на падежный маркер и именное сочетание.

В своей работе Ч. Филлмор выделил несколько глубинных падежей (Agentive, Dative, Factitive, Locative, Objective, Benefactive), которые маркируются при помощи предлогов.

К числу работ, написанных под влиянием падежной теории Ч. Филлмора, можно отнести еще ряд исследований. Наиболее характерными из них являются исследования Дж. Андерсона, Д. Бартона, Д. Нильсена, У. Доналдсона, а также некоторые коллективные труды по падежу. Система Ч. Филлмора нашла применение и в описании системы современного японского языка.

Основным достоинством работы Ч. Филлмора можно считать то, что его теория может быть применена при изучении систем различных языков. Однако, насколько нам известно, такое типологически-сравнительное применение пока не проводилось. Данную теорию применяли только при изучении систем отдельных языков без сравнения, например, французского языка, языка таи, кечуа и др. Следует указать, что система Ч. Филлмора не может служить совершенным метаязыком для сравнения, так как она, во-первых, разработана не для типологии и в ней не учитываются взаимоотношения межуровневых синонимичных единиц и, во-вторых, его система характеризуется больше как логическая, а не как лингвистическая.

С развитием типологических исследований языковеды начали замечать типологическую неоднородность глубинной структуры. Поэтому в последнее время в лингвистической литературе все чаще начинают появляться отдельные высказывания по вопросу типологической неоднородности глубинной структуры. Например, Г. Бирнбаум иначе рассматривает глубинную структуру [374, с. 25]. В глубинной структуре он различает три слоя глубины. Первый слой — это глубинная структура наименьшей глубины (Deep structure of least "depth"), данную ступень глубины он называет инфраструктурой (Infrastructure). Инфраструктура характеризует отдельно взятый конкретный язык (Language-specific). Второй слой глубины Г. Бирнбаум называет типологической глубинной структурой (Typological deep structure). Эта глубинная структура характерна для языков

определенной типологической глубины или для отдельного языкового типа. Третий слой глубины по Г. Бирнбауму имеет наибольшую глубину и связан с универсалиями языка. Эта глубинная структура называется полной глубинной структурой (Profound deep structure). Последняя структура наибольшей глубины фактически отождествляется с глубинной структурой Н. Хомского и, по мнению Г. Бирнбаума, может претендовать на универсальность. В этом отношении инфраструктура и типологическая глубинная структура являются своеобразными составляющими полной глубинной структуры. Типологическая инвентаризация глубинной структуры необходима при типологических исследованиях. Несмотря на положительные моменты, данное толкование Г. Бирнбаумом глубинной структуры вызывает определенные возражения с нашей стороны. Во-первых, рассматривая инфраструктуру и типологическую глубинную структуру в качестве инвариантов полной глубинной структуры, Г. Бирнбаум отождествляет полную глубинную структуру с глубинной структурой Н. Хомского. Во-вторых, классификация Г. Бирнбаума, с одной стороны, связана с общностью или приблизительным схождением единиц поверхностной структуры, а, с другой стороны, — с общностью или изоморфностью, языкового типа или генетическим родством. В связи с этим возникает естественный вопрос о том, как определять глубинную структуру, когда сравниваются языки различного типа.

В этом отношении своеобразную концепцию универсальной синтаксической глубинной структуры с более конкретными способами реализации предложил В. С. Храковский. Его универсальная глубинная синтаксическая структура состоит из четырех подтипов, при помощи которых можно подвергать типологическому описанию системы неродственных языков.

Существует ряд других концепций и точек зрения по вопросу глубинной и поверхностной структур. Например, А. В. Бондарко выделяет два основных уровня в многоуровневой структуре лингвистической семантики: глубинный и поверхностный [58, с. 21—22].

В лингвистической литературе предлагается множество других концепций, связанных с различными типологическими проблемами глубинной и поверхностной структур, на которых нет необходимости подробно останавливаться.

Здесь следует напомнить, что в типологии и под глубинной, и под поверхностной структурой понимаются межъязыковые единицы различных абстракций как в семантической, так и в формальной структуре языков. При выделении единиц глубинной структуры необходимо одновременно исходить из их внешней трансформации, а также из видов совпадения внешних средств выражения на определенных уровнях иерархии языка.

В настоящей книге глубинная и поверхностная структуры использованы с типологической точки зрения. Термины «глубинная структура» и «поверхностная структура» заимствованы у Н. Хомского и других. Однако эти термины переосмыслены с точки зрения их применения по отношению к типологии. Суть переосмысления состоит в том, что понятие «глубинная структура» понимается как

общее категориальное понятие (или общий тип), лежащее в основе систем сравниваемых языков, а термин «поверхностная структура» понимается в данной работе как результат сравнения языков и выявление конкретных языковых средств. Как будет указано далее, агглютинация тоже рассматривается нами как глубинная структура, так как агглютинация лежит в основе языковых структур и нет языков, не пользующихся агглютинацией. В классических флективных языках, таких как русский, арабский, равно как и в классических изолирующих языках (например, в классическом китайском языке), как известно, используется способ агглютинации.

Таким образом, глубинная структура — это, с одной стороны, категориальное значение, лежащее в основе языковых систем, а с другой стороны, это общий типовой признак, или общая структура, имеющая свои конкретные поверхностные реализации в различных национальных языках. На основе типологического материала мы дали такое объяснение глубинной структуре, хотя оно может казаться парадоксальным с точки зрения традиционного понимания этого термина.

Исходя из основных разделов лингвистической типологии, т. е. на основе структурной, генетической, ареальной и сравнительной типологии, можно предполагать следующие виды классификации: а) классификацию глубинной структуры на основе глубинно-поверхностного тождества, б) классификацию глубинной структуры на основе нейтрального отношения к поверхностному тождеству.

ГЛУБИННАЯ СТРУКТУРА ГЛУБИННО-ПОВЕРХНОСТНОГО ТОЖДЕСТВА

Характеристика глубинной структуры на основе глубинно-поверхностного тождества связана с генетико-типологическим родством систем сравниваемых языков. Этот тип отношений глубинной и поверхностной структур связан с генетико-типологическим сходством межъязыковых соответствующих единиц.

Данная глубинная структура бывает трех типов: 1) минимальная, или внутриязыковая, глубинная структура, 2) типологическая глубинная структура глубинно-поверхностного тождества и 3) максимальная глубинная структура глубинно-поверхностного тождества.

Минимальная (или внутриязыковая) глубинная структура

Этот тип глубинной структуры характеризует единицы содержательного уровня индивидуальных языков, т. е. каждый индивидуальный язык имеет свои категориальные понятия, выступающие в качестве единиц глубинной структуры. Например, такие категории, как определенность — неопределенность, транзитивность — интранзитивность, одушевленность — неодушевленность и др., составляют глубинные структуры каждого конкретного языка. Единицы поверхностной структуры, т. е. средства выражения указанных категориальных понятий, находятся на различных уровнях иерархии языка. Примером может служить категория определенности—неопределен-

ности, которая в тюркских языках не выражается артиклями, в то время как в германских, романских и др. языках в качестве поверхностного реализатора выступают артикли.

Типологическая глубинная структура глубинно-поверхностного тождества

Данная глубинная структура характеризуется как глубинная структура, лежащая в основе групп языков, объединенных по общим генетико-типологическим признакам. Эта глубина определяет тот или иной языковой тип и состоит из двух подтипов: а) типологической глубинной структуры с этико-эмически организованной поверхностью, б) типологической глубинной структуры с эмически организованной поверхностью.

Типологическая глубинная структура с этико-эмически организованной поверхностью. Она характеризуется генетико-субстанциональной общностью и соотносится с генетической типологией. Типологическая изоморфность ориентируется на единицы этического уровня. Данная глубина характерна для систем близкородственных языков. Субстанционально-этическая корреспонденция одновременно обуславливает и эмическое (т. е. типологическое) соответствие. Следует подчеркнуть, что не все языки той или иной генетической группы могут иметь максимальную близость единиц поверхностной структуры. Например, современные германские языки далеко отошли друг от друга в плане материального соответствия. Что касается современных тюркских языков, то по сравнению с германскими языками в них больше сохранилось материальное соответствие.

На основе этико-эмической организованности в каждой языковой семье и внутри каждой языковой группы выделяются определенные ареальные группы с наивысшей степенью соответствия языковых средств. В этом отношении языки выбранного нами ареала характеризуются как языки с генетико-этически, или этико-эмически, организованной поверхностью. Это можно показать на примере категории компаративности:

Языки	Показатель компаративности	Пример
Узб. Каз. Кирг. Туркм. Уйг. Каракалп.	-роқ -рақ, -рек, -ырақ, -ірек -раак, -ыраак -рак, -рәк -рак, -рәк -рак, -рек, -ырақ, -ирек	қизилроқ, узунроқ қызылырақ, сарырақ, көгірек чонураак, жакшыраак гызылырак, гөгрәк қарирақ, қимматрәк халлырак, пәтиуасызырак, күшсисирек

Как видно из указанных выше примеров, в шести выбранных языках общая глубинная структура выражается идентичными поверх-

ностными единицами в поверхностной структуре. Можно привести много подобных примеров из систем самых различных языков мира.

Типологическая глубинная структура с эмически организованной поверхностью. Данная глубинная структура характеризует структурный подтип и соотносится со структурной типологией, которая осуществляет свои операции на основе системных соответствий. Этот подтип глубинно-поверхностного соответствия частично характерен для сравнительной типологии, так как она не всегда сравнивает системы языков, исходя из структурной идентичности языковых систем. Типологическая глубинная структура с эмически организованной поверхностью может объединять огромное количество языков того или иного структурного типа. В истории языкознания классификация языков на основе их морфологических признаков осуществлялась именно по данному принципу.

Сравнение языков на основе единства глубинно-поверхностного тождества на эмическом уровне включает сопоставление агглютинативного, флективного, изолирующего и инкорпорирующего типов с учетом их уровневого совпадения. Напомним, что почти в каждом языковом типе можно найти элементы агглютинации, фузии, изоляции и т. д.

Р. Робинс прав, когда он пишет: «English is in fact a fairly mixed type of language in respect of the three types, and each can be illustrated from English». В таких неизменяемых словах, как *since, from, as, when, seldom, now*, которые относятся к предлогам, союзам и наречиям, он находит черты изолирующего типа, в таких морфологических сочетаниях, как *illegalities, unavoidably, stabilizers*, — черты агглютинации и в формах слов типа *men, mice, geese* — черты фузии [424, с. 332].

Максимальная глубинная структура глубинно-поверхностного тождества

К этой глубинной структуре относится общая глубинная структура, лежащая в основе нескольких языковых типов, но с тем ограничением, что сравниваемые языки представляют одноуровневые поверхностные средства для ее выражения. Например, аналитизм и синтетизм характерны для систем языков различных типов.

Соотношение или взаимоотношение уровней глубинно-поверхностных тождеств и соответствующих языков схематически можно проиллюстрировать следующим образом:

№	Уровень глубины	Количественный признак
I	Минимальная глубина	Один конкретный язык
II	Типологическая глубина	Группа языков отдельного типа
III	Максимальная глубина	Несколько групп языков с более общей структурой

Итак, определение типов отношений глубинно-поверхностного тождества обусловлено сохранением определенных внешних, или структурных, тождеств, т. е. сохранением уровневой ограниченности, или изоляции. В этом и заключается некоторая ограниченность классификации глубинного уровня.

ГЛУБИННАЯ СТРУКТУРА НА ОСНОВЕ НЕЙТРАЛЬНОГО ОТНОШЕНИЯ К ПОВЕРХНОСТНОМУ ТОЖДЕСТВУ

Данная классификация не зависит от характера языкового типа. Однако ее индифферентность по отношению к глубинно-поверхностному тождеству не исключает внутренне-внешнюю гармонию глубинной и поверхностной структур. Следовательно, при данной классификации глубина определяется независимо от идентичности и неидентичности единиц поверхностной структуры, объединяемых по конкретным признакам языков. Нейтральность к поверхностной структуре исходит из общности содержательной стороны высказывания. Если первый тип классификации глубинной структуры ограничивается только теми слоями глубинной структуры, которым на поверхности соответствуют изоморфные между собой единицы, то для второго типа этот случай не характерен. В этом отношении диапазон распространения последнего будет шире.

Эта глубинная структура также состоит из трех типов: 1) минимальная глубинная структура, 2) типологическая глубинная структура и 3) абсолютная глубинная структура.

Минимальная глубинная структура

Минимальная глубинная структура, которая характеризует систему одного конкретного языка, полностью совпадает с минимальной глубинной структурой глубинно-поверхностных тождеств, ибо она соотносится с глубинной структурой каждого конкретного языка. Например, каждый из сравниваемых в данной работе языков имеет собственную минимальную глубину.

Типологическая глубинная структура, нейтральная по отношению к глубинно-поверхностному тождеству

Типологическая глубинная структура этого типа характеризуется как глубина с гетерогенно организованной поверхностью. Под термином «неорганизованность» подразумевается разноструктурность, или генетико-типологическая нетождественность, единиц поверхностной структуры. Данная глубинная структура лежит в основе любого набора сравниваемых языков, при этом количество языков может быть и более двух. Глубинная структура этого типа является инвариантом, характерным для каждого из сравниваемых языков.

Если формальные способы выражения той или иной типологической категории совпадают, то соответствующие единицы характеризуются: а) как одноуровневые субстанционально гетерогенные единицы;

б) как разноуровневые единицы, объединенные вокруг определенной типологической категории.

В данном типе глубинной структуры изоморфность характеризуется как семантическая общность. Формальная, или внешняя, изоморфность играет второстепенную роль, ибо она не связана с процессом сравнения генетически и структурно родственных языков.

Поверхностная структура, соответствующая типологической глубинной структуре, может быть представлена на самых различных уровнях языковой иерархии. Типологическая ценность этого типа глубинной структуры обусловлена выбором групп языков для сравнения и поэтому имеет важное прикладное значение.

Следует особо отметить, что при изучении языков на уровне данной глубины в задачу типолога одновременно входит выявление и изоморфизма, и алломорфизма. На основе сравнения систем языков типолог не ограничивается одноуровневыми соответствиями. Он будет иметь дело с вопросами разноуровневых и разноструктурных соответствий, которые находятся в определенных синонимичных отношениях.

В качестве материала для сравнения такого рода можно выбирать также языки с генетическо-типологическим родством системы.

Таким образом, типологическая глубинная структура с гетерогенной поверхностью используется при сравнении систем генетически и морфологически неродственных языков на основе определенных типологических категориальных понятий, которые, будучи общими в глубине, на поверхности имеют разноуровневые единицы.

Абсолютная глубинная структура

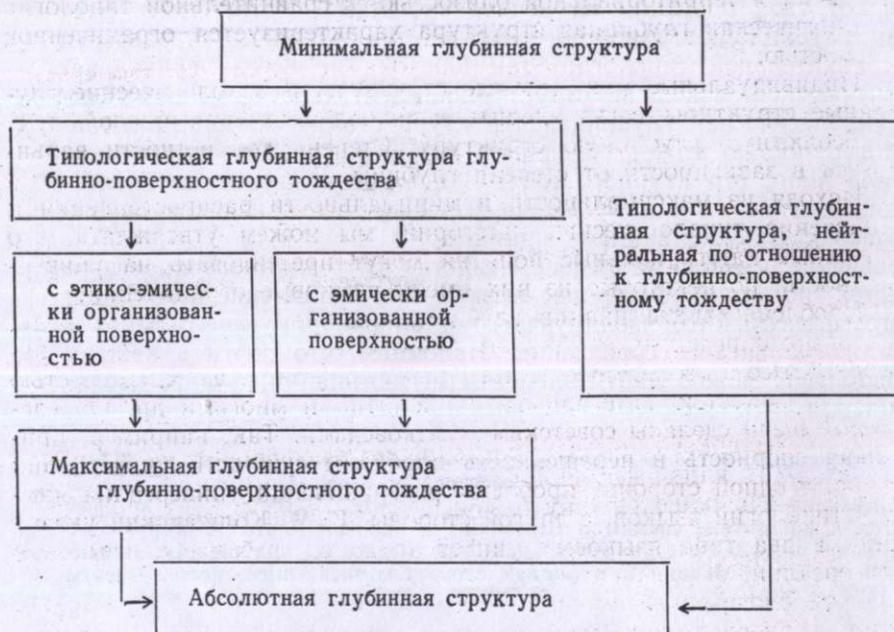
Данный тип глубинной структуры представляет семантическую сторону всех сравниваемых языков без исключения. Эта глубинная структура является универсальной. Она едина для всех языков и поэтому объединяет в себе максимальную глубинную структуру первого типа. Языковые универсалии строятся на основе этой глубины. Абсолютная глубинная структура является конечной и объединяет все виды глубинной структуры.

* * *

Таким образом, глубинную структуру в нашем понимании можно классифицировать двояко, т. е. как на основе глубинно-поверхностного тождества, так и на основе ее нейтрального отношения к глубинно-поверхностному тождеству. При этом для обоих типов характерна определенная ограниченность. Первый вид ограничения можно назвать *т и п о в ы м*, ибо он связан со структурной обобщенностью соответствующих единиц поверхностной структуры. Второй тип ограничения можно назвать *я з ы к о в ы м*, или *к в а н т и т а т и в н ы м*, ибо такое ограничение происходит либо из-за неполного охвата всех языков, либо из-за преднамеренного ограничения их числа в практических целях. Самая низкая абсолютная глубина языков

является предельной величиной, или категориальной глубиной, типологической классификации языков.

Взаимосвязь уровней двух видов классификации глубинной структуры схематично можно представить следующим образом:

При классификации глубинной структуры развиваются две своеобразные линии: первая — генетико-типологическая, вторая — этико-типологическая. Первая имеет четыре слоя глубины, а вторая — три, ибо в последней происходит своеобразное объединение двух подтипов типологической глубины. Четырехступенчатое наложение глубины характерно только для лингвистики, а трехступенчатое может составлять объект исследования не только лингвистики, но служить объектом исследования и для других наук.

До сих пор мы говорили о типологической классификации глубинной структуры, зависящей от своеобразного совпадения глубинно-поверхностного изоморфизма систем языков, объединяемых в процессе сравнения.

Существует и классификация глубинной структуры предложения, предложенная Л. С. Бархударовым. Он выделяет четыре уровня глубины синтаксической структуры предложения.

Следует особо отметить, что уровни глубины связаны с различными степенями общности, а также с ограниченностью и неограниченностью систем языков, включаемых для сравнения. Например, соответствующие поверхностные структуры минимальной глубины выражаются синтаксическими единицами конкретного языка. Варианты единиц могут находиться в состоянии трансформационной синонимии, в то время как поверхностные показатели типологической глу-

бинной структуры более абстрагированы и могут выходить за рамки системы одного языка.

Типологическая глубинная структура в генетической типологии тесно связана с генетической общностью. В ареальной типологии она выражается территориальной близостью, в сравнительной типологии типологическая глубинная структура характеризуется ограниченной общностью.

Индивидуальные минимальные структуры и типологические глубинные структуры могут входить в наиболее глубинный слой, т. е. в абсолютную глубинную структуру. Степень конкретности варьируется в зависимости от степени глубины.

Исходя из максимальной и минимальности распространения и выражения типологических категорий, мы можем утверждать, что отдельные категориальные понятия могут претендовать на универсальность, но некоторые из них имеют языковые ограничения.

Проблема стратификации глубинной структуры, в свою очередь, связана с определением сущности универсалий языка, а также ограниченностью и неограниченностью языковых универсалий, общностью и специфичностью категориальных понятий и многими др. Определенные шаги сделаны советскими лингвистами. Так, например, признавая спорность и нерешенность проблемы сущности универсалий языка, с одной стороны, проблемы разграничения универсалий языка и типологии языков, с другой стороны, Г. В. Колшанский указывает на два типа языковых универсалий: а) глобальные языковые универсалии, б) ограниченно-типологические универсалии языка.

С типологической точки зрения определения языковых универсалий первого типа можно отнести к конечному синтезирующему этапу типологических операций, а выявление второго типа языковых универсалий — к «предварительному», или «эмпирическому», этапу типологических операций [167, с. 547].

Нам представляется, что указанная концепция Г. В. Колшанского связана со своеобразной типологической интерпретацией языковых универсалий и поэтому в некоторой степени аналогична типологической классификации глубинной структуры, а именно, глобальные языковые универсалии соотносятся с абсолютной глубинной структурой, а ограниченные или типологические языковые универсалии — с типологической глубинной структурой. Предложенный Г. В. Колшанским принцип определения языковых универсалий является существенным, ибо без определенных группировок и типовых или типологических обобщений нельзя сразу выявлять языковые универсалии.

Взаимосвязь стратификаций языковых универсалий и глубинных структур заключается в том, что для типологических универсалий характерна типологическая глубинная структура, а для глобальных, или полных, универсалий характерна абсолютная глубинная структура. Эти типы глубинной структуры и языковых универсалий, в свою очередь, проявляются на различных этапах типологических операций. Минимальная глубинная структура изучается на этапе анализа, типологические глубинные структуры изучаются на этапе синтеза, а абсо-

лутная глубина, или глобальные языковые универсалии, — на этапе универсализации. Схематически это можно представить следующим образом:

Типы стратификаций		Этапы типологических операций
Стратификация языковых универсалий	Стратификация глубинных структур	
I —	Минимальная глубинная структура	Этап анализа
II Типологические универсалии языков	Типологическая глубинная структура	Этап типологизации (или этап синтеза)
III Глобальные языковые универсалии	Максимальная и абсолютная глубинные структуры	Этап универсализации

Итак, при типологическом сравнении систем различных языков требуется определенная типологическая классификация глубины на основе принципа от простого к сложному (или от единичного ко всеобщему) и от конкретного к абстрактному. На этой основе производится классификация единицы глубинной структуры, выбранной для сравнения. При этом разделы лингвистической типологии могут по-разному подходить к выбору. Например, те разделы лингвистической типологии, которые исходят из выявления общего типа в поверхностной структуре, больше связаны с глубинной структурой глубинно-поверхностных тождеств. В нашей классификации сюда относятся структурная, генетическая и ареальная типология. Сравнительная типология двух или более языков исходит из глубинной структуры, нейтральной к глубинно-поверхностному тождеству.

Определение соотношения разделов лингвистической типологии с различными сторонами глубинной структуры имеет первостепенное теоретическое значение. Кроме того, данным вопросом в настоящее время занимаются не только методисты и лингвисты, разрабатывающие вопросы методики преподавания второго языка и вопросы лингвистического перевода, но и представители психолингвистики.

ИНДИФФЕРЕНТНОСТЬ СРАВНИТЕЛЬНОЙ ТИПОЛОГИИ К ГЕНЕТИЧЕСКОМУ РОДСТВУ И СИСТЕМНОЙ БЛИЗОСТИ

В сравнительной типологии сопоставляются системы языков независимо к их генетическому родству. Однако генетически родственные и разнотипные языки до некоторой степени могут отличаться друг от друга при типологическом сопоставлении. У родственных языков все же могут сохраняться элементы исторической тождественности.

венности [360, с. 206]. Например, формы прошедшего времени, образующиеся при помощи дентальных суффиксов, образование формы множественного числа при помощи суффикса *-s* и многие другие, которые характерны для языков, входящих в германскую группу индоевропейской языковой семьи. Аналогичным образом ряд тождеств и типичных общих форм можно выделить и для славянской, романской, иранской и других групп. Может быть и наоборот: генетически неродственные языки в ходе своего исторического развития могут стать типологически близкими. Можно выделить ряд типологически родственных групп языков на основе конкретных категориальных признаков независимо от их генетического родства.

При определении сущности межъязыковых типологических категорий необходимо исходить и из общности и специфичности выбранных категориальных понятий. Л. Блумфилд был прав, когда он писал, что «задача лингвистов будущего — сравнение категорий различных языков и выяснение того, какие из них представляют собой явления универсальные или по крайней мере широко распространенные» [50, с. 298].

Общность категориальных понятий связана с поверхностным изоморфизмом, а специфичность — с поверхностным алломорфизмом. При сравнении систем языков типологу необходимо одновременно принимать во внимание и ту, и другую особенность.

В лингвистической типологии исходят из общности сравниваемой категории как в плане содержания, так и в плане выражения. Семантический и лексико-грамматический изоморфизм характерен как для ограниченного, так и для неограниченного числа языков.

Общность может быть характерна: а) для всех языков, б) для группы языков, в) для двух сравниваемых языков. Первый случай характерен для универсалий языка. Второй характеризует определенный языковой тип. Третий определяет минимальный подтип.

Способы реализации общности и специфичности в двух языках могут иметь следующие типы отношений: а) эксплицитный — эксплицитный, б) эксплицитный — имплицитный, в) имплицитный — эксплицитный, г) имплицитный — имплицитный. Общность может быть и минимальной, и максимальной.

Максимальная общность определяется наличием категориальных показателей в системах сравниваемых языков каждого уровня иерархии языка. Данная общность характерна для самых близкородственных языков как в генетическом, так и в структурно-типологическом плане. Максимальная общность включает в себя и понятие количественного расширения. Однако в данном случае максимальная общность понимается на основе способа выражения категориальных понятий.

Минимальная общность определяется частичным совпадением внешних средств выражения той или иной типологической категории в системах сравниваемых языков. Например, в английском и тюркских языках средства выражения категории каузативности в их системах частично совпадают, т. е. морфологический способ в английском языке отсутствует, а синтаксический способ в тюркских

языках имеет более конкретное значение, чем в английском языке.

Типологическое родство связано с типологической общностью. При этом следует различать типологическое родство и генетическое родство.

Генетическая общность модифицируется материальной общностью, обусловленной этико-эмическим тождеством. Это, в свою очередь, свидетельствует о совпадении материальной и идеальной стороны в различных языках. Исходя из различных степеней общности внутри генетической общности, можно различать высшую и низшую степени общности.

Высшая степень общности — это этико-эмическая общность, которая характерна для систем самых близкородственных языков. Данный тип общности у родственных языков определяется совпадением единиц фонетико-фонологического, морфологического, синтаксического и лексического уровней. Выбранные нами тюркские языки отвечают указанным выше требованиям. Приведем в качестве иллюстрации тексты на киргизском и узбекском языках и на туркменском и узбекском языках.

Киргизский

Откон кузда колхоздон мага телеграмма келди.

Эки жылдан бери биздын колхоз оз кучу менен жаңы мектеп куруп жатган болчу.

(Ч. Айтматов)

Туркменский

Сапа болар

Ягшы билен болсаң оба,
Ишиң завкы-сапа болар,
Йигитликде кылсаң тоба,
Коп дердиңе дова болар.

Яман гоңшы чапар гайта,
Йикылсаң-да депер гайта,
Сенден айып тапар гайта,
Бошыңа бир бела болар.

Адам ягшысы алымдыр,
Амал этмесе, залымдыр,
Менин зынатлы малымдыр,
Хакы бир гун эда болар.

(Магтымгулы)

Узбекский

Утган кўзда колхоздан менга телеграмма келди.

Икки йилдан буён колхозимиз ўз кучи билан янги мактаб солаётган экан.

(Ч. Айтматов)

Узбекский

Сафо бўлур

Яхши билан бўлсанг ҳамроҳ,
Ишинг завқу сафо бўлур,
Йигитликда қилсанг тавба,
Кўп дардингга даво бўлур.

Ёмон кўшни чопар қайта,
Йиқилсанг-да тепар қайта,
Сендан айб топар қайта,
Бошинга бир бало бўлур.

Одам яхшиси олимдир,
Амал этмаса, золимдир,
Менинг зийнатли молимдир,
Хоки бир кун адо бўлур.

(Маҳтумқули)

Аналогичные примеры можно привести и из других тюркских языков. Внутри тюркских языков также можно выделять определенные ареалы, которые объединяют тюркские языки в отдельные группы с более близкой структурой. На этом основании выделена отдельная

венности [360, с. 206]. Например, формы прошедшего времени, образующиеся при помощи дентальных суффиксов, образование формы множественного числа при помощи суффикса *-s* и многие другие, которые характерны для языков, входящих в германскую группу индоевропейской языковой семьи. Аналогичным образом ряд тождеств и типичных общих форм можно выделить и для славянской, романской, иранской и других групп. Может быть и наоборот: генетически неродственные языки в ходе своего исторического развития могут стать типологически близкими. Можно выделить ряд типологически родственных групп языков на основе конкретных категориальных признаков независимо от их генетического родства.

При определении сущности межъязыковых типологических категорий необходимо исходить и из общности и специфичности выбранных категориальных понятий. Л. Блумфилд был прав, когда он писал, что «задача лингвистов будущего — сравнение категорий различных языков и выяснение того, какие из них представляют собой явления универсальные или по крайней мере широко распространенные» [50, с. 298].

Общность категориальных понятий связана с поверхностным изоморфизмом, а специфичность — с поверхностным алломорфизмом. При сравнении систем языков типологу необходимо одновременно принимать во внимание и ту, и другую особенность.

В лингвистической типологии исходят из общности сравниваемой категории как в плане содержания, так и в плане выражения. Семантический и лексико-грамматический изоморфизм характерен как для ограниченного, так и для неограниченного числа языков.

Общность может быть характерна: а) для всех языков, б) для группы языков, в) для двух сравниваемых языков. Первый случай характерен для универсалий языка. Второй характеризует определенный языковой тип. Третий определяет минимальный подтип.

Способы реализации общности и специфичности в двух языках могут иметь следующие типы отношений: а) эксплицитный — эксплицитный, б) эксплицитный — имплицитный, в) имплицитный — эксплицитный, г) имплицитный — имплицитный. Общность может быть и минимальной, и максимальной.

Максимальная общность определяется наличием категориальных показателей в системах сравниваемых языков каждого уровня иерархии языка. Данная общность характерна для самых близкородственных языков как в генетическом, так и в структурно-типологическом плане. Максимальная общность включает в себя и понятие количественного расширения. Однако в данном случае максимальная общность понимается на основе способа выражения категориальных понятий.

Минимальная общность определяется частичным совпадением внешних средств выражения той или иной типологической категории в системах сравниваемых языков. Например, в английском и тюркских языках средства выражения категории каузативности в их системах частично совпадают, т. е. морфологический способ в английском языке отсутствует, а синтаксический способ в тюркских

языках имеет более конкретное значение, чем в английском языке.

Типологическое родство связано с типологической общностью. При этом следует различать типологическое родство и генетическое родство.

Генетическая общность модифицируется материальной общностью, обусловленной этико-эмическим тождеством. Это, в свою очередь, свидетельствует о совпадении материальной и идеальной стороны в различных языках. Исходя из различных степеней общности внутри генетической общности, можно различать высшую и низшую степени общности.

Высшая степень общности — это этико-эмическая общность, которая характерна для систем самых близкородственных языков. Данный тип общности у родственных языков определяется совпадением единиц фонетико-фонологического, морфологического, синтаксического и лексического уровней. Выбранные нами тюркские языки отвечают указанным выше требованиям. Приведем в качестве иллюстрации тексты на киргизском и узбекском языках и на туркменском и узбекском языках.

Киргизский

Откон кузда колхоздон мага телеграмма келди.
Эки жылдан бери биздын колхоз оз кучу менен жаңы мектеп куруп жатган болчу.

(Ч. Айтматов)

Туркменский

Сапа болар

Ягшы билен болсаң оба,
Ишинг завкы-сапа болар,
Йигитликде кылсаң тоба,
Коп дердиңе дова болар.

Яман гоңшы чапар гайта,
Йикылсаң-да депер гайта,
Сенден айып тапар гайта,
Бошыңа бир бела болар.

Адам ягшысы алымдыр,
Амал этмесе, залымдыр,
Менин зынатлы малымдыр,
Хаки бир гун эда болар.

(Магтымгулы)

Узбекский

Ўтган кўзда колхоздан менга телеграмма келди.
Икки йилдан буён колхозимиз ўз кучи билан янги мактаб солаётган экан.

(Ч. Айтматов)

Узбекский

Сафо бўлур

Яхши билан бўлсанг ҳамроҳ,
Ишинг завқу сафо бўлур,
Йигитликда қилсанг тавба,
Кўп дардингга даво бўлур.

Ёмон қўшни чопар қайта,
Йиқилсанг-да тепар қайта,
Сендан айб топар қайта,
Бошинга бир бало бўлур.

Одам яхшиси олимдир,
Амал этмаса, золимдир,
Менинг зийнатли молимдир,
Хоки бир кун адо бўлур.

(Маҳтумқули)

Аналогичные примеры можно привести и из других тюркских языков. Внутри тюркских языков также можно выделять определенные ареалы, которые объединяют тюркские языки в отдельные группы с более близкой структурой. На этом основании выделена отдельная

Я

Я

группа тюркских языков среднеазиатского и казахстанского ареала. Аналогичным образом можно объединить тюркские языки внутри урало-поволжского ареала, кавказского ареала и др.

С точки зрения изоморфности можно считать, что ареальная изоморфность каждой региональной группы обладает определенной инвариантной материальной общностью, каждая из которых в конечном счете объединяется под общей типологической общностью. Ареальное развитие связано с конкретными историческими факторами. Разработка динамического развития каждой ареальной группы с учетом их алломорфности не входит в задачу сравнительной типологии, ибо она изучается генетической типологией.

Следует указать, что для каждого конкретного языка характерны свои особенности, на основе которых этот язык выделяется в качестве самостоятельного национального языка, в противном случае, т. е. при полном совпадении с другими языками той же группы, не было бы основания считать его самостоятельным языком.

Низшая степень генетической общности также характеризуется этико-эмической идентичностью, однако общность в данном случае выражается очень дистантно. Она характерна для дальнородственных языков определенной генетической общности. К ним можно отнести английскую и армянскую, немецкую и иранскую языковые общности. Низшая степень общности охватывает большее количество языков, чем высшая степень общности. Однако и высшая, и низшая степени общности считаются количественно ограниченными.

В языкознании общепринятой концепцией генетической общности является факт признания развития языков из одного общего праязыка [397, с. 83].

Существуют различные мнения и разнообразные варианты определения генетического родства языков. Все они строятся, в основном, на общности некогда существовавшего гипотетического праязыка.

При определении близости и дистантности родства основную роль должно играть этико-эмическое и глубинно-поверхностное тождество.

По сравнению с генетической общностью определение типологической общности, или родства, является более сложным. Трудность заключается в том, что у типологически сходных языков отсутствует генетическая общность, основывающаяся, главным образом, на идентичности элементов плана выражения. Возникает закономерный вопрос, что же понимают под типологической общностью.

Типологическая общность — это сходство, выражаемое общностью одноуровневых единиц эмического уровня при наличии или при отсутствии идентичности единиц этического уровня. С точки зрения системной классификации языков типологическая общность — это общность детерминанты [203, с. 128—159].

Следует указать, что типологическая общность может быть характерной как для языков одной семьи, так и для систем языков различных генетических групп.

Типологическую общность при наличии общности одноуровневых материальных единиц можно называть генетико-типологической или

этико-типологической. Она характерна для систем генетически близкородственных языков, выбранных из числа той или иной языковой семьи. Примерами могут служить звуковые соответствия в системах древнегерманских языков. Сюда относится грамматическая общность в некоторых современных иранских языках, а также общность грамматической системы современных тюркских языков. Межъязыковые сходства той или иной категории обладают большой идентичностью как на этическом, так и на эмическом уровнях. Здесь межъязыковые категориальные единицы, или маркеры, выступают в качестве межъязыковых алломорфем.

Материальные единицы поверхностной структуры могут быть охарактеризованы двояко. Во-первых, единицы этического уровня являются генетически обусловленными, т. е. они идентифицируются на основе генетического родства. Во-вторых, они могут оказаться ареально обусловленными. Ареальная обусловленность возникает на основе взаимных контактов носителей отдельных языковых типов. Сюда относят заимствованные слова, заимствованные формы и др. Примером служит наличие изафетных морфем в тюркских и иранских языках.

Типологическую общность при совпадении одноуровневых средств, но при отсутствии совпадения в этико-субстанциональном плане можно называть сугубо типологической, или эмико-морфологической. В этом случае мы сравниваем языки, которые относятся к различным генетическим группам (т. е. семьям). Например, суффиксальный способ передачи пассивной формы характерен как для турецкого языка, так и для языка лингала (семья банту). Ср. *тур.*: -il (kivirilmek *скручиваться*), *лингала*: -ама, -ема, -еме (Bobengi wapa ezali kondimama na bikolo mingi. *Это требование поддерживается многими народами; Mosala elandemi lobi. Работа начата вчера.* (Примеры на языке лингала взяты из кн.: И. Н. Топорова. Язык лингала. М., 1973, с. 49.) В рассмотренных выше примерах в обоих языках пассивность выражается при помощи суффиксов, они совпадают эмически как морфемы пассивности, однако материального совпадения у них нет.

Таким образом, типологическая общность, нейтральная глубоко-поверхностному тождеству, характерна для языков самых различных систем и встречается в структурной, ареальной и сравнительной типологии. Здесь единицы глубинной структуры выражаются разноязычными, но одноуровневыми средствами этического уровня, что свидетельствует о типологическом изоморфизме.

Единицы плана выражения типологических категорий бывают более обобщенными, и в результате этого они образуют определенные ареальные типы, т. е. может создаваться ареальная типологическая общность. Примером служит наличие отдельных балканских черт в современном болгарском языке, агглютинативное склонение существительных в современном армянском языке, случаи изоляции в современном английском языке, полисинтетизм во французском языке и др. Прав Л. Ельмслев, когда он пишет: «Within one and the same family, we

can find languages of fundamentally different types and within one and the same type, language of fundamentally different families. The two divisions of the universe of languages have nothing in common. They are established on completely different basis and from completely different points of view» [397, с. 94].

В сравнительной типологии обычно рассматриваются основные способы выражения типологических категорий в системах сравниваемых языков и определяется взаимоотношение этих межъязыковых единиц независимо от уровневого соответствия и эмико-этического тождества.

ОТНОСИТЕЛЬНАЯ ОГРАНИЧЕННОСТЬ И ЗАВЕРШЕННОСТЬ ТИПОЛОГИЧЕСКИХ ОПЕРАЦИЙ

Для сравнительной типологии характерна определенная ограниченность типологических операций. По своему характеру эта ограниченность может быть а) количественно-языковой и б) уровневой. Первый тип ограниченности связан с охватом определенного числа сравниваемых языков, в то время как второй тип типологической ограниченности зависит от участия уровневых единиц при выражении типологической категории. Общей для того и другого типа является межъязыковость, или межъязыковая общность.

Количественно-языковая ограниченность присуща закрытому списку языков. Можно сравнивать: а) два языка из одного языкового типа, б) два языка из групп различных типов, в) несколько языков из одного типа, г) несколько языков из различных типов. Сказанное представим следующим образом: $\{a=b\}$; $\{a\}=\{b\}$; $\{a=b=c=d\}$; $\{a\} = \{b\} = \{c\}=\{d\}$ ¹. Кроме того, можно сравнивать группы языков одного генетического типа с группой языков другого генетического типа: $\{a, b, c, d\}=\{a, b, c, d\}$. При сравнении каждый язык рассматривается независимо от другого. Принципом выбора может быть: а) генетический, б) региональный (ареальный), в) чисто типологический (структурный) и г) сравнительный.

Сравнительная типология оперирует системами языков на основе чисто типологического принципа, т. е. независимо от близости структуры, типа и т. п.

Результаты, полученные на основе сравнения систем ограниченного числа языков, характеризуют изоморфность и алломорфность, типичные только для систем сопоставляемых языков. Выявленные специфические черты могут быть общими либо для двух или более языков, либо для целой группы языков определенного типа и даже различных типов.

Уровневая ограниченность или неограниченность характеризует-ся максимальным или минимальным охватом уровневых единиц сравниваемых языков. Минимальность и максимальность уровневого охвата, в основном, зависит от цели исследования.

Принцип ограниченности и неограниченности тесно связан с принципом за в е р ш е н н о с т и и н е з а в е р ш е н н о с т и т и п о л о -

¹ Знак { } используется для обозначения разграничения языкового типа.

гических операций. Последние также связаны с максимальным и минимальным охватом как систем, так и уровней и разрядов слов. Типологическая операция считается завершённой, если в процесс сравнения включается максимальное количество языков, рассматриваются единицы различных уровней и всех разрядов одновременно. Охват языков ограничивается определённым языковым типом. Однако в зависимости от характера исследования иногда приходится оперировать меньшим количеством языков. В таких случаях мы имеем относительную ограниченность. Как говорилось выше, количественная ограниченность составляет одну из сторон завершенности. Для полной характеристики завершенности требуется второе условие, которое связано с охватом уровней и разрядов слов. Типологическую операцию мы считаем завершённой, если она не ограничивается только одним или двумя разрядами слов. Для полной характеристики типологической категории необходимо выявить межуровневые единицы в пределах всех лексико-грамматических разрядов слов. Без такого анализа типологическая операция будет незавершённой. Однако в тех случаях, когда типологическая операция проводится на основе ограниченного количества языков с полным охватом уровней и разрядов слов, мы имеем относительно завершённую типологическую операцию. При таком сравнении типолог не ограничивается одним разрядом слов. Выбранное категориальное значение рассматривается в пределах различных лексико-грамматических разрядов слов. Например, если категорию компаративности типолог изучает в пределах различных разрядов, включая формы прилагательных и наречий, специальных слов, принадлежащих к существительным, прилагательным, глаголам и др., то этот типологический процесс будет относительно завершённым, так как здесь имеется ограниченность числа сравниваемых языков. Таким же образом объясняется и предельный охват единиц различных уровней. Например, при изучении той же категории компаративности типолог выясняет средства выражения на всех уровнях, включая и синтаксический уровень. Однако следует учесть, что при типологическом изучении того или иного явления можно ограничиваться и определённым количеством, и отдельными уровнями, а также отдельными разрядами, которые являются основными выразителями выбранной категории.

Таким образом, типологическая операция, которая рассматривает системы ограниченного количества языков с полным охватом уровней единиц и без ограничения в лексико-грамматических разрядах слов, является относительно ограниченной. Для сравнительной типологии характерна относительно ограниченная типологическая операция, ибо она всегда имеет дело с ограниченным количеством языков без уровняго ограничения.

КОНТЕНСИВНЫЙ ПОДХОД К СРАВНЕНИЮ И МЕЖЪЯЗЫКОВСТЬ ИНВАРИАНТОВ

Сравнительная типология изучает, в основном, системы языков посредством типологических категорий, которые выделяются на содержательно-контентивной основе, т. е. выбирается одно общее ка-

тегориальное значение и выявляются соответствующие формы его выражения в системах сравниваемых языков. Выбранный семантический инвариант служит метаязыком для сравнения. Обобщенно-абстрагированное межъязыковое значение можно назвать типологическим значением. Ядро типологических значений составляет, главным образом, абстрактное грамматическое значение. На уровне грамматики оно выражается посредством грамматических форм, синтаксических моделей, служебными словами, порядком слов, интонацией и другими средствами, выполняющими роли основных грамматических сигналов; на лексическом уровне типологическое значение выражается при помощи словообразующих моделей, а также оппозицией лексических единиц (ср.: некаузатив *to die умереть* — каузатив *to kill убивать*) и т. д. Содержательная, или контенсивная, общность не всегда совпадает с формальной общностью как в системе одного языка, так и в системах двух или более языков, ибо последняя не всегда одинаково передает первую. Здесь мы солидарны с С. Д. Кацнельсоном, который пишет, что «отношения между звуком и значением в языке не изоморфны, они сложны и противоречивы, вследствие чего и форма и значение приобретают относительную автономность» [153, с. 25].

В межъязыковом плане расхождение, естественно, еще более увеличивается, ибо каждый язык располагает своими внутренними возможностями для выражения единиц содержательного плана языка. Сами единицы содержательного плана в языках распределяются неравномерно. Для одних языков они могут стать общими, в то время как в системах других групп языков они могут отсутствовать. В этом заключаются их «универсальность» и «идиотичность».

Полное совпадение содержательных и формальных единиц зависит от максимальной близости генетического родства сравниваемых языков, для систем которых больше характерна материальная общность. Здесь необходимо указать, что системы существующих языков еще не свидетельствуют о наличии всеуровневого межъязыкового изоморфизма. Что касается языков с гетерогенной структурой, то формы выражения выбранных категориальных понятий могут варьироваться между различными уровнями. (Здесь больше проявляются случаи идиотичности, которые изучаются при помощи так называемых типологических категорий.) Однако все эти разноуровневые формы в каждом языке объединяются вокруг соответствующего значения организованно и в определенном количестве. По данному поводу В. Н. Ярцева пишет следующее: «Практически каждый язык обладает не только конечным, но в целом и весьма ограниченным набором синтаксических моделей» [363, с. 7].

Например, все формальные средства категории компаративности в английском и тюркских языках ограничиваются определенными лексико-грамматическими моделями, степени абстрагированности которых могут быть различными. В английском языке категория компаративности моделируется следующим образом: $A + \text{er (longer)}$, $A + \text{est (longest)}$, а в тюркских языках имеется специальная аффиксальная морфема для выражения компаратива типа: $A + \text{-роқ (-рак, -ираак и др.)}$.

Значение суперлатива в тюркских языках не передается специальной морфемой, оно выражается синтаксическим способом: Adv + A или при помощи редупликации и других средств. Несмотря на отсутствие специальной категориальной морфемы, данное категориальное значение является общим, так как основное расхождение является формальным.

Сравниваемые содержательные единицы выбираются из систем сравниваемых языков. Их отбор осуществляется по принципу развитости формализованных средств в сравниваемых языках, т. е. выбор падает на систему того языка, которая характеризуется большей морфологичностью, ибо морфологичность связана с наивысшей степенью абстракции.

Исходя из сказанного выше, для сравнительной типологии можно выделить ряд категориальных понятий, основанных на традиционных грамматических категориях. Сюда относятся категории: определенности—неопределенности, множественности, одушевленности—неодушевленности, рода, компаративности, локативности, времени, претеритности, презентности, футуральности, указательности, аспектуальности, модальности, интранзитивности—транзитивности, залоговости (активности, пассивности, рефлексивности, взаимности, каузативности), субъектности, объектности, причинности и многих др. Выбор того или иного категориального понятия зависит от цели и характера исследования [69].

Принцип описания систем языков на основе единиц плана содержания продиктован типологической необходимостью. Несмотря на свое несовершенство и недостатки, генеалогическая и морфологическая классификации много сделали для определения структуры и места в системе языков как германских, так и тюркских. Место этих языков в системе языков уточнено, но это не значит, что типологическое изучение этим завершено. Кроме того, многие вопросы самой типологической классификации еще не получили полного решения. В этом отношении еще остается в силе следующее высказывание М. Н. Петерсона: «Проблема классификации языков будет разрешена только тогда, когда по возможности все языки земного шара будут научно описаны. Пока же такого описания не сделано, всякие попытки классифицировать языки будут преждевременны. Не будет тогда произвола и в выборе существенных для классификации признаков: эти признаки будут подсказаны самими объектами — научно и методологически единообразно описанными языками» [233, с. 28].

Можно сказать, что только теперь начинается процесс типологической инвентаризации систем конкретных языков. Для этого в языковедении предлагается множество методов и принципов.

Изучение систем языков на основе плана содержания в языковедении не является новым. В этом отношении можно говорить о многих школах и направлениях, представители которых прямо или косвенно затрагивали этот вопрос. В первую очередь, здесь можно назвать представителей так называемого логического направления (Ф. Санктиус, А. Арно, Г. Герман, К. Беккер, В. Гумбольдт, Ф. И. Буслаев и др.).

Более конкретными вопросами данной проблемы занимались Ф. Брюно, О. Есперсен, Ш. Балли, Л. В. Щерба, И. И. Мещанинов [376; 125; 24; 25; 347; 348; 207; 267] и др.

В самые последние годы общие и частные вопросы исследования языков на основе контенсивно-содержательных единиц получили развитие в работах советских языковедов, таких как С. Д. Кацнельсон [153], Е. В. Гулыга, Е. И. Шендельс [107], А. В. Бондарко [55; 56; 57] и др. Следует отметить, что исследования последних трех авторов посвящены изучению систем конкретных языков (немецкого и русского) без сравнения.

Выбранный нами принцип сравнения систем языков с помощью межъязыковых контенсивно-типологических категорий можно применять и при одноязычных операциях. Как нам представляется, многие конкретные языки требуют именно такого подхода. Например, на этой основе нами была описана система залога английского языка [68], структура которой исторически охарактеризована как флективная. Как известно, в современном английском языке такие залоговые разряды, как рефлексивность, взаимность и каузативность, морфологически не выражаются. Поэтому в существующих учебниках по нормативной грамматике они не рассматриваются, хотя эти залоговые понятия в системе английского языка выражаются при помощи специальных словосочетаний, подвергающихся формальному моделированию. Данную систему описания можно применять и по отношению к другим конкретным категориям языков. Грамматику такого типа можно условно называть одноязычной типологической грамматикой. Эти принципы могут быть применены при описании систем разных языков как в сопоставительном, так и во внутриязыковом плане (см. Главу III).

МИНИМАЛЬНОСТЬ МЕТАЯЗЫКА

В сравнительной типологии используется минимальный язык-эталон. Минимальность характеризуется максимальной ограниченностью как количества сравниваемых языков, так и степени распространения выбранных категориальных признаков в системах языков.

Диапазон действия метаязыка специально ограничивается внутри систем сравниваемых языков, хотя сфера его распространенности может оказаться шире. По своей природе метаязык разнороден. В сравнительной типологии функции метаязыка выполняют типологические категории, которые, будучи связанными с единицами как плана содержания, так и плана выражения, выступают в качестве основных параметров сравнения.

Минимальная ограниченность связана как с языковым, так и категориальным охватом. Языковая ограниченность характеризуется ограниченным числом сравниваемых языков. Например, сравнению подвергаются два или несколько сравниваемых языков, и основные параметры, выбранные для сравнения, действуют в пределах этих языков.

Категориальная ограниченность связана с тем, что типологиче-

ские категории в пределах ограниченных языков тоже бывают ограниченными, так как в языках мира можно выделить много типологических категорий, которые менее характерны для отдельных языков.

Кроме того, в каждой категории есть отдельные «категориальные оттенки», которые также характеризуют только языки определенного типа. К ним можно, например, отнести категориальную форму элатива в финно-угорских языках [22] и др.

В сравниваемых английском языке и группе тюркских языков категория числа рассматривается, в основном, на основе оппозиции: единственное число — множественное число. Однако в отдельных языках различаются также формы двойственные, тройственные и др.

Число специфических черт при выражении типологических категорий можно увеличивать путем расширения числа сравниваемых языков. Именно исходя из количественного увеличения числа сравниваемых языков, можно построить максимальные параметры, служащие основой для сравнения языков.

Степень описания можно характеризовать как параметры описания двух или более языков, параметры описания группы языков, языков одного общего языкового типа и, наконец, неограниченного количества языков. Эти параметры можно также называть минимальными параметрами (для двух или более языков), типологическими параметрами (для языков одного общего языкового типа), универсальными параметрами (для неограниченного количества языков).

Сравнительная типология использует минимальные параметры сравнения языковых систем.

Таким образом, сравнительная типология является самостоятельным разделом лингвистической типологии. Она занимается более конкретными вопросами сравнения языковых систем и отличается от структурной лингвистики на основе ряда признаков, которые одновременно характеризуют ее предмет и задачи. В отличие от других разделов лингвистической типологии, сравнительная типология выступает нейтрально к генетическому родству и ареальной, или региональной, близости. Она оперирует системами языков при помощи так называемых типологических категорий, которые рассматриваются в следующей главе пособия.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

ОСНОВНЫЕ ПАРАМЕТРЫ ТИПОЛОГИЧЕСКИХ КАТЕГОРИЙ

ПРОБЛЕМА КАТЕГОРИЗАЦИИ В ГРАММАТИКЕ

Проблема типологических категорий вытекает из развития основных идей в типологии языков. Типологические категории, по мысли автора, представляют собой необходимые понятия для развития современных типологических исследований.

Определение сущности и задач лингвистической типологии свя-

зано с решением ряда теоретических вопросов. Сюда входит и проблема выделения основных категорий и категориальных понятий при сравнении систем двух или более генеалогически родственных и неродственных языков. О категоризации В. И. Ленин писал: «... категории суть ступеньки выделения, т. е. познания мира, узловые пункты в сети, помогающие познавать ее и овладевать ею». (В. И. Ленин. Философские тетради. М., 1973, с. 85.)

При изучении систем конкретных языков традиционная лингвистика всегда исходила и исходит из выделения категорий. При этом грамматическая система изучалась на основе грамматических категорий. Например, категория частей речи, категория предложения и далее, вторичные категории: падежа, вида, времени, сравнения, наклонения, possessивности, переходности—непереходности и др.

Типологические категории необходимо отличать от категорий типологии и от любых лингвистических категорий, например, грамматических.

Для того чтобы изложить сущность подхода к типологическим категориям, необходимо коротко коснуться проблем категоризации в лингвистике. Выделение категорий и категориальных понятий началось одновременно с появлением науки о языке. В истории языковедческой науки грамматические категории изучались с различных точек зрения. К ним можно отнести изучение грамматических категорий с логической, физиологическо-физической, сравнительно-исторической, психологической, математической и многих других точек зрения. Существование грамматических категорий, разработанных еще древними языковедами, в целом сохранилось.

В изучении проблемы категоризации особый интерес представляет лингвистическое наследие древних индусов. Например, в грамматике Пáнини имеются случаи употребления метаязыка (sutras), который использовался при описании системы санскрита. Пáнини был грамматистом, поэтому он сумел хорошо описать взаимоотношения синтаксиса и семантики, глагола и различных форм имени.

У Пáнини синтаксическая теория соотношения (кагака) в некоторых отношениях соприкасается с методом анализа современной генеративной грамматики.

Несмотря на то, что исследователи грамматики Пáнини слишком преувеличивают значение теории кагака и чрезмерно модернизируют ее, в их исследованиях есть определенное рациональное зерно, а именно, мысли о том, что современные методы описания языков не возникли на пустом месте и лингвистическая «революция» произошла на фоне эволюционного развития древних лингвистических концепций.

Пáнини описывал грамматическую систему конкретного языка, т. е. своего родного языка — санскрита. По словам Н. Даниелсена, Пáнини, будучи грамматистом, не отделял семантику от синтаксиса [382, с. 6—7].

Можно сказать, что проблема категоризации систем языков в современном понимании берет начало от древних греков. Так, например, выделение категории рода у существительных встречаем у со-

фиста Протагора. В дальнейшем более подробное описание как первичных, так и вторичных лексико-грамматических разрядов мы находим в трудах А. Фракийского, А. Дискола и некоторых др. Их отдельные высказывания в отношении отдельных категорий, в том числе и в отношении категории предложения, не потеряли своей силы и по сей день [383; 423].

Причиной того, что проблемы категоризации больше разрабатывались древними греками, можно считать тот факт, что в Древней Греции языкознанием занимались философы-логики. Об этом свидетельствует, например, и высказывание Аристотеля о том, что предложение состоит из субъекта (*hurokeimenon*) и предиката (*katagoumenon*) [382, с. 7].

В «Риторике» Аристотель выделил три рода, а стоики — некоторые категории существительного и глагола. В своем «Софисте» Платон делил слова на рему (глагол) и оному (существительное). По мнению К. Дайкемы и др., с этого периода фактически и началась категоризация.

Несмотря на свою первичную зависимость от древнегреческих грамматик, латинские грамматики также развили ряд новых положений по категоризации грамматического строя языка. Примером сказанному может служить классификация слов М. Варроном, который разделял слова на четыре группы на основе их формальных признаков: а) слова с падежными окончаниями (существительные), б) слова с временными окончаниями (глагол), в) слова, принимающие и временные, и падежные окончания (причастие), г) слова, не принимающие указанных окончаний. Что касается средних веков и более позднего периода, то можно отметить, что основные системы, применявшиеся древними учеными, полностью сохранились не только в средние века, но не потеряли своей ценности и по сей день [383; 423].

Можно считать, что уже в период Ренессанса исследователей интересовали такие проблемы, как а) грамматическая теория конкретного языка, б) общетипологические вопросы лингвистики, не потерявшие своей актуальности и сегодня.

Особая заслуга в отношении теории категоризации принадлежит нашей отечественной лингвистике. В решении этой проблемы советские языковеды исходят из марксистско-ленинского понимания диалектического единства формы и содержания.

ГРАММАТИЧЕСКИЕ КАТЕГОРИИ

При изучении и описании грамматического строя языков обычно используются традиционные грамматические категории. Авторы академической грамматики русского языка дают им следующее определение: «Общие понятия грамматики, определяющие характер или тип строя языка и находящие свое выражение в законах и правилах изменения слов, их сочетаемости друг с другом и сочетания слов в предложениях, обычно называются грамматическими категориями» [98, с. 8].

По определению А. А. Реформатского, грамматическая категория — это совокупность элементов языка (слов, значимых частей слова и сочетаний слов), объединенная грамматическим значением при обязательном наличии выражающего его грамматического способа (выражение тех же значений посредством сопровождающих знаменательных слов, как, например, наречия при глаголе, грамматических категорий не образует) [279, с. 255].

Действительно, грамматические категории служат для определения типа строя языка, т. е. при помощи грамматических категорий грамматика «обобщает и типизирует явления языка». В то же самое время в зависимости от строя языка выделяются определенные грамматические категории.

Грамматический строй конкретных языков обычно изучается путем выделения основных грамматических категорий, т. е. путем категоризации. Каждый язык располагает определенным количеством таких категорий, входящих в различные лексико-грамматические ряды. Каждая грамматическая категория представляет собой единство грамматической формы и грамматического значения, т. е. грамматическая категория объединяет грамматическое значение и соответствующую грамматическую форму.

Под грамматическим значением понимается обобщенное абстрактное значение отношения, отражающее объективную реальность.

Под грамматической формой подразумевается совокупность способов выражения грамматических значений. К грамматическим способам выражения обычно относятся «аффиксация разного типа, внутренняя флексия, повторы, сложения, служебные слова, порядок слов, ударение, интонация и супплетивизм» [249, с. 253—254; 21, с. 219—220].

Грамматические категории выражаются оппозициями их составляющих, т. е. оппозицией грамматических значений, выражаемых, в свою очередь, взаимооппонирующими грамматическими формами.

В каждом языке и грамматические значения, и их формальные показатели имеются в определенном количестве. Вот что об этом пишет А. А. Реформатский: «Количество грамматических способов в языках мира ограничено. Они стандартны и могут быть характерными для данного языка только косвенно. Грамматические значения в разных языках есть и общие, есть и различные, что приводит к тому же выводу. Формы же всегда индивидуальны и характерны для данного языка» [249, с. 262].

В зависимости от характера передаваемых значений грамматические категории обычно делят на: 1) объективные (одушевленность/неодушевленность), 2) субъективно-объективные (категории лица и времени, залог, вид, определенность/неопределенность), 3) формальные (грамматический род) [196, с. 161; 41, с. 7—8].

Несмотря на гетерогенность форм выражения в различных языках, грамматические значения обладают определенной общностью, которая может проявляться в системах языков, принадлежащих к разнообразным языковым типам. По данному поводу Н. Д. Арутюнова

пишет: «при всем разнообразии „грамматических способов“, характерном для языков различных типов (а часто, впрочем, и для одного и того же языка), в них обнаруживается принципиальное сходство, связанное с самой природой грамматических значений» [21, с. 210]. Из сказанного выше следует, что грамматическое значение лежит в глубине многих языков, а формы выражения могут быть различными. Формы выражения бывают различными внутри системы каждого конкретного языка и в системах различных языков. Их можно называть внутриязыковой и межъязыковой гетерогенностью единиц плана содержания, или, иначе говоря, поверхностной структуры.

Л

Внутриязыковая гетерогенность грамматических форм характеризуется разнородностью формальных грамматических средств выражения в системе одного конкретного языка, т. е. это — аффиксы, аналитические формы, внутренняя флексия и др.

Межъязыковая гетерогенность грамматических форм характеризуется межъязыковой разнородностью формальных средств выражения грамматических значений. В обоих случаях эти средства находят выражение на том же самом уровне иерархии языка. Приведем пример межъязыковой гетерогенности: категория претеритности в английском выражается, в основном, суффиксом *-(e)d*, в то время как на том же уровне тюркские языки имеют: *-ди (-ты, -ды, -ті)*, а русский язык — суффикс *-л* и т. д.

Следует указать, что при определении грамматических категорий (особенно это касается словоизменяемых категорий) обычно исходят из единиц морфологического уровня иерархии языка. В таком понимании грамматическая категория является сугубо морфологической.

С типологической точки зрения особое значение имеет определение межъязыковой применимости грамматической категории. Традиционное понимание грамматической категории основывается на морфологической парадигме. Такое одноуровневое ограничение грамматической категории не удовлетворяет нужды сравнительной типологии по двум причинам: 1) внутренней, или внутриязыковой, и 2) внешней, или внешнеязыковой.

Внутренняя причина — это неразвитость самой морфологической системы того или иного конкретного языка. К таким языкам относятся целый ряд языков изолирующего типа, в которых морфологическая парадигма слов слабо развита. Например, в китайском языке, хотя он и приобрел много специфических черт агглютинативного типа, все же многие грамматические категории не выражаются морфологически. «В области грамматической структуры, — пишет Б. А. Серебренников, — выявляются различные типы, например, есть языки типа китайского, в которых морфемы очень редки» [267, с. 10]. Во многих языках категория времени выражается при помощи специальных морфологических форм, в то время как в китайском языке категория грамматического времени «развития не получила» [174, с. 267]. С особой оговоркой можно здесь говорить и о системе современного английского языка, которая, будучи в свое время флектив-

ной, в настоящее время потеряла прежние формы при выражении падежных отношений, и др. Кроме того, отдельные категории типа рефлексивности, каузативности, пассивности и др. во всех исторических периодах оставались морфологически невыраженными.

Отсутствие морфологического способа выражения той или иной грамматической категории характерно для многих языков, а для отражения внешней реальности в них развит формальный способ.

Внешняя причина характеризуется недостаточным учетом разноуровневых ресурсов передачи категориальных понятий. Дело в том, что при искусственном ограничении грамматических категорий рамками морфологии языки очень проигрывают, ибо многие категориальные понятия находят свое выражение на неморфологических уровнях иерархии языка. Например, при выражении категории темпоральности в китайском языке, залоговых значений в английском, определенности/неопределенности в тюркских языках и т. д. основную роль играет синтаксическое сочетание и абстракция происходит на том же уровне.

Другим видом внешней ограниченности можно считать искусственное ограничение грамматических категорий отдельными лексико-грамматическими разрядами слов. Например, когда изучается категория числа, она рассматривается в каждом разряде слов изолированно, в то время как категория числа характерна почти для всех лексико-грамматических разрядов слов. Такая разноуровневая атомарность подхода к грамматической категории и создает большие неудобства при сравнении систем языков.

Таким образом, указанные выше типы ограниченности грамматических категорий, а именно, морфологическая одноуровневость и одноразрядная изоляция грамматических форм, заставили языковедов искать новые пути инвентаризации систем языков. Наличие в языках большого числа специальных абстрагированных и полуабстрагированных синтаксических конструкций, а также имплицитных грамматических значений в различных типах лексических единиц, проявляемых при их взаимной оппозиции, привело к расширению диапазона распространения грамматических категорий. При этом появились и новые термины. На этой основе в языкознании возникли: а) понятийные категории, б) лексико-грамматические поля, в) функционально-семантические категории и некоторые др. Основанием для выделения указанных выше типов категорий служила взаимосвязь единиц различных уровней иерархии языка.

ПОНЯТИЙНЫЕ КАТЕГОРИИ

Изучение сущности понятийных категорий связано с тем, что при своих операциях сравнительная типология должна основываться на определенных логических предпосылках. Поэтому рассмотрение существующей в языкознании «понятийной категории» имеет определенный смысл.

Появление в языкознании термина «понятийные категории» (*англ.* notional categories) обусловлено типологической разнородностью

внешних средств выражения отдельных понятий, которые лежат в их основе. Возникновение данного термина тесно связано с именами О. Есперсена и И. И. Мещанинова. По мнению О. Есперсена, понятийные категории — это внеязыковые общие категории, «не зависящие от более или менее случайных фактов существующих языков. Эти категории являются универсальными, поскольку они применимы ко всем языкам, хотя они редко выражаются в этих языках ясным и недвусмысленным образом... Задача грамматиста состоит в том, чтобы в каждом конкретном случае разобраться в соотношении, существующем между понятийной и синтаксической категориями» [125, с. 57—58].

Таким образом, понятийные категории у О. Есперсена являются общими для всех языков, однако в одних языках отдельные из них совпадают с синтаксическими категориями и реализуются при помощи специальных грамматических средств, а в системах других языков они могут оставаться невыраженными. Например, к понятийной категории относится категория пола, которая существует в реальном мире, а грамматический род относится к синтаксической категории.

Приведем схему их противопоставления [125, с. 58]:

Грамматика		Реальный мир
Род (синтаксический)		Пол (понятийный)
1) мужской род	}	слов
2) женский род		
3) средний род		
		1) мужской пол
		2) женский пол
		3) бесполое предметы
		}
		существ

Как видно из работы О. Есперсена, он различает три ступени грамматического анализа: А) форма, Б) функция и В) понятие. Это О. Есперсен проиллюстрировал на примере английского претерита [125, с. 59]:

А. Форма	Б. Функция	В. Понятие
-ed (handed)	}	Претерит
-t (fixed)		
-d (showed)		
-t с чередованием (left)	}	Претерит
Неизменный корень (put)		
Чередование (drank) Другой корень (was)		
		Прошедшее время. Нереальность в настоящем времени (if we knew <i>если бы мы знали</i> ; I wish we knew. <i>Я желал бы, чтобы мы знали</i>).
		Будущее время (It is time you went to bed. <i>Пора вам идти спать</i>).
		Сдвинутое настоящее время (How did you know I was a Dane? <i>Как вы узнали, что я датчанин?</i>).
		Вневременное значение (Men were deceivers ever. <i>Мужчины всегда были обманщиками</i>).

У О. Есперсена «грамматические категории представляют собой в лучшем случае симптомы или тени, отбрасываемые понятийными категориями» [125, 60].

И. И. Мещанинов в своих работах тоже указывал, что то или иное понятие может получить разное выражение в различных языках. В одних языках оно может передаваться при помощи определенных грамматических формальных средств и таким образом переходить в грамматическое понятие, в других языках могут отсутствовать специальные формальные признаки, и поэтому это понятие не переходит в грамматическое. Эти общие категории он назвал понятийными категориями. И. И. Мещанинов пишет: «То, что осознается как единое целое, как единая категория, то и получает свои формальные отличительные показатели. И если эти последние, т. е. отличительные формальные показатели, выявляются в грамматических категориях, то лежащие в основе их семантически выделяемые в языке категории можно было бы назвать понятийными категориями» [205, с. 195]. По мнению И. И. Мещанинова, понятие может стать понятийной категорией, если оно образует определенную систему языковой передачи [206, с. 15]. К понятийным категориям он подходит с точки зрения логики. Это ясно из его следующего разъяснения: «Субъект и предикат (логические) будут понятийными категориями. Они же, выявляясь в синтаксическом строе предложения, становятся грамматическими понятиями подлежащего и сказуемого. Деление на мужчин и женщин остается в русском языке различием понятийным. Эти понятийные категории выступают в русском языке в лексике, в соответствующей семантике слов, но морфологического выявления в родовых показателях не имеют. Мужской и женский роды являются грамматическими понятиями (им уделяется различная грамматическая форма), но не теми, которыми передаются понятийные категории мужчины и женщины (ср.: стол — в мужском роде, ср.: ж е н щ и н а п р и ш л а и н о ч ь п р и ш л а)» [205, с. 195].

К понятийным категориям И. И. Мещанинов относит такие понятия, как субъект, предикат, атрибутивность, предметность и др. Противопоставление понятийных категорий и «грамматических понятий» осуществляется следующим образом:

<i>Понятийные категории</i>		<i>Грамматические понятия</i>
Субъект	—	Подлежащее
Предикат	—	Сказуемое
Предметность	—	Имя
Объект	—	Дополнение
Атрибутивность	—	Определение

Как видно из приведенного выше противопоставления, понятийные и грамматические категории являются различными.

Соотношения понятийной и грамматической категорий бывают различными. Во-первых, они могут совпадать; во-вторых, либо понятийная категория остается, а грамматическое понятие отпадает, либо первая может выражаться в области лексической семантики, не получая грамматической формы и не становясь «грамматически выраженным понятием»; в-третьих, «грамматическая форма продолжает выделять соответствующее грамматическое понятие, при котором отвечающая ему категория понятий утрачивается» [206, с. 12—13].

Таким образом, грамматические понятия и понятийные категории у И. И. Мещанинова являются самостоятельными, хотя они находятся во «взаимообслуживающей» связи. Выделением понятийных категорий И. И. Мещанинов сделал определенный вклад в типологическую науку.

В целом, идея выделения понятийных категорий больше могла бы соответствовать целям типологии, чем существующие грамматические категории. Однако, как нам кажется, ни И. И. Мещанинов, ни О. Есперсен не дали всестороннего объяснения этой категории; и в настоящее время мы не имеем достаточного анализа фактического языкового материала с всесторонним применением понятийных категорий в изучении систем различных языков мира.

В последние годы понятийные категории разрабатываются в трудах А. В. Бондарко. Он различает два аспекта понятийных категорий: а) мыслительно-языковой аспект и б) мыслительно-речевой аспект. Под мыслительно-языковым аспектом понятийных категорий понимаются «существующие в данном языке и в сознании его носителей способы, типы, модели преобразования понятийных категорий в языковые семантические функции...». Под мыслительно-речевым аспектом подразумевается «реализация и репрезентация языковых моделей рассматриваемого преобразования в речевой деятельности и ее результатах (текстах), это речевая реализация и актуализация того или иного типа и варианта „понятийно-языкового соответствия“» [57, с. 84—85]. Эти два аспекта понятийных категорий взаимосвязаны.

Следует указать, что понятийные категории находятся в процессе изучения и развития.

ФУНКЦИОНАЛЬНО-СЕМАНТИЧЕСКАЯ КАТЕГОРИЯ

Понятие функционально-семантической категории связано с разноразновным описанием системы определенного языка. При выделении этих категорий А. В. Бондарко исходит из «частичной общности семантических функций взаимодействующих языковых элементов (наличие семантического инварианта при всех различиях вариантов)» [55, с. 8].

Функционально-семантическая категория имеет план содержания и план выражения. Семантическое содержание идентифицируется со значением морфологических категорий (таких, как вид глагола, время, лицо, наклонение). «План выражения образуют языковые средства, относящиеся к разным уровням и сторонам (аспектам) языка, — морфологические, синтаксические, словообразовательные, лексические, различные комбинации средств контекста» [55, с. 8—9].

При выделении функционально-семантической категории морфологическая категория рассматривается как исходный пункт. Единицы остальных уровней определяются как средства, взаимодействующие с морфологическими единицами на базе частичной семантической общности [55, с. 10]. На этой основе А. В. Бондарко выделяет ряд функционально-семантических категорий типа темпоральность,

Л'>

модальность, персональность, аспектуальность, залоговость и др. С точки зрения функционально-семантических категорий при выражении указанных выше категориальных понятий участвуют разноуровневые единицы: морфологические, лексические и синтаксические.

Применение функционально-семантической категории в типологических исследованиях может дать определенный эффект в сравнительной типологии. Об этом сам автор пишет следующее: «Понятие функционально-семантической категории может быть применено в сопоставительном исследовании. Так, понятие аспектуальности представляется более надежным основанием для межъязыковых сопоставлений, чем априорная констатация грамматической категории вида или аналогии со славянским глагольным видом, нередко приводящие к необоснованному отождествлению фактов иного рода, в частности способов действия, с категорией вида» [55, с. 12—13].

Функционально-семантические категории разработаны на прочной логической основе, и теоретические положения, разработанные А. В. Бондарко, могут служить своеобразным метаязыком при описании не только одного конкретного языка, но также могут быть применены в типологических исследованиях.

Функционально-семантические категории составляют определенные поля и во многом совпадают с понятием грамматико-лексических полей, существующим в языкознании.

ГРАММАТИКО-ЛЕКСИЧЕСКИЕ ПОЛЯ

Общетеоретические и практические вопросы теории поля неоднократно рассматривались как отечественными, так и зарубежными языковедами. Полевой подход связан с принципом исследования, основанном на положении «от значения к форме», или «от функции к форме», т. е. «от значений к средствам их выражения». Как показал Б. А. Серебренников и другие [267, с. 14—16], данный вопрос рассматривался еще Л. В. Щербой [348], И. И. Мещаниновым [206], Ф. Брюно [376] и др.

Подробное научное освещение грамматико-лексические поля получили в специальной работе Е. В. Гулыги и Е. И. Шендельс. По их мнению, понятие грамматико-лексического поля связано с процессом выявления разноуровневых средств отдельных категориальных понятий [107, с. 5]. Грамматико-лексическое поле — это категория, объединяющая лексику и грамматику при выражении того или иного категориального понятия. При этом грамматические и лексические единицы составляют единую систему. На основе сказанного Е. В. Гулыга и Е. И. Шендельс выделяют несколько грамматических полей: поле множественности, поле времени, модальное поле, компаративное поле, поле одушевленности/неодушевленности и указательное поле. Каждое из указанных выше полей характеризуется рядом признаков [107, с. 9—10].

Полевой подход, предложенный Е. В. Гулыгой и Е. И. Шендельс, может оказаться весьма полезным при типологической инвентаризации системы каждого из сравниваемых языков в отдельности.

ТИПОЛОГИЧЕСКИЕ КАТЕГОРИИ

Сравнительная типология располагает специальными категориями, которые характеризуют данный раздел лингвистической типологии.

Типологические категории — это обобщенные категории, характерные для систем сравниваемых языков. По своей природе типологические категории характеризуются как специально выбранные содержательно-контентивные понятия с их соответствующими формами выражения, служащие основой сравнения систем различных конкретных языков. Типологические категории составляют основу сравнительной типологии.

В составе типологических категорий также различают фонетико-фонологические и лексико-грамматические типологические категории. Фонетико-фонологические категории состоят из таких категорий, как категория гласных, категория согласных и других, которые, в свою очередь, являются типологическими. Лексико-грамматические типологические категории исходят из лексичности детерминирующих средств. Типологические категории сугубо грамматического плана опираются на грамматические средства выражения. В этом отношении нельзя не согласиться с Л. Ельмслевом, который сравнительную грамматику, изучающую грамматические системы языков, называет метаграмматикой [397, с. 132—137].

Каждая грамматико-типологическая категория основывается на признании единства морфосинтаксических уровней. Такая дифференциация внутри типологических категорий обусловлена прикладным назначением сравнения.

Типологическая категория состоит из типологической формы (или типиформы) и типологического значения.

Типологические формы — это те лингвистические единицы, которые, будучи разноязычными и разноуровневыми, используются для передачи типологических значений. Будучи категориальными показателями типологического значения, типологические формы могут быть выражены на уровнях морфемы, слова, словосочетания и предложения. Соответственно, типологические формы соотносятся с уровнями морфологии, морфонологии, лексики и синтаксиса.

На морфемном уровне аффиксальные морфемы разделяются на а) формообразующие и б) словообразующие.

Типологическая форма является разноуровневой. Разноуровневость типологической формы дает ей неограниченную возможность включения в свой круг единиц различного характера. Грамматические формы совпадают с морфологическим уровнем плана выражения.

При сравнении систем различных языков мы исходим из уровневых признаков типологических форм. Например, при выявлении категориальных признаков множественности можно говорить о межъязыковых морфологических признаках, межъязыковых лексических средствах, синтаксических способах образования данной категории и др. Однако такое сравнение будет неполным и относится только к одному из этапов типологической операции.

Для каждой типологической формы, которая выражается опре-

деленной морфологической формой слова, производного слова, сложного слова или словосочетания, характерно наличие категориального показателя. Категориальная принадлежность той или иной конструкции определяется с учетом характера этих типологических категориальных сигналов. Например, категория модальности характеризуется наличием того или иного показателя модальности, основными актуализаторами которых могут быть модальные глаголы, модальные слова или специальная морфема модальности. Таким же способом выражаются такие типологические категории, как категория множественности, категория футуральности, категория каузативности и др.

Будучи межъязыковыми, типологические формы могут располагать показателями, относящимися к различным уровням языковой иерархии. Иногда та или иная типологическая категория выражается при помощи типологических показателей одного уровня, однако в большинстве случаев они не совпадают. Межуровневые единицы объединяются в качестве межуровневых синонимов в одном языке и межъязыковых корреспондентов в сравниваемых языках.

Процесс грамматикализации неморфологических показателей зависит от их распространенности и частотности. Высокая частотность этих показателей способствует уменьшению их информативности и одновременно созданию благоприятных условий для их абстракции, т. е. лексическое значение начинает стираться, и в результате полнозначные слова становятся служебными элементами.

Типологические формы — это внешние средства, передающие абстрагированное, внутреннее типологическое значение. Типологические формы могут быть выражены как эксплицитно, т. е. при помощи специальных единиц, так и имплицитно, т. е. самой основой слова. Разноуровневые единицы типологических форм имеют между собой двоякое отношение: они могут быть в состоянии взаимовключения и взаимовключения [107, с. 7]. Данный тип дистрибуции зависит от ряда условий, которые будут рассмотрены специально.

Основные составляющие типологических форм мы представим следующим образом:

Как видно из указанной схемы, в состав основных уровней не включен фонологический уровень. Однако это не значит, что данный уровень абсолютно исключается из системы. Отсутствие единиц того или иного уровня свидетельствует об уровневой ограниченности типологических категорий. Единицы указанных уровней могут быть трансформированными между собой. При этом трансформационные отношения бывают либо только грамматическими, т. е. морфо-синтаксическими, либо лексико-грамматическими. Межъязыковая корреспонденция, в основном, строится на лексико-грамматической трансформации. Поэтому в качестве основных уровней для типологической категории в сравнительной типологии выбраны лексический и грамматический уровни. Кроме того, типологические категории, в основном, выражаются на лексико-грамматических уровнях.

Типологическое значение — это абстрагированное межъязыковое значение, выражаемое разноуровневыми типологическими формами и используемое как основание сопоставления. За каждым типологическим значением закреплены определенные категориальные показатели, которые могут быть выражены как эксплицитно, так и имплицитно.

Типологические категории универсальны по отношению к системам сравниваемых языков. Для этого типологическая категория должна обладать межъязыковой общностью. При этом общность независима от одноуровневости. Типологическая категория имеет дело с межуровневой синонимией и межъязыковой эквивалентностью.

Типологическое значение представлено абстрагированным грамматическим значением в широком смысле этого слова, характерным для всех единиц языка.

Типологическая категория обладает определенными признаками, на основе которых она сама выделяется или характеризуется. К ним можно отнести, например: 1) межъязыковость, 2) межуровневость, 3) межразрядность соответствующих средств, 4) возможность межуровневой синонимии и межъязыковой эквивалентности и др.

Таким образом, в типологической категории проявляются следующие свойства: 1) своеобразная маркированность членов оппозиции: а) центральные — периферийные, б) эксплицитные — имплицитные; 2) наличие изоморфизма и алломорфизма в дистрибутивных отношениях взаимовключения и взаимонисключения.

МЕЖЪЯЗЫКОВОСТЬ ТИПОЛОГИЧЕСКИХ КАТЕГОРИЙ

Типологические категории являются межъязыковыми, т. е. общими для систем сравниваемых языков. Грамматические категории были использованы не для сравнения, а для описания системы того или иного конкретного языка в отдельности. Применение грамматических категорий по отношению к системам различных конкретных языков без сравнения, в целом, оправдалось. Однако использование грамматических категорий в работах по сравнению языков оказалось не совсем удовлетворительным, так как они характеризуются одноуровневостью.

Сравнительная типология рассматривает системы языков на основе межъязыковых типологических категорий. Каждое категориальное понятие, выбранное для сравнения, является общим. При выделении типологических категорий отсутствие морфологических показателей в системе одного из сравниваемых языков существенной роли не играет, ибо в языках допускаются и случаи отсутствия специальных морфем или слов для выражения той или иной категории. В таких случаях они могут передаваться другими морфемами, словами или конструкциями, имеющими дополнительные нагрузки. Например, категория неопределенности в современном английском языке, в основном, передается при помощи неопределенного артикля *a, an* (*a map, an apple*). Кроме артикля, неопределенность может выражаться при помощи специальных языковых единиц, например местоимениями: *some, any, many, much, few, little*; наречиями: *where, how, somewhere*; словосочетаниями типа *once upon a time*; модальными словами: *perhaps, maybe*; числительными: *one* и т. д. В современных тюркских языках неопределенность не имеет специального показателя подобного артиклю. Поэтому она выражается при помощи различных средств, которые соответствуют английскому артиклю и другим неспециальным единицам. Это можно проиллюстрировать на примере одного из тюркских языков — современного узбекского языка, — в котором категория неопределенности может передаваться при помощи: а) числительных: бир *один*, ўнча *около десяти*, учта-тўртта *три или четыре*; б) существительных: бола-чақа *дети*, бегона *незнакомец*; в) прилагательных: нотаниш *незнакомый*; г) наречий: оз-моз *немного*; д) модальных слов: балки, чамаси *возможно, пожалуй*; е) глаголов: келар *возможно он придет* и др. Сюда же относятся ряд суффиксальных морфем, выражающих неопределенность — *-иш, -имтир*: кўкиш, кўкимтир *синеватый*; *-симон*: одамсимон *человекообразный*; *-чи*: келган бўлсачи *если он уже пришел*; *-дай, -дек*: кўргандай, кўргандек *как будто он увидел* и многие др.

В современном русском языке категория неопределенности может быть выражена такими же способами, как в узбекском языке. Например:

— Болен ты, а не он, дурак ... — Протоклитов с маху ударил в дверь ногой, не присел ли там к т о-н и б у д ь, подслушивая; он терял выдержку, у него начиналась одышка в присутствии этого человека. — Ты вредишь не только мне, Евгений.

— Да, знаю сам. Я даже яды в руки брал, но ... Пересыпкин к а к-т о намекнул мне, что л ю б о е бегство навлечет новые подозрения. Кстати, это означает ч т о-н и б у д ь, что он все вьется вокруг меня? Вчера приглашал пойти по холостому делу к Абдурахману ... Я отказался. Правильно я сделал, Глебушка? Дай мне к а к о й-н и б у д ь совет! (*Л. Леонов*)

Таким образом, каждая категория, выбираемая в качестве метаязыка в сравнительной типологии, рассматривается как обобщенная категория для систем рассматриваемых языков. Внешнее расхожде-

ние формальных признаков не может служить препятствием для их межъязыковости. Межъязыковость, в свою очередь, тесно связана с другими особенностями, характеризующими типологическую категорию в целом.

МЕЖУРОВНЕВОСТЬ ТИПОЛОГИЧЕСКИХ КАТЕГОРИЙ

Межуровневость типологической категории характеризуется участием единиц различных рангов при выражении того или иного категориального понятия в системе сравниваемых языков. Типологический процесс сравнения очень сложен, и его сложность заключается в том, что система каждого конкретного языка может располагать рядом форм и единиц для выражения выбранной межъязыковой категории. Эти средства совпадают с единицами самых различных уровней лингвистической иерархии. Выявление этих единиц необходимо, во-первых, для организации процесса описания системы каждого из сравниваемых языков в отдельности, во-вторых, для установления межъязыковых разноуровневых корреспондентов. При выражении той или иной типологической категории допустимо одновременное участие двух, трех или более уровней. В зависимости от характера исследования процесс описания может быть либо одноярусным, либо многоярусным. Здесь мы исходим из того, что план содержания и план выражения являются двумя сторонами типологической категории, находящимися в полной зависимости друг от друга: существование одного обусловлено наличием другого. При этом один уровень играет доминирующую роль. Доминирующие уровни в сравниваемых языках могут совпадать и не совпадать. В зависимости от совпадения или несовпадения определяется типологическая и генетическая близость сравниваемых языков. Кроме того, с этим явлением связано и выделение морфологической, лексической и синтаксической типологии. Особого внимания заслуживает тот факт, что типологическая категория в одних языках частично совпадает с традиционными грамматическими категориями и, в основном, выражается на морфологическом уровне, а в других языках она находит свое отражение на лексическом уровне, т. е. в одних языках она относится к лексическим явлениям, а в других она считается грамматическим явлением. При категоризации доминирующими считаются единицы того уровня, которые больше абстрагированы. В этом отношении особо отличается морфологический уровень. В случае отсутствия морфологических формантов выражения в языке могут существовать или полуабстрагированные единицы, или же специальные синтаксические конструкции.

Разноуровневые единицы типологических форм могут иметь различную степень абстракции. Одни из них более абстрагированно выражают соответствующие категориальные значения, а другие еще сохраняют свою конкретность, т. е. у последних процесс грамматизации еще не завершен. Первую группу можно считать абстрагированными моделями, вторую — полуабстрагированными. Абстрагированные модели включают в себя абстрагированные словоформы,

аналитические формы и сугубо специализированные конструкции, переходящие в разряд аналитических форм. Полуабстрагированные модели выражаются более конкретными средствами различных уровней лингвистической иерархии. Составляющими данной модели могут служить отдельные словообразовательные модели, синтаксические конструкции и многие др.

В рамках межъязыковой категории залоговости абстрагированные модели включают в себя залоговые формы слов, аналитические формы, выражающие различные залоговые отношения, а полуабстрагированные модели залоговости представляются синтаксическими конструкциями, еще не ставшими аналитическими формами, отдельными словообразовательными моделями и т. д.

Абстрагированные модели залоговости всегда служат в качестве основных показателей грамматической категории залога и типологической категории залоговости. В соответствии с традицией полуабстрагированные модели или средства не включаются в систему грамматической категории залога, однако в нашем случае они составляют важный конструктивный элемент.

В каждом языке существует определенное количество междуровневых средств того или иного категориального понятия, однако употребление каждого из них обусловлено их функциями. В зависимости от речевой потребности одни средства становятся основными, другие — побочными, но в определенном контексте побочный вариант может стать стилистически необходимым вариантом. Так, например, если в языке параллельно существуют и абстрагированные, и полуабстрагированные средства, конкретизация форм осуществляется путем замены абстрагированных форм полуабстрагированными моделями.

Следует указать, что системный изоморфизм и алломорфизм определяется на основе соответствия абстрагированных моделей языков.

В английском языке типологическая категория залоговости выражается при помощи различных типологических средств, которые абстрагированы по-разному. В тюркских языках степень абстракции выше, чем в английском языке. Если в тюркских языках почти все разряды залога могут быть выражены на морфологическом уровне, то в английском языке к морфологизированным формам можно отнести только часть из существующих средств выражения пассивности (ср.: $be + V_{en}$: be written) и часть каузативных средств (ср.: $have + V_{en}$, $get + V_{en}$) (см. следующую таблицу):

Категории	Системы абстракции	Уровни иерархии	Английский язык
Пассивность	абстр.	морф.	$be + V_{en}$: be written
	полуабстр.	синтакс.	get (become, remain) + V_{en} : get killed

		лексич.	devoted, measurable, examinee, man-made
Рефлексивность	абстр.	морф.	—
	полуабстр.	синтакс.	V + oneself
		лексич.	self-accusation
Взаимность	абстр.	морф.	—
	полуабстр.	синтакс.	each other + V, one another + V
		лексич.	interchangeable
Совместность	абстр.	морф.	—
	полуабстр.	синтакс.	V _{int} + together V _{tr} + N + together
		лексич.	coexistence, unity
Каузативность	абстр.	морф.	have + N + V _{en} get + N + V _{en}
	полуабстр.	синтакс.	cause (force, allow, let, order, ask, etc.) + N + V _{inf}
		лексич.	encage, soften, clarify

Абстрагированные и полуабстрагированные единицы относятся к центральным показателям, а конкретные единицы относятся к периферийным показателям залоговости. Внутри центральных показателей абстрагированные единицы можно считать основными доминантами залоговости, ибо категориальные доминанты связаны с высшей степенью абстракции.

Элементы разноуровневых выражений категории залоговости всегда взаимозависимы. Свою точную характеристику каждая форма может получить в полной парадигме и синтаксическом окружении. Сле-

довательно, вне связи морфологического и синтаксического уровней мы не можем описать категорию залоговости в современном английском языке. Характер морфологических форм каждого слова определяется только на синтаксическом уровне, и это свидетельствует о взаимосвязи и взаимообусловленности парадигматики и синтагматики. В речи нельзя оторвать, отделить один уровень от другого. Лексический и морфологический уровни не могут существовать без фонологического, а синтаксический, который является самым высшим, не может существовать без первых трех.

Процесс коммуникации осуществляется только при непосредственном участии всех уровней языка как единого целого. Они находятся во взаимозависимости даже в тех случаях, когда лингвистическому анализу подвергается какой-либо определенный изолированный уровень. Например, единицы морфологического уровня могут получить свою полную характеристику только в синтаксисе. Об этом И. И. Мещанинов пишет: «... на фоне синтаксического строя морфологическое оформление слова получает наиболее яркое освещение» [205, с. 4]. Это положение можно проиллюстрировать на примере почти всех разрядов слов. В современном английском языке внешне одно и то же слово может одновременно принадлежать к нескольким разрядам слов. В результате редукции конца слов английские существительные и глаголы потеряли свои внешние дифференцирующие признаки, что создает большие затруднения при определении принадлежности того или иного слова к тому или иному лексико-грамматическому разряду слов. Количество слов, совпадающих по форме, очень велико: одни образовались при помощи конверсии, другие — путем утрачивания окончаний. К таким словам относятся: *button пуговица, to button пришивать пуговицы; butter масло, to butter намазывать маслом; butt удар головой, to butt ударять головой; love любовь, to love любить* и многие др.

Из приведенных выше примеров ясно, что в английском языке в изолированном виде трудно во многих случаях определить принадлежность слов к определенным разрядам.

Аналогичное положение наблюдаем в тюркских языках, ибо в них формальное безразличие таких лексико-грамматических разрядов слов, как прилагательные, наречия и др., если у них нет специальных словообразовательных показателей, создает огромную трудность.

Итак, типологическая категория — это категория межуровневая. Поэтому при сравнении систем языков на основе той или иной категории необходимой считается завершенность или относительная завершенность типологической операции. Однако в зависимости от цели исследования иногда можно исходить из автономности явлений, происходящих на отдельных уровнях. В этом отношении можно согласиться с В. Н. Ярцевой, когда она пишет: «Исследователь имеет право изолировать определенный участок изучаемого материала в целях его последовательного и полного описания ...» [362, с. 9—10]. Изолированный подход оправдывается в фонологической, морфологической, лексической или словообразовательной типологии. Кроме того,

Иногда необходим при сравнении систем близкородственных языков.

Увеличение или уменьшение вероятности сходства одноуровневых выражений той или иной категории могут зависеть от близости или дистантности языкового родства. Языки делятся на близкородственные и дальнородственные на основе сходства выражения одноуровневых форм. В связи с этим следует отметить, что генетически неродственные языки могут стать типологически сходными.

Как мы говорили в Главе II, вслед за работой Е. Д. Поливанова появился целый ряд работ по сравнению языков, в которых сопоставлялись русский и национальные языки, в том числе русский и тюркские языки (учебники и учебные пособия, диссертации и монографические исследования). Если говорить о методе, то в работах по сопоставлению русского и тюркских языков используется уровневый принцип сравнения, при этом у многих авторов происходит смещение лингвистических и методических принципов сравнения. Работы по сопоставлению иностранных языков с национальными языками также строятся на уровневом принципе.

В данном пособии мы предлагаем иной принцип — межуровневый, ибо, на наш взгляд, без межуровневого подхода невозможно выявить основной инвентарь выражения типологических категорий в разносистемных языках.

МЕЖРАЗЯДНОСТЬ ТИПОЛОГИЧЕСКИХ КАТЕГОРИЙ

Типологическая категория является межразрядной. Этой особенностью она противопоставляется традиционной грамматической категории, которая характеризуется как моноразрядная категория.

Выбранное для сравнения категориальное понятие или типологическое значение может быть передано средствами, принадлежащими к различным лексико-грамматическим разрядам слов. При этом совпадение и несовпадение разрядов в сравниваемых языках большой роли не играет. Каждый язык располагает своими собственными ресурсами для передачи этих категорий. Если та или иная категория выражается двумя или более разрядами слов, то в таких случаях единицы различных разрядов выступают в качестве разноразрядных синонимов. Эти разноразрядные синонимы могут быть как внутриязыковыми, так и межъязыковыми. Система каждого языка обладает огромным количеством межразрядных синонимичных единиц, которые, будучи соотносимыми с разными разрядами слов, могут иметь общую глубину. Например, если исходить из общности основы, то в английском языке слова типа *fun*, *fun* относят к двум лексико-грамматическим разрядам слов: *fun* (n) *шутка* и *fun* (v) *шутить*; *fur* (n) *мех, шерсть, шкура* и *fur* (v) *подбивать или отделявать мехом* и многие др. Производное слово *funny* также относится и к прилагательным, и к существительным. Ср.: *funny* (a) *забавный, смешной*, *funny* (paper) (n) (*а.м. разг.*) *страничка юмора в газете*.

В межъязыковом плане степени соответствия разные. Рассмотрим в качестве примера категории состояния в английском и узбекском

языках: 1) The child is sleeping → Бола ухляпти; 2) The child is asleep → Бола уйкуда¹; 3) a sleepy child → уйкудаги бола, уйкусираб турган бола. В приведенных примерах первый имеет идентичное выражение в сравниваемых языках: V → V; во втором английскому сочетанию соответствует узбекское существительное в местном падеже: be + asleep → N + да; в третьем примере также имеем случай совпадения в сравниваемых языках: Adj → Adj.

Типологические категории могут выражаться по-разному. Одни чаще выражаются существительными, другие — глаголами или другими разрядами слов. Например, категория множественности в английском языке, в основном, выражается существительными и глаголами, а прилагательные в этом смысле в обоих языках остаются изолированными.

В плане межъязыковой корреспонденции у генетически родственных языков существуют большие возможности однорядного изоморфизма. Такие случаи изоморфизма в основном относятся к генетической типологии, а не к сравнительной типологии.

В связи с проблемой межрядного и межуровневого описания типологических категорий возникает вопрос внутриязыкового и межъязыкового сравнения. Внутриязыковое, или внутрисистемное, сравнение является первым этапом межъязыкового, или межсистемного, сравнения. Таким образом, к предмету типологии относится и внутрисистемное сравнение, которое занимается вопросами межуровневой и межрядной синонимии.

Межрядность типологических категорий основывается на глубинной общности, которая объединяет все формальные средства, выражающие общий категориальный смысл. Глубинная общность типологических категорий объединяет единицы разных лексико-грамматических разрядов слов в системах сравниваемых языков. При сравнении обобщенная единица плана содержания используется в качестве межъязыкового семантического субстрата. Поэтому типологические категории выделяются с учетом характера этой единицы.

Реальный смысл передается при помощи определенных грамматических обрамлений, которые характеризуют систему языка в целом. Грамматический каркас, или грамматические модели, в свою очередь, имеют и обобщенно-абстрагированное значение, лежащее в основе глубинной общности типологической категории. В этом отношении прав В. И. Абаев, который считает, что «предметно-значимая лексика целиком соотносима с объективной действительностью, грамматика соотносима с ней лишь некоторыми элементами (например, именными классификациями, если они получают морфологическое выражение). В лексике выступает на первый план познавательный аспект языка, в грамматике — коммуникативно-технический» [6, с. 235].

Все изоморфные или алломорфные поверхностные варианты объединяются общей глубиной, которая в сравнительной типологии определяется как типологическое значение. На поверхности типологи-

¹ Любопытно отметить, что историческая английская форма asleep имеет прямое соответствие в узбекском языке. Ср.: on slæpe → уйкуда во сне.

ческие формы могут подвергаться структурным изменениям типа номинализации, вербализации и др. Ср.: Он вчера выступил на собрании и всех удивил; *Выступая вчера на собрании, он всех удивил; Своим вчерашним выступлением на собрании он всех удивил.* В приведенных примерах все указанные трансформационные варианты объединяются на основе глубинной общности. То же самое мы видим на примере английского языка: John wrote a letter with a pen → John used a pen to write a letter → John's writing a letter with a pen → John's letter written with a pen.

Все приведенные варианты поддаются определенному моделированию, и эти модели находятся между собой в отношении синонимии, ибо они объединены общностью глубины.

СВОЕОБРАЗНАЯ МАРКИРОВАННОСТЬ ТИПОЛОГИЧЕСКИХ КАТЕГОРИЙ

Типологическая категория изучается через определение взаимоотношений типологических форм и типологических значений. Формы выражения типологических категорий могут быть разными, т. е. они выражаются либо при помощи специальных средств, либо они передаются самой основой слов без специальных средств. Первый случай называется *э к с п л и ц и т н ы м* (т. е. явным), а второй — *и м п л и ц и т н ы м* (т. е. неявным) *с п о с о б о м*. Определенный интерес представляет уточнение отношения имплицитности и эксплицитности к *ц е н т р а л ь н о с т и* и *п е р и ф е р и й н о с т и*.

Инвентаризация типологических форм на основе указанных понятий необходима, ибо системы сравниваемых языков могут иметь различные степени эксплицитности, имплицитности, центральности, периферийности и т. п. Если в одном языке выбранная категория выражается явно, то в другом она может быть передана неявно. В задачу типологии входит определение указанных свойств типологических форм. На основе этих отношений типолог может судить об изоморфности и алломорфности сравниваемых единиц, об общности языковых структур, родственности типов и т. п.

Определение центра и периферии является важным при изучении типологических категорий. Все типологические средства, или типиформы, в каждом сравниваемом языке можно разделить на две группы: центральные и периферийные. Обычно к центру относят морфологические категории и морфологические средства, которые по сравнению с другими находят «наиболее специализированное» выражение [55, с. 21].

Основным дифференцирующим признаком центра в сравнительной типологии считается абстрагированность типологических форм. На этой основе к центральным типиформам относят наиболее абстрагированные единицы любого уровня, которые считаются основными показателями типологических значений. В зависимости от колебаний уровней средств центральными могут стать единицы морфологического, словообразовательного и синтаксического уровней.

Периферия представлена единицами, которые, будучи побочными средствами передачи типологических категорий, находятся в отно-

2

шении синонимии к основным, или центральным, типологическим формам. Периферийные единицы можно разделить на две группы: а) одноуровневые периферийные типоформы, находящиеся на одном уровне с центральными типоформами, и б) разноуровневые периферийные типоформы.

Разноуровневые периферийные типоформы находятся на различных уровнях по сравнению с центральными типоформами. Данный тип периферийных типоформ связан с явлением разноуровневой синонимии.

Отношения центральных, или ядерных, и периферийных типоформ в сравниваемых языках могут быть следующими: 1) ядро — ядро, 2) ядро — периферия, 3) периферия — ядро, 4) периферия — периферия [153; 317, с. 44—59].

Таким образом, типологическая категория в сравниваемых языках характеризуется отношением ядра и периферии.

При сравнении систем двух или более языков сначала определяется системная особенность каждого сравниваемого языка, в результате чего исходным языком может оказаться тот язык, в котором центром служат формализованные единицы. Так, например, при сравнении типологической категории залоговости в качестве метаязыка могут выступать тюркские языки, так как в них категория залоговости абстрагирована, т. е. ядерным средством служат единицы морфемного уровня. В английском языке залоговая оппозиция на морфемном уровне немаркирована. При сравнении категории определенности/неопределенности метаязыком может служить система английского языка, так как в ней данное категориальное понятие имеет специальные категориальные показатели — артикли, относящиеся к ядерным средствам.

ДИСТРИБУТИВНЫЕ ОТНОШЕНИЯ РАЗНОУРОВНЕВЫХ ПОКАЗАТЕЛЕЙ ТИПОЛОГИЧЕСКИХ КАТЕГОРИЙ

Как было установлено в предыдущем разделе, при передаче выделенных категорий участвуют единицы разных уровней языка. Показатели определенной категории имеют различные дистрибутивные отношения между собой, т. е. их отношения могут быть либо взаимовключающими, либо взаимоисключающими. Так, каждый категориальный показатель, будь то отдельная морфема или специальная лексическая единица, исключает употребление другого синонимичного показателя. Например, в тюркских языках показатели рефлексивности и каузативности морфологического уровня находятся в положении взаимоисключения с показателями, принадлежащими лексическому уровню. Одновременное употребление обычно создает языковую избыточность.

В английском языке взаимоисключение и взаимовключение осуществляется своеобразно. Одни категории выражаются путем взаимоисключения синонимичных показателей, другие, наоборот, одновременно используют два или более взаимовключающих синонимичных категориальных показателя. Взаимоисключение показателей пассив-

ности осуществляется двумя способами: а) заменой вспомогательного глагола глаголами типа *become, get* и т. п.; эти глаголы не употребляются в пассивной форме, т. е. либо *be+V_{en}*, либо *become+V_{en}*, *get+V_{en}*: *He is killed; He became killed; He got killed*; б) употреблением глаголов, лексическое значение которых выражает пассивность; к ним можно отнести глаголы типа: *die, suffer*. Здесь мы имеем взаимоисключение единиц морфологического и лексического уровней.

Взаимоисключение показателей рефлексивности носит в английском языке другой характер. Например, при передаче рефлексивности иногда отпадают обуславливающие показатели. Но, во-первых, таких глаголов немного (*wash, dress* и др.); во-вторых, опущенные местоимения легко подразумеваются. Такие случаи С. Чэтмен называет «object-zeroing». Например: *John dressed himself → John dressed. The girls washed themselves → The girls washed.*

Одновременное употребление рефлексивных местоимений и рефлексивных глаголов в одной конструкции может приводить к избыточности, тем не менее иногда употребляются и варианты с рефлексивными местоимениями.

Категория множественности у существительных передается по меньшей мере двумя соотносительными способами: а) при помощи морфем множественности; б) при помощи числительных. Оба способа соотносятся как два синонимичных показателя. В одних языках два знака множественности взаимоисключают друг друга, в других — оба могут быть употреблены в одной конструкции. В таких случаях числительные дополняют и уточняют значение множественности. Например, для многих тюркских, монгольских и финно-угорских языков характерно взаимоисключение разноуровневых показателей множественности, а для английского, русского и некоторых других языков характерны случаи взаимовключения. Например:

англ.: two schools, five books, four girls, six men
русск.: две школы, пять студентов, четыре розы

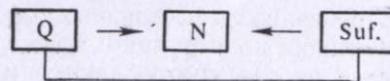
В приведенных примерах категория множественности передается грамматическими и лексическими средствами одновременно.

В тюркских языках морфемы множественности обычно отпадают, если перед существительными употребляются числительные или другие слова, выражающие множественность. Это так называемые квантификаторы, к которым относятся числительные, а также некоторые местоимения и существительные, выражающие множественность как явно (т. е. при наличии специальных выразителей), так и неявно. В качестве основного лексического квантификатора выступают числительные. Поэтому, если перед существительными употребляются числительные, существительные имеют форму единственного числа и, наоборот, если существительные имеют форму множественного числа, то перед ними плюральные слова обычно не употребляются, т. е. лексические и грамматические показатели множественности взаимоисключают друг друга. Например, числительные *беш* (бес, бэш) и суффикс *-лар* несовместимы.

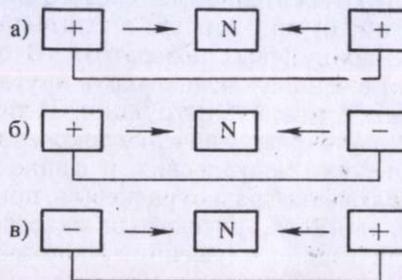
тур. kitaplar — beş kitap
 узб. китоблар — беш(та) китоб
 каз. кітаптер — бес кітап
 кирг. китептер — беш китеп

туркм. китаплар — бəш китап
 каракалп. китаплер — бес китап
 уйг. китаплар — бəш китап

Как видно из приведенных примеров, категория множественности в тюркских языках имеет одностороннее выражение. Двусторонняя передача множественности в тюркских языках не принята. Термин «двусторонняя» понимается с функциональной точки зрения: числительные (или другие слова, также выражающие множественность) находятся перед существительным (слева от него), а аффиксальная морфема — справа, на конце существительного. Графически это можно изобразить следующим образом¹:

Данная рамочная модель может реализоваться следующим образом:

При выражении множественности в английском языке используется первая модель, а для систем тюркских языков характерны две последние модели. Отклонение от данной нормы в тюркских языках несет стилистическую нагрузку. По данному поводу А. Н. Кононов пишет: «Если же такое словосочетание оформлено аффиксом -lar/-ler, то оно выражает значение членимого, неоднородного множества; другими словами определяемое имя мыслится выделенным из числа ему подобных и наделенным индивидуальными признаками». Он приводит такие примеры: *Üç arkadaşlar Tri (определенных, известных) товарища*, *Kırk haramilerin esiri Пленник сорока разбойников (из стихотв. Н. Хикмета)* [172, с. 70]. Аналогичные случаи совместного употребления квантификаторов множественности встречаются и в других тюркских языках, в том числе и в узбекском языке. Использование лексико-синтаксических по-

¹ Условные обозначения: Q — quantifier (квантификатор) — числительное или другие слова, выражающие множественность; N — noun — существительное; Suf. — suffix — суффикс.

казателей в таких случаях тоже стилистически обусловлено. Например, когда в узбекском языке говорят: Бу кутубхонада кўп китоблар бор (*В этой библиотеке много различных книг*), имеется в виду не только количество книг, но и их разновидности. Однако следует указать, что слова кўп много, анча, бирқанча несколько имеют уточняющее значение, а числительные являются основными выразителями множественности, поэтому употребление числительного и суффикса множественности взаимоисключаются.

Типологичность процесса взаимоисключения и взаимовключения характеризуется тем, что это явление служит особым типом дистрибуции разноуровневых средств и распространяется по-разному в системах различных языков. С этой точки зрения было бы целесообразно классифицировать все языки на две группы: а) языки, допускающие взаимовключение, и б) языки, не допускающие взаимовключения. Или менее категоричным было бы сгруппировать языки следующим образом: а) языки с преобладанием взаимоисключения и б) языки с меньшим преобладанием взаимоисключения. В этом отношении так называемые изолирующие и агглютинирующие языки больше тяготеют к языкам с взаимоисключением, а флективные — к языкам с взаимовключением. Однако иной группировке языков препятствует существующая система классификации языков по типам. Два показателя взаимоисключают друг друга, если у них совпадают степени абстракции. Совместное употребление двух близкосинонимичных единиц создает избыточность. Но иногда встречаются случаи специального употребления разноуровневых показателей в одной конструкции в стилистических и других целях. Отдельные случаи такого употребления рассмотрены Е. В. Гулыгой и Е. И. Шендельс [107, с. 7 и сл.]. По их мнению, средства разных уровней могут быть совместимыми в тех случаях, когда «одно из них может оказывать определенное влияние на другое, а именно: 1) усиливающее; 2) конкретизирующее; 3) ослабляющее; 4) „переключающее“, создающее новое значение; 5) ассимилирующее» [107, с. 7].

Явление взаимоисключения также характерно и для системы венгерского языка. В этом языке наличие количественных числительных исключает употребление суффикса множественного числа. Напр.: венг. öt көпув *пять книг*; көпувек *книги*.

Этот пример также свидетельствует о зависимости явления взаимоисключения разноуровневых плюральных морфем от определенного типа языка.

Особую роль данный процесс играет в генетической и диахронической типологии. В своем динамическом развитии система языка может по-разному отражать это явление. Например, в ряде языков падежная флексия или полностью исчезла, или исчезла частично. Этот случай характерен для многих языков, независимо от их генетической гомогенности или гетерогенности [16, с. 17—18]. По-видимому, при исчезновении падежных флексий в английском, болгарском, таджикском и других языках определенную роль мог играть процесс взаимоотрицания синонимичных средств, т. е. предлогов и флексий. Сказанное свидетельствует о многообразии фо-

нетического процесса редукции. Исчезновение многих аффиксальных морфем в английском языке можно объяснить этим видом конкуренции разноуровневых выразителей. Сюда же можно отнести конкуренцию модальных глаголов и форм сослагательного наклонения, отрицательных частиц и отрицательных слов и др., которые не стали совмещаться в одной синтаксической рамке.

Итак, явления взаимоисключения и взаимовключения межуровневых выразителей связаны: во-первых, со степенью абстракции уровней единиц, во-вторых, частично с флективностью и агглютинативностью строя языка, в-третьих, с индивидуальной особенностью самих сравниваемых типологических категорий.

МЕЖУРОВНЕВАЯ СИНОНИМИЯ И МЕЖЪЯЗЫКОВАЯ КОРРЕСПОНДЕНЦИЯ

Вопрос о синонимии вообще, и грамматической в частности, изучался с различных точек зрения представителями разных лингвистических школ в разные периоды. Грамматическая синонимия изучалась в традиционной грамматике, она стала предметом серьезных дискуссий в терминах трансформационной грамматики. В лингвистической литературе встречаются самые разнообразные высказывания по определению сущности грамматических синонимов. В межъязыковом сопоставлении важное значение имеет вид операции, который может выявить сквозьуровневые единицы, объединяемые вокруг выбранной категории. Таким видом операции может являться процесс установления межуровневых синонимов внутри языка и межъязыковых соответствий между языками. Важность такой операции заключается в том, что уровни выражения в разных языках могут быть неодинаковыми. Если формальное выражение одного понятия не имеет своего соответствия на одном уровне, то между синонимичными формами устанавливается определенное соотношение.

Межуровневая синонимия строится на основе связи различных аспектов языков, главным образом, на взаимосвязи лексического и грамматического уровней. Грамматика и лексика относятся к двум взаимопроникающим, взаимосвязанным и взаимозависимым уровням. Будучи представленная абстрагированным уровнем языка, грамматика изучает соотношения между лексическими единицами и оперирует «закрытыми системами». В тех случаях, когда какое-либо категориальное понятие не имеет специальных грамматических показателей, оно может передаваться единицами лексического уровня [402, с. 235; 362, с. 6].

Каждая лексическая единица получает свою полную характеристику благодаря ее применению в грамматической дистрибуции. И одновременно лексические единицы служат основой, на которой строятся парадигматическая и синтагматическая основы грамматики [395]. В словарях, например, фиксируются отдельные единицы лексического уровня. Каждое из включенных в словарь слов обычно имеет несколько значений в зависимости от его сочетания с другими словами. Это свидетельствует о том, что грамматика играет реализующую

роль. Сопоставление систем разноструктурных языков в основном строится на межуровневых отношениях соответствующих друг другу средств. Наличествующая в двух или более языках общая категория бывает либо грамматической, либо неграмматической. Грамматика в этом отношении компетентна исследовать эти категории только в том случае, если она располагает собственными абстрагированными средствами выражения. Что касается лексики, то она может не иметь специальных внешних показателей, явно указывающих на принадлежность слов к той или иной категории. Возможно, что некоторые словообразующие аффиксы могут одновременно выполнять роль внешних показателей, однако корневые слова лишены такой возможности. Тем не менее в лексических системах сравниваемых языков выделяется ряд семантических групп слов с тем или иным категориальным значением, т. е. слова, выражающие множественность, футуральность, каузативность, пассивность и т. п. Каждое категориальное понятие, лежащее в основе типологической категории, выражается единицами не одного уровня; при этом средства доминирующего уровня служат в качестве своеобразных опорных единиц, которые называются центральными, а единицы остальных уровней, служащие побочными средствами, — неспециальными, или периферийными. Здесь следует учесть, что опорность (т. е. центральность) единиц или типологических форм является относительной. Дело в том, что в тех случаях, когда исходят из основ ограниченной, или изолированной, грамматической типологии, лексические единицы могут оказаться побочными, а когда исследованию подвергается лексическая категория, грамматические средства становятся побочными.

Межуровневая синонимия типологических форм основывается на взаимоотношениях морфем, словоформ, слов, словосочетаний, предложений и т. д. В тех случаях, когда одна и та же типологическая категория одновременно выражается на разных уровнях, эти формы выступают в качестве разноуровневых типологических синонимов по отношению друг к другу. В этом отношении разноуровневые синонимы противопоставляются один другому как «лексические — грамматические». В связи с тем, что межуровневая синонимия выделяется нами в типологических целях, мы называем ее типологической синонимией. В одном языке такая синонимия является одноязычной, в системе двух или более языков она является межъязыковой. Межъязыковые синонимичные единицы будут называться в данном пособии межъязыковыми корреспондентами. В сравнительной типологии мы квалифицируем синонимию и корреспонденцию следующим образом: 1) одноуровневая одноязычная синонимия, 2) одноуровневая межъязыковая корреспонденция, 3) межуровневая одноязычная синонимия, 4) межуровневая межъязыковая корреспонденция. Степень близости по уровням во многом зависит от общности языкового типа.

Каждый из указанных выше видов синонимии и корреспонденции имеет свою специфику. Например, для одноуровневых одноязычных синонимов характерна уровневая и языковая автономность, для одноуровневых межъязыковых корреспондентов характерна только уров-

невая автономность, для межуровневых одноязычных синонимов характерна только языковая автономность. И, наконец, для межуровневых межъязыковых корреспондентов ни та, ни другая из указанных автономий не характерна. Межуровневые внешние синонимы, т. е. корреспонденты, строятся на взаимоотношениях остальных видов синонимов.

Говоря о типологических синонимах, следует обратить внимание на то, что единицы или ряды разноуровневых межъязыковых синонимичных средств образуют то или иное типологическое поле вокруг определенной типологической категории. К таким полям отнесем поле модальности, поле лица, поле времени, поле определенности и т. д.

Одноуровневая одноязычная синонимия характерна для систем одного из сравниваемых языков. Здесь различаются лексические, морфологические и синтаксические синонимы. Вопросы грамматической синонимии более подробно разработаны в работе Е. И. Шендельс и др.

Одноуровневая межъязыковая корреспонденция исходит из инвариантности выбранного общего смысла в сравниваемых языках. В сравнительной типологии ее можно считать ограниченной межъязыковой корреспонденцией. Синонимичные единицы являются межъязыковыми соответствиями, или межъязыковыми эквивалентами. Межъязыковые соответствия — это единицы плана выражения соответствующего языкового уровня в сравниваемых языках. К ним относятся морфологические эквиваленты, лексические эквиваленты, синтаксические эквиваленты и др. Для одноуровневой межъязыковой корреспонденции характерна определенная ограниченность. Уровневая идентичность связана с генетической и типологической общностью, или родством, поэтому она больше характерна либо для систем генетически близкородственных языков, либо для систем типологически близких языков. Одноуровневая операция используется, в основном, с научными целями. Например, если типологу необходимо установить корреспонденты только морфологического уровня в двух языках, он обращается к одноуровневой корреспонденции.

Схема, или принцип, соответствия одноуровневых межъязыковых корреспонденций в сравниваемых языках выглядит так: $a = a_1$, $b = b_1$, $c = c_1$ и т. д. При этом a , b , c выражают единицы одного языка, a_1 , b_1 , c_1 приняты как соответствующие единицы того же уровня в другом языке.

Межуровневая одноязычная синонимия определяется как синонимия разноуровневых единиц типологических форм, объединенных на основе типологического значения, выбранного для систем сравниваемых языков. Такая синонимия является односторонне завершенной.

Межуровневая межъязыковая корреспонденция — это совокупность межуровневых типологических форм, объединенных на основе определенного категориального значения, выбранного в качестве общего типологического значения для систем

сравниваемых языков. Межъязыковая корреспонденция — это система соответствий. Межъязыковые корреспонденты выявляются на основе межуровневых синонимов. Напомним, что межуровневая синонимия характерна для систем одного конкретного языка, а межуровневая корреспонденция типична для сравнительной типологии, оперирующей системой двух или более языков. Каждый уровень располагает специальными категориальными показателями. По своей форме эти показатели могут быть различными, т. е. они могут быть выражены при помощи специальных морфем, аналитических форм, специальных слов, являющихся конститuentами синтаксических конструкций, словосочетаний, предложений и т. д.

Принцип эквивалентности при межъязыково-межуровневом корреспондировании отличается от принципа одноуровневого корреспондирования. Эти соответствия можно представить следующим образом:

$$\begin{aligned} \text{I. } a(b, c) &= a_1(b_1, c_1) \\ \text{II. } b(a, c) &= b_1(a_1, c_1) \\ \text{III. } c(a, b) &= c_1(a_1, b_1) \end{aligned}$$

В приведенных соответствиях левая колонка представляет совокупность уровней единиц одного языка, а правая колонка — совокупность соответствующих единиц другого языка. Каждый буквенный знак является единицей одного определенного уровня. При выражении типологических категорий уровневые единицы находятся в двух отношениях: доминирующем и зависимом. Единицы доминирующего, или опорного, уровня, которые играют роль основных показателей типологических категорий, даются вне скобок. Побочные единицы при выражении типологической категории даны внутри скобок.

Каждая группа соответствий состоит из ряда межуровневых единиц, среди которых доминирующие единицы выходят на первый план. Сказанное можно представить следующим образом:

$$\begin{aligned} \text{I. } A - b - c &= A_1 - b_1 - c_1 \\ \text{II. } B - a - c &= B_1 - a_1 - c_1 \\ \text{III. } C - a - b &= C_1 - a_1 - b_1 \end{aligned}$$

В этом случае уровневые единицы, занимавшие ранее места вне скобок, отмечены заглавными буквами, что подчеркивает их доминирующую роль.

Указанный выше принцип соответствия характеризуется большей обобщенностью и уровневой прямолинейностью. Это, в целом, свидетельствует о системной близости сравниваемых языков. В тех случаях, когда сравнению подвергаются системы разносистемных языков, взаимосоответствия уровней единиц могут иметь следующий вид:

$$\begin{aligned} \text{I. } A - b - c &= A_1 - b_1 - c_1 & \text{II. } a - B - c &= A_1 - b_1 - c_1 \\ A - b - c &= a_1 - B_1 - c_1 & a - B - c &= a_1 - B_1 - c_1 \\ A - b - c &= a_1 - b_1 - C_1 & a - B - c &= a_1 - b_1 - C_1 \\ \text{III. } a - b - C &= A_1 - b_1 - c_1 \\ a - b - C &= a_1 - B_1 - c_1 \\ a - b - C &= a_1 - b_1 - C_1 \end{aligned}$$

Как свидетельствуют приведенные выше типы соответствий, при выявлении корреспондирующих средств в системах различных языков допускается колебание (неустойчивых) уровневых единиц. Например, та или иная типологическая категория в одном языке выражается, в основном, на морфологическом уровне, а в другом — на синтаксическом или лексическом и т. д.

Сказанное выше можно проиллюстрировать примерами из английского языка и некоторых тюркских языков. Категория каузативности в современном английском языке выражается при помощи большого количества синтаксических моделей. Рассмотрим каузативное понятие с общим значением «лишать жизни». К специальным словам, принадлежащим к лексическому уровню, относятся слова *to kill*, *to murder*, *to assassinate*, *to slay* и др.¹ Эти слова выступают в качестве одноуровневых синонимов. Эти одноуровневые синонимичные единицы противопоставляются единицам синтаксического уровня, т. е. синтаксическим конструкциям в качестве межуровневых синонимов. Их межуровневыми синонимами являются конструкции: *to have someone killed*; *to get someone killed*; *to cause someone to die* и т. д.

Данные синонимичные единицы объединяются под глубинной структурой, которая моделируется следующим образом: *cause+(to) die*.

Из приведенных примеров следует, что в английском языке каузативность выражается: а) при помощи специальной синтаксической конструкции, которая относится к синтаксически явно выраженному способу, и б) посредством лексемы *kill*, которая является представителем лексического уровня.

При выявлении межъязыковых корреспондентов проводится аналогичная типологическая операция, т. е. устанавливаются межуровневые синонимы в каждом из сравниваемых языков, и после этого выводятся общие единицы, противопоставляемые английским корреспондентам. В этом отношении тюркские языки отличаются однородностью аффиксального способа выражения каузативности, в том числе и выражения понятия «убивать». Например:

<i>узб. ўлдирмоқ</i>	<i>туркм. өлдүрмек</i>
<i>каз. өлтіру</i>	<i>каракалп. өлтириу</i>
<i>кирг. өлтүр-</i>	<i>уйг. өлтүрмәк</i>

На лексико-морфологическом уровне эти единицы соответствуют английскому слову *to kill* и его синонимам (*to murder*, *to slay*, *to assassinate* и др.). Данное соответствие определяется как одноуровневое межъязыковое (по отношению к английскому языку) соответствие.

Во всех языках морфологическую форму, выражающую ту или иную категорию, можно трансформировать на синтаксическом уровне, и эти трансформированные формы представляют межуровневую синонимию. При установлении межъязыковых разноуровневых эквивалентов сравнительная типология основывается на данных так называемого вну-

¹ Список синонимов не исчерпывается приведенными словами.

триязыкового перевода, т.е. на трансформационных вариантах данного семантического инварианта.

Межуровневая трансформация в тюркских языках происходит путем сочетания субстантивированной глагольной основы с глагольным сочетанием, выражающим общую идею «заставлять»:

узб. ўлдирмоқ → ўлишга мажбур қилмоқ	туркм. өлдүрмек → өлмеге мажбур этмек
каз. өлтіру → өлуге мажбур ету	каракалп. өлтир → өлиўге мажбур етиў
кирг. өлтүр → өлууга мажбур қил-	уйг. өлтүрмәк → өлмәккә мажбур қилмақ

Данные выше синтаксические единицы, выражающие каузативное значение «убивать», отнюдь не являются завершенными. В каждом из сравниваемых языков существует ряд синонимичных конструкций, выражающих то же самое значение. Все эти единицы выбираются как составляющие межуровневого межъязыкового соответствия.

При выявлении межуровневых синонимов типологу приходится выполнять некоторые дополнительные операции, связанные с природой трансформационных вариантов. Например, в английском языке глагол to wash может иметь невозвратное и возвратное значения: I wash можно перевести как *я мою* и *я умываюсь*. Последняя форма развилась из сочетания I wash myself, т.е. буквально *я мою себя*, здесь wash myself и wash выступают в качестве синонимов.

Рассмотрим значение глагола to move. Глагол to move в предложении He moved употребляется в некаузативном значении, а в предложении He moved the bed употребляется каузативно, оно трансформируется далее в He made the bed move. Межуровневые синонимы связаны и с номинализацией. Например, в предложениях We saw his falling from the roof и We saw how he fell from the roof синонимичные единицы находятся на разных уровнях и обе формы являются межуровневыми синонимами.

При межуровневой трансформации в типологии возможно использование как процесса номинализации, так и вербализации. При этом для одного языка более характерно употребление номинализованных форм, а в других языках чаще употребляются глагольные формы.

Так, например, синтаксические каузативные конструкции в английском языке являются в большей степени вербальными, чем аналогичные конструкции в тюркских языках. Например:

англ.: You cause me to write an answer.

тур.: Beni sevap yazmağa mecbur edersiniz.

(Вы вынуждаете меня писать ответ.)

В данном примере в английском языке слова to cause и to write употребляются в глагольной форме, в то время как в турецком одна из глагольных форм подверглась субстантивации.

Рассмотрим другой пример: английское предложение He caused

me to interfere in conversation передается на киргизский язык при помощи субстантивации: Ол мени да сөзгө аралашууга мажбур килды.

Алломорфным является то, что в тюркских языках основной глагол, выражающий процесс, номинализуется и употребляется в соответствующей падежной форме.

С точки зрения номинализации вербальных форм особый интерес представляют изменения, происходящие при трансформации прямой речи в косвенную. В английском языке при данной трансформации больших структурных изменений с точки зрения номинализации не происходит, в то время как в тюркских языках этот процесс связан с номинализацией, т.е. при данной трансформации происходят некоторые структурные изменения в пользу межуровневой синонимии: одно из сказуемых в прямой речи, теряя свою предикативность, становится отглагольным существительным, и прямая речь в целом преобразуется в словосочетание. Таким образом используется метод трансформации для передачи прямой речи при полном сохранении смысла. Здесь мы имеем случай трансформации с номинализацией, при этом трансформированная форма находится совсем на другом уровне. При трансформации прямой речи в косвенную два или три предложения преобразуются в одно. Одновременно при помощи номинализации происходит и процесс словообразования, так как предикативная часть в прямой речи переходит в косвенной речи в разряд существительных.

Проиллюстрируем это явление на примере узбекского языка: Узбек ойм чикиб борган Ойбодокни тўхтатиб сўради: — Қассоб келганмикин? (*Узбекаим остановила выходящую Айбадак: «Пришел мясник?»*) → Узбек ойм чикиб борган Ойбодокни тўхтатиб қассобнинг келган ёки келмаганлигини сўради. В переводе на русский язык второе предложение (в косвенной речи) выглядит так: *Остановив Айбадак, Узбекаим спросила о приходе мясника.*

При трансформации морфологических форм на синтаксический уровень в последнем происходит процесс конкретизации.

Как видно из трансформированной формы, глагольное сказуемое в прямой речи превращается в дополнение, а глагол в целом — в существительное. Это является своеобразной структурной особенностью узбекского языка, отличающей его от современного английского языка, так как в последнем такой трансформации не происходит. Ср.: "I'm going to the farm," he said → He said that he was going to the farm.

Правда с некоторой натяжкой в данном случае можно воспользоваться номинализацией, например, заменив глагол to say глаголом to inform и др. Тогда мы имеем в косвенной речи: He informed us about his going to the farm.

Итак, межуровневая синонимия в косвенной речи является характерной особенностью современных тюркских языков, в то время как для английского языка это явление менее характерно. Для английского языка характерно явление, связанное с трансформацией предложения в словосочетание. Этот вопрос имеет отношение к проблеме юнкции и нексуса, предложенной известным датским ученым О. Есперсеном [125, с. 130—131 и сл.]. Разница между The dog barks furiously

(нексус) и A furiously barking dog (юнкция), в основном, является предикативной. Многие представители классического языкознания высказывали различные мнения в отношении сочетаний такого типа [125, с. 130—131 и сл.].

Эти два сочетания являются синонимичными, т.е. межуровневыми синонимами. Одно—на уровне словосочетания, другое—на уровне предложения.

Таким образом, при выявлении типологических соответствий важным фактором является межуровневость, или уровневая неограниченность, типологических форм. Однако это не означает, что уровневая изоляция совсем не допустима. Как мы уже упоминали выше, в зависимости от характера сравнения иногда необходимо проводить сравнения и на определенном уровне.

Следует учесть, что при установлении межъязыковых соответствий иногда допускаются отдельные внутриуровневые структурные дифференциации. В связи с этим можно различать: а) одноуровневые эквиваленты без внутриуровневого структурного колебания соответствующих форм, б) одноуровневые эквиваленты с внутриуровневым структурным колебанием соответствующих форм.

К одноуровневым эквивалентам без внутриуровневого структурного колебания относятся полноидентичные единицы; межъязыковые корреспонденты имеют аналогичную структуру.

Рассмотрим следующую таблицу:

Языки	Уровни иерархии языка		
	корневые слова	производные слова	сложные слова и словосочетания
англ. русск. узб. каз. кирг. туркм. каракалп. уйг.	gay, live луч, жить нур, яшамоқ нўр, тўру нур, жашоо шөхле, яшамак нур, жаса нур, яшимақ, турмақ	bloodless бескровный қонсиз қансыз қансыз ғансыз қансыз қансыз	railway железная дорога темир йўл темир жол темир жол демир ёл темир жол төмур йол

Отметим, что одноуровневая эквивалентность при отсутствии внутриуровневых структурных изменений чаще всего характерна для корневых слов, производные слова занимают второе место. Сложные слова занимают особое положение; на этом уровне прямых эквивалентов очень мало. Чаще сложные слова при переводе трансформируются в словосочетания.

Одноуровневая эквивалентность с внутриуровневым структурным колебанием соответствующих форм связана с изменением структуры слова в сравниваемых языках в подуровнях того же самого уровня.

Сказанное можно проиллюстрировать на аналогичном лексикографическом материале:

<i>англ.</i>	humpback	blacksmith	marry
<i>русск.</i>	горб	кузнец	жениться
<i>узб.</i>	ўркач	темирчи	уйланмоқ
<i>каз.</i>	өркеш	темірші	үйлену
<i>кирг.</i>	өркөч	темирчи	үйлөнүү
<i>туркм.</i>	өркүч	демирчи	өйленмек
<i>каракалп.</i>	өркеш	темирши	үйлен-
<i>уйг.</i>	өркәч	темүрчи	өйләнмәк

В приведенных выше примерах (во всех языках) лексические единицы относятся к лексическому уровню языка. Однако между собой они отличаются по их связи с различными подуровнями лексики.

Что касается межуровневых межъязыковых соответствий, то поверхностное выражение одного и того же понятия в различных языках бывает разным. Если это понятие выражается одним словом в языке А, то в языке Б оно выражается одним словом, словосочетанием и даже целым предложением.

При сопоставлении систем двух языков необходимо точно выявить соответствующие формы независимо от того, к какому уровню относятся эквивалентные единицы, формы и т.д. Например, на лексическом уровне разноуровневая корреспонденция соотносится со словом и словосочетанием. В любом двуязычном словаре можно найти много примеров, когда простые слова в одном языке передаются при помощи словосочетаний в другом языке. Это видно из следующих примеров, взятых из двуязычных англо-русского и русско-тюркских словарей:

<i>англ.</i>	bewitch	<i>кирг.</i>	куштар кылуу, өзүнө тартуу
<i>русск.</i>	очаровывать	<i>туркм.</i>	тәсин галдырмак, есир этмек
<i>узб.</i>	мафтун қилмоқ	<i>каракалп.</i>	сихырлау, озине тартуу, ақылды алиу
<i>каз.</i>	сүйсіндіру, таң қалдыру	<i>уйг.</i>	мәптун әтмәк

В приведенных выше примерах эквивалентные единицы имеют разную структуру, хотя в целом их значение идентично.

Небезынтересно отметить, что одной из причин заимствования иноязычных слов является стремление избежать распространенных описательных переводов лексических единиц, имеющих либо национально-специфический, либо терминологический характер.

При типологическом сравнении формальных выражений той или иной категории на морфологическом уровне большое значение имеет четкое определение морфемного членения формы слов, т.е. определение характера морфем.

Например, та или иная грамматическая категория в языке А может передаваться при помощи специальной морфемы, а в языке Б аналогичная морфема может вообще отсутствовать. В таких случаях форма слова, состоящая из основы слова и морфемы, являющейся показателем определенной грамматической категории в одном языке, соответствует целому словосочетанию или конструкции, предложению и т. п. в другом языке. Рассмотрим в качестве примера категорию принадлежности: в тюркских языках она выражается на морфологическом уровне при помощи специальных морфем, а в английском языке она передается словосочетанием с притяжательным местоимением.

Таким образом, при сравнении систем языков на основе той или иной типологической категории необходимо выявить все средства, взаимоотношения которых в системе одного языка определяются как внутриязыковая межуровневая синонимия, а в системах двух или более языков — как межъязыковая одноуровневая и межъязыковая межуровневая корреспонденция.

ВНУТРИЯЗЫКОВЫЕ АСПЕКТЫ ТИПОЛОГИЧЕСКИХ КАТЕГОРИЙ

Типологические категории как межъязыковые факторы не могут ограничиваться каким-либо одним уровнем языковой иерархии, они используются на различных ступенях организации языка. Одни факторы определенного конкретного языка могут находиться в рамках лексического уровня, а их соответствия в другом языке могут быть элементами грамматического уровня. Здесь мы находим большое разнообразие типов и способов абстрагирования.

Типологические категории имеют определенные преимущества перед категориями грамматическими, так как они не связаны ни с количеством языков, ни с каким-либо конкретным уровнем. Причем определенная типологическая категория может выявляться как в плане внутриязыковом, так и межъязыковом.

Типологические категории — это такие лингвистические категории, как темпоральность, плюральность, каузативность, рефлексивность, модальность, определенность, неопределенность, интранзитивность, транзитивность и др. Все они выражаются совокупностью типологических форм, опирающихся на единицы или грамматического, или лексического яруса. Уровневая несоотнесенность позволяет типологическим категориям отразить систему любого языка независимо от репертуара его формальных средств.

Типологические категории создают возможность создания одноязычных типологических грамматик. Такие грамматики конструируются на базе внутриязыкового применения типологических категорий. «Внутриязыковые типологические грамматики» (термин принят условно) имеют ряд преимуществ по сравнению с существующими традиционными грамматиками. Использование в них типологических категорий при описании системы того или иного конкретного национального языка может обеспечить узкотипологическую инвентаризацию систем языков.

Применение типологических категорий при описании систем кон-

кретного национального языка вне сравнения имеет определенное преимущество с исследовательской точки зрения.

Во-первых, снимается уровневый барьер, т. е. описание языка выходит за рамки изолированного уровня иерархии языка, что создает дополнительные возможности при описании языковой структуры. Например, на основе уровневой ограниченности отдельные категории, обычно выражаемые на лексико-грамматическом уровне, до сих пор остаются за пределами грамматики. К ним относятся категории интранзитивности—транзитивности, каузативности и некоторые другие во многих индоевропейских языках, категории определенности—неопределенности, перфектности, модальности и др. в тюркских языках и т. д.

Во-вторых, устанавливается межуровневая связь в системе языка, т. е. при межуровневом подходе типологические категории включают в круг описания системы языка единицы уровня слова, словообразования, синтаксических единиц и на их основе создают абстракцию. Так, например, категория множественности может быть выражена не только при помощи грамматических морфем, а также словообразовательными единицами, корневыми словами, словосочетаниями и т. д. Абстрактное грамматическое значение выделяется взаимной оппозицией всех этих единиц.

В-третьих, снимается барьер между различными лексико-грамматическими разрядами слов. В современных грамматиках аналогичные категории изучаются изолированно в каждом разряде слов. Та же самая категория множественности изучается у существительных, местоимений и др. разрядов вне их связи друг с другом. При рассмотрении таких категориальных понятий типологические грамматики объединяют и систематизируют их по степени абстракции, по структуре, а также по дистрибутивной возможности.

В-четвертых, унифицируются принципы описания систем разноструктурных языков.

В настоящее время исследователи национальных языков применяют самые разные принципы и методы описания. Описание языков при помощи типологических категорий создало бы единый принцип операции и это, в конечном счете, создало бы основу для создания типологических грамматик различных языков. Унификация, или идентификация, методики анализа языковых систем несомненно создаст основу и для широких межъязыковых типологических исследований.

Следует указать, что описание систем конкретных национальных языков должно найти широкое применение при описании и создании конкретных грамматик отдельных языков наряду с существующими традиционными грамматиками. При внутриуровневой инвентаризации системы языков могут быть использованы некоторые приемы традиционной грамматики. Но, если необходимо учесть связь между уровнями, между лексико-грамматическими разрядами, а также между языками, целесообразно исходить из принципов описания внутриязыковой типологической грамматики.

Типологию описания систем языков на основе указанных типов грамматик можно проиллюстрировать следующим образом:

№	Принципы анализа	Традиционная грамматика	Внутриязыковая типологическая грамматика	Межъязыковая типологическая грамматика
1.	Уровневая изоляция	+	—	—
2.	Межуровневый подход	—	+	+
3.	Однорядность	+	—	—
4.	Межрядность	—	+	+
5.	Внутриязыковая изоляция	+	+	—
6.	Межъязыковой подход	—	—	+

При типологическом подходе к описанию системы каждого конкретного языка можно обнаружить ряд общих черт, лежащих в основе каждого описываемого конкретного языка.

Таким образом, предлагаемый типологический подход к описанию единичных языковых систем имеет определенные преимущества, а следовательно, и большую эвристическую ценность по сравнению с традиционными способами. При наличии достаточного количества описаний подобного типа создается возможность накопления оптимального как по форме, так и по содержанию количества инвентаризационно-таксономического материала, на основе которого можно проводить широкие типологические обобщения общелингвистической значимости.

Завершая эту главу, мы хотим подытожить основные особенности типологических категорий.

1. В типологии инвентаризацию систем языков можно осуществлять при помощи типологических категорий, которые имеют значительное преимущество перед традиционными грамматическими категориями. Данное преимущество, или операционные возможности, заключается в том, что типологические категории не знают уровневого ограничения и не ограничиваются одним разрядом слов.

2. Типологические категории — это обобщенные категории, характерные для систем всех языков, им присуща всеобщность. Типологические категории двусторонни по своей природе. С одной стороны, они характеризуются как обобщенные межъязыковые категории (см. категории множественности, каузативности, модальности и др.), а с другой стороны, типологические категории — это метаязык сравнения. На этом основании можно говорить о двух функциях типологических категорий: а) операционная функция, связанная с самим процессом категоризации; б) классифицирующая функция, заключающаяся в том, что при помощи типологических категорий классифицируются языки. Примером может служить возможность классификации языков на основе взаимоисключения и взаимовключения разноуровневых показателей той или иной типологической категории. Так взаимоисключение характерно для разноуровневых показателей множественности в агглютинативных (тюркских) языках, в то время как для флективных языков характерно взаимовключение указанных выше показателей множественности, ибо для флективных языков характерна наивысшая абстракция аффиксальных морфем.

3. Типологические категории тесно связаны с процессом обобщения и унификации лингвистических описаний, с методом установления общих межъязыковых признаков, с возможностью конкретизации системного описания и, наконец, с применением конкретных методов сравнительного анализа при описании языковых структур на основе общих принципов разработки взаимоотношения языка и мышления. Именно в этом проявляется метаязыковость типологических категорий и их описательная способность.

4. Типологические категории служат научным аппаратом сравнения, и на этой основе сопоставление языковых систем становится наукой, а типологическое сравнение относится к научной области, т. е. сравнение развивается от грамматического искусства в науку.

5. Типологические категории могут быть применены как при межъязыковом, так и при внутриязыковом описании языковых систем благодаря тому, что у них есть общее и особенное — типологические универсалии и формы их выражения, их вариативность в сравниваемых языках.

6. Типологические категории являются своеобразным развитием, или определенным уточнением, понятийных категорий, предложенных И. И. Мещаниновым. Разница между типологическими категориями и понятийными категориями заключается в том, что понятийные категории понимались И. И. Мещаниновым как категории, объясняющие языковую строй. Понятийные категории И. И. Мещанинова развивались им как категории семантики, не зависящие от языковой формы, типологические же категории напротив — категории, связанные с выяснением и систематизацией форм сравниваемых языков, объединенных общим для обоих сравниваемых языков значением. Таким образом, между понятийными категориями и типологическими категориями можно обнаружить существенные различия.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ

СООТНОШЕНИЕ СРАВНИТЕЛЬНОЙ ТИПОЛОГИИ И ДРУГИХ ТЕОРЕТИЧЕСКИХ И ПРИКЛАДНЫХ ОТРАСЛЕЙ ЯЗЫКОЗНАНИЯ

Лингвистическая типология связана с такими науками, как психология, физиология, логика, антропология, литература, история, математика и др.

Основная задача данной главы заключается в определении взаимосвязи одной из отраслей лингвистики — лингвистической типологии — с другими лингвистическими дисциплинами, поэтому мы не будем рассматривать вопросы связи языкознания в целом с другими науками.

Следует указать, что при любом исследовании той или иной области необходимо иметь четкое представление о диапазоне распространения данной научной дисциплины, знать ее связи или взаимосвязи, а также точки размежевания с другими родственными дисциплинами. Поэтому важное значение имеет уточнение места сравнительной ти-

пологии среди других лингвистических и нелингвистических дисциплин, а также определение ее характера с методической точки зрения.

Выяснение соотношения сравнительной типологии и других наук преследует определенные цели. Во-первых, путем сравнения предметов и задач сравнительной типологии и других наук определяется и конкретизируется предмет и круг распространения действия каждой из них. Во-вторых, ограничивается смещение аспекта сравнительной типологии с аспектами других дисциплин. В-третьих, определяются взаимосвязь и взаимовлияние, преемственность и интеграция этих наук, ибо без взаимного влияния и взаимодействия различных научных дисциплин не могла бы идти речь о возникновении лингвистической типологии в целом.

Лингвистическая типология в целом, и сравнительная типология в частности, имеет отношение ко многим научным дисциплинам. Однако самое непосредственное отношение сравнительная типология имеет к теории перевода, методике преподавания иностранного языка, сравнительной или внешней стилистике и лексикографии, ибо объектом исследования всех этих дисциплин служат системы двух или более языков.

Сравнительная типология, как и перевод, тесно связана с моделированием и формализацией текста и речевой реализацией абстрактных моделей.

Связь сравнительной типологии с методикой преподавания иллюстрирует картину педагогического преломления лингвистической теории.

Взаимосвязь сравнительной типологии с лексикографией также основывается на сравнении языков.

Что касается связи сравнительной типологии и стилистики, то она объясняется межъязыковой инвентаризацией типологических форм на основе их стилистической маркированности и немаркированности.

Каждый из указанных аспектов является самостоятельным, в то же самое время все они оперируют фактами языка, и на этой основе у них возникает много общих проблем, которые должны быть решены разделами лингвистической типологии.

Теперь остановимся кратко на основных связях сравнительной типологии с теорией перевода, методикой, стилистикой и лексикографией.

СООТНОШЕНИЕ СРАВНИТЕЛЬНОЙ ТИПОЛОГИИ И ТЕОРИИ ПЕРЕВОДА

Сравнительная типология и лингвистическая теория перевода тесно связаны между собой и взаимодополняют друг друга. Такая связь вполне закономерна, ибо и лингвистическая типология, и теория перевода занимаются сравнением в общем смысле этого слова.

В дальнейшем мы будем пользоваться термином «переводоведение», предложенным В.Н. Комиссаровым в его работе «Слово о переводе» и связанным с выделением теории перевода в качестве самостоятельной научной дисциплины [170].

Между сравнительной типологией и переводом существует множество точек соприкосновения. Так, например, если сравнительная типология занимается выявлением характерных признаков систем двух или более языков и установлением закономерностей соответствующих признаков между системами сравниваемых языков, то при переводе переводчик преобразует речевое произведение с языка на язык с одновременным выявлением отдельных случаев лингвистического изоморфизма в системах обоих языков. В этом отношении вполне прав Л.С. Бархударов, когда он пишет, что «теория перевода по самой своей сущности есть не что иное, как научно обоснованное сопоставление систем двух языков» [26, с. 8; 32, с. 22 и сл.]. Аналогичные высказывания мы находим у М.А.К. Халлидея [410, с. 135] и других, которые утверждают, что теория перевода связана с вопросами сравнительного языкознания.

Указанная общность дает основание считать сравнительную типологию и теорию перевода тождественными или рассматривать последнюю составляющей, или частью, первой. В ряду лингвистов, придерживающихся такого мнения, можно назвать М.А.К. Халлидея, Дж. Кэтфорда, Е. Найду, Дж. Эллиса и многих др.

Как уже говорилось выше, перевод играет значительную роль для сравнения систем языков. Реализацию системных соответствий можно проводить в переводческих произведениях. По данному поводу В.Н. Комиссаров пишет следующее: «Сопоставительные переводческие исследования занимают особое место в компаративной лингвистике» [170, с. 198]. В свою очередь, полное описание систем двух языков с точки зрения лингвистической типологии дало бы очень много переводчикам в их практической деятельности.

Подлинное сравнение проводится на основе самостоятельного изучения системы каждого языка в отдельности, и при сопоставлении систем языков необходимо исходить из абстрагированного формального грамматического значения, которое, как было упомянуто выше, отличается от конкретного смысла, лежащего в основе перевода. В связи с тем, что при переводе конкретного смысла одновременно создаются соответствующие языковые модели, в сравнительной типологии возможно использование перевода в качестве дополнительного материала.

При сопоставлении языков прежде всего учитывается процесс перевода. В переводе с языка на язык происходит определенная трансформация грамматического значения. За счет этого отождествления возникает возможность выделить в грамматическом значении предложений обоих языков общие элементы и тем самым выделить межъязыковую систему значений предложений как грамматических категорий, присущих сопоставляемым языкам. Так, формальным путем на основании регулярной воспроизводимости грамматического значения в каждом языке и сопоставления регулярной воспроизводимости межъязыковых грамматических эквивалентов перевода и оригинала устанавливается круг необходимых и достаточных значений, выявляются системные отношения между этими значениями. Грамматические значения межъязыковой эквивалентности присущи

всем языкам и поэтому являются всеобщими. В отличие от категорий «Грамматики Пор-Рояль» эта систематизация значений построена на индуктивно-эмпирическом основании и выводится формально через межъязыковые эквиваленты своеобразного переводного текста.

Для переводчика самым основным является передача конкретного смысла, а грамматическое категориальное значение может изменяться.

Теоретические обобщения об изоморфизме или алломорфизме единиц сравниваемых языков могут быть осуществлены в типологии путем применения результатов перевода, так как при переводе того или иного текста переводчик может находить такие скрытые возможности системного соответствия двух языков, которые еще не известны в типологии. В этом случае прав А.Д. Швейцер, который считает, что перевод работает на языкознание [340, с. 6].

Выявление соответствующих средств в системах языков еще не есть перевод в полном смысле этого слова. Типологическое соответствие является одним из элементов передачи определенного содержания с языка на язык.

У лингвистов нет единого мнения «относительно специфики переводческих исследований, их отличия от работ в области сопоставительной лексикологии или относительной грамматики» указывает В. Н. Комиссаров. Расхождение во мнениях по многим вопросам соотношения этих родственных дисциплин можно считать закономерным, ибо и сравнительная типология, и лингвистическая наука о переводе являются сравнительно молодыми научными областями.

В советском языкознании вопросами лингвистической теории перевода занимались Л.С. Бархударов, В.Г. Гак, Е.Б. Ройзенблит, К. Г. Крушельницкая, Ю. С. Степанов, А. В. Федоров, В. Н. Комиссаров, А. Д. Швейцер, И. И. Ревзин и В. Ю. Розенцвейг, Я. И. Рецкер, А. Л. Пумпянский, Л. А. Черняховская, Г. Саломов и некоторые др. А исследований по вопросам взаимоотношения сравнительной типологии и перевода почти нет. Поэтому многие спорные проблемы остаются нерешенными.

Теперь рассмотрим основные параметры, на основе которых сравнительная типология и переводоведение сближаются и дифференцируются.

ОСНОВНЫЕ ИДЕНТИФИЦИРУЮЩИЕ ПРИЗНАКИ

Основными признаками, сближающими сравнительную типологию и переводоведение, являются следующие:

- а) общность единиц плана содержания;
- б) идентичность процесса сравнения;
- в) межуровневость соответствующих средств;
- г) индифферентность к генетическому родству.

Рассмотрим кратко каждый признак.

Общность единиц плана содержания

Процесс сравнения систем двух или более языков можно строить исходя либо из плана содержания, либо из плана выражения. По данному вопросу существуют разные точки зрения. Одни исследователи рекомендуют начинать операцию по сопоставлению систем языков исходя из единиц плана содержания, другие — на основе единиц плана выражения, т.е. либо от содержания к форме, либо от формы к содержанию. В сравнительной типологии, в зависимости от характера и цели процесса сопоставления отдельных подсистем или категорий, исследование можно строить, основываясь и на том, и на другом. Однако более приемлемой можно считать организацию типологической операции на основе единиц плана содержания по следующим причинам: а) план содержания является обобщающим для синонимических разноуровневых единиц плана выражения как в каждом языке в отдельности, так и в сравниваемых языках в целом; б) семантически аналогичные категориальные значения могут выражаться неаналогичными единицами плана выражения в разных языках; в) выделяемая категория в одном языке может иметь специальные грамматические формы, а в другом — не иметь таких форм; г) соответствующие единицы могут быть разноразрядными.

Обобщающую роль плана содержания можно объяснить тем, что каждое категориальное значение может объединить вокруг себя ряд синонимичных форм, и эти единицы плана выражения могут принадлежать различным уровням языковой иерархии. Одно категориальное значение (КЗ) соответствует нескольким категориальным формам (КФ) и в языке «А», и в языке «Б» самостоятельно. Например, в современном английском языке категория компаративности выражается при помощи различных единиц, принадлежащих к морфологическому, синтаксическому и лексическому уровням. Аналогичным образом данное категориальное значение передается в системах тюркских языков, т.е. компаративность выражается аффиксальной морфемой, синтаксическими сочетаниями и специальными формами, имеющими прямое отношение к компаративности.

Будучи типологической категорией, компаративность связана с различными степенями абстракции языковых единиц, одновременно выражающих реальный смысл и абстрактное грамматическое значение. В этом заключается общность плана содержания. Данная двусторонняя общность, состоящая из двух типов значения, служит основой и для сравнительной типологии, и для перевода.

Сравнение языков на основе семантических признаков считается ономаσιологическим подходом, т.е. категориальные формы определяются на основе единиц плана содержания. Поверхностные формы находятся в состоянии как внутриязыковой, так и межъязыковой синонимии и соответствий.

И при переводе, и при сравнении необходимо учитывать и другой фактор — семасиологический, — связанный с сравнением на основе плана выражения [89, с. 17—18]. В этом случае в типологии имеют

дело с гетерогенностью единиц плана содержания, лежащей в основе формальных лингвистических единиц. В зависимости от характера и задачи сравнение и перевод могут избирать либо семасиологический, либо ономасиологический принцип, а типолог и переводчик должны учитывать оба эти фактора.

Несмотря на самостоятельность своих объектов и целей сравнения между переводческим и типологическим процессами существует определенный изоморфизм. Процесс перевода по своему характеру аналогичен процессу типологического сравнения, так как переводчик также ищет эквивалентные формы выражения определенного смысла в другом языке, ибо перевод — это преобразование исходного текста при сохранении смысла. Мысль о том, что процесс перевода — это передача определенного содержания какого-либо текста с одного языка на другой, мы находим в работах Дж. Эллиса и многих других лингвистов. Более полное и научное определение перевода дает Л. С. Бархударов. По его определению, переводом называется процесс преобразования речевого произведения на одном языке в речевое произведение на другом языке при сохранении неизменного плана содержания, т. е. значения [28, с. 3].

Итак, при переводе, также как при типологическом сравнении, выявляются своеобразные языковые средства, эквивалентные определенному содержанию в языке, на который переводится текст.

Определенный смысл, выраженный языковыми средствами в одном языке, может передаваться на другой язык различными средствами. Интересно отметить соотношение поэзии и прозы. Например, определенный смысл, выраженный языком поэзии в языке «А», может быть передан языком прозы в языке «Б». Например, в свое время французские переводчики игнорировали поэтический перевод и пользовались прозаическим переводом. Можно также привести в качестве примера первый прозаический перевод поэмы «Шахнаме» на узбекский язык, который ознакомил несколько поколений тюркоязычных читателей со знаменитым произведением персидского и таджикского поэта Фирдоуси, и многие др. Сказанное выше свидетельствует о том, что важным для перевода является передача именно содержания текста.

Независимо от формы выражения определенный смысл может полностью передаваться на другом языке с соблюдением некоторых норм стилистики. Здесь прав И. Р. Гальперин, который считает, что «переводом можно называть только такую передачу содержания текста с одного языка на другой, которая не пренебрегает формой изложения».

Все сказанное свидетельствует о том, что при переводе целесообразно исходить из общего смысла. И в этом сравнительная типология и перевод сближаются.

Идентичность процесса сравнения

Данная общность сравнительной типологии и перевода связана с техникой процесса сравнения текстов как с переводческой, так и с типологической точки зрения.

Операции, имеющие место в сравнительной типологии и при переводе, можно разделить на два этапа.

Когда мы говорим об этапах типологических операций, мы подразумеваем периоды, или этапы, процесса сопоставления. При этом типолог-исследователь может пользоваться различными методами лингвистического анализа, например сегментацией, субституцией и их вариантами.

Здесь необходимо напомнить, что любое типологическое исследование имеет определенную цель: чисто теоретическую, прикладную или методическую, и каждая из них имеет свое назначение. Типологическая операция состоит из двух этапов: а) абстрагирования и б) корреспондирования.

Процесс перевода также происходит поэтапно. Начальный этап работы над переводом можно назвать этапом понимания чужого текста или этапом подготовки к переводу [324, с. 17]. На данной стадии работы переводчик знакомится с иноязычным текстом, изучает его, анализирует и определяет основные единицы для дальнейшего корреспондирования. Как пишут специалисты по теории перевода, этот этап называется «аналитическим или научным» процессом. При безмашинном (художественном) переводе данный процесс обычно происходит интуитивно, или мысленно. Как пишет М. А. К. Халлидей, у переводчика все эти этапы проходят в едином процессе [394, с. 145].

На втором этапе художественного перевода происходит реализация данных первого этапа. На данном этапе, который также называется «синтетическим», «художественным» или «актом выражения», переводчик дает новую форму заданному смыслу.

Автоматический перевод также осуществляется поэтапно, это этапы анализа и синтеза, операции выбора и операции преобразования и др. Иногда эти этапы делятся на три или более, и каждый из них также может состоять из нескольких мелких операций (собственно лингвистических и математических) [394, с. 14, 50].

Первым этапом при переводе является лингвистический, который совпадает с первым этапом операций, производимых в сравнительной типологии, так как при типологических операциях также происходит процесс абстрагирования, или типологизации.

Второй этап операций при переводе связан с синтезированием результатов лингвистического этапа, с дальнейшим корреспондированием, или преобразованием. Следовательно, второй этап операций в сравнительной типологии и второй этап при переводе также совпадают, хотя каждый имеет свои особенности при осуществлении операций.

Результаты, полученные в процессе типологического анализа, используются при автоматическом переводе, ибо нельзя построить автоматический перевод без наличия системного описания языков. Однако многие данные, полученные в результате типологических операций, могут быть недостаточными для автоматического перевода, и, наоборот, результаты автоматического перевода могут оказаться излишними для сравнительной типологии (например, различные коды,

формулы, алгоритмы, программы и др., символизирующие отдельные единицы языка и предназначенные специально для автоматического перевода).

Итак мы установили, что в сравнительной типологии и при переводе используются аналогичные операции.

Перевод может оказать большую помощь сравнительной типологии, ибо достоверность отдельных результатов, полученных при типологическом сопоставлении, может быть проверена в процессе перевода.

Межуровневость соответствующих средств

Особая гетерогенность систем неродственных языков требует выявления средств выражения той или иной категории на всех уровнях языковой иерархии. Определенная категория, которая выражается на морфологическом уровне в языке «А», может быть выражена единицами синтаксического и других уровней в языке «Б». Не может идти речь о полноте сопоставления определенного текста разноразличных языков без фиксирования средств выражения единиц всех уровней.

На аналогичных основах строится и теория перевода. Для перевода необходимы данные, выявленные типологической операцией. Особо важную роль играют межуровневые типологические синонимы, или трансформационные варианты, поверхностной структуры. Например, если в одном языке определенная категория передается при помощи вербальной номинализованной формы или конструкции, то в другом — соответствующие формы могут быть номинализованными.

Если в языке-источнике определенный смысл выражается единицей уровня слова (простого, производного или сложного), то в языке перевода соответствующие корреспонденты могут соотноситься с уровнем словосочетания.

Однако сказанное отнюдь не значит, что при переводе отрицается возможность одноуровневого соответствия. Перевод также может быть осуществлен либо на одном уровне, либо на нескольких уровнях одновременно; иначе говоря, «единица любого языкового уровня может оказаться единицей перевода», например, перевод на уровне фонем, морфем, слов, словосочетаний, предложений, текста [28, с. 4] и т. д. Но одноуровневый перевод не является полным и завершенным, такой перевод считают отдельным элементом межуровневого перевода. Наличие межуровневости и одноуровневости в сравнительной типологии и при переводе является одной из сближающих особенностей указанных дисциплин.

Однако типологические и переводческие межуровневые единицы неидентичны. В сравнительной типологии эти межуровневые средства, или единицы типологической категории, весьма абстрагированы и являются составляющими абстрагированных моделей, в то время как перевод оперирует конкретными межуровневыми единицами, которые являются составляющими текста.

Суммируя сказанное выше, можно утверждать, что сравнительная типология и перевод связаны и теоретически, и практически.

Связь на теоретическом уровне основывается на том, что, представляя научные аспекты изучения языка, и сравнительная типология, и перевод занимаются установлением закономерностей соответствия средств двух или более самостоятельных языков. На практическом уровне сравнительная типология связана с процессом обучения, а перевод — с ознакомлением читателя с иноязычным текстом в широком смысле этого слова.

Индиферентность к генетическому родству

Хотя перевод и сравнительная типология относятся безразлично к генетическому родству систем сравниваемых языков, генетическая близость систем рассматриваемых языков может создавать благоприятные условия для перевода.

Необходимо учесть, что генетическая близость систем языков различает: а) генетико-материальную, или генетико-этическую, близость и б) системно-эмическую близость.

Для перевода имеет значение генетико-материальная близость, характеризующаяся как глубинно-поверхностная идентичность, в то время как для сравнительной типологии поверхностной является системная близость. Для системной близости материальное соответствие не является обязательным.

Степень однойрусной эквивалентности выше в тех языках, в которых системно-эмическая близость больше. Формальная сторона однойрусной эквивалентности вполне приемлема для сравнительной типологии. Эта эквивалентность включает структурную идентичность морфологических, лексических перифраз и др. Однако системная близость лишь частично облегчает процесс перевода, ибо формальное совпадение составляет часть материальной стороны перевода. Следует указать, что формальная (системная, или структурная) близость может быть чисто типологической и не всегда сопровождается смысловой идентичностью, т. е. типологическая родственность может существовать между такими парами языков, которые генетически далеко неродственны.

Переводческая эквивалентность повышается, если типологическая близость сопровождается генетическим родством. Сказанное объясняется тем, что у генетически близкородственных языков формально-типологическая близость может сопровождаться смысловой, или материальной, близостью. Например, типологическая близость сопровождается генетической близостью в близкородственных тюркских языках. Это можно сказать и в отношении германских и других языков. Если типологическая близость сопровождается генетической близостью, при переводе не возникает особых трудностей. Такие случаи перевода мало разработаны, хотя в лингвистической литературе о них можно встретить отдельные высказывания [340, с. 42 и сл.]. Действительно, переводчику легче перевести текст или составить словарные соответствия, если он имеет дело с системами близкородственных языков. Например, перевод на узбекский язык с азербайджан-

ского, казахского или татарского языков легче, чем перевод с китайского или индонезийского языков.

Сравним несколько примеров англо-немецкого и казахско-узбекского соответствий.

англ.: I would like to ask her → *нем.*: Ich würde gern sie fragen;
англ.: But my English is poor → *нем.*: Aber mein Englisch ist dürftig;
англ.: I must learn the language → *нем.*: Ich muß die Sprache lernen.

каз.: «Не болды», «сізге не болды, Абай жаным» → *узб.*: «Нима бўлди», «сизга нима бўлди, Абай жоним...»; *каз.*: «Омірден Абай кетті» → *узб.*: «Ҳаётдан Абай кетди». (М. Ауэзов)

Близость или дистантность генетически родственных языков особенно ярко проявляется при переводе определенного текста с одного родственного языка на другой. Это можно видеть на примере перевода отрывка из произведения Ч. Айтматова «Жамийла» на отдельные тюркские языки.

Киргизский текст (оригинал)

Жамийланын эки атты башкарып, араба айдап кетишине мен эч кандай күмөн санаган жокмун. Ал өзү кичинесинен жылкыда жүрүп өскөн, тээ боордо, Бакайыр айлындагы жылкычынын кызы эле. Биздин Садык даги жылкычы болуп жүрүп, жайлоодогу малчылардын тоюнда кыз куумайга түшүп, Жәмиләге жетпей калган имиш, ошондон кийин намыстанып аны ала качып келгенин уккам. Андай эмес, экөө коңулү менен кошулушкан деп да айтып жүрүштү абысын — ажындар. Эмнеси болсо да, алар үч-төрт ай эле бирге туруп, анан Садык акемди аскерге алып кеткен.

Казахский текст (перевод)

Жамиләнің пар ат жеккен арбаны айдап кететіндігіне мен күманданған жоқпын. Ол озі жастайынан жылқыға үйренген таудағы Бақайыр аулындағы жылқышының қызы еді. Біздің Садық та жылқышы болып жүріп, жайлаудағы малшылардың, тойында қыз қууға түсіп, Жәмиләге жете алмай, осыдан кейін намыстанып, оны алып қашып келгенін есіткенім бар-ды. Олай емес, екеуі сүйіп қосылды деп те айтып жүрді абысын-ажындар. Не болса да олар үш-төрт ай бірге тұрып, одан кейін Садық, ағайды әскерге алып кеткен.

Қаракалпақский текст (перевод)

Жәмийланың қос ат жеккен арбаны айдай алатуғынына мен гүманланғаным жоқ. Себеби ол жасынан-ақ жылқыға үйренген, таудағы Бақайыр ауылындағы жылқышының қызы еді. Ал, бизің Садық та жылқышы болып жүріп, жайлаудағы шаруалардың тойында қыз қууыда Жәмийлаға жете алмай қалғанына намысланып, оны алып қашып келгенин еситкен едим.

Олай емес, екеуи бирин-бири сүйгенликтен қосылды десип те жүрди женгелери. Не болса да екеуи үш-төрт ай бирге турғаннан кейин Садықты әскерликке алып кеткен.

Узбекский текст (перевод)

Жамиланинг икки от қўшилган аравани бемалол ҳайдаб кетишига ҳеч ҳам шубҳа қилганим йўқ. Чунки у ёшлигидан йилқичилар орасида юриб, ўсиб, катта бўлган, тоғ этагига жойлашган Бақайир овулидаги йилқичининг қизи эди. Содиқ акам ҳам чава-ндоз бўлган экан; у бир куни яйловдаги чарвадорлар тўйи муноса-бати билан ўтказилган пойгада Жамилага етолмай қолган экан. Шундан кейин изза бўлиб, уни олиб қочиб кетганлигини билардим. Овсин-ажинлар бўлса, ҳечам-да, улар бир-бирларини яхши кўриб топишган, дейишарди. Ҳарқалай, нима бўлса ҳам улар уч-тўрт ой бирга туришган, кейин Содиқ акамни армияга олиб кетишган.

Туркменский текст (перевод)

Жемиле ики ат гошулан арабани оңармаз өйдүп, мен хич вагт шүбхеленмейәрдим. Ол ябыдан горканокды. Жемиле дагдакы Бакаир абасындан болан гиял чопаныниң гызы ахирын. Бизиң Садыгымызам гиял чопаныды. Ол бир гезек яз вагты айлавда Жемиләниң, ызындан етип билмән болара чемели. Догрумы, нә-догрумы, оны ким билйәр, эмма бирнәче адамларын, айтмагына горә, шол масгарачылыкдан соң, Садык оны алып гачыпдыр. Бирнәчелери болса олар бир-бирлерине Сөйшүп барыпдырлар диййәрлер. Гараз нәме боланам болса, олар бары-ёгы дөрт ай биле яшадылар. Соңра уруш башланды ве Садыгы гошунчылыга алды-лар.

Однако следует указать, что корреспондирование на основе генетической близости не является решающим критерием ни для сравнения, ни для перевода. Перевод и сравнение могут осуществляться на основе любых систем и самых различных языков.

В качестве примера может служить перевод отрывка из трагедии У. Шекспира «Ричард III» на русский и казахский языки.

Clarence

Yes, Richard, when I know; for I protest
As yet I do not: but, as I can learn,
He hearkens after prophecies and dreams;
And from the cross-row plucks the letter G,
And says a wizard told him that by G
His issue disinherited should be;
And, for my name of George begins with G,
It follows in his thought that I am he.
These, as I learn, and such like toys as these,
Have mov'd his highness to commit me now.

Кларенс

Сказал бы, Ричард, если б знал; но я
Не знаю, право. Лишь одно известно,
Что снам и прорицаньям верит он.
Из азбуки изъял он букву Г.
Сказал ему какой-то чернокнижник,
Что буква Г опасна для него
И трон отнимет у его потомства.
Меня зовут Георг, и он решил,
Что это — я. Вот этот вздор — причина,
Что заточить меня велел король.

(Пер. Е. Бируковой)

Кларенс

Ричард — ау өзiм де
Түк себебiн түсiнбесем, немдi айтам?
Бар бiлерiм — бiздiң король элi сол
Көрген түс пен жорамалға сенедi.
Элiппеден аластады Г. әрпiн.
Г. Атаулы жан сенiң әулетiңе
Тақ пен тажды бұйыртлауға даяр деп,
Тақсырынды сендiрiптi бiр сикыр.
Ал, менiң атым Георг — тек сол үшiн
Менi зұлмат жау көредi өзiне.
Үрейiне үрей қосып осы жай,
Маған жудә қарсы қойды корольдi.

К идентифицирующим признакам можно отнести и то, что в сравнительной типологии и при переводе пользуются почти одинаковыми лингвистическими методами и приемами. Об этом пишут многие специалисты по теории перевода [340; 250; 32].

Идентифицирующие признаки не исчерпываются указанными выше, их много, однако здесь нет необходимости перечислять их все.

Теперь рассмотрим кратко основные дифференцирующие признаки сравнительной типологии и теории перевода.

ОСНОВНЫЕ ДИФФЕРЕНЦИРУЮЩИЕ ПРИЗНАКИ

Несмотря на аналогичность производимых операций и наличие других общих черт у типологического сопоставления и теории перевода, существуют некоторые различия, т.е., будучи самостоятельными научными дисциплинами, сравнительная типология и перевод обладают рядом своеобразных особенностей, на основе которых они сохраняют свою самостоятельность. К основным дифференцирующим признакам можно отнести: а) наличие относительной свободы выбора у переводчика; б) различие в плане содержания.

Свобода выбора

Различия сравниваемых языков, субъективность идей, зафиксированных в тексте оригинала, и ряд других подобных факторов создают определенные трудности как для сравнительной типологии, так и для теории перевода. Эти трудности могут быть преодолены различными способами. Одним из них, несомненно, можно считать выбор различных вариантов языковых средств передачи, употребляемых при трансформации определенного содержания с языка на язык. Типолог или переводчик выбирает те или иные единицы в зависимости от цели или назначения исследования.

Свобода выбора осуществляется следующим образом: 1) заменой единиц одного уровня единицами других уровней; 2) употреблением описательных способов перевода независимо от одноуровневого соответствия; 3) выбором стилистически подходящих или более выразительных средств других уровней и разрядов слов; 4) употреблением синонимических форм и конструкций; 5) заменой текста другим текстом при условии сохранения глубинной общности (например, пословицы) и многие др.

Когда определенная информация перекодируется с языка на язык, переводчик может обратиться ко всем уровням для выбора соответствующих единиц из плана выражения. Это происходит в двух случаях: а) когда невозможно проявить одноуровневые соответствия; б) когда переводчик стремится передать данное содержание при помощи более приемлемых в этом случае стилистических средств.

Эквивалентность может иметь разнообразные формы выражения. Так, например, минимальные соответствия могут быть следующими:

ИЯ (исходный язык)		ПЯ (язык перевода)
морфема	—	слово
слово	—	морфема
слово	—	слово
слово	—	предложение
предложение	—	слово
предложение	—	предложение и др.

Следует отметить, что, хотя переводчик может в процессе перевода создавать «творческие эквиваленты», все же во всех случаях он должен соблюдать определенную закономерность соответствия. По данному поводу А.Д. Швейцер пишет: «в переводе свобода выбора того или иного языкового средства всегда в известной мере ограничена, хотя и далеко не всегда поддается достаточно четкой регламентации» [340, с. 8].

Свобода выбора характерна и для сравнительной типологии. Однако свободой выбора следует пользоваться 1) строго ограниченно; 2) в пределах определенных уровней.

Так, с точки зрения типологического корреспондирования категория залоговости может быть передана при переводе с английского языка на тюркские языки: а) присоединением залоговых словоизменительных морфем к основе глагола; б) при помощи глагольно-имен-

ных номинализованных сочетаний; в) с помощью ненормализованных глагольно-именных сочетаний; г) путем использования словообразовательных аффиксов и т.д. При этом используются глагольно-именные сочетания, в которых именная часть является производной от глаголов в определенной залоговой форме.

В отличие от типолога переводчик может выходить за рамки этих моделей, так как для переводчика важнейшим является правильная передача определенного смысла на другом языке, а не выявление структурного изоморфизма систем сравниваемых языков.

При художественном переводе происходит художественное оформление полученного путем перевода текста. Художественная обработка текста может проводиться двумя способами: а) при сохранении закономерностей системного соответствия; б) без сохранения закономерностей системного соответствия.

В первом случае переводчик основывается на синонимии, вариантности, стилистической окрашенности отдельных слов, форм, аффиксов и т.п. Во втором же случае он пользуется такими средствами, которые не имеют типологической закономерности соответствия. Во втором случае причиной может быть либо вынужденность, либо вольность перевода.

Следует подчеркнуть, что в техническом переводе по сравнению с художественным переводом вольный перевод встречается очень редко. В техническом переводе основное внимание уделяется передаче содержания текста. Кроме того, в технических текстах встречается больше общих заимствованных терминов.

Сказанное можно проиллюстрировать переводом одного отрывка из химического текста на английский и узбекский языки. (Оригиналом является «Общая химия» Н.Л. Глинки (с. 77—80).)

Периодическая система элементов. Ряды элементов, в пределах которых свойства изменяются последовательно, как например, ряд из восьми элементов от лития до неона или от натрия до аргона, Менделеев называл периодами. Если мы напишем эти два периода один под другим так, чтобы под литием находился натрий, а под неоном—аргон, то получим следующее расположение элементов:

Li	Be	B	C	N	O	F	Ne
Na	Mg	Al	Si	P	S	Cl	Ar

При таком расположении в вертикальные столбики попадают элементы, сходные по своим свойствам и обладающие одинаковой валентностью, например, литий и натрий, бериллий и магний и т.д.

Разделив все элементы на периоды и располагая один период под другим так, чтобы сходные по свойствам и типу образуемых соединений элементы приходились друг под другом, Менделеев составил таблицу, названную им периодической системой элементов по группам и рядам.

Periodic Table of Elements. Series of elements with consecutively gradating properties, such as the series of eight elements from lithium to neon or from sodium to argon, Mendelyeev called periods. If we write the two periods named one beneath the other, putting sodium under lithium and argon under neon, we get the following arrangement of elements:

Li	Be	B	C	N	O	F	Ne
Na	Mg	Al	Si	P	S	Cl	Ar

Now the vertical columns contain elements with similar properties and the same valence, for example lithium and sodium, beryllium and magnesium, etc.

Dividing all the elements into periods and arranging the latter in horizontal rows with elements of similar properties, forming similar types of compounds, directly beneath one another, Mendelyeev drew up a table which he called the Periodic System of Elements by Groups and Series. (Glinka N., c. 75)

Элементлар даврий системаси. Элементларнинг шу элементлар хоссалари изчиллик билан ўзгариб борадиган қаторини, масалан, литийдан то неонгача ёки натрийдан то аргонгача бўлган саккиз элементдан иборат қаторни Д.И. Менделеев давр деб атади. Агар биз бу икки даврни бир-бирининг остига, литий тагида натрий, неон тагида аргон турадиган тартибда ёзиб чиқсак, элементлар қуйидагича жойлашади:

Li	Be	B	C	N	O	F	Ne
Na	Mg	Al	Si	P	S	Cl	Ar

Элементлар ана шундай жойлаштирилганда, хоссалари бир-бирига ўхшаш ва бир хил валентликка эга бўлган элементлар, масалан, литий билан натрий, бериллий билан магний ва шу каби бошқа элементлар вертикал қаторга тушади.

Менделеев барча элементларни даврларга бўлди ва хоссалари бир-бириникига ўхшаган ҳамда ҳосил қиладиган бирикмалари бир типда бўлган элементларни бир-бирининг остига тушадиган қилиб, бу даврларни бирининг тагига иккинчисини жойлаштириш йўли билан элементлар жадвалини тузди; Менделеев бу жадвални элементларнинг группа ва қаторларга бўлинган даврий системаси деб атади. (Глинка Н.Л., с. 93—96)

Таким образом, свобода выбора — это выбор необходимого варианта без сохранения строгих одноуровневых соответствий. Это менее характерно для типологии, ибо абстрагированные межъязыковые модели существуют в строго ограниченном количестве, и более характерно для перевода, так как при переводе имеется широкий выбор различных вариантов для корреспондирования.

Следует указать, что для генетической и структурной типологии больше характерно уровневое ограничение, а для сравнительной типо-

логии такое ограничение менее характерно, ибо она занимается выявлением межуровневых соответствий. В этом отношении сравнительная типология больше сближается с переводом. По-видимому, Л.С. Бархударов исходит из общих положений структурной и генетической типологии, когда он пишет, что для сопоставительного языкознания характерным является разграничение уровней языковой иерархии [32, с. 26—27].

Различие в плане содержания

Выявление системных соответствий, которым занимается сравнительная типология, не может считаться достаточным для перевода, так как для перевода, как уже подчеркивалось ранее, важным является передача выбранного смысла, что обязательно осуществляется при одновременном непосредственном выявлении системных соответствий.

Существует некоторая неточность в понимании общего смысла, или общего значения, из которого исходит и сравнительная типология, и перевод. Если бы понятие «общее значение» было одинаковым и для сравнительной типологии, и для перевода, стерлась бы разница между этими двумя самостоятельными дисциплинами.

Под общим содержанием, являющимся общим и для перевода, и для сравнительной типологии, подразумевается, в основном, два вида значения: абстрагированное грамматическое и конкретно-предметное лексическое. Первое можно называть типологическим, ибо при сравнении оно выступает как общая единица для систем сравниваемых языков. Оно выявляется в результате абстракции различных лингвистических единиц. Общее значение, которое берется для сопоставления в двух языках, — это абстрагированное общее грамматическое значение. Выбрав его исходным для своих операций, сравнительная типология занимается анализом, типологизацией абстрагированного грамматического значения, выявляет поверхностные языковые формы выражения в системах сравниваемых языков. В конечном счете типолог устанавливает закономерность соответствий в системах сравниваемых языков.

В переводе общим смыслом служит конкретно-предметное общее лексическое значение. Конкретное значение — основа для перевода, а абстрагированное общее грамматическое значение — для сравнительной типологии.

Необходимо указать, что проблемы, связанные с общей единицей плана содержания, изучают все, кто занимается переводом, сравнением, а также семантикой в общем смысле этого слова. Так, например, Л.С. Бархударов в переводе различает референциальные, прагматические и внутрilingвистические значения. Вопросы классификации лексических значений рассматривались в трудах В.В. Виноградова, И.Р. Гальперина и многих других советских и зарубежных лингвистов. Вопросы передачи общего значения описаны Т.Р. Левицкой и А.М. Фитерман.

Определенный интерес представляет классификация А.В. Бон-

дарко, различающего значение и смысл. Он считает, что «значение той или иной единицы представляет собой элемент языковой системы, тогда как конкретный смысл — это явление речи, имеющее ситуативную обусловленность» [57, с. 50]. Действительно, типолога больше интересует мыслительно-языковое содержание, в то время как при переводе учитывается мыслительно-речевое семантическое содержание.

Понятийные категории, в понимании А.В. Бондарко, также лежат в основе перевода и сравнения. Мыслительно-языковым аспектом понятийных категорий оперирует сравнительная типология, а мыслительно-речевым — перевод, ибо «существование понятийных категорий связано, с одной стороны, с языком, а, с другой, с речью» [57, с. 75].

Совокупность конкретных значений лексических единиц создает общий реальный смысл, а совокупность сугубо абстрагированных значений грамматических единиц создает общее грамматическое значение. Эти две стороны значения являются взаимозависимыми и взаимопроникающими. Они не могут существовать друг без друга. Здесь мы согласны с Я.И. Рецкером, который считает, что «Голая, лишенная лексического наполнения, грамматическая структура также мало показательна для переводчика, как железный каркас для будущих обитателей дома» [250, с. 7—8].

В процессе сравнения типолог определяет закономерность соответствий между эквивалентными формами выражения абстрактного значения в двух сопоставляемых языках. Переводчику необходимы такие абстрагированные модели систем языков при передаче определенного смысла (или информации) с языка на язык. В связи с тем, что каждая лингвистическая единица является носителем как абстрактного грамматического значения, так и конкретного лексического значения, переводчику необходимо одновременно производить двойное корреспондирование: типологическое (грамматическое или системное) и чисто переводческое (т.е. перевод определенного реального содержания).

Итак, сравнительная типология изучает единицы языка в плане абстракции, а перевод — в плане реализации. Сравнительная типология сравнивает системы языков, перевод реализует единицы этих систем.

Системы языков описываются, моделируются и сопоставляются при помощи грамматических средств, поэтому переводчику необходимо пользоваться этими средствами, когда он передает определенную информацию на другом языке.

Конкретно-лексическое значение выражается при помощи словесных знаков, а общее грамматическое значение — при помощи аффиксации, фонетического варьирования корневых гласных, порядка слов, интонационного оформления.

Количество лексико-семантических категорий в принципе не ограничено, в то время как грамматические категории количественно ограничены.

В некоторых случаях изменение в грамматической структуре исходного языка может не вызывать изменения грамматической категории

в языке перевода. Например, в английском языке можно заменить одну конструкцию другой без изменения смысла, что может соответствовать одной конструкции в узбекском языке.

1. The tourists will arrive tomorrow morning.	}	Туристлар эртага эрталаб келишяпти.
2. The tourists are coming tomorrow morning.		
1. It is I.	}	Бу мен.
2. It is me.		

В указанных выше примерах в английском языке два варианта поверхностной структуры имеют единую глубинную структуру, в то время как в узбекском языке та же глубинная структура передается одной поверхностной структурой.

Итак, термин «план содержания» имеет двусторонний характер. Он складывается из лексико-семантического и грамматического значений. Будучи компонентом плана содержания, грамматическое значение накладывается на предметно-логическое значение. Каждая лингвистическая единица, которая может получить свое выражение в любом лингвистическом знаке, конструкции или предложении, воплощает в себе эти две стороны плана содержания.

Хотя лингвистическая типология тесно связана с переводом, последний не следует считать составляющей лингвистической типологии: сравнительная типология сравнивает систему с системой, а перевод — текст с текстом.

СООТНОШЕНИЕ СРАВНИТЕЛЬНОЙ ТИПОЛОГИИ И СТИЛИСТИКИ

Сравнительная типология выявляет релевантные соответствующие средства, существующие в системах и подсистемах языков. В этом плане она имеет прямую связь со всеми уровнями языка. «Форма языка, в которой осуществляется его коммуникативная функция, представляет собой совокупность средств, определяющих структуру языка в целом», — пишет Г.В. Колшанский [166, с. 66].

Типолог, сравнивающий ту или иную лингвистическую категорию, являющуюся единицей содержательного или формального уровня определяемого аспекта (фонетического, лексического или грамматического), не может исключить из исследования стилистические стороны вопроса.

Основной инвентарь, служащий внешним выразителем плана содержания, — это единицы, выполняющие общую или частную коммуникативную функцию. Эти единицы могут принадлежать к различным уровням лингвистической иерархии. Если они представляют грамматический уровень, то мы называем их единицами грамматики, аналогичным же образом относим их к лексическому и синтаксическому уровням. Оставаясь на тех же уровнях и являясь их единицами, они могут быть между собой дифференцированы в зависимости от их отношения к выражению эмоционально-экспрессивного значения. В их

едином функционировании можно различить определенную стилистическую аффективность и стилистическую нейтральность. «Языковые средства, используемые в одних и тех же функциях, постепенно вырабатывают своего рода новые качества, становятся условными средствами выразительности и, постепенно складываясь в отдельные группы, образуют определенные стилистические приемы», — пишет И.Р. Гальперин [91, с. 4]. При изучении того или иного отрезка плана содержания выявляются действующие формы плана выражения. Эти формы можно разделить на: а) стилистически обусловленные (маркированные) и б) стилистически нейтральные (эмоционально немаркированные).

На основе оппозиции по стилистической маркированности или нейтральности единицы каждого уровня распадаются на пласты, которые либо имеют определенную окраску, либо не имеют таковой. Стилистически обусловленные единицы всегда являются выразительными средствами языка. Оба эти варианта составляют две стороны единого процесса осуществления коммуникации, являются двумя сторонами плана выражения, что отражает диалектическое единство формы и содержания.

Одна и та же единица коммуникации может быть выражена либо более распространенными стилистически нейтральными единицами, либо более ограниченными стилистически обусловленными единицами плана выражения.

При сравнительно-типологическом изучении систем и родственных, и неродственных языков типолог обязан заниматься выявлением как стилистически нейтральных, так и стилистически обусловленных единиц, так как сравнительная типология изучает всю систему сравниваемых языков в целом. Кроме того, это необходимо для дальнейшего установления соответствия между данными единицами.

Без выявления стилистически нейтральных и стилистически обусловленных вариантов нельзя установить закономерные отношения между соответствующими релевантными средствами систем двух или более языков.

Сравнительная типология связана с общей стилистикой через сравнительную стилистику, которая «имеет свой предмет, метод и проблематику» [126, с. 250]. Будучи самостоятельной научной дисциплиной, сравнительная, или сопоставительная, стилистика имеет широкий круг исследования, т.е. в рамки ее исследований, кроме лингвистических проблем, могут входить и литературоведческие проблемы.

Как известно, в структуре двух близкородственных языков может существовать системное, или типологическое, родство. Однако в стилистическом плане в некоторых отношениях они могут иметь расхождения. Это означает, что всякая грамматическая близость (в самом широком смысле этого слова) не есть стилистическая близость [163, с. 146].

Та или иная единица плана содержания может выражаться определенными закрепленными за ней формами, а эти формы могут иметь ряд синонимических вариантов. Функционирование этих трансформационных вариантов различно. Они могут употребляться в зависимости

от характера функционально-речевых стилей. При выявлении соответствующих средств той или иной категории типолог должен одновременно установить и стилистическую дифференциацию. Выявленные на этой основе модели можно делить на: а) общие, или стилистически нейтральные, и б) стилистически маркированные модели. Различные стилистические варианты выражения того или иного содержания в одном языке могут быть переданы специальными языковыми средствами в другом. Например, в одном языке стилистически нейтральные, или чисто грамматические, единицы могут быть переданы на другой язык при помощи стилистически маркированных вариантов единиц плана выражения, придающих высказыванию стилистическую окраску. По сравнению с чисто грамматическими, стилистически обусловленные варианты имеют меньшую частотность, что обуславливает наличие в них большей стилистической информации по сравнению со стилистически нейтральными единицами. Например, в современных тюркских языках употребление синтаксических конструкций в системе числа и залога, а также употребление послеложных сочетаний вместо падежных форм является стилистически обусловленным. Аналогичные синтаксические сочетания в английском языке являются средством передачи чисто грамматического значения. Поэтому при передаче определенной единицы плана содержания путем типологического корреспондирования бывает необходимо обращаться к единицам других уровней, которые в том языке не являются стилистически обусловленными. Очевидно, что выявление стилистически обусловленных и стилистически необусловленных единиц входит в задачу исследования и сравнительной типологии, и сравнительной стилистики.

Как в английском языке, так и в тюркских языках глагол имеет более развитые формы по сравнению с другими разрядами слов. Поэтому и в самих основах, и в формах, а также в глагольных сочетаниях обнаруживается много интересных случаев стилистической обусловленности. Стилистически маркированными могут стать все лингвистические единицы: звуки, аффиксы, слова, конструкции, предложения, текст.

Стилистическая инвентаризация сравниваемых форм входит в задачу внутренней стилистики. В дальнейшем рассматриваются межязыковые вопросы передачи этих единиц. Это относится к задаче внешней стилистики [289, с. 35—40].

В задачу сравнительной типологии входит определение стилистически отмеченных и неотмеченных единиц.

Сравнительная стилистика изучает стилистические особенности единиц каждого уровня языка в отдельности. Фонологическая типология связана с фоностилистикой, морфологическая типология с морфологической стилистикой, лексическая типология с лексической стилистикой и т. д.

СООТНОШЕНИЕ СРАВНИТЕЛЬНОЙ ТИПОЛОГИИ И МЕТОДИКИ ПРЕПОДАВАНИЯ

Вопросы обучения иностранному языку служат объектом исследования для многих наук, в том числе и для сравнительной типологии.

Сравнительная типология занимается типологией двуязычия и многоязычия, различными вопросами языковых контактов, которые, в свою очередь, включают в себя проблемы двуязычия, интерференции, конвергенции и многие др. Все эти понятия взаимосвязаны, и каждое из них имеет прямое отношение к сравнительной типологии.

Лингвистические вопросы занимают большое место в сравнительной типологии. Под проблемой двуязычия понимается процесс опосредования систем взаимно контактирующих языков, выявление системных различий, определение дифференцирующих средств и др. [79, с. 257].

Применение сравнительной типологии в качестве прикладной дисциплины может осуществляться через методику преподавания иностранных языков. При сопоставлении систем языков типология определяет системные особенности каждого языка. Эти выделенные абстрагированные модели, представляющие определенные отрезки речевой деятельности, могут служить вспомогательным материалом при введении студентов в мир другого, неизвестного им раньше языка. Особую важность этот вопрос приобретает при обучении неродственным или разноструктурным языкам, на что в свое время обратил внимание Л. В. Щерба.

Методика пользуется установленными типологией закономерностями адекватности и неадекватности единиц систем различных языков.

Как всякое теоретическое исследование, сравнительная типология двух языков имеет две цели: теоретическую и прикладную.

Первая связана с типологическим анализом системы каждого из сравниваемых языков в отдельности, определением структурных особенностей, выявлением основных системных единиц, инвентаризацией каждого яруса (уровня) в отдельности с дальнейшим выявлением универсальных или дифференцирующих типологических форм и в плане выражения, и в плане содержания.

Вторая выдвигается главным образом на основе первой и связана с дальнейшим применением полученных в теоретическом исследовании результатов в процессе практического обучения.

Методике необходимы выводы сравнительной типологии при объяснении тех или иных категорий. При этом особую роль играют выделенные изоморфные и алломорфные средства. Например, такие категории, как категория перфекта, категория определенности—неопределенности и другие, в английском языке выделяются в качестве самостоятельных категорий, в то время как в тюркских языках нет специальных морфологических показателей для выражения этих категорий. Другим примером может служить тот факт, что в тюркских языках нет специальных средств для выражения категории состояния и при ее передаче можно пользоваться самыми различными языковыми средствами.

Категория модальности имеет различные формы выражения в сравниваемых языках. Выявление основных способов выражения данной категории, лексико-грамматическая классификация модальных слов и глаголов, уточнение методики описания и типологическое сопоставление в плане выражения и в плане содержания могут представить большую ценность для методики. В теоретическом плане необходимо уточнить вопросы, связанные: а) с отношением этой категории к тому или иному уровню языка; б) с проблемой разграничения аналитических и неаналитических форм (синтаксических конструкций); в) с вопросами семантической классификации модальных слов и глаголов.

С точки зрения методики преподавания темы каузативные глаголы и каузативные конструкции в английском языке заслуживают особого внимания, так как они представляют огромную трудность, в частности, при их передаче в тюркских языках.

Общими в английском и тюркских языках являются: а) наличие данной категории в сравниваемых языках; б) наличие каузативных глаголов, служащих ядром каузативных конфигураций; в) существование синтаксического способа выражения каузативности; г) участие всех уровней языка для выражения категории каузативности в диалектическом единстве.

К дифференцирующим признакам можно отнести: а) наличие лексического способа выражения каузатива в английском языке (т. е. в английском существуют каузативные основы); б) наличие морфологического способа и противопоставленных форм в тюркских языках.

Таким образом, основная трудность в изучении категории каузативности заключается в том, что: а) она выражается на разных уровнях, б) не разработана система соответствий, в) в самой системе языка она плохо описана. Например, существующие учебники по грамматике английского языка не включают каузативность в категорию залога. Категория залога ограничивается в английских грамматиках формами актива и пассива.

Сравнительная типология может быть связана с методикой в процессе выявления интерферирующих средств.

Интерференция — это смешение дифференциальных признаков родного и изучаемого языков [254, с. 104]. Родной язык учащихся, на котором они говорят с самого детства, не может не влиять на систему иностранного языка, к изучению которого они приступают. При этом большую роль играет межъязыковая аналогия.

Изучение интерференции связано с сравнительным изучением систем двух или более языков, с выявлением дифференциальных признаков фонологической, лексической и грамматической систем, с вопросом о необходимости включения или исключения родного языка из преподавания иностранного языка.

С теоретической точки зрения изучение интерференции связано с установлением типологического изоморфизма и алломорфизма. С практической точки зрения такое изучение может помочь при выявлении ошибок, возникающих под влиянием системы (подсистемы) родного языка на систему (подсистему) соответствующих уровней иностранного языка, и наоборот, особенно на начальном этапе преподавания.

давания иностранного языка [254, с. 61], так как вначале у студентов навыки правильного употребления системных единиц еще не выработаны и тем более не автоматизированы.

Большое значение имеет определение роли и места родного языка при обучении студентов иностранному языку. Тот факт, что изучение иностранного языка строится на базе родного языка, может иметь положительное и отрицательное влияние на процесс обучения.

Положительное влияние заключается в том, что знания и навыки студентов в области родного языка могут служить основой для аналогии. Они уже могут имитировать артикуляционные движения при обучении произношению, сопоставлять значения слов, пользуясь лексикой родного языка. Структурные модели родного языка могут им помочь при образовании таких же моделей иностранного языка.

Отрицательное влияние состоит в интерференции родного языка в ходе обучения иностранному языку, так как при изучении иностранного языка система родного языка служит своеобразным языковым субстратом, который не может не оказывать влияния на изучаемый иностранный язык. Этот своеобразный языковой субстрат проявляется на всех языковых уровнях. Конкретным примером влияния родного языка может служить возникновение так называемых гибридных языков. Например, под сильным влиянием систем некоторых местных языков образовались специальные языки типа: Pidgin English (в Восточном Китае и Японии), Beach-La-Mar English (на берегах Тихого океана), Krio English (в Африке) и др.

Наличие вариантов в произношении, в формах слов и конструкциях этих гибридных языков объясняется именно влиянием языкового субстрата народов, для которых английский не является родным.

Так, исходя из особенностей местного языка, интерференцию родного языка можно подразделить на: а) фонетико-произносительную, б) интонационную, в) грамматическую, г) лексическую и др.

Обучение иностранному языку основывается на следующих принципах: а) обучение абстрагированной системе языковой иерархии, б) обучение речевой деятельности в целом. Эта классификация связана с анализом, с синтезом, с обучением тому или иному аспекту в отдельности и в комплексе. Осуществление этой задачи тесно связано с возрастными особенностями учащихся, уровнем развития абстрактного мышления, с этапами обучения, со знанием своего родного языка, на котором базируется обучение, с типологической близостью и дистантностью систем родного и изучаемого языков и рядом других факторов.

Грамматика любого языка представляет собой систему. Поэтому обучение грамматике есть обучение системе языка. Из сказанного следует, что при составлении учебников иностранных языков необходимо исходить из системных особенностей родного и иностранного языков.

Интерференцию родного языка можно преодолеть путем целенаправленного показа системных различий родного и иностранного языков. Особо эффективным можно считать обучение грамматической

системе путем сознательного сопоставления, т. е. на основе грамматики родного языка. Успех зависит также от темпа проработки материала и видов абстрагирования систем сравниваемых языков. Данный принцип требует одновременно, во-первых, наличия готового учебного материала, во-вторых, знания обоих языков и творческой организации учебного процесса преподавателем.

Начальный этап обучения иностранному языку можно организовать по принципу: от родного к иностранному, т. е. на самом начальном этапе ознакомления с системой иностранного языка используется система усвоенного родного языка.

К необходимым условиям предупреждения интерференции можно отнести составление учебников и учебных пособий для начального этапа на родном языке. Такие учебники могут быть: 1) с полным сравнением или 2) с частичным сравнением изучаемого и родного языков.

Полное сравнение характерно для более позднего этапа обучения иностранному языку и может преследовать как практические, так и теоретические цели.

Частичное сопоставление преследует практические цели и характерно для самого начального этапа обучения иностранным языкам. При частичном сравнении сознательно выбираются интерферирующие средства родного языка, которые в наибольшей степени влияют на систему иностранного языка, и выбираются основные пути их преодоления. Принцип сопоставления может служить одним из самых эффективных приемов постепенного устранения отрицательного влияния системы родного языка.

Задачей сравнения является устранение давления неидентичных средств выражения родного языка на систему иностранного языка. К общим признакам неидентичности можно отнести характерные черты языка: аналитичность и неаналитичность и ряд других общесистемных фонологических, грамматических и лексических особенностей.

К частным — можно отнести определенные неидентичные явления, которые выявляются при выражении той или иной грамматической категории.

В связи с гетерогенностью их структур сравниваемые языки располагают рядом специфических черт.

1) Дифференцирующей чертой является наличие артиклей в английском и от их отсутствия в тюркских языках. Например:

<i>англ.:</i>	Give me the book lying on the table.
<i>узб.:</i>	Менга стол устидаги китобни бер.
<i>каракалп.:</i>	МаҒан стол устиндаги китапты бер.
<i>каз.:</i>	МаҒан столдың устіндегі (жатқан) кітапті бер.
<i>туркм.:</i>	Мана столун үстүндәки китабы бер.
<i>кирг.:</i>	Мага стөлдүн үстүндөгү (устунда турган) китапти бер.

В приведенном примере определенный артикль в английском языке передается в тюркских языках неспециальными (периферийными) лексико-грамматическими показателями определенности. В данном

случае не может иметь место интерференция родного языка. Однако студент может встретиться с трудностями иного порядка, например, с проблемой передачи сочетания «артикль+существительное».

2) Употребление падежных флексий в именах существительных в тюркских языках не ограничено, а в английском ограничено (ср., например, редкие случаи употребления в английском языке притяжательного падежа с неодушевленными именами существительными).

3) К числу частично неидентичных единиц относится категория лица. В тюркских языках морфологическая категория лица глагола (или категория принадлежности существительного) сильно развита, а в английском языке она почти исчезла, поэтому привычка определенным образом оформлять категорию лица в родном языке сильно влияет на речь студентов на английском языке. Под влиянием родного языка студенты обычно пропускают личные местоимения перед глаголами, например, употребляют *same* вместо *I same*. В качестве другого примера такого же явления можно назвать отсутствие морфологической категории принадлежности определенному лицу в английском существительном, в связи с чем студенты тюркоязычной аудитории нередко опускают в английской речи притяжательные местоимения: *my, your, his, her, its, our, youg, their* и т.д.

4) Интерференция родного языка имеет место при употреблении английских предлогов. Английские предлоги и тюркские падежные аффиксы выступают в качестве межъязыковых синонимичных корреспондентов. В эту синонимичную группу можно включить и тюркские послелого. Однако некоторые английские предлоги могут быть взаимно синонимичными. Например, форма тюркского направительного падежа *N+(ga)* может соответствовать английскому *to+N, into+N/on+N, towards +N, at+N* и т.д. В результате—ошибка в выборе предлога. Другой типичной ошибкой студентов в данной области является, в частности, то, что в некоторых случаях английское предложное сочетание *from+N* не всегда соответствует тюркскому *N+* окончание исходного падежа. Студенты часто говорят **I asked from him* вместо *I asked him* (или, по-русски—Я спросил от него), так как в одном случае необходима форма *from+N*, а в остальных употребляется существительное без предлога.

5) Относительно свободный порядок слов в тюркских языках является причиной нарушения студентами фиксированного порядка слов в английском языке. Например, изменение порядка слов в английском предложении *John taught Mary Джон учил Мери* меняет и содержание высказывания, так как в английском языке порядок слов стал одним из основных сигналов грамматики, выражающих синтаксические отношения. В тюркских языках синтаксические отношения одновременно выражаются при помощи падежных окончаний и порядка слов, причем падежные окончания играют главную роль.

Следующие вопросы требуют типологической разработки специально для методики: 1) общие вопросы, связанные с основными структурными типами предложения (SVO, SOV), с агглютинацией, с флексией, с аналитическими и синтаксическими типами, связанными с типами и моделями предложения; 2) частные вопросы, связанные с наличием

или отсутствием тех или иных категориальных показателей, частей речи и др. К ним в тюркских языках можно отнести отсутствие артиклей, предлогов, модальных глаголов, слов категории состояния, строго фиксированного порядка слов, категории рода у личных местоимений и других; в английском языке—отсутствие морфологических средств категории принадлежности, морфологических средств глагольных категорий залога, наклонения и многих др.

Выше мы рассмотрели более частные вопросы описательно-дескриптивного характера. Одновременно существует еще ряд общих вопросов, касающихся как самих разделов лингвистической типологии (генетической, структурной, ареальной), так и психолингвистических, социолингвистических и других вопросов.

Со структурной типологией методика связана при разработке лингвистических основ обучения в целом, при применении различных методов структурной лингвистики в различных языках, при определении общей глубинной структуры той или иной категории, при рассмотрении отдельных вопросов семантической и графической типологии и многих др.

В последние годы данный вопрос не раз служил предметом дискуссий у лингвистов и методистов.

С генетической типологией методика связана при обучении языкам с родственной и неродственной структурой, при определении глубинно-поверхностного тождества.

С ареальной типологией методика имеет своеобразную связь. Самым простым примером может служить разработка региональной методики обучения иностранному языку. Например, при преподавании иностранных языков в отдельных областях среднеазиатских республик необходимо учитывать многоязычие местных жителей. В таких городах Узбекистана и Таджикистана, как Бухара, Самарканд, Ленинабад и др., интерферирующую роль одновременно играют системы узбекского, таджикского и русского языков, в Оше и Джалал-абаде—системы узбекского, киргизского и русского языков, в Ташаузе—узбекского, туркменского и русского языков, в Чимкенте, Туркистане и др. интерферирующую роль играют узбекский, казахский и русский языки и т.д. Однако региональная методика еще не разработана. Не разработаны и многие другие вопросы, касающиеся связи лингвистической типологии с другими отраслями лингвистической и нелингвистической науки.

СООТНОШЕНИЕ СРАВНИТЕЛЬНОЙ ТИПОЛОГИИ И ЛЕКСИКОГРАФИИ

Сравнительная типология имеет прямую связь с лексикографией, так как и та и другая занимаются сравнением и выявлением эквивалентных единиц.

Основная связь между сравнительной типологией и лексикографией заключается в анализе систем сравниваемых языков. Лексикографии необходим типологический анализ систем языков, по рекомендациям которого составляются словари. Как показала лексикографическая практика, современная лексикографическая наука еще

не имеет достаточного опыта и хорошо разработанных универсальных принципов составления словарей.

Сравнительная типология и лексикография также сближаются между собой на основе их прикладных задач, ибо и та и другая тесно связаны с процессом изучения систем различных родственных и неродственных языков. Одним из первых составителей английских словарей был школьный учитель Кодри, который начал собирать и систематизировать слова, представляющие трудность для учеников в процессе учебы. Его словарь был завершен в 1604 году, и, по утверждению М. Мэтьюза, он обычно считается первым словарем английского языка.

Первые словари-лексиконы имеют тысячелетнюю историю. На протяжении веков были составлены самые различные двуязычные словари. Являясь одним из основных пособий по сравнению языков, двуязычный словарь помогает не только при изучении какого-либо иностранного языка, но и при изучении своего родного языка.

Бесспорным является тот факт, что в определенном смысле лексикографическая работа над двуязычным словарем одновременно является и работой по сравнению языков. На этой основе возникла типология тюркских языков. В двуязычных словарях даются фонетические, морфологические, лексические, семантические, синтаксические, орфографические характеристики слов. При их описании пользуются данными соответствующих разделов сравнительной типологии, т.е. результатами, полученными фонологической, грамматической, лексической и семантической типологией. В словарях даются самые общие и постоянные соответствия слов с максимальной точностью соответствия, даже если эти языки являются неродственными и разносистемными. Без типологического справочника или особого предварительного уточнения словарь может оказаться неполноценным.

Подобно сравнительной типологии лексикографический процесс также можно делить на два этапа: 1) этап анализа и 2) этап синтеза. На первом этапе сравнительная типология дает возможность лексикографам правильно организовать процесс составления словарей; вооружает лексикографию данными по системам языков. Второй этап — подача эквивалентных единиц на другом языке — основывается на данных первого этапа.

Тот раздел лексикографии, который занимается вопросами сравнения систем языков для составления словарей, можно называть сравнительной лексикографией. Она может изучать лингвистические вопросы как синхронно, так и диахронно.

С точки зрения современной синхронии определенный интерес представляет проблема передачи залоговых форм в двуязычных тюркско-английских и англо-тюркских словарях.

При типологическом изучении категории залоговости необходимо рассматривать и лексикографические вопросы этой категории. Существуют вопросы как общие, касающиеся системы того и другого языка одновременно, так и частные, характерные для каждого из сравниваемых языков в отдельности. Сначала рассмотрим те проблемы, которые свойственны системам тюркских языков. В отношении всех тюркских языков существуют разногласия, касающиеся зало-

гообразующих аффиксов. В этих языках существует развитая система аффиксальных морфем, которые тюркологами рассматриваются: а) как словообразующие аффиксы; б) как формообразующие аффиксы. При таком подходе возникают две крайности: во-первых, в тех случаях, когда эти суффиксы рассматриваются как словообразующие аффиксы, в словарь должны включаться все глаголы с аффиксами залоговости. Однако в данное время этот принцип совсем не соблюдается. Во-вторых, если считать указанные суффиксы морфологически залогообразующими, то слова с этими суффиксами не должны включаться в словарь в качестве самостоятельных словарных статей, ибо они образуют формы слов, а не новые слова. Однако отдельные залоговые формы в словарях даются как самостоятельные лексические единицы, а другие совсем не включаются в словари.

Для современного английского языка характерны следующие лексикографические проблемы: а) определение залогового значения у корневых слов и их группировка (по оппозиции: каузативные слова—некаузативные слова, рефлексивные слова—нерефлексивные слова, пассивные слова—непассивные слова и др.); б) определение отношения к системе залога у производных слов (префиксальных и суффиксальных); в) группировка сложных и сложнопроизводных слов по их отношению к системе залога; г) выявление базисных каузативных, а также рефлексивных, пассивных, взаимных и других конструкций с исконными и заимствованными словами, которые используются при раскрытии залоговых форм в словарях; д) выявление межуровневых синонимичных трансформационных вариантов.

Вопрос об отношении корневых слов к категории каузативности, рефлексивности, взаимности и т.д. в лингвистической литературе еще не решен. Дело в том, что каждое простое слово может одновременно выражать каузативность и некаузативность, рефлексивность и нерефлексивность и т.д. Исключение составляет небольшое количество слов, которые, в основном, однозначны.

Производные слова не изучены также с точки зрения их отношения к системе залога. Например, суффикс *-en* образует глаголы, в основном, с транзитивно-каузативным значением, хотя не исключается образование других залоговых значений. Например, *deepen* 1) *углублять, делать глубже*, 2) *углубляться, становиться глубже*. Сказанное выше характерно и для префиксов, которые также образуют глаголы с тем или иным залоговым значением.

Сложные глаголы должны быть сгруппированы в зависимости от того, с каким залоговым разрядом они связаны по своему значению. Данный вопрос также требует специального изучения.

Важным является выявление базисных синтаксических конструкций, или синтаксических моделей, которые являются основными языковыми средствами выражения каузативных значений в современном английском языке. Синтаксические модели используются при передаче значения любого простого, производного или сложного слова в одноязычных и двуязычных словарях.

Выявление трансформационных синонимичных вариантов оправдывает себя еще тем, что с их помощью передаются так называемые

вторичные, или производные, каузативы, образованные при помощи нулевой модификации [185] типа *move, warn, grow, walk* и др., которые противопоставлены некаузативным глаголам, а также рефлексивным глаголам, образованным таким же способом, типа *shave, wash* и т.д. При толковании таких слов в словаре лексикограф должен показать их в сочетании. Кроме того, необходимо давать словарные пометы, указывающие на залоговую принадлежность этих слов.

Например, при описании слов, имеющих каузативное значение, лексикограф может воспользоваться каузативной конструкцией, рефлексивные слова можно передавать рефлексивными конструкциями, пассивные слова—при помощи пассивных конструкций. В подавляющем большинстве этих конструкций лексические единицы того же самого семантического поля могут служить своеобразным показателем. В тех случаях, когда грамматика располагает специальной аналитической формой, наличие лексической единицы необязательно.

Рассмотрим некоторые вопросы заимствования собственных имен.

Интересным здесь представляется вопрос, касающийся степени проникновения, распространения и развития самых распространенных антропонимов, т.е. тех имен собственных семитского происхождения, которые широко используются в языках несемитского типа. В индоевропейские языки эти имена пришли через «Библию», а в тюркские попали через арабский язык (через «Коран») и в дальнейшем распространились во многих национальных языках. Ср., например:

Английский	Русский	Узбекский	Каракалпакский
Abraham	Авраам Аврам Абрам	Иброхим	Ибрайым Ыбрай
Israel	Израиль	Исроил	Исрайыл
Jacob	Яков	Ёкуб	Жакып
Isaak	Исаак	Исҳоқ	Ийсак
Isaac			Ысқақ

Лексикографическое изучение собственных имен, заимствованных из арабского языка, представляет определенный интерес: 1) при определении внутриязыковых эталонов, т.е. при внутриязыковой идентификации, следует учитывать, что в языках могут существовать несколько вариантов одного и того же слова (ср. *каракалп.*: Ибрайым, Ыбрай; Ийсак, Ысқақ); 2) при установлении степени ассимиляции заимствованных имен в определенных ареалах. В последнем случае тюркские языки подвергаются определенному районированию. Отдельные тюркские языки могут иметь ареальную общность с языками других семей или групп. Сюда относится таджикско-узбекский ареальный изоморфизм ассимиляции или сохранения арабских и других имен. По сравнению с отдельными тюркскими языками среднеазиатского и казахского ареала узбекский язык оказался более консервативным в отношении сохранения форм и произношения антропонимов.

Типологическое решение поставленных выше вопросов несомненно сыграет положительную роль при составлении двуязычных англо-тюркских и тюркско-английских словарей с учетом их внутриязыковых и межъязыковых особенностей. Мы согласны с А. П. Евдошенко, который считает, что «типологический подход позволяет критически переосмыслить существующие в области антропонимики теории, неудовлетворенность которых становится все более очевидной».

Определенный интерес представляют эти вопросы для графической типологии, ибо существует много неясностей при передаче графическими средствами английских собственных имен на другие языки.

Эти вопросы заслуживают особого внимания еще и потому, что во многих случаях распространение такого рода антропонимов связано с распространением религий. Примером могут служить собственные имена кашгарских дунган Синьцзяна, заимствованные из арабского языка. Арабские собственные имена не характерны для китайского языка. Однако в той части Китая, которая подверглась мусульманизации (дунгане); имена собственные заимствовались вместе с религией, в то же время был сохранен китайский язык (шаньсийский и ганьсуйский говоры северного диалекта китайского языка).

При решении таких вопросов сравнительная лексикография должна вступить в союз с антропологией, этнографией и другими науками.

Итак, существует ряд признаков, на основе которых сравнительная типология и лексикография сближаются:

1) сравнительная типология и лексикография исследуют системы двух или более языков одновременно;

2) сравниваемые языки могут быть как генетически родственными, так и генетически неродственными. Генетическое родство может несколько облегчать процесс исследования, так как словесное, морфемное (аффиксальное), синтаксическое и другие тождества могут быть полезными и для типолога, и для лексикографа;

3) сравнительная типология и лексикография основываются как на внутрисистемных, так и на межсистемных сопоставлениях. Внутрисистемность в типологии заключается в типологическом изучении и сопоставлении единиц разных уровней, а внутрисистемность в лексикографии заключается в составлении одноязычных толковых или учебных словарей. Межсистемность в типологии заключается в том, что сравниваются системы разных языков, а в лексикографии также сопоставляются единицы систем разных языков. Сюда относятся двуязычные словари. Существуют специальные словари, в зависимости от степени родства они основываются на общих родственных словах. Такие словари называются дифференциальными;

4) сравнительная типология и лексикография не ограничиваются только единицами тех уровней, которыми они оперируют. Например, при сравнении той или иной грамматической категории, мы не можем исключить единицы неграмматических уровней. Точно также при составлении двуязычного словаря нельзя ограничиваться только уровнем слова. Без уровня словосочетания и предложения невозможно описывать служебные слова типа предлогов, союзов, послелогов и др.

Лексикографические вопросы типологизации мы рассматриваем в двух планах: в плане внутриязыковой типологизации и в плане межъязыковой типологизации. Исходя из сказанного выше, можно различать: а) лексикографические вопросы передачи типологических категорий в одноязычных словарях; б) лексикографические вопросы передачи типологических категорий в двуязычных словарях. В основе лексикографического сравнения лежат и типологические категории.

В своих исследованиях и двуязычных словарях автор настоящего пособия пользовался данной системой межъязыковой корреспонденции [66, с. 263—273; 65].

* * *

Итак, мы кратко остановились на главных факторах, которые являются основой для взаимосвязи сравнительной типологии, переводоведения, стилистики и методики преподавания. Мы наблюдали два вида взаимоотношений. К первому можно отнести связь сравнительной типологии с переводоведением, стилистикой и лексикографией, ко второму — взаимосвязи последних. Нас интересовал первый тип отношений, так как второй тип отношений, несмотря на свою большую актуальность, не имеет непосредственного отношения к данному разделу. Вопросы взаимоотношения теории перевода и методики, лексикографии и перевода, стилистики и перевода постоянно изучаются в лингвистике.

Сравнительная типология, будучи самостоятельной научной дисциплиной, рассматривает выбранные категории как целостные системы, имеющие контакты со многими отраслями науки.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

ТИПОЛОГИЧЕСКИЕ КАТЕГОРИИ, ИХ РЕАЛИЗАЦИЯ И МЕЖЪЯЗЫКОВАЯ КОРРЕСПОНДЕНЦИЯ

ГЛАВА ПЯТАЯ

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА АНГЛИЙСКОГО И СРАВНИВАЕМЫХ ТЮРКСКИХ ЯЗЫКОВ

Английский язык и сравниваемые тюркские языки отличаются друг от друга генеалогически, ареально, типологически и статистически.

Генеалогические различия. Английский язык — это германский язык индоевропейской языковой семьи. Он является одним из широко распространенных индоевропейских языков. Английский язык имеет материальное сходство на фонетическом, морфологическом, лексическом и синтаксическом уровнях иерархии языка с другими германскими, романскими, балтийскими, албанским, армянским, а также с некоторыми мертвыми языками, которые также относятся к индоевропейским языкам.

Индоевропейские языки — одна из наиболее крупных языковых семей, на них в настоящее время говорят более 1 млрд. 600 млн. человек. Только на индийских языках говорит около полумиллиарда населения. Более 400 млн. говорят на новогерманских языках. Среди германских языков первое место по численности говорящих на нем занимает английский язык [165, с. 307 и сл.; 77, с. 5].

Исторически древнегерманские языки принято делить на три группы: восточно-германскую, западно-германскую и северо-германскую.

К восточно-германской группе относятся готский, вандальский, бургундский, а также языки других племен, которые в различных источниках относят к этой группе, например, языки певкинов, бастарнов и др. Восточно-германские языки являются мертвыми языками. Более подробные сведения имеются о готском языке, на этом языке сохранились отдельные письменные памятники, самым ценным из которых является перевод греческого евангелия на готский язык епископом Вульфилой (Wulfila), который жил в IV в. н.э.

Готские тексты помогают лингвистам при уточнении многих фонетических, грамматических и лексических явлений в других германских языках.

К северо-германской группе относится древнесеверный (древнескандинавский) язык, в основном язык древних гиллевионов и других племен. Древнескандинавский язык дал основу для развития

древнешведского, древнедатского, древненорвежского и древнеисландского языков. В данное время к этой группе относятся шведский, датский, исландский, норвежский и фарерский языки. На этих языках говорят примерно 17 млн. 650 тыс. человек.

К западно-германской группе относятся следующие языки: древневерхненемецкий, древнесаксонский, нижнефранкский, древнеанглийский и фризский [128; 77, с. 91—94]. Исторически это были языки ингевонов, искевонов, гермионов.

В настоящее время к западно-германским языкам относятся английский¹, немецкий, нидерландский (голландский), фламандский, фризский, бурский (африкаанс) и идиш.

Немецкий язык относится к западно-германской группе. В настоящее время немецкий язык является государственным языком ГДР, ФРГ, Австрии, одним из государственных языков Швейцарии и Люксембурга, на нем говорят в Зап. Берлине. Немецкий язык частично распространен в других частях Европы и Америки. Литературный немецкий язык развился из древневерхненемецкого языка. Он имеет много диалектов. На нем говорят около 100 млн. человек. По сравнению с современным английским языком он сохранил отдельные германские черты как в области фонологии, так и в области грамматики.

Нидерландский (голландский) язык — западно-германский язык, государственный язык Нидерландов и один из двух государственных языков Бельгии. Распространен также в США, в Вест-Индии. На этом языке говорят около 19 млн. человек.

Фламандский язык — условное и традиционное название нидерландского языка в Бельгии, а также диалект нидерландского языка во Фландрии.

Фризский язык распространен на Фризских островах (в Северном море), которые протягиваются приблизительно на 250 км. вдоль побережий Нидерландов, ФРГ и Дании. Распространен также в Нидерландах, в ФРГ и на крайнем севере. Во фризском языке различают 3 группы говоров (восточную, северную и западную). На нем говорят около 370 тыс. человек.

Бурский язык (африкаанс) — язык африканеров (буров), который является одним из государственных языков ЮАР. Этот язык образовался в процессе интеграции и смешения нидерландских диалектов с немецким и английским языками, а также с некоторыми местными языками. Письменность на основе латинского алфавита. На этом языке говорят около 3,5 млн. человек.

Идиш — язык части евреев, живущих в Европе, Америке, Южной Африке, в Израиле и других странах. Относится к германской группе индоевропейской семьи. Письменность на основе еврейского алфавита.

Английский язык — самый распространенный среди германских языков. В настоящее время на английском языке говорят более 350 млн. человек. Английский язык — государственный язык

¹ Для удобства продолжения сравнения английского языка с тюркскими мы рассмотрим его последним.

Великобритании и США, один из двух официальных языков Ирландии и Канады, язык населения Австралии, официальный язык Новой Зеландии. Им пользуется население некоторых государств Азии и Африки [277]. Английский язык является одним из 6 официальных и рабочих языков ООН.

В результате переселения германских племен в Британию в V—VI вв. английский язык оказался изолированным от других германских языков, а после нормандского завоевания (XI в.) «он подвергался сильнейшему воздействию французского языка, который до середины XIV в. был официальным языком государства и правящей феодальной знати, образовавшейся из французских завоевателей. К концу средних веков стал создаваться собственный литературный язык — английский—на основе лондонского диалекта» [52, с. 92].

Сравниваемые тюркские языки—узбекский, казахский, киргизский, каракалпакский и туркменский—относятся к тюркской группе алтайской семьи языков. Следует сразу же указать, что проблема генеалогической связи тюркских языков с другими алтайскими языками до сих пор остается предметом дискуссий среди лингвистов. Мы не будем касаться этого вопроса, так как к данному статистическому сравнению алтайская гипотеза прямого отношения не имеет. Кроме того, мы не будем рассматривать все тюркские языки, так как они составляют довольно многочисленную группу, которая, в свою очередь, делится на мелкие подгруппы. Дадим только самые общие характеристики каждого из названных выше тюркских языков.

Узбекский язык — это тюркский язык, развившийся из древнетюркского языка. По генеалогической классификации тюркских языков он развился из карлукской группы западно-хуннской ветви тюркских языков [38, с. 350—355]. Современный узбекский язык прошел долгий путь в своем развитии и формировании [7, с. 11—26]. По данным переписи 1970 года, насчитывается всего 9 млн. 195 тыс. узбеков [242, с. 10—11]. Из них 9 млн. 71 тыс. человек считают родным языком узбекский [256, с. 421]. Основная часть узбеков живет в Узбекистане (Узбекистон Совет Социалистик Республикаси), население которого составляет 15 млн. 391 тыс. человек (в 1979 г.), из них 7 млн. 725 тыс.—узбеки (по переписи 1970 г.) [277, с. 1386—1387; 312, с. 490]. Древняя письменность на основе арабской, современная—на основе русского алфавита.

Казахский язык относится к кыпчакско-ногайской подгруппе кыпчакской группы западно-хуннской ветви тюркских языков [242, с. 10—11]. По данным переписи 1970 года, насчитывается всего 5 млн. 299 тыс. казахов. Из них 5 млн. 195 тыс. человек считают своим родным языком казахский [256, с. 421]. Основная часть казахского населения—4 млн. 234 тыс. человек—живут в Казахстане (Қазақ Советтик Социалистик Республикасы). Население Казахской ССР составляет 14 млн. 498 тыс. человек (в 1977 г.). Письменность на основе русского алфавита [277, с. 528—529]. В различных источниках казахов еще называют: киргизы, киргиз-кайсаки, кайсак-киргизы, казак-киргизы [38, с. 352].

К а р а к а л п а к с к и й язык также относится к кыпчакско-ногайской подгруппе кыпчакской группы западно-хуннской ветви тюркских языков [38, с. 352—354]. Из 236 тыс. каракалпаков на каракалпакском языке говорят 228 тыс. человек [256, с. 421]. Каракалпаки в основном населяют Каракалпакскую АССР (Каракалпакию), которая входит в состав Узбекской ССР. Общее число населения данной автономной республики составляет 849 тыс. человек (в 1977 г.) [277, с. 550—551]. В Узбекистане проживают 230 тыс. каракалпаков, из них в Каракалпакской АССР—218 тыс. человек, остальные населяют другие области.

Т у р к м е н с к и й язык относится к огузской группе западно-хуннской ветви тюркских языков [38, с. 352—354]. Всего насчитывается 1 млн. 525 тыс. туркмен, из которых 1 млн. 508 тыс. человек являются носителями туркменского языка [256, с. 421]. К 1979 году население Туркменской ССР (Туркменистан Совет Социалистик Республикасы) достигло 2 млн. 759 тыс. человек, из них 1 млн. 417 тыс.—туркмены (по переписи 1970 г.) [277, с. 1376]. Древняя письменность на основе арабской, современная — на основе русского алфавита.

Рассмотренные выше узбекский, казахский, каракалпакский и туркменский языки относятся к западно-хуннской ветви тюркских языков. К восточно-хуннской ветви относится киргизский язык—пятый сравниваемый язык.

К и р г и з с к и й язык относится к киргизско-кыпчакской группе восточно-хуннской ветви тюркских языков [38, с. 552—555]. Из 1 млн. 434 тыс. киргизов носителями киргизского языка являются 1 млн. 425 тыс. человек [256, с. 421]. Основная часть киргизов живет в Киргизской ССР (Кыргыз Советтик Социалистик Республикасы). К 1978 году население Киргизии достигло 3 млн. 511 тыс. человек, из них 1 млн. 285 тыс.—киргизы (по данным 1970 г.) [277, с. 585]. Письменность на основе русского алфавита.

Таким образом, рассмотренные нами выше языки тюркской генеалогической группы имеют общее происхождение. Историческая генетическая общность сопровождается ареальной общностью, т.е. сохранилась их историческая близость. На этом основании в системе этих языков до сих пор сохранилась языковая близость.

По сравнению с тюркскими языками языки германской группы, несмотря на общее происхождение, имеют большие расхождения. В древнейший период генетическая общность у германских языков сопровождалась ареальной близостью, чем объясняется их близкое родство. Однако в дальнейшем их региональный союз нарушился. Германские языки распространились в различных частях света. Особой изоляции подвергся англо-саксонский язык, который одновременно оказался под сильным воздействием романских и других языков. В результате система современного английского языка сильно отличается от систем других германских языков (в английском языке редуцируется конец слова, исчезают грамматические показатели категорий падежа, лица и числа (у глаголов) и многих других, развивается аналитизм и агглютинация).

Указанные изменения свидетельствуют о своеобразной общности

отдельных черт английского языка и тюркских языков. Однако это отнюдь не говорит об их генеалогической близости, иначе говоря, общность отдельных черт не зависит от взаимных связей сравниваемых языков. В своей истории эти языки мало контактировали, так как германские и тюркские языки далеки друг от друга как по происхождению, так и по месту распространения. Они были ареально дистантными, поэтому при нашем сравнении мы не будем искать причины отдельных изоморфных случаев в их генетике.

С другой стороны, степень родства внутри самих германских и тюркских языков различна. Внутри германских языков языковое родство стало дистантным, а внутри тюркских языков, по сравнению с германскими языками, близость еще сохранилась. Степень родства внутри групп языков обуславливается различными факторами. По данному поводу в энциклопедическом словаре русского языка читаем следующее: «Причины близости или расхождения отдельных членов семьи могут быть различными: особенности географической среды, различные исторические судьбы говорящих на этих языках народов, возможности взаимных контактов, целостность или разбросанность населяемой территории, влияние других народов, характер государства, особенности занятий, быта и т.д. Большое значение имеет также исторический возраст семьи родственных языков. Если распад праязыка совершился относительно недавно, то такие языки обнаруживают обычно очень большое сходство. Сильные различия между родственными языками (ср. такие языки, как индоевропейские или уральские) обычно свидетельствуют о том, что лежащий в их основе праязык распался очень давно» [256, с. 283].

Итак, сравниваемые языки являются генетически и ареально различными, т.е. неродственными и неблизкими.

Теперь рассмотрим кратко их типологические особенности.

Типологически, т.е. морфологически, английский язык и сравниваемые тюркские языки также отличаются друг от друга. У этих языков грамматические отношения выражаются по-разному, т.е. маркеры, или сигналы, выражающие грамматические отношения или грамматические способы (по А. А. Реформатскому) [249, с. 263 и сл.], не совсем совпадают.

В английском и тюркских языках средства, выражающие грамматические отношения, имеют разные формы. Например, для английского языка более характерным является использование служебных слов и порядка слов. Для тюркских языков основными сигналами грамматических отношений служат аффиксальные морфемы, остальные грамматические сигналы употребляются сравнительно редко. Все грамматические средства выступают в качестве совокупного инвентаря синтаксических отношений. Это свидетельствует о системной целостности и взаимообусловленности разноуровневых средств иерархии языка.

Английский и сравниваемые тюркские языки принадлежат к разным морфологическим типам. В морфологической классификации языков, впервые разработанной А. Шлегелем, а затем В. Гумбольдтом, английский язык, как и некоторые другие индоевропейские,

семитские языки, грузинский язык и другие, относятся к флективному типу, а тюркские языки, как и финно-угорские, тунгусо-маньчжурские языки, корейский, японский, часть индейских языков и некоторые африканские языки, принадлежат к агглютинативному типу.

Флективные языки характеризуются тем, что категориальные значения выражаются флексиями. У флективного типа «отсутствует однозначное соответствие между аффиксом и выраженным им грамматическим значением» [181, с. 19].

Флексия может быть внутренней и внешней¹. Внутренняя флексия характеризуется в работе П. С. Кузнецова следующим образом: «Внутренняя флексия, или чередования, имеющие грамматическое значение, используется, хотя и в разной степени, в различных флективных языках. Ср., напр.: *русск.* 'избегать' (несоверш. вид) — 'избежать' (соверш. вид) — корневая морфема выступает в форме 'бег' — 'беж', т. е. характеризуется чередованием согласных г—ж; 'ломит' — 'разламывает' — корневая морфема выступает в форме 'лом' — 'лам', т. е. характеризуется чередованием о—а; *англ.* *foot* *нога* — *feet* *ноги* (корневая морфема характеризуется чередованием u — i:); ... *арабск.* *balad* *местность* — *мн. ч.* *bilād*, *gild* *кожа* — *мн. ч.* *gulūd*. В одних языках внутренняя флексия, или чередование, обычно сопровождается и различием в аффиксах, как и в русском языке, в других может служить и единственным средством передачи различных грамматических изменений, различных форм словоизменения и словообразования, как в английском и арабском» [181, с. 19].

В английском языке внутренняя флексия характерна для систем существительных и глаголов. У существительных она выражается при помощи древнегерманского умлаута. Этим объясняется образование форм множественного числа у таких существительных, как *man*—*men*, *mouse*—*mice*, *foot*—*feet*, *tooth*—*teeth* и др., и форм прошедшего времени глаголов *write*—*wrote*, *bind*—*bound*, *give*—*gave* и др.

По сравнению с древнеанглийским языком в современном английском языке внутренняя флексия развита мало. Внутренняя флексия у существительных и глаголов считается остатком древнеанглийского умлаута и аблаута. Эти сохранившиеся формы свидетельствуют о том, что древнеанглийский язык, также как и другие индоевропейские языки, относился к языкам с явно выраженным флективным строем.

Внешняя флексия—это выражение грамматических категорий при помощи окончаний или словоизменяющих аффиксов. Внешняя флексия характерна для систем синтетических языков, которые противопоставляются аналитическим языкам. Однако термины «флективные языки» и «синтетические языки» являются синонимами, так как последние включают в себя также и языки агглютинативного строя.

¹ В данном случае может употребляться и термин *фузия*, который имеет аналогичное значение. Этот термин впервые применен в лингвистике Э. Сепиром. Отсюда и термин «фузионный тип», который не получил такого распространения, как «флективный» [181, с. 20].

Внешняя флексия здесь рассматривается в пределах флективных языков [248, с. 64—92].

В флективных языках один аффикс может передавать несколько категориальных значений. Например, в латинском языке в слове *amo* *люблю* суффикс *-o* одновременно выражает пять грамматических категорий: а) число (единственное), б) лицо (первое лицо), в) время (настоящее), г) наклонение (индикатив), д) залог (актив) [424, с. 333—334].

В агглютинативных языках, например в тюркских, каждая из указанных категорий по возможности передается при помощи специального аффикса. В современном английском языке грамматические категории больше выражаются внешними флексиями. К ним относится морфема множественности у существительных (ср.: *boy—boys*), морфема третьего лица ед. числа (ср.: *work—works*), морфема прошедшего времени (ср.: *work—worked*) у глаголов и др.

С точки зрения принадлежности к тому или иному морфологическому типу система современного английского языка очень изменилась по сравнению с некоторыми индоевропейскими языками. Прав Р. Робинс, когда он пишет: «English is in fact a fairly mixed type of language in respect of three types, and each can be illustrated from English». Далее приводятся примеры на эти три типа. Предлоги, союзы и отдельные наречия, которые не изменяют своих форм, могут служить примерами для изолирующего типа; слова и аффиксальные морфемы знаменательных частей речи, имеющих свои парадигмы, представляют агглютинативный тип (ср.: *illegalities, ungodliness, unavoidably, stabilizers*), а флективный, или фузионный, тип представляется примерами типа *men, women, mice* и т.п. [424, с. 332].

Такое же явление характерно и для других языков. По этому поводу С. Е. Яхонтов пишет следующее: «В каждом языке можно найти почти все способы выражения грамматических категорий. Например, в русском языке наряду с флексией существуют частицы (предлоги, союзы и частицы в узком смысле слова) и агглютинативные аффиксы (например, глагольные приставки). Рискованно было бы категорически утверждать, что в языках какой-то группы совершенно невозможен тот или иной способ. Однако в большинстве языков какой-то один способ является преобладающим» [364, с. 69].

Как мы уже указали выше, система английского языка в своем историческом развитии подвергалась большим изменениям. Это дает основание отдельным языковедам говорить о том, что «английский язык в ходе своей истории перешел из флективного типа в аналитический» [364, с. 98]. История развития английского языка и некоторых других индоевропейских языков показывает, что генетическая общность языков является консервативной по сравнению с морфологическим типом, последний можно считать более подвижным.

А г г л ю т и н а т и в н ы е я з ы к и — это языки, характерным морфологическим признаком которых является осуществление словообразования и словоизменения путем присоединения однозначных аффиксов, имеющих строгую последовательность. Следует указать, что однозначность аффиксов в агглютинативных языках является относительной, так как в них тоже могут изменяться гласные и сог-

ласные при присоединении аффиксов к словам. Однако в целом в агглютинативных языках четко выделяются корневые и аффиксальные морфемы.

Слово «агглютинация» происходит от латинского *agglutinatio* *склеивание*. Действительно, в агглютинативном сочетании происходит своеобразное склеивание аффиксов и слов.

Агглютинативный тип включает в себя большую группу языков. К агглютинативным языкам относятся тюркские, финно-угорские, тунгусо-маньчжурские, корейский, японский, часть индейских и некоторые африканские языки [54, т. 1, с. 503].

В медицине, биологии и других науках понятие «агглютинация» также используется в аналогичном смысле, т.е. обозначает процесс последовательного сочетания. Например, в БСЭ агглютинация объясняется следующим образом: «склеивание в комочки и выпадение в осадок из однородной взвеси бактерий, клеточных элементов крови и др. Агглютинация происходит под воздействием особых веществ — антител — агглютининов, накаплиющихся в сыворотке крови человека или животных при различных инфекционных заболеваниях или иммунизации» [54, т.1, с. 177].

Агглютинация как языковой тип характерна для многих родственных и неродственных языков. Как самостоятельный тип агглютинация более детально характеризуется следующим образом: 1) корень слова не изменяется, т.е. отсутствует внутренняя флексия; 2) чередования фонем встречаются не самостоятельно, а в определенных фонетических условиях; 3) встречается сингармонизм; 4) аффиксы могут быть суффиксами или префиксами, но в каждом отдельном языке преобладает один тип аффиксации; 5) аффиксы, как правило, однозначны; 6) аффиксы присоединяются к основе механически, без спайки или фузии, границы основы и аффиксов четко разграничиваются. С указанными выше критериями агглютинации, выделенными П. К. Ваараском [72], можно согласиться с некоторыми оговорками.

Агглютинативные тюркские языки характеризуются В. Д. Аракиным следующим образом: 1) сингармонизм, основной признак на фонологическом уровне; 2) однозначность аффиксов; 3) отсутствие согласования как типа синтаксической связи; 4) положение определения перед определяемым; 5) наличие развернутых членов предложения вместо придаточных предложений и некоторые другие признаки, которые образуют устойчивую совокупность [18, с. 18].

Таким образом, английский язык и сравниваемые с ним тюркские языки являются представителями различных языковых типов. Поэтому существующие отдельные изоморфные явления можно объяснить двояко: а) как изоморфизм между различными типами языков, б) как изоморфизм, приобретенный в ходе динамического развития того или иного типа.

К первому относится синтетизм и аналитизм, которые характерны для систем как флективных, так и агглютинативных языков. Ко второму случаю изоморфизма относится развитие агглютинации в английском языке. Например, система склонения в современном английском языке коренным образом отличается от склонения су-

существительных в древнеанглийском языке, так как в древнеанглийском языке существовала развитая система склонения существительных, как и в других флективных языках. В современном английском языке склонение существительных осуществляется так же, как в агглютинативных языках. Например, английская форма генитива образуется по принципу агглютинации, т. е. во всех случаях суффикс генитива присоединяется к основе слова, как в тюркских языках:

hero — hero's
man — man's
men — men's
General-in-Chief — General-in-Chief's (arrival)
passer by — passer by's (conversation)
Hamlet's father — Hamlet's father's death
USA — USA's main states
today — today's newspapers и т. д.

Как видно из указанных выше примеров, принцип сочетания морфемы -'s производится по принципу агглютинации.

Таким образом, моносемантизм характерен не только для систем агглютинативных языков, но и для систем отдельных флективных языков. Поэтому при сравнении системы английского языка необходимо исходить из его современного состояния. В этом отношении мы согласны с О. П. Суником, который считает, что «для обнаружения качественных различий в морфологическом строе сопоставляемых языков необходимо и с л е д о в а н и е, объективное и доказательное, ибо качественные особенности не лежат на поверхности, они не самоочевидны, их нужно обнаружить и объяснить. И это — одна из центральных задач типологического изучения языков. Ссылки на «очевидные истины» здесь ничего полезного не дают, они только мешают делу.

Первичное наименование алтайских языков и других им подобных языками «агглютинативными», а русского и ему подобных — «флективными» не должно вести к повторению ошибочных утверждений, почерпнутых из старых типологических теорий и основанных на догмах этих теорий, а не на реальных фактах языков, особенно языков алтайских, требующих специальных типологических исследований. Будут углубленные типологические исследования — будет и типологическая классификация, отвечающая требованиям науки о языке второй половины XX века» [293, с. 64].

Как следует из приведенной цитаты, при сравнении языков различных типов целесообразнее исходить из реальных фактов, и при установлении межъязыковых соответствий необходимо учитывать развитие и изменение языковых систем.

Нарушение многих признаков флективности в английском языке и приобретение им отдельных признаков агглютинативности свидетельствуют о большей устойчивости агглютинации по сравнению с флексией. По мнению Б. А. Серебренникова, «основными факторами сохранения агглютинативного строя на протяжении многих веков являются, во-первых, отсутствие классовых показателей и, во-

вторых, порядок слов „определение+определяемое“. Эти две причины порождают различные следствия, которые в общей совокупности способствуют очень длительному сохранению агглютинативного строя языков на протяжении многих столетий и даже тысячелетий» [265, с. 21].

Итак, будучи представителями различных морфологических типов, английский и тюркские языки имеют отдельные черты сходства даже в их типовых признаках. Однако эти сходства неидентичны в материальном плане: генитивный показатель английского языка *'s* материально не похож на тюркский *-нинг* (*узб.*). На этом основании при сравнении систем английского и тюркских языков конкретные понятия рассматриваются с учетом генетической и морфологической гетерогенности.

Выше мы рассмотрели типы языков, характерные для сравниваемых в данном пособии языков. Для полноты описания кратко рассмотрим два других типа языков, т. е. изолирующие и полисинтетические. Другой причиной включения и этих двух типов языков служит тот факт, что в каждом языке того или иного типа встречаются черты и других типов. Об этом М. И. Журина пишет: «Каждый язык в той или иной мере политипологичен, и поэтому любая попытка создать общую типологическую классификацию подчас неизбежно сталкивается с невозможностью включить конкретный язык в определенную группу ... В каждом естественном языке сосуществуют черты, присущие нескольким типам, поэтому соотнесение отдельного языка с определенным типом почти всегда в некоторой степени условно, произвольно» [130, с. 519].

Изолирующие и e^1 , или аморфные, языки характеризуются отсутствием словоизменяющих аффиксов. Синтаксические отношения в них выражаются, в основном, при помощи порядка слов и служебными словами. Слова выступают изолированно, т. е. они не обладают парадигматическими формами, что характерно для флективных и агглютинативных языков. Хотя в целом аморфные и изолирующие языки рассматриваются в лингвистике как представители одного типа, они все же различаются. По этому поводу П. С. Кузнецов пишет: «Понятия „изолирующий“ и „аморфный“ совпадают только частично. Изолирующие языки названы так потому, что формы самих слов не указывают на отношения между словами в предложении, все слова (по своей форме) не зависят друг от друга, они как бы „изолированы“ друг от друга в предложении. Но сами слова в одних языках могут состоять только из корня, в других же языках могут иметь словообразовательные аффиксы. На этом основании, как было сказано выше, Ф. Мистели разграничивал корнеизолирующие и основоизолирующие языки» [181, с. 13—14].

¹ Следует указать, что в этой работе последовательность описания типов языков несколько изменена: в первую очередь мы описали флективный и агглютинативный типы языков, к которым соответственно относятся сравниваемые в пособии английский и тюркские языки. Традиционно типы языков описываются в следующем порядке: изолирующий, агглютинативный, флективный и полисинтетический или полисинтетический и флективный.

К аморфным языкам относятся языки, которые характеризуются как корнеизолирующие. Эти языки не имеют ни формообразующих, ни словообразующих морфем. Основным сигналом синтаксических отношений служит порядок слов, а также «слова-корни, теряющие в соответствующем контексте свое основное значение служебного слова — предлога или союза. Частей речи в этих языках нет. Слова, обозначающие предметы, свойства, действия и т. д., друг от друга по структуре ничем не отличаются (ведь все они выражаются неизменяемыми корнями), и даже одно и то же слово иногда в зависимости от контекста может обозначать и предлог, и свойство, и действие» [181, с. 14].

Полностью аморфных языков мало. Ближе к ним стоят древнекитайский, некоторые языки Западной Африки (например, эве) и др. [186, с. 202]. Современный китайский язык не является аморфным, поскольку простые слова в китайском языке уже делятся на изменяемые и неизменяемые [279, с. 263].

Принцип определения структур изолирующих языков до сих пор остается спорным во многих отношениях. Например, рассматривая проблему выделяемости морфемы и специфику изолирующих языков, В. М. Солнцев пишет, что «изолирующие языки обладают словами, и в наиболее общих чертах, стоящих над типологическими различиями, слова этих языков обнаруживают свойства, присущие словам других языковых систем. Более того, изолирующие языки являются в высшей степени «словесными» в том смысле, что значительное количество простых слов в этих языках, будучи неизменяемыми и лишены нулевого оформления, вообще не выделяют реально из своего состава морфем» [279, с. 267].

Таким образом, только неизменяемость или изолированность слов не решает судьбу изоляции или аморфности. Сюда включаются и другие средства, которые также служат побочными признаками изоляции. К основным признакам изолирующих языков можно отнести 1) неизменяемость слова (отсутствие форм словоизменения), 2) слабо развитое словообразование, 3) грамматически значимый порядок слов, 4) слабое противопоставление значимых и служебных корней, 5) наличие слоговых музыкальных тонов, 6) отсутствие дистрибуции слов по лексико-грамматическим разрядам слов и др. [130, с. 530].

В отличие от флективных языков в изолирующих языках слова, выступающие в роли глагола, могут оставаться без изменения. Ср. следующие примеры на китайском языке, в которых подлежащее в ед. числе заменяется подлежащим во мн. числе, а глагол (сказуемое) остается без изменения.

во сян чжао-сян. *Я хочу сфотографироваться.*
во-мэнь сян чжао-сян. *Мы хотим сфотографироваться.*

Следующий пример иллюстрирует употребление одной формы сказуемого для первого и третьего лица:

во цзай да-сюэ гун-цзо. *Я работаю в институте.*
во-ды ци-цзы бу-гун-цзо. *Моя жена не работает.*

То же самое наблюдается при выражении и других категориальных понятий.

Несмотря на то, что китайский и тюркские языки относятся к языкам различных типов (к изолирующим и агглютинативным соответственно), между ними могут существовать определенные черты грамматического сходства. Например, и в китайском, и в тюркских языках глагольные и именные формы не различают категории рода, а в русском языке категория рода различается и в глагольной, и в именной формах. Например:

<i>Китайский</i>	<i>Узбекский</i>	<i>Русский</i>
во ши ми-лу-ла	мен адашдим	а) я заблудился б) я заблудилась
во ши ха-са-кэ жень	мен қозоқ(ман)	а) я казах б) я казашка
во ши цзи-эр-цзи-сы жень	мен қирғиз(ман)	а) я киргиз б) я киргизка

Определенное сходство между изолирующими и агглютинативными языками наблюдается в дистрибуции разноуровневых показателей. Как мы говорили выше (см. с. 120), для агглютинативных языков характерно взаимоисключение разноуровневых показателей категории множественности, т. е. если употребляется суффикс множественности в словосочетании, то не употребляется лексический квантификатор множественности (числительные или другие слова, выражающие множественность). Это же явление характерно и для систем изолирующих языков. Это сходство отмечается в работе Н. Н. Короткова и др. Например, в китайском языке -мэнь, выражающий множественность, не употребляется в тех случаях, когда перед существительным есть указание на определенное множество [174, с. 247].

Таким образом, агглютинативные языки имеют сходство как с флективными языками, так и с изолирующими.

И н к о р п о р и р у ю щ и е, или **п о л и с и н т е т и ч е с к и е**, языки — это языки, в которых все грамматические значения обычно передаются в составе слова, характеризующегося длинной последовательностью морфем. Например, в состав глагольных форм могут входить различные аффиксы, выражающие объектные, обстоятельственные и иногда субъектные значения. Во флективных языках эти значения передаются специальными членами предложения [181, с. 23].

Слияние морфем с разным значением в одно слово оправдывает также само название этого языкового типа (слово «инкорпорация» произошло от позднелатинского *incorporatio* *включение в свой состав*) [277, с. 498]. Слово-предложение, объединяющее в одно целое различные значения двух, трех или более основ, составляет одно синтактико-морфологическое целое.

Полисинтетические языки сближаются с флективными языками, когда они передают грамматические категории при помощи внутренних флексий, а с агглютинативными языками они сближаются по принципу сочетания морфем в слове. К полисинтетическим языкам

относятся чукотско-камчатские, эскимосско-алеутские, абхазско-адыгейские, папуасские, австралийские, ряд полинезийских, большое число северо- и центрально-американских и др. [157, с. 5 и сл.].

Интересный пример из полисинтетического языка находим у П. С. Кузнецова. Он пишет: «на языке чинук (северо-американский индейский язык в штате Орегон) нашему предложению „Я пришел бы отдать ей это“ соответствует одно слово *i-n-i-a-l-u-d-am*, где корень глагола ‘давать’ представлен лишь одним согласным *-d-*, префикс *i-* (в начале) выражает только что прошедшее время, *-n-* обозначает 1-е лицо ед. ч., второе *-i-* — местоименный объект (‘это’), *-a-* — второй местоименный объект — ‘ее’ (в языке чинук различается грамматический род), *-l-* — аффикс, указывающий на то, что предшествующий местоименный объект является не прямым, а косвенным (т.е. не ‘ее’, а ‘ей’), *-u-* указывает на то, что действие направлено прочь от говорящего (он кому-то что-то отдает, а не берет что-то от кого-то), суффикс *-am* выражает добавочное понятие движения с какой-то целью, т.е. показывает, что говорящий не просто отдает что-то, но он передает этим ‘пришел с этой целью’» [181, с. 23—24].

Приведем пример из работы И. И. Мещанинова: тымынгынторкын— «Я вынимаю руки». Этот пример из чукотского языка состоит из нескольких частей: ты—‘я’, мынгы—‘руки’, нто—‘выход’, ркын—‘делание’ [205, с. 23—24].

Мы рассмотрели инкорпорирующие языки в общих чертах. Для получения подробных сведений о данном языковом типе рекомендуем работы И. И. Мещанинова, Г. А. Климова, В. З. Панфилова, В. Скалички и многих др. [205; 210; 157; 158; 228; 227; 235; 433; 370; 185].

Поскольку сравниваемые английский и тюркские языки являются представителями различных самостоятельных языковых типов, при сравнении этих языков всегда необходимо учитывать их общесистемные и частносистемные признаки.

Как было указано в самом начале раздела, сравнительная характеристика систем английского и тюркских языков должна учитывать генеалогические, морфологические, ареальные и другие особенности этих языков. Рассмотрим в общих чертах графические особенности тюркских языков¹.

Графические особенности систем сравниваемых тюркских языков в целом являются аналогичными, если исходить только из начертания букв. Под словом графика понимается «совокупность всех средств данной письменности, система отношений между буквами письма и звуками (фонемами) речи, а также начертания букв, знаков» [256, с. 61].

Наука о письме является самостоятельной областью современного языкознания. В ее задачу входит очень много проблем, в том числе и проблема алфавитов. Что касается группы сравниваемых тюркских языков, большую задачу здесь представляет дальнейшее совершенс-

¹ Мы не рассматриваем здесь графическую систему английского языка, так как данный раздел рассматривается в специальных курсах по практической и теоретической фонетике английского языка, лексикологии, истории языка и по другим дисциплинам.

твование и унификация алфавитов этих языков. Сравнимые тюркские языки пользуются русской графикой, однако в связи с тем, что «алфавиты каждого конкретного языка разрабатывались изолированно друг от друга, почти без участия каких-либо координационных центров» [40, с. 3], в их алфавитах нет полной унификации. Кроме того, количество букв и графическое изображение отдельных звуков не всегда совпадают в рассматриваемых нами тюркских языках. Это намного усложняет чтение текстов на том или ином тюркском языке говорящим на других тюркских языках. Поэтому автор счел необходимым включить в данный раздел таблицу алфавитов тех тюркских языков, которые сравниваются с английским языком. Необходимо указать, что приводимая таблица не является сравнительной с точки зрения типологии фонологических систем.

Узбекский		Казахский		Киргизский		Каракалпакский		Туркменский	
бук- вы	назва- ние	бук- вы	назва- ние	бук- вы	назва- ние	бук- вы	назва- ние	бук- вы	назва- ние
А а	а	А а	а	А а	а	А а	а	А а	а
		Ә ә	ә			Ә ә	ә	Ә ә	ә
Б б	бэ	Б б	бэ	Б б	бэ	Б б	бе	Б б	бе
В в	вэ	В в	вэ	В в	вэ	В в	ве	В в	ве
Г г	гэ	Г г	гэ	Г г	гэ	Г г	ге	Г г	ге
Ғ ғ	ға	Ғ ғ	ға			Ғ ғ	ғы		
Д д	дэ	Д д	дэ	Д д	дэ	Д д	де	Д д	де
Е е	е	Е е	е	Е е	е (йэ)	Е е	е	Е е	е
Ё ё	ё	Ё ё	йо	Ё ё	ё (йо)	Ё ё	ё	Ё ё	ё

Продолжение таблицы

Узбекский		Казахский		Киргизский		Каракалпакский		Туркменский	
Ж ж	жэ	Ж ж	жэ	Ж ж	жэ, джэ	Ж ж	ж	Ж ж	же
								Ж ж	же
З з	зэ	З з	зэ	З з	зэ	З з	зе	З з	зе
И и	и	И и	и	И и	и	И и	и	И и	и
Й й	й (қис- қа и)	Й й	й (қыс- қа и)	Й й	ий	Й й	ярым дауысли и	Й й	йы
К к	ка	Қ қ	қа	К к	ка	Қ қ	қа	К к	ка
Қ қ	қа	Қ қ	қа			Қ қ	қы		
Л л	эл	Л л	эль	Л л	эл	Л л	эл	Л л	эл
М м	эм	М м	эм	М м	эм	М м	эм	М м	эм
Н н	эн	Н н	эн	Н н	эн	Н н	эн	Н н	эн
(нг)	(нг)	Ң ң	эң	Ң ң	ың	Ң ң	эң	Ң ң	эң
Ў ў	(ў)	О о	о	О о	о	О о	о	О о	о
		Ө ө	ө	Ө ө	ө	Ө ө	ө	Ө ө	ө
П п	пэ	П п	пэ	П п	пэ	П п	пе	П п	пе
Р р	эр	Р р	эр	Р р	эр	Р р	эр	Р р	эр

Продолжение таблицы

Узбекский		Казахский		Киргизский		Каракалпакский		Туркменский	
С с	эс	С с	эс	С с	эс	С с	эс	С с	эс
Т т	тэ	Т т	тэ	Т т	тэ	Т т	те	Т т	те
У у	у	У у	у	У у	у	У у	у	У у	у
		Ү ү	Ү ү						
		Ү ү	ү	Ү ү	ү	Ү ү	ү	Ү ү	ү
						У у	ў		
Ф ф	эф	Ф ф	ф	Ф ф	эф	Ф ф	эф	Ф ф	эф
Х х	ха	Х х	ха	Х х	ха	Х х	ха	Х х	ха
Ҳ ҳ	ҳа	Н н	аш			Ҳ ҳ	ҳа		
Ц ц	цэ	Ц ц	цэ	Ц ц	цэ	Ц ц	це	Ц ц	це
Ч ч	чэ	Ч ч	чэ	Ч ч	чэ	Ч ч	че	Ч ч	че
Ш ш	шэ	Ш ш	ша	Ш ш	ша	Ш ш	ша	Ш ш	ша
		Щ щ	ща	Щ щ	ща	Щ щ	ща	Щ щ	ща
Ъ	айи-риш белгиси	Ъ	айырым белгиси	Ъ	ажыратуу белгиси	Ъ	айырыу белгиси	Ъ	айырма белгиси

Продолжение таблицы

Узбекский		Казахский		Киргизский		Каракалпакский		Туркменский	
		Ы ы	ы	Ы ы	ы	Ы ы	ы	Ы ы	ы
		І і	і						
ь	юмша- тиш белги- си	ь	жіңі- шкелік белгі	ь	ичкер- түү белги- си	ь	жиңиш- кертиў белги- си	ь	юмш- ак- лык белги- си
Э э	э	Э э	э	Э э	э	Э э	э	Э э	э
Ю ю	ю	Ю ю	ю	Ю ю	ю (йу)	Ю ю	ю	Ю ю	ю
Я я	я	Я я	я	Я я	я (йа)	Я я	я	Я я	я

Как мы указали выше и как видно из таблицы, алфавиты узбекского, казахского, киргизского, каракалпакского и туркменского языков различаются, поэтому приведенная таблица алфавитов сравниваемых тюркских языков имеет следующие особенности:

1) в целях наглядности изменены места отдельных букв в алфавите того или иного языка (ср. узб. қ, ғ); мы пытались дать приблизительное звуковое соответствие, поэтому пришлось нарушить алфавитный порядок букв;

2) остались пустыми клетки в алфавите того или иного языка, если этот язык не имеет буквенного или звукового соответствия, напр. казахский, киргизский, каракалпакский и туркменский ң не имеет соответствия в узбекском языке; таким же образом показано отсутствие казахского і в других тюркских языках, каракалпакского губно-губного проточного звонкого согласного ұ в других тюркских языках и др.;

3) в скобках даны те буквы, которые отличаются графически, хотя в звуковом отношении они идентичны (ср. узб. ў);

4) в скобках даны также буквосочетания, передающие конкретный звук и имеющие специальные буквенные обозначения в остальных тюркских языках;

5) спорные случаи соответствия внутритюркских графических и

звуковых единиц здесь специально не рассматривались, ибо это не входит в задачу исследования.

Данная таблица преследует не научную, а чисто практическую цель — она дана специально для облегчения чтения текстов, включенных для сравнения языков. При составлении таблицы использованы специальные работы по данной теме, а также словари приведенных языков [224; 84].

Итак, в данной главе мы кратко рассмотрели основные генеалогические, типологические, ареальные, статистические особенности сравниваемых языков и графические особенности тюркских языков.

ГЛАВА ШЕСТАЯ

НЕКОТОРЫЕ ОСОБЕННОСТИ И СХОДСТВА СТРУКТУРЫ ПРЕДЛОЖЕНИЯ В АНГЛИЙСКОМ И ТЮРКСКИХ ЯЗЫКАХ

Наиболее абстрактным в иерархии типологических категорий является предложение. Оно имеет исходную (ядерную) структуру и соответствующее семантическое содержание. Исходная структура предложения представляется определенными структурными типами. Основным ядерным типом предложения является структурный тип SV. Данный структурный тип предложения является минимальным и служит ядром для дальнейшего расширения (SVO или SOV¹). Структуры, образованные на основе этого исходного типа, являются трансформами данного структурного типа [27, с. 172]. Будучи двумя основными конститuentами структурного типа предложения, они выражают два вида отношений: субъектное, выражаемое субъектом и глаголом, и объектное, выражаемое глаголом и объектом предложения.

Структурные типы SV и SVO не что иное, как ряды категориальных понятий, и, будучи планом выражения определенных типологических категорий, эти структурные типы располагают своими формальными признаками.

В зависимости от характера уровневых единиц типологические категории могут быть различными, и прежде всего это отражается в типологических формах. Так, например, одни типологические формы находят абстрагированное выражение на уровнях ниже предложения, некоторые другие выявляются на уровне предложения. В обоих случаях предложение служит минимальным пределом для выражения типологических категорий, ибо предложение является «исходной ячейкой структуры языка, диктующей способ описания языка» [168, с. 58].

На этой основе категорию предложения в сравниваемых языках можно считать типологической категорией, составляющей «верхнюю

¹ В лингвистической литературе общепринятыми являются сокращения SVO (подлежащее, сказуемое, дополнение) и SOV. Наряду с этими сокращениями могут использоваться SPO и SOP.

границу языка». Будучи категориальной единицей верхнего порядка, предложение содержит ряд субкатегорий, или микрокатегорий, которые обусловлены отношением глагола к имени. Последние, в свою очередь, могут фигурировать в качестве субъекта и объекта в предложении. С позиции типологии структура английского предложения характеризуется как SVO, в то время как структура предложения тюркских языков относится к типу SOV [251, с. 121—123].

Действительно, на первый взгляд может показаться, что структуры различны. Однако в действительности структурно-позиционная гетерогенность не является существенной: во-первых, позиционное варьирование членов предложения объясняется варьированием единиц поверхностной структуры, так как в глубине каждый конstituент структуры предложения сохраняется и функционирует в пределах того же предложения, во-вторых, предложение в этих языках приобретает структурную идентичность¹, когда глагол, выступающий в роли сказуемого, является интранзитивным. В последнем случае сравниваемые языки характеризуются структурной моделью SV. Например:

<i>англ.</i> : My friend arrived very late.	<i>каз.</i> : Капитан ұзақ сөйледі.
<i>узб.</i> : Самолет тез учиб ўтди.	<i>кирг.</i> : Таң узакка сөзүлдү.
<i>каракалп.</i> : Бөхәр кеч келды.	<i>туркм.</i> : Мотоцикл ел болуп учды.

Структура приведенных выше примеров определяется одинаково, так как подлежащее и сказуемое выделяются в них как S + V. В свою очередь, каждый из главных членов предложения может иметь один или несколько детерминантов, которые характеризуют их с различных точек зрения (см. приведенные выше примеры).

Между членами предложения существуют определенные отношения, на основе которых сочетаются члены, или структурные конstituенты, предложения. Эти отношения могут быть выражены либо только при помощи субъекта и предиката, т.е. подлежащего и сказуемого (SV), либо с участием всех трех основных конstituентов предложения (SVO) и их определителей. К последним относятся определительные и обстоятельственные слова, закрепленные за тем или иным основным членом предложения.

Основные конstituенты могут выступать в предложении по-разному. Например, субъект и объект характеризуются как субстанциональные члены предложения, в то время как глагольный член выражает процесс или действие. Участие субъекта и объекта в процессе различно. В более общем виде их участие можно представить следующим образом:

- 1) участвуют оба субстанциональных члена: S и O;
- 2) участвует один из субстанциональных членов: SV или VO (OV).

Первый случай имеет структуру SVO и характеризуется как предложение с переходным глаголом. Эта структурная модель является

¹ Здесь речь идет о типе предложения, который характеризует номинативный строй языков. В этом отношении сравниваемые языки являются однотипными.

трехчленной. Второй случай представляет двучленное предложение с интранзитивным глаголом (SV) и словосочетание, состоящее из V + O или O + V.

Следует подчеркнуть, что SVO является моделью предложения, в которой конститuentы предложения взаимосвязаны, они сочетаются при помощи специальных средств, выраженных либо грамматическими формантами или морфемами, либо специальными лексико-грамматическими морфемами типа порядка слов (как в современном английском языке).

Трехчленная структура SVO также является общей для систем русского, английского и тюркских языков. В этих языках объектом служит прямое дополнение, присутствие которого делает возможным активно-пассивную трансформацию:

- англ.:* John praised Bill → Bill was praised by John.
русс.: Избиратели встретили депутата → Депутат был встречен избирателями.
узб.: Сайловчилар депутатни кутиб олишди → Депутат сайловчилар томонидан кутиб олинди.
каракалп. Сайлаўшылар депутаты күтип алды → Депутат сайлаўшылар тарапинен күтип алынды.
кирг.: Шайлоочилар депутатты күтүп алышты → Депутат шайлоочилар тарабынан күтүлүп алынды.
каз.: Сайлаўшылар депутатты күтип алды → Депутат сайлаўшылар тарапынан күтип алынды.
туркм.: Сайлавчылар депутаты гаршы алдылар → Депутат сайлавчылар тарапындан гаршы алынды (гаршыланды).

Как видно из приведенных примеров, общепринятый термин «разносистемность» по отношению к системам индоевропейских и тюркских языков исходит не из характера общей структуры категории предложения, а из характера сочетания элементов основных конститuentов структуры предложения, т.е. различия выступают на уровне поверхностной структуры.

Как было указано выше, в предложении со структурой SVO участвуют оба субстанциональных члена предложения. Это утверждение относится к завершённому типу предложения SVO, т.е. к предложению, в котором есть подлежащее, сказуемое и дополнение.

С точки зрения структурной изоморфности особый интерес представляет двучленная структура, в которой участвует только один из субстанциональных членов предложения. С типологической точки зрения данный структурный тип можно отнести к изоморфным случаям. В сравниваемых языках к идеальному типу данной структуры относится сочетание субъекта с интранзитивным глаголом: S+V_{Intr}. Этот структурный тип лежит в основе предложений как германских, так и тюркских языков. Однако в некоторых случаях обнаруживаются и отдельные расхождения. К ним в английском языке можно отнести структурный тип S+V, в котором глагол является возвратным и развился в результате трансформации трехчленного предложения S+V+O. Например, He shaved < He shaved himself; He washed < He

washed himself. В отличие от тюркских языков в английском языке эти предложения выражают рефлексивность без специальных морфологических формантов.

В тюркских языках также имеется структурная разновидность, связанная с отсутствием настоящего подлежащего предложения. Особенностью этого структурного типа является то, что в предложении в роли подлежащего выступает существительное в дательном или направительном падеже, при этом глагол употребляется в пассивной форме. Например:

узб.: Музейга шу йўл билан борилади.

каракалп.: Музейге усы жол менен барылады.

каз.: Музейге осы жолмен барады.

кирг.: Музейге ушул жол менен барат¹.

туркм.: Музее шу ёл билен барыляр. (Музее шу ёл билен барып боляр.)

Перевод на русский язык этого предложения будет следующим: *В музей можно пойти этой дорогой.* В тюркских языках в этом предложении слово «музей» употреблено в форме дательного падежа, что считается нормой для подлежащего со сказуемым в пассивной форме. В трехчленном предложении данная форма без изменения выступает как дополнение.

узб.: Биз музейга шу йўл билан борамиз.

каракалп.: Биз музейге усы жол менен барамыз.

каз.: Биз музейге осы жолмен барамыз.

кирг.: Биз музейге ушул жол менен барабыз.

туркм.: Биз музее шу ёл билен барярыс.

Таким же образом объясняется узбекское предложение: Тоққа эрта тонгда чиқилади *В горы поднимаются утром рано*; каракалп.: Ауға ерте азанда шығылады *На охоту отправляются рано утром* и др.

Аналогичные конструкции существуют и в турецком языке [185].

Для системы английского языка характерен структурный тип SVO, т.е. следующий порядок следования — подлежащее + сказуемое + дополнение:

When I get off at the corner I catch the smell of fish and chips and I cross the road. (S. Barstow)

Bombing will not alter Northern Ireland policy. (*Morning Star*, 1979, April 2)

Для тюркских языков характерен структурный тип SOV, т.е. следующий порядок следования: подлежащее + дополнение + сказуемое. Данная последовательность конститuentов структурной модели SOV в целом сохраняется, хотя в отдельных случаях по разным

¹ В казахском и киргизском языках предпочитают употреблять формы без морфемы пассива -ыл.

причинам возможно и изменение данного порядка. Напр., кирг.: Жайыбызды айттык биз. (Көрөгөч көз менен)

Рассмотрим несколько примеров, где проиллюстрирована реализация структурного типа SOV в сравниваемых тюркских языках¹.

кирг.: Кичкинекей балыкчы дагы уч балыкты серпип чыкты. (Көрөгөч көз менен) Бала кайырмагын түрүп, чакасын колуна олды. (Көрөгөч көз менен) ... Андрей Павловичтин ити бети-башымды життап жатыптыр. (Көрөгөч көз менен)

каз.: Мен сендерди орталык көшеде тосамын. (Қ. Сауыркенов) Шофер машинаны қилт тоқтатты. (Қ. Сауыркенов) Мен саған ақымақты көрсетейин... (Қ. Сауыркенов)

туркм.: Овадан габакларыны сүзди. (Р. Алланазаров) Овадан башыны галдырды. (Р. Алланазаров) Овадан башыны атды.

«Хош, онда!» дийип, Азат оңа элини узатды. Овадан товерегине геран жақлап, оңуң элини гысды. (Р. Алланазаров)

узб.: Меҳри дадасининг одатларини яхши биларди. (Ш. Рашидов) Ойқиз биттаю битта тоғасини совуқ кутиб олди. (Ш. Рашидов) ... мен ўтдан ҳам, сувдан ҳам, сендан ҳам, балодан ҳам қўрқмайман. (Ш. Рашидов) Гафур ўз илтимосидан асло қайтмади. (Ш. Рашидов)

карақдл.: Сәнем үйин тазалап, барын базар етиудин гамын же ди. (Т. Қайыпбергенов) Сораў Турымбетке жақпады. (Т. Қайыпбергенов) Ол тўйиншиклерин шешти. (Т. Қайыпбергенов) Жумагүлдиң көңгейленген көзлерине жас келип ериксиз зытылды. (Т. Қайыпбергенов) Ана қызын жигерлендириўди ойлады. (Т. Қайыпбергенов)

Как уже указывалось выше, структурный тип SVO имеет свои конституенты: V + O в английском языке и O + V в тюркских языках. Последние являются незавершенными структурами, однако их недостаточность определяется на основе структуры предложения, а на уровне словосочетания они образуют специальные модели. Глагол при этом имеет неличную форму, и эти незаконченные структуры употребляются при моделировании категориальных понятий. Например:

to ask someone to sing, to wash oneself, to kiss each other, to graduate from the institute, to fall in love, to take a prize, to take an offer, to bring to life, to breathe a word, to catch sight of something, to claw off the land, to have clean record, to clear the dishes, to clear an obstacle, to kick the door.

¹ Подлежащее и его модификаторы выделены полужирным шрифтом, дополнение подчеркнуто линейкой, а сказуемое и его модификаторы даны в разрядку.

В соответствии с порядком следования составляющих (V + O) в английском языке они называются глагольно-именными сочетаниями или конструкциями.

В тюркских языках наоборот — объект находится перед глаголом, и конструкции, образованные из сочетания имени и глагола (O + V), называются именно-глагольными.

узб.: директор қилиб тайинламоқ *назначить директором*, қўлёзмани босмага тайёрламоқ *готовить рукописи к печати*, овқат тайёрламоқ *приготовить пищу*, сўроқ сўрамоқ *допрашивать*, пул сўрамоқ *просить денег*, таассуф билдирмоқ *сожалеть*, таассуротларни ўртоқлашмоқ *делиться впечатлениями*, табассум қилмоқ (этмоқ, айламоқ) *улыбаться* [311];

кирг.: көңүл бер-(көңүл кой-) *проявлять заботу*, көңүлүн ач-порадовать, повеселить кого-л. ниет кош- *давать согласие на замужество*, от алдыр- *завести (мотор)*, салам бер- *приветствовать*, кабар салдыр- *велеть известить* [155];

туркм.: юмуш буюрмак *велеть сделать*, нахар буюрмак *заказать обед*, гашларыны гахарлы бурмек *сердито хмуриться*, керпич гоймак *класть кирпич*, нокат гоймак *ставить точку*, утанжаңдан гызармак *краснеть от стыда*, делегат эдип ибермек *посылать в качестве делегата*, деллек болуп ишлемек *работать парикмахером* [309];

каракалп.: мийнеттиң жаңа усылын ендир- *внедрять новые методы труда*, ерк бер- *давать право*, арқан ес- *вить веревку*, жағаға шық- *сойти на берег*, шапан жағала- *пришить к чапану воротник*, басыңнан өткен жагдайларды айт- *рассказывать о своих приключениях*, жаза тарт- *показать*, жаманлық қыл- *причинить зло* [150];

каз.: зиян ету *повредить*, бас игізу *подчинить*, қамыр илеу (нан илеу) *замесить тесто*, ізге тұсу *отыскивать по следу*, укім айту *объявить приговор*, қапқа салу *положить в мешок*, ұй салу *строить дом*, жұқпалы аурудан сақтану *остерегаться заразной болезни*, колхоз мүлкін сақтау *хранение колхозного добра*, сал ағызу *сплавлять лес*, жұмысқа берілу *увлечься работой* [42].

Единицы этого порядка находятся на уровне ниже предложения и являются частью трехчленной структуры SVO или SOV. Данный структурный тип служит источником для образования ряда категориальных форм.

Таким образом, категориальные понятия, или грамматические категории, в более широком смысле этого слова связаны с тем или иным структурным типом предложения. Одни категории выражаются трехчленными предложениями, другие — двучленными, а третьи — при помощи тех и других. На этом основании определяется диапазон распространения средств выражения типологических категорий.

При расширении глагола и глагольных сочетаний в сравниваемых языках имеется определенное расхождение. Так, например, в английском языке адвербиальные сочетания в основном следуют после глагола:

Dr. Henderson arrived on the site in the middle of the afternoon. He was a stout, elderly man, **dressed rather incongruously in dazzling white laboratory smock and very little else.** (Arthur C. Clarke)

В тюркских языках адвербиальные сочетания употребляются, как правило, перед глаголами, т. е. перед предикативными сочетаниями. В этих языках подлежащее и сказуемое находятся в начале и в конце предложения и создают своеобразную рамку, внутри которой находятся объектные и адвербиальные сочетания. Например:

кирг.: Андрей Павлович мага жакын келип учурашты. (Көрөгөч көз менен)

туркм.: Бу колхоз район меркезинден эсли дашлыкда ерлеш йәрди. (Сырныхың гызы)

каз.: Тулкі дәлме-дәл әлібек айтқандай Карауылшоқыға қарай суыт тартып келеді. (Т. Жақыпбайұлы)

каракалп.: Дүйсенбай бул сырпарын ҳеш ким менен ортақласпады. (Т. Қайыпбергенов) Турымбет болса, сонғы күнлери оның менен қатнасықты және сийреклетип баратыр. (Т. Қайыпбергенов)

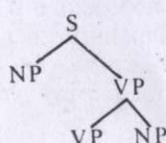
узб.: Ойқиз отини тўхтатди. У бўлажак поселканы кўз олдига келтириб, тўппа-тўғри кўчаларнинг икки томонида кўм-кўк боғларга кўмилган бир хилдаги оппоқ уйларни тасаввур қиларди. (Ш. Рашидов)

Трехчленные структуры в английском и тюркских языках изоморфны в глубинных структурах и алломорфны на поверхностных, ибо порядок следования компонентов варьируется. Например:

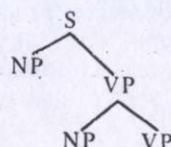
Английские предложения

Тюркские предложения

S → SVO

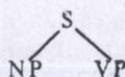
S → SOV

Двучленные структуры в этих языках в целом можно считать изоморфными, если не принимать во внимание отдельные расхождения. Двучленное предложение является общим, или изоморфным, с точки зрения глубинной и поверхностной структур.

Для этих языков характерен изоморфизм следующего структурного типа:

S → S+V

В глубине структурных моделей предложения SV и SVO лежат так называемые первичные типологические категории: субъектность, предикативность, объектность и атрибутивность. Эти категории определяют глубину указанных структурных типов в целом. На этой основе возникли идеи понятийных категорий в лингвистике. В результате расширения за счет своих атрибутивно-адвербиальных модификаторов и дистрибутивных возможностей, а также в зависимости от семантики составляющих предложений образуются другие категории, второстепенные по отношению к так называемым первичным типологическим категориям (субъектность, предикативность, объектность, атрибутивность). К второстепенным можно отнести типологические категории, реализуемые в пределах уровня предложений и их конститuentов. На этой основе выделяются следующие типологические категории: интранзитивность, транзитивность¹, повествовательность, вопросительность, императивность, модальность, неопределенность, определенность, отрицание, условность, указательность, темпоральность, аспектуальность и многие др.

ГЛАВА СЕДЬМАЯ

ТИПОЛОГИЧЕСКАЯ КАТЕГОРИЯ МНОЖЕСТВЕННОСТИ

ОПРЕДЕЛЕНИЕ КАТЕГОРИИ МНОЖЕСТВЕННОСТИ

Выбор категории множественности связан с наличием данного категориального понятия в сравниваемых языках. Плюральность, или множественность, является предметом изучения многих наук. В глубине всех этих наук лежит определенное общее понятие, разными являются подходы, принципы анализа и моделирования. В этом отношении прав был американский лингвист Л. Блумфилд, когда он писал: «Задача лингвистов будущего — сравнение категорий различных языков и выяснение того, какие из них представляют собой явления универсальные или по крайней мере широко распространенные» [50, с. 298].

В этом отношении категория множественности представляет не только общезыковедческий интерес, но и общенаучный интерес.

Типологическая категория множественности характеризуется взаимной оппозицией² единичности и множественности как по внутренней семантике, так и по внешним формальным признакам. Она образуется противопоставлением разноуровневых межъязыковых и межразрядных типологических форм множественности соответствующим формам единственного числа. Типологические формы единственного числа не имеют постоянных показателей. Однако в зависимости от уровневых особенностей выражаемых типологических форм форма

¹ В данной работе принимается оппозиция терминов интранзитивность (непереходность)—транзитивность (переходность) на той основе, что исходным структурным типом для интранзитивности является SV, а для транзитивности—SVO, который можно считать вторичным.

² Наравне с термином «оппозиция» в пособии используется термин «противопоставление».

единичности спорадически, т. е. непостоянно, может иметь специальные средства выражения.

Типологическая категория множественности — это межъязыковая категория. Она наличествует в системах всех сравниваемых в пособии языков: в английском, узбекском, казахском, киргизском, каракалпакском и туркменском языках.

Межуровневость данной категории объясняется тем, что множественность рассматривается на морфологическом, синтаксическом и лексическом уровнях иерархии языка.

Межразрядность множественности обусловлена участием единиц различных лексико-грамматических разрядов слов, т. е. она характерна для существительных, числительных, глаголов, местоимений и других разрядов слов.

ПРИНЦИПЫ ОППОЗИЦИИ МНОЖЕСТВЕННЫХ ФОРМ

Под оппозицией, или противопоставлением, понимается «различие двух (или более) однородных единиц языка, способное выполнять семиологическую функцию, т. е. быть семиологически релевантным» [22].

При определении оппозиции типологических форм учитывается маркированность типологических форм множественности. Под маркированностью понимается отмеченность при помощи специальных средств, наличие явного языкового выражения и т. д. [22].

На каждом уровне оппозиция типологических форм характеризуется наличием уровневых показателей.

Противопоставление на морфологическом уровне включает в себя формы существительных, глаголов, местоимений и т. д. Множественные формы слов, в свою очередь, могут быть одновременно связаны с другими категориальными понятиями: категорией лица, пассивности и т. д. Однако важным является наличие множественности в морфологических формах. Синтаксическая оппозиция единичности и множественности характеризуется противопоставлением синтаксических единиц, т. е. противопоставлением синтаксических конструкций, в которых маркированы формы множественности.

Оппозиция лексических единиц, выражающих типологическую категорию множественности, основывается на внутреннем содержании слова, выражаемом самим корнем слова. Сюда включается также оппозиция производных слов, которая зависит от плюральных значений или оттенков словообразовательных морфем.

При установлении находящихся между собой в оппозиции форм категории множественности необходимо учитывать межъязыковое и внутриязыковое варьирование аффиксов множественного числа как в межъязыковом, так и во внутриязыковом плане.

В межъязыковом аспекте категория множественности выражается межъязыковой морфемой множественности в английском и в сравниваемых тюркских языках. Некоторые лингвисты называют «диа-морфемой» [432] то, что мы называем межъязыковой морфемой. В английском языке морфема множественности имеет свои алломорфы

в зависимости от различных фонетических и нефонетических условий. Что касается морфемы множественного числа в сравниваемых тюркских языках, то в их системе общей аффиксальной морфемой служит {-лар}. В этих языках фонетическое варьирование выражается по-разному.

Многовариантность {-лар} связана с фонетическим варьированием согласного л и гласного а в различных тюркских языках. В тюркских языках эта морфема выражается несколькими фонетическими вариантами. Минимальный фонетический вариант один. Он принят в литературном узбекском языке. Как указывали Н.К. Дмитриев [119, с. 65—71], Ф. Г. Исхаков [149, с. 79—89], К. Дыйканов [121, с. 56—59; 122, с. 76], А. М. Щербак [350, с. 82—95] и другие, максимальный фонетический вариант имеется в якутском языке. В киргизском языке количество вариантов достигает 12, в казахском языке 6 и т. д.

Распространение вариантов аффикса {-лар}, или алломорфов морфемы множественного числа {-лар}, в сравниваемых тюркских языках можно представить следующим образом (языки располагаются в зависимости от увеличения алломорфных вариантов):

Число алломорфов	Языки				
	Узб.	Каракалп.	Туркм.	Каз.	Кирг.
1	-лар (уйлар)	-лар (адамлар)	-лар (чагалар)	-лар (балалар)	-лар (жайлар)
2	—	-лер (жерлер)	-лер (миллетлер)	-лер (терезелер)	-лер (кишилер)
3	—	—	—	—	-лор (тоолор)
4	—	—	—	—	-лөр (үйлөр)
5	—	—	—	-дар (колхоздар)	-дар (балдар)
6	—	—	—	-дер (жемдер)	-дер (кийимдер)
7	—	—	—	—	-дор (кояндор)
8	—	—	—	—	-дөр (көлдөр)
9	—	—	—	-тар (аттар)	-тар (аттар)
10	—	—	—	-тер (мектептер)	-тер (китептер)
11	—	—	—	—	-тор (жолдоштор)
12	—	—	—	—	-төр (койнектөр)

Как видно из таблицы, среди выбранных тюркских языков самым многовариантным оказался киргизский язык (12 алломорфов морфемы {-лар}). В узбекском языке имеется только один вариант, который прямо совпадает с морфемой множественного числа. Второе место после киргизского по количеству вариантов морфемы {-лар} занимает казахский язык, в котором зафиксировано шесть алломорфных вариантов морфемы множественности.

Приведем в качестве иллюстрации отрывки на киргизском языке, где ярко представлена многовариантность аффиксальной морфемы {-лар}.

Мунун көпчүлүгү кара жыгач болгону менен арасында: алма, өрүк, карагат, малина дагы башка мөмө берүүчү дарактар өтө көп.

Жогорураак жагында көчөт үчүн теректин бутактарын калемче кылып олтургузганына үч жыл болду. Шырыктай болуп көтөрүлүп, бүчүрлөрү көөп, жалбырактары чыга баштаган. 1-майга карата Чаек мектебинин жогорку класстарынын окуучулары ушул бакка экскурсияга барышты.

Алмалардын аралыгынын канча метрден тигилиши, мөмөлүү дарактардын өсүп чоңоюу шарттары жөнүндө кээ бир мугалимдер аңгеме өткөрүп жатышты.

Күн ысып, түш жакындап калды. Мугалимдер окуучуларды чоң сууга барып жуунуп, эс аллуга уруксат беришти. Өздөрү токойдун четиндеги кашаттын үстүндөгү көлөкөлүү түзөңчөдө олтурушту. Тил мугалими Абдый бир түрдүү себептер менен артта калган болучу. Ошол учурда ал карегер ат минип, мандайындагы көк жардын секисинен чыга түштү. Ылдамдай бастырып жардын кулагындагы кечүүгө кирди. Кечүү көмөскөдө эле. Көпкө чейин көрүнбөй калып, бир топтон кийин жээкке чыкты. Ошондон тартып, атын жөө жетелеп мугалимдердин жанына келди. Келсе, кийим-кечеси бүт суу болгон. Этек-жеңинен суу шорголойт. Олтурган мугалимдер тандана Абдыйды карап калышты.

Алардын ичинен Асыл озунуп:

— Ой, Абдый! Сага эмне болду? — деди.

— Сууну кечип келе жаттым эле. Нак жоон жерине.

Агарып таң атты. Күн шооласын чачты. Кечээги кабагын бүркөп кайгырган жан-жаныбарлар бүгүн жадырап жайнап тиричилигине кирип шаттанды. Шашке болуп күн көтөрүлдү. Кыштактын көчөлөрүнүн адамдары ары-бери өтүп жатты. Туш мезгили жакындап калган убакта бир канча адам чогулуп көчөдөгү скамейкаларда мандай-тескей сүйлөшүп олтурушту. Сөздүн көпчүлүгү өздөрүнүн башкармасы Калдар жөнүндө сүйлөндү.

Жумаалы: — Калдар ушул биздин Ленин атындагы колхоздо башкарманын председатели болуп беш жыл иштеди. Күнүгө эле төлгөчүлөр башың тогуз, аягың сегиз ачпай алым, ай, төгөрөк дешип, анын мандайында олтурушат. Түшчүлөр андан бетер кобурашат. Абдыкадыр, сен айтчы угалы, — дешти. (К. Каримбаев)

Сырдуу үңкүрлөр, жазуусу бар таштар, мың, жашка чыккан арча, кайың, кышында тоңбос булактар, көз жеткис бийик аскалар кездешет. (Көрөгөч көз менен)

Бөбөктөр чөң кичине дебей жыгач мылтыктарды ийиндерине көтөрүп алышып, колдоруна кызыл желек кармап катарга тизилип, тыкан кадам шилтешип параддан өтүшүптүр. (Көрөгөч көз менен)

Примеры на казахском языке:

Менің дүшпандарым — фашистер, бейбіт өмірдің шырқын бұзатын — бандиттер, ұрылар, кісіөлтүрүшүлөр. (К. Сауыркенов)

Ал қарсылық көрсетем дегендер олімші болып таяқ жейді. (К. Сауыркенов)

Екеуі жақын достардай, терезелері тең жандардай әңгіме шертті. (К. Сауыркенов)

В туркменском и каракалпакском языках морфема {-лар} представлена двумя противоположными алломорфами: {-лар} — {-лер}.

Туркм.: Диңе сарыгиден башатгычларыны еңленип гейип, гөвшуллән гыңачларыны маңлайларындан айлап алып, эгинлерини гысып, үмзүклерини өңе атып барян гелинлерини ики-екеси габагыны галдырып, олар серетди. (Р. Алланазаров)

Каракалп.: Топар-топар кыз-жигитлер аткөншекбетке баратырса жана бир топарлары қайтып, уўдыр, жуўдыр болып жур. (Т. Қайыпбергенов)

В межъязыковом плане между вариантами данного суффикса хорошо сохранилась материальная общность [149, с. 79—89].

Исключение составляет чувашский язык, в котором вместо тюркского {-лар} встречается {-сем}: утсем лошади, куянсем зайцы, хурсем гуси. Об истории происхождения данного аффикса существуют различные мнения. Однако, как пишет А. М. Щербак, происхождение {-сем} до сих пор остается неясным [350, с. 85].

В остальных тюркских языках материальная общность данного аффикса гармонирует с его функциональной близостью. Прав Н. К. Дмитриев, который считает, что: «морфологическое единство этого аффикса, как и других, является одной из типичных особенностей грамматической структуры тюркских языков вообще» [119, с. 65].

При установлении англо-тюркских и внутритюркских соответствий нет необходимости учитывать их внутриязыковые алломорфные свойства. В сравнительном плане английская морфема множественности имеет внутриязыковые алломорфы, а в сравниваемых тюркских языках алломорфность характеризуется как межъязыковая алломорфность. С точки зрения типовых признаков английский язык представляет отдельную систему, в то время как все сравниваемые нами тюркские языки являются представителями одной группы и одной системы. На этом основании сравнение данной категории является внутрисистемным сравнением. С учетом большого материального сходства в сравниваемых тюркских языках межъязыковые варианты морфемы

множественного числа можно считать межъязыковыми алломорфами. В таком случае в узбекском, казахском, киргизском, каракалпакском и туркменском языках для имен существительных, а также частично для других частей речи устанавливается морфема {-лар}.

Морфема множественного числа в английском языке моделируется Л. С. Бархударовым как {-S_n} [31а, с. 19]. Аналогичным образом морфеме множественности в тюркских языках можно было бы представить как {-лар_n}. Однако, учитывая то, что суффикс {-лар} не ограничивается только системой существительных, а употребляется и при образовании форм множественного числа отдельных местоимений и глаголов, данная морфема представляется как {-лар}.

МЕЖУРОВНЕВЫЕ СПОСОБЫ РЕАЛИЗАЦИИ И КОРРЕСПОНДЕНЦИИ ТИПОЛОГИЧЕСКОЙ КАТЕГОРИИ МНОЖЕСТВЕННОСТИ

Типологическая категория множественности выражается на различных уровнях иерархии языка. В зависимости от этого можно выделить: морфологические, лексические и синтаксические способы передачи этой типологической категории.

В разные годы языковеды обращали внимание на это явление, однако комплексного исследования по выявлению разноуровневых показателей категории множественности не проводилось. В системах сравниваемых тюркских языков этими вопросами занимались многие: о различных синонимичных средствах передачи числа в узбекском языке писал А. Фуломов [104]; о существовании трех способов передачи числа в казахском языке пишет А. Төлеуов [303, с. 22]. А. Ысқақов выделяет категорию множественности и считает, что категория множественности в языке передается тремя способами: морфологическим, лексическим и синтаксическим [365, с. 40]. Имеются диссертационные и другие исследования по категории числа во всех тюркских языках.. Однако, как мы говорили выше, обобщающих работ с учетом выявления различных межуровневых показателей множественности нет.

Итак, типологическая категория множественности строится на межуровневых средствах. На каждом уровне эти средства противопоставляются между собой по единичности и множественности. На морфологическом уровне противопоставляются формы единственного и множественного числа, на синтаксическом уровне — конструкции со значением единственного и множественного числа, а на лексическом уровне — со значением единственности—множественности.

МЕЖЪЯЗЫКОВЫЕ СООТВЕТСТВИЯ НА МОРФОЛОГИЧЕСКОМ УРОВНЕ

Морфологический способ выражения множественности является общим для каждого из сравниваемых языков. Он является основным способом, а аффиксальные морфемы множественного числа относятся к центральным единицам типологических средств выражения данного категориального понятия. Лексический и синтаксический способы организуются вокруг морфологического способа, если в языке имеется специальная морфема множественного числа. На морфологичес-

ком уровне типологическая категория множественности выражается в зависимости от характера каждого лексико-грамматического разряда слов.

Поскольку морфологический способ выражения множественности характеризуется межразрядностью, необходимо учитывать каждый разряд в отдельности. В связи с этим морфема множественного числа также окажется межразрядной. Например, у существительных множественное число образуется рядом алломорф, у местоимений имеются свои особые способы реализации множественного числа; существуют свои способы передачи множественного числа и у глаголов.

Межъязыковые соответствия множественности на морфологическом уровне осуществляются выбором соответствующих форм в различных языках на том же самом уровне, что свидетельствует о совпадении уровневых моделей выражения типологических форм.

Морфологический способ выражения множественного числа существительных

Во всех языках формы множественности больше связаны с существительными, и объясняется это семантической природой данного разряда слов.

Как было сказано выше, у существительных морфема множественного числа представлена рядом алломорф в системе каждого из сравниваемых языков. У существительных систему оппозиции единственного и множественного числа можно представить следующим образом: а) оппозиция немаркированных форм единственного числа и маркированных форм множественного числа, б) оппозиция маркированных форм единственного и маркированных форм множественного числа, в) оппозиция немаркированных форм единственного и немаркированных форм множественного числа.

При выявлении случаев реализации указанных типов оппозиции единственного и множественного числа можно исходить либо из принципов этического уровня, либо из принципов этического уровня. В данном пособии мы исходим из сравнительного описания систем языков на основе противопоставления этических единиц.

В английском языке грамматической морфемой множественного числа существительных является суффикс *-es*, который принято обозначать как $\{-S_n\}$. Суффикс *-es* противопоставляется морфеме единственного числа.

На данном уровне типологическая форма множественности совпадает с формой грамматической категории числа и поэтому возможна взаимозамена терминов «типологическая форма множественности» и «морфологическая форма множественного числа».

Оппозиция немаркированных форм единственного числа и маркированных форм множественного числа

Этот способ образования множественного числа составляет основу оппозиции форм единственного и множественного числа у имен существительных как в английском, так и в тюркских языках.

Немаркированность формы единственного числа характеризуется отсутствием специального показателя единичности. Форма единственного числа противопоставляется форме множественного числа как слабый член оппозиции. Данный тип множественного числа называется регулярным (*regular plural*). По словам Л. С. Бархударова, немаркированная форма единственного числа имеет нулевую алломорфу. По данному поводу Л. С. Бархударов пишет: «В то время как морфема множественного числа представлена нулевым алломорфом лишь в немногих словоформах (*sheep, deer, swine* и других), у морфемы единственного числа существительных, напротив, нулевым является именно основной алломорф: ср. такие алломорфы, как *boy, hand, cat, book, ox* и пр., в которых значение единственности выражено именно нулевым показателем» [31а, с. 20].

Почти все английские существительные, имеющие нулевой показатель единственного числа, являются незаимствованными, исконно английскими или ассимилированными, заимствованными словами.

Суффикс множественного числа $\{-(e)s\}$ служит показателем множественности у английских исчисляемых существительных (*countable nouns*). Общую модель этой оппозиции можно представить как:

$$N_{sing} - N_{pl}$$

В английском языке она реализуется следующим образом:

- 1) $N_0 - N + (e)s$
- 2) $N_0 - N + en$
- 3) $N_0 - N_{pl}$ (с изменением корневых гласных)².

Теперь рассмотрим каждый вариант общей модели.

1) $N_0 - N + (e)s$. Эта модель является основной моделью.

В английском языке суффикс $\{-(e)s\}$ имеет три типа произношения:

- а) произносится [s] после глухих согласных [p, t, k, f, θ];
- б) произносится [z] после звонких согласных [b, d, g, v, m, n, r, l, ʃ], а также после гласных звуков;
- в) произносится [ɪz] после звуков [s, z, ʃ, dʒ, tʃ].

(См. примеры в следующей таблице.)

¹ N — noun (*существительное*), 0 — нулевая морфема единственного числа.

² Сюда можно было включить отдельным пунктом существительные, у которых конечные согласные подвергаются графическим и звуковым изменениям перед аффиксальной морфемой: а) f, fe [f] → ve [v]: *loof — looves, yourself — yourselves, knife — knives*; б) [θ] → [ð]: *bath — baths, path — paths*; в) [s] → [ɪz]: *house — houses* [haus — haʊzɪz]; г) o → oes: *negro — negroes, manifesto — manifestoes*; д) y → ies: *lady — ladies, fly — flies*.

[s]	[z]	[ɪz]
assistant — assistants cup — cups cook — cooks chief — chiefs sack — sacks microscope — micro- scopes cake — cakes	yard — yards reptile — reptiles year — years son — sons lady — ladies piano — pianoes photo — photos	face — faces class — classes match — matches language — languages quizz — quizzes bush — bushes

2) $N_0 - N + en$. Данная модель мало распространена. Она охватывает всего несколько существительных:

ox — oxen
 brother — brethren
 child — children

3) $N_0 - N_{pl}$ (с изменением корневых гласных). Эта модель относится к фонеморфологическому способу образования множественного числа существительных, так как в древнеанглийском языке эти существительные подверглись перегласовке (умлауту). Таких существительных тоже мало.

[æ] → [e]	[u] → [ɪ]	$\begin{matrix} [u:] \\ [u] \end{matrix} \rightarrow [i:]$	[au] → [aɪ]
man — men	woman — women	foot — feet tooth — teeth goose — geese	mouse — mice louse — lice

Слова man и woman часто употребляются в качестве аффикса в словах типа sportsman, sportswoman, congressman и т.д. В таких случаях элемент -man (-men) (ед. и мн. число) произносится одинаково. Ср.: sportsman [ˈspɔ:tsmən] — sportsmen [ˈspɔ:tsmən]. Существительные foot, tooth, goose чаще употребляются в качестве первых компонентов сложных слов, поэтому при образовании множественного числа они остаются нейтральными, напр.: footstep — footsteps, footprint — footprints и т.д. Ср. также:

Davis was carefully chipping round one of the great footprints ... (Arthur C. Clarke)

“Well, it was probably a pretty clumsy effort, but you can never cover quite a bit of ground with a fifteen-foot stride.” (Ibid)

В тюркских языках оппозиция немаркированных форм единственного и маркированных форм множественного числа является основной, ибо, как пишет А. М. Щербак, «ни в одном из тюркских языков нет особой, материально выраженной формы единственного или двойственного числа» [350, с. 82]. В тюркских языках форма единственного числа выступает нейтрально по отношению к числу. При оппозиции

формы единственного числа маркированной форме множественного числа одновременно выявляется единственное число существительного.

Итак, при данной оппозиции форм единственного и множественного числа существительное в единственном числе имеет нулевой показатель единственного числа, а существительное во множественном числе морфему {-лар} и общая модель $N_{sing} - N_{pl}$ реализуется как $N_0 - N + лар$.

Внутри самих тюркских языков существуют различные фонетические варианты суффикса {-лар}, хотя во всех тюркских языках {-лар} сохраняется.

В выбранной группе тюркских языков 12 вариантов, или алломорфов, морфемы {-лар}. Однако степень распространения вариантов этой морфемы внутри систем тюркских языков разная. Это наглядно представлено в следующей таблице.

Морфема -лар	Алломорфы морфемы -лар	Языки				
		Кирг.	Каз.	Туркм.	Каракалп.	Узб.
-лар	-лар	+	+	+	+	+
	-лер	+	+	+	+	+
	-лор	+	-	-	-	-
	-лөр	+	-	-	-	-
	-дар	+	+	-	-	-
	-дер	+	+	-	-	-
	-дор	+	-	-	-	-
	-дөр	+	-	-	-	-
	-тар	+	+	-	-	-
	-тер	+	+	-	-	-
	-тор	+	-	-	-	-
	-төр	+	-	-	-	-

Образование множественного числа при помощи оппозиции немаркированных форм единственного и маркированных форм множественного числа является основным и общим типом как для английского, так и для сравниваемых тюркских языков. Типологическое сходство можно определить следующим образом: способ присоединения английской аффиксальной морфемы {-(e)s} и тюркского суффикса {-лар} является агглютинативным. На этой основе между системами сравниваемых языков происходит системное сближение при выражении конкретной категории множественного числа.

Наличие в английском языке суффикса {-en}, а также внутренней флексии относится к дифференцирующим признакам, однако их ограниченное распространение не может помешать процессу агглютинации.

Существует определенное расхождение в английском и тюркском языках при образовании форм множественного числа у сложных существительных.

В тюркских языках морфема множественного числа обычно присоединяется к концу слова. Ср.:

узб.: Эр-хотин тоғ шабадаси эсиб турган поёнсиз чўлда юрак тўла хис-туйғуларини тўйиб-тўйиб ҳикоя қилардилар. (Ш. Рашидов)

каракалп.: Аўыл араси киснескен атлы. Топар-топар қыз-жигитлер откөншекбетке баратырса, және бир топарлары қайтып, уўдыр-жуўдыр болып жур. (Т. Қайыпбергенов)

туркм.: Олар гидели бәри колхоз обасының ичи гугарып галан ялы болупды, чўнки олар обадакы гарры-гурта, аял-эбтатларың, гелин-гызларың, яш-юшларың беэмчисиди, аркалары-дөшўди. (Р. Алланазаров)

каз.: Зейнеп апасы кешке бір малын сойып, көрші-қоландарын шақирып, тілеу жасады. (Қ. Сауыркенов) Эредікте олардың кей-береулері шектен шыға қалжыңдай бастаса, оларды қолма-қол тежеп тастаудың да жөнін біледі. (Қ. Сауыркенов)

кирг.: Канча жерден жайылып, топтошкон эчки-текелерди көрсө да «мында жок, мында дагы жок турбайбы! ...» деп эле жүрүп олтурат. (Көрөгөч көз менен)

В английском языке формы множественного числа сложных существительных и словосочетаний образуются следующим образом:

а) суффикс множественности присоединяется к концу сложного слова: book-case—book-cases, round-about—round-about, forget-me-not—forget-me-nots;

б) суффикс присоединяется к первому компоненту сложных существительных: passer-by—passers-by, daughter-in-law—daughters-in-law;

в) у слов, образованных при помощи слов man, woman, изменяются формы этих слов, хотя они могут быть как первыми, так и вторыми компонентами: man-of-war—men-of-war, postman—postmen. Однако, когда man или woman употребляются как конститuentы словосочетаний, изменению подвергаются оба компонента: man doctor—men doctors; woman doctor—women doctors;

г) имена собственные образуют формы множественного числа: 1) морфологически, т.е. принимают суффикс определяемого {-(-e)s}, 2) изменяются формы модифицирующих слов. Напр.:

Mr. Pintner $\left\{ \begin{array}{l} \text{The Mr. Pintners} \\ \text{Messrs. Pintner [68, с. 15—25]} \end{array} \right.$

Таким образом, из четырех вариантов образования формы множественного числа сложных существительных в английском языке только один совпадает со способом образования множественного числа в тюркских языках. Это вариант, когда суффикс множественного числа присоединяется к концу сложных слов. Ср.: *англ.* footprints *следы*, footsteps *шаги*; *каз.* кітапханалар *книгохранилище*, библиотека и др.

Как указывалось выше, данный тип образования множественного числа относится к так называемому регулярному способу.

В английском языке имеются также существительные, которые

обычно употребляются в единственном числе, т.е. существительные, не имеющие оппозиции единственного и множественного числа. Однако и они могут употребляться во множественном числе.

Итак, у существительных в сравниваемых языках различаются два типа образования множественного числа: а) нейтральный тип образования множественного числа, б) семантически обусловленный тип образования множественного числа.

а) Нейтральный тип образования множественного числа не связан с дополнительными изменениями семантики существительных при образовании множественного числа. Напр.: *англ.* book — books, friend — friends, girl — girls, plane — planes; *узб.* студент — студентлар; *каз.* сатушы — сатушылар; *кирг.* завод — заводдор; *каракалп.* кой — койлар; *туркм.* баг — баглар, сөз — сөзлер и др.

б) Семантически обусловленный тип образования множественного числа связан с семантико-стилистическим изменением в значении слов при их употреблении во множественном числе. К этой группе относятся существительные с определенной семантической, формальной и функциональной характеристикой. В обычной парадигме существительных они, как правило, фигурируют в форме единственного числа, поэтому употребление этих существительных во множественном числе вызывает определенное изменение в их семантике. К этой группе существительных, например, относятся:

а) имена собственные, названия городов и другие географические названия, названия рек, единичные предметы (unique nouns): London, Washington, Moscow, Hemingway, the Thames, Shakespeare, Samarkand, Абай, Фархад, Асан, Памир, Иссык-Куль и др.;

б) неисчисляемые существительные типа:

англ.: cotton, rice, sugar, milk, fruit, water;

узб.: сув, мева, сүт, қанд, чой, олтин, пахта;

кирг.: суу, мийба, момо, сүт, кант, чай, алтын, пахта;

каз.: су, жеміс, сүт, қант, шай, алтын, мақта;

каракалп.: суу, мийуе, сүт, қанд, чай, алтын, пахта;

туркм.: сув, миве, сүйт, гант, чай, алтын, пахта.

При употреблении этих существительных происходят семантические изменения, которые можно отнести к изоморфизму сингулярно-плюральной трансформации в английском и тюркских языках.

Основные случаи семантических изменений такого рода достаточно подробно описаны в нормативных грамматиках сравниваемых тюркских языков [104; 173, с. 75—76; 121, с. 57—59; 365, с. 43—47; 218; 303].

Оппозиция маркированных форм единственного числа и маркированных форм множественного числа

Сюда относится группа ⁷ существительных, заимствованных из латинского и греческого языков, которые сохранили формы этих языков в единственном и множественном числе. У этих существительных формы единственного числа также маркированы, а при образовании множественного числа эти существительные приобретают показатели множественного числа. Например, в слове *datum—data*

противопоставляются грамматические аффиксы **-um—-a**. Таким же образом объясняются оппозиции **-a—-ae**, **-us—-i**, **-is—-es** и др.

В эту группу входит ограниченное количество существительных. (См. примеры в таблицах.)

-a — -ae [э → i:]	-us — -i [эс → ai]	-um — -a [эм → ә]
antenna — antennae fauna — faunae formula — formulae umbra — umbrae	alveus — alvei cactus — cacti bacillus — bacilli calculus — calculi	datum — data bacterium — bacteria dictum — dicta agendum — agenda
-ex, -ix, -yx, -fretex, -is, -sis — -es	-on — -a [ән → ә]	-ma — -mata [mä → mäta]
codex — codices appendix — appendices analysis — analyses	phenomenon — phenomena criterion — criteria	fibroma — fibromata stemma — stemmata

Некоторые существительные из данной группы имеют параллельные формы множественного числа: форму, сохранившуюся из заимствованного языка, и форму, образованную при помощи английской морфемы **-es**. Напр.:

memorandum—memoranda—memorandums
auditorium—auditoria—auditoriums
sanatorium—sanatoria—sanatoriums
formula—formulae—formulas и др.

В тех случаях, когда образуются параллельные формы множественного числа, механически снимается маркированность формы единственного числа, ибо в этих случаях показатели единственного числа сохраняются во множественном числе перед **-es**, напр.: **auditorium—auditoriums**, **formula—formulas** и т.д.

Таким образом, полная ассимиляция этих слов становится основой для оппозиции немаркированных форм единственного и маркированных форм множественного числа. Показатель единственного числа становится частью основы слова.

С точки зрения типологического сравнения данный тип оппозиции является сугубо английским явлением. В тюркских языках такого систематического функционирования парадигмы множественного числа заимствованных слов нет, если не учитывать отдельные слова, в неодинаковой мере сохранившиеся в сравниваемых тюркских языках.

Оппозиция немаркированных форм единственного числа и немаркированных форм множественного числа

Данный тип оппозиции также характерен для системы английского языка. К этому типу оппозиции относятся существительные, выс-

тупающие нейтрально по отношению к изменению форм. Их обычно называют существительными с нейтральным множественным числом (neutral plurals). Такие существительные связаны с лексической множественностью, которая характеризуется отсутствием внешних формальных признаков. У этих существительных формы единственного и множественного числа совпадают, хотя они могут употребляться с числительными и отвечать на вопрос *how many?* Это слова типа:

sheep — sheep	овца	grouse — grouse	куропатка
deer — deer	олень	pike — pike	щука
fish — fish	рыба	salmon — salmon	лосось
swine — swine	свинья	trout — trout	форель и др.
cod — cod	треска		

При употреблении с числительными такие существительные не меняют своей формы, напр.: *two million people, ten fish, fifty salmon*. Употребление этих слов в форме множественного числа связано с семантико-стилистическим изменением, т.е. употребление этих слов во множественном числе становится семантически обусловленным. Напр.: *sheeps породы овец, fishes виды рыб*.

Форма глаголов при таких существительных зависит от контекстуальной реализации подлежащего. Ср.: **One sheep was sold; Two sheep were sold.**

С формальной точки зрения сочетаемость количественных слов с существительными в этом типе множественного числа в английском языке совпадает со способом сочетания количественных слов с существительными в тюркских языках: и в английском, и в тюркских языках основной моделью служит **Q + N_s**. Ср.:

англ.: five sheep, four swine	кирг.: беш кой, төрт чочко (доуз)
узб.: беш(та) қўй, тўрт(та) чўчка (тўнғиз)	каракалп.: бес кой, төрт шошқа
каз.: бес кой, төрт шошқа	туркм.: бәш гоюн, дөрт доғуз

По данной модели образуется также синтаксическая множественность от неисчисляемых существительных, напр.: *much milk, little tea, some fruit, a lot of trouble* и т.д.

He paused rather diffidently, as if weighing his words with great care: "It would save you **a lot of trouble**, wouldn't it, if you could actually see what took place in the past, without having to infer it by these laborious and uncertain methods." (Arthur C. Clarke)

туркм.: — Бейдип хорланып йөрмесен болмаярмы?

— Сениң учин **хер хили сутеме** сезевар болсамам хорлук хасап этмен. (Р. Алланазаров)

Как видно из приведенных примеров, этот тип сочетания является общим для сравниваемых языков лишь с той разницей, что данный тип сочетания количественных слов в английском языке является одним из способов сочетания, а в тюркских языках—единственным типом сочетания. Об этом свидетельствуют следующие примеры,

указывающие на общность данной модели в тюркских языках как для исчисляемых, так и для неисчисляемых существительных.

туркм.: **Ики йигит** говача чигитли кагыз халталары сеялка-ның, новасына гуйярды. (Р. Алланазаров)

каз.: Үйде **екі кемпір** шай ішіп отыр екен. (Қ. Сауыркенов)

кирг.: Акыры жөжөлөрүн ээрчиткен бир өрдөктү көрүп, аны сүрөткө тартып алууга араң улгурдук. Эне өрдөк **жети жөжөсү** менен суу үстүндө көпкө сүзүп жүрдү. (Көрөгөч көз менен)

каракалп.: Тойдың, сейселеси **еки күнге** созылды. (Т. Қайыпбергенов) Соңғы келген **еки кемпир** эле отыр. (Т. Қайыпбергенов)

узб.: У, ўрик шохларига термилар экан, отасининг сўзларини эслади: «Бу ўрик **юз йил** гуллаб, **юз йил** мева қилади. Сен ҳам, арзанда ўғлим, ана шу ўрик сингари **юз йил** яша, мехнатинг ўрик сингари сермева бўлиб, элни бахраманд қилсин». (Ш. Рашидов)

Иногда в самих сравниваемых тюркских языках наблюдается расхождение при выявлении взаимоисключения и взаимовключения; например, в одних тюркских языках строго соблюдается принцип взаимоисключения количественных слов и морфемы множественного числа {-лар}, в других этот принцип может нарушаться. Это можно видеть в переводе одного предложения с киргизского языка на другие сравниваемые тюркские языки.

кирг.: Катты окуй электе эле анда эмнелер жазылганын мен күн мурун эле биле турганмын, анткени алардын баары **эгиз козудай** бирине бири окшош болучу. (Ч. Айтматов)

каракалп.: Хатта не жазылатуғынын мен күннен бурын-ақ билетуғын эдим. Себеби, олардың ҳәрқайсысы бир-бирине **егиз қозыдай** ұқсас болады. (Ч. Айтматов)

каз.: Хатта не жазылғанын мен кун бұрын білетінмін. Өйткені олардың бәрі бір-біріне **егиз қозыдай** ұқсас болушы еді. (Ш. Айтматов)

В узбекском переводе плеонастически употреблена двойная форма множественного числа, т. е. количественное слово «эгиз» *двойня, близнецы, двойняшки* и суффикс -лар. В узбекском языке происходит семантико-стилистическое изменение данной формы, т. е. образуется семантически обусловленное употребление формы множественного числа. Ср.:

узб.: Хатни ўқий бошлашим биланоқ унда нималар ёзилганини дарров билиб олардим. Чунки ҳамма хатлар **эгиз қўзилардай** бир-бирига ўхшарди. (Ч. Айтматов)

Сравним между собой: *кирг.* эгиз козудай; *каз.* егіз қозыдай; *каракалп.* егиз қозыдай; *узб.* эгиз қўзилардай.

В переводе на туркменский язык слово «эгиз» не переведено туркменским словом того же значения «экиз», вместо него употреблено слово «овлак», и в этой связи употреблена форма множественного числа «овлак-гузылар». Напр.:

туркм.: Энтека окамага башламанкам, Садыгың наме язындыгыны өңүнден билйәрдим. Өнуң хатлары, мейданда отлашып йөрен овлак-гузылар ялы бири-бирине меңзешди. (Ч. Айтматов)

Случаи плеонастического употребления двух показателей множественности в целях своеобразной стилистической орнаментальности часто встречаются в узбекском и туркменском языках. Ср. следующие примеры:

кирг.: Өстүрүп чоңойткан төрт уулду аскерге жөнөтүп жиберип, эки үйдүн ортосунда колго кармап калган жалгыз келиндин көзүн карашабы, бирок мен апама таң калган жерим бар. (Ч. Айтматов)

каз.: Өсіріп-өндіріп төрт ұлды әскерге жөнелтіп жіберіп, екі үйдің ортасында қолға ұстап қалған жалғыз келіннің көңлін сыйлама, білмеймін, мен апама таң қаламын. (Ш. Айтматов)

каракалп.: Бағып-жағып камалға келтирген төрт азаматты әскерликке жибергенге ме, ямаса еки үйдін ортасында қолға ушлап қалған жалғыз келиннің кеуилин қалдырғысы келмей ме билмеймен, мен апама таңланатуғын едим. (Ч. Айтматов)

туркм.: Дөрт огулларыны гошунчылыга уградып, олар ики ховлыныңам ялңыз гелини Жемиледен гөвүнлерине карар тапярдылар ве шонуң үчинем онуң дийсең гадрыны билйәрдилер. (Ч. Айтматов)

узб.: Улар вояга етган тўрт ўфилларини армияга жўнатиб икки хонадондаги яккаю-ягона келинини ранжитишмади. (Ч. Айтматов)

Одной из причин плеонастического употребления синонимичных показателей множественности в узбекском и туркменском языках может служить употребление формы множественного числа (*узб.* олар *они*, *туркм.* олар *они*).

Итак, в английском языке модель $Q+N_s$ является дополнительной моделью, а в тюркских языках данная модель является основной как для исчисляемых, так и для неисчисляемых существительных. Наличие данной модели в сравниваемых языках относится к межъязыковому изоморфизму.

Морфологический способ выражения множественности у других лексико-грамматических разрядов слов

Изменение формы при выражении множественности наблюдается у местоимений и глаголов. Каждый из этих лексико-грамматических разрядов имеет свои особенности и свою специфику образования оппозиции единственного и множественного числа.

Выражение множественности у местоимений

В сравниваемых языках для местоимений характерно наличие двух основных эксплицитных способов выражения множественности: 1) аффиксальный способ и 2) супплетивный способ. Некоторые местоимения

выражают множественное число лексическим способом без специальных показателей множественного числа.

Аффиксальный способ. В английском языке аффиксальный способ выражения множественного числа у местоимений совпадает со способом образования множественного числа существительных, а в тюркских языках эти формы совпадают частично. В английском языке суффиксом множественного числа у местоимений, также как и у существительных, является суффикс *-(e)s*. У тюркских местоимений суффикс *-лар* не является единственным суффиксом множественного числа.

Многофункциональность суффикса *-(e)s* в английском языке ограничивается системой местоимений. В тюркских языках, в отличие от английского языка, суффикс *-лар* выступает и в системе глагола.

Надо отметить, что суффикс *-(e)s* используется также в системе английского глагола, однако это омонимичный суффикс, имеющий в системе глагола противоположное значение: при помощи суффикса *-(e)s* образуется форма 3-го лица единственного числа, а его отсутствие связано с множественным числом. Например: *He writes—They write.*

Теперь рассмотрим оппозицию единственного и множественного числа у местоимений.

В английском языке при помощи суффикса *-(e)s* образуются формы множественного числа у возвратных местоимений и неопределенного местоимения *one*.

Возвратные местоимения:

<i>myself — ourselves</i>	<i>himself</i>	} <i>themselves</i>
<i>yourself — yourselves</i>	<i>herself</i>	
	<i>itself</i>	

Характерной особенностью оппозиции единственного и множественного числа возвратных местоимений является то, что, в отличие от личного местоимения 2-го лица *you*, второе лицо возвратного местоимения имеет уже установившуюся форму единственного числа, которая противопоставляется форме множественного числа 2-го лица. Ср.: *yourself — yourselves.*

Неопределенное местоимение *one* также имеет форму множественного числа: *one — ones*. Данное местоимение широко распространено в системе современного английского языка. Оно может выступать в роли слова-заместителя и замещать имена существительные как в единственном, так и во множественном числе. Напр.:

These tires are nearly through. Have the new ones come yet? (Arthur C. Clarke)

Кроме того, у местоимения *one* много других функций, поэтому при передаче данного местоимения необходимо учитывать его функциональные особенности.

В тюркских языках аффиксальный способ образования форм множественного числа местоимений хорошо развит. Однако существует сложность в разграничении распределения аффиксальных

форм множественного числа по разрядам местоимений. Сложность состоит в том, что внутри одного разряда местоимений используются и аффиксальный, и супплетивный способы. Например, у личных местоимений часть форм множественного числа образуется супплетивно, а часть — аффиксально, ср.: мен — биз (бизлар), у — улар, ол — олар и т.д.

Существуют также местоимения, при образовании множественного числа которых одновременно употребляются разные аффиксальные морфемы. Напр.: хамма — хаммамиз — хаммалари.

Таким образом, структура тюркских местоимений представляет определенную трудность при их внутрисистемной инвентаризации.

Супплетивный способ. В сравниваемых языках этот способ характерен для личных местоимений.

В английском языке оппозиция форм единственного и множественного числа у личных местоимений выглядит следующим образом:

I — we	he	}	— they
(thou) — you	she		
	it		

Следует напомнить, что второе лицо единственного числа в современном английском языке практически не употребляется, поэтому местоимение you употребляется универсально для второго лица единственного и множественного числа. Однако в отдельных поэтических, исторических и других текстах встречается форма thou ты.

Супплетивность при образовании множественного числа характерна и для притяжательных местоимений:

my — our	his	}	— their
(thy) — your	her		
	its		

Указанные выше формы притяжательных местоимений считаются зависимыми (conjoint forms). Они стали основой для образования некоторых других разрядов местоимений (возвратных и эмфатических).

Кроме этих форм, существуют еще так называемые самостоятельные, или номинальные, формы (absolute, nominal forms), которые одновременно принимают и суффикс -s в отдельных лицах:

mine — ours	his	}	— theirs
(thine) — yours	hers		
	its		

Как видно из данного противопоставления, суффикс -s наличествует и в третьем лице единственного числа — his, hers, its. Поскольку в данном пособии не ставится задача описания происхождения и этимологии местоименных форм в разносистемных сравниваемых языках, мы не будем останавливаться на причинах появления суффикса -s у этих местоимений.

В тюркских языках супплетивный способ образования имеет

место при образовании множественного числа личных местоимений. Ср.:

узб.: мен — биз, сен — сиз каракалп.: мен — биз, сен — сиз
каз.: мен — біз, сен — сіз туркм.: мен — биз, сен — сиз
кирг.: мен — биз, сен — сиз

Анализ структуры личных местоимений связан также с определением динамического развития и распространения форм личных местоимений. Данному вопросу посвящено большое количество литературы, где рассматривается история развития, степень распространения и частично причина варианты форм личных местоимений внутри тюркских языков [173, с. 172 — 174].

К парадигме личных местоимений в тюркских языках можно отнести и формы дублированного множественного числа, образованные от форм множественного числа типа: каз. біз—біздер (сен^{сіз}сендер), сіз—сіздер, в которых форма біздер дублирует регулярную форму біз, сіздер и сендер — форму сіз [218, с. 176; 310, с. 140 — 142]. Явление дублирования характерно также для киргизского, каракалпакского и других тюркских языков. Напр.:

каракалп.: мен — биз, бизлер
сен — сиз, сизлер, сенлер [34, с. 261 — 263].

Подобные дублированные формы имеются в киргизском и туркменском языках. Сюда же относятся узбекские формы биз—бизлар, сиз—сизлар *вы* и сиз—сенлар *вы*, которые, по мнению А. Н. Кононова, в отдельных случаях приобретают особое лексическое значение. Так, при фамильярном обращении на «ты» употребляется форма множественного числа сенлар *вы*, а форма сизлар *вы* употребляется при обращении ко многим лицам [173, с. 174]. Форма сиз *вы* употребляется одновременно как форма множественного числа (для многих лиц) и по отношению к одному лицу для выражения уважения. На этой основе, по-видимому, возникла форма сизлар *вы*, для того чтобы показать дополнительно почтительность и уважение. Такой дублированный вариант множественного числа возник и у некоторых глагольных форм.

Если исходить из взаимной оппозиции местоимений, то здесь же можно назвать ряд тюркских местоимений из различных разрядов. Напр.: каз. бул, бу *этот* — сол, со *тот*; каракалп. бул *этот* — ол *тот*; усы *этот самый* — сол *тот самый* и др. Однако этот вопрос одновременно связан с морфемной синхронной инвентаризацией внутрисистемных форм местоимений, что не входит в задачу исследований данной работы.

Супплетивный способ образования множественного числа характерен в английском языке и для указательных местоимений. Ср.:

this — these
that — those

В тюркских языках часть указательных местоимений образует формы множественного числа при помощи аффиксальной морфемы -лар, и по способу образования оппозиции единственного и множественного числа они совсем не совпадают с указательными местоимениями в английском языке.

Остальные местоимения в сравниваемых языках можно разделить на две группы: а) выступающие нейтрально по отношению к множественному числу, это местоимения типа *some: some book — some books; such a man — such men*; б) выражающие множественность лексически: *англ. all — каракалп. хэмме, барлык*, напр.: *англ. all agree — каракалп. хэмме мақуллайды; англ. both — каракалп. екеуи*; в) выражающие только единственное число: *англ. somebody, someone, something, anything, every, none, nobody, nothing, each* и т. д., которые не изучаются в разделе о множественном числе.

Множественное число у глаголов

В сравниваемых языках оформление множественного числа у глаголов осуществляется по-разному. Например, в тюркских языках существует развитая система форм множественного числа у глаголов, в то время как в английском языке этого нет. На этом основании в случае сравнения систем множественного числа глаголов метаязыком сравнения форм множественного числа может служить система тюркских глаголов.

Для систем сравниваемых языков можно установить следующие основные способы выражения множественности: а) аффиксальный способ, б) супплетивный способ, в) противопоставление маркированной формы единственного числа немаркированной форме множественного числа.

Аффиксальный способ. Аффиксальный способ выражения множественного числа характеризует систему глагола в тюркских языках. В сравниваемых тюркских языках оппозиция единственного и множественного числа глагольных форм имеет развитую систему¹.

Супплетивный способ. Образование форм множественного числа от различных корней характерно для английского глагола *to be быть*. У этого глагола формы единственного числа противопоставляются формам множественного числа как в настоящем, так и в прошедшем времени:

<i>Настоящее время</i>	<i>Прошедшее время</i>
<i>am — are</i>	<i>was — were</i>
<i>is — are</i>	

¹ Не считаем обязательным рассматривать здесь всю глагольную систему в сравниваемых тюркских языках. В случае необходимости студенты могут найти соответствующие формы в нормативных грамматиках этих языков.

МЕЖЪЯЗЫКОВЫЕ СООТВЕТСТВИЯ МНОЖЕСТВЕННОСТИ НА ЛЕКСИЧЕСКОМ УРОВНЕ. МАРКИРОВАННЫЕ И НЕМАРКИРОВАННЫЕ СЛОВА СО ЗНАЧЕНИЕМ МНОЖЕСТВЕННОСТИ

Теория форм множественного числа в языках является частью общей теории множеств, а лексическая множественность, в свою очередь, выступает как составляющая типологической категории множественности.

Лексическая множественность характеризуется отсутствием регулярных внешних показателей, прямо связанных с грамматической категорией множественного числа. Значение множественности выражается самой основой слова или иногда может дополнительно выражаться также словообразовательными аффиксами. Однако это не входит в основную функцию словообразовательных морфем.

Выявление межъязыковых лексических соответствий по типологическим категориям относится к малоизученным вопросам типологии. Полное освещение этой проблемы связано: 1) с внутриязыковой инвентаризацией лексической системы каждого конкретного языка в отдельности, 2) с выявлением внутрисистемных соответствий внутри самих тюркских языков, 3) с установлением общих параметров межсистемных соответствий между английским и тюркскими языками. Внутрисистемная инвентаризация лексической системы на основе конкретных типологических категорий может осуществляться либо с учетом их исторического развития, либо исходя из современного состояния.

В межъязыковом плане историко-динамическое развитие больше интересует динамическую генетическую типологию, в то время как изучением современного состояния занимается статическая типология как в плане генетической, так и в плане сравнительной типологии.

По характеру происхождения лексические единицы можно классифицировать следующим образом: 1) общие слова, существующие во всех сравниваемых языках, 2) слова, характеризующие системы только тюркских языков, 3) лексические единицы, имеющиеся в системе каждого конкретного языка. К первой группе слов в тюркских языках относятся слова, в основном, заимствованные через русский язык. К ним относятся: «армия» (army), «жюри» (jury), «коллекция» (collection), «бригада» (brigade) и др.

Лексические единицы, выражающие множественность, можно классифицировать: 1) по структуре; 2) по отношению к различным лексико-грамматическим разрядам слов; 3) по семантике.

По структуре слова, имеющие значения множественного числа, могут быть: простыми, производными, сложными и сложно-производными. По морфемному составу их можно рассматривать как: корневые морфемы, выражающие множественность, и аффиксальные морфемы со значением множественности.

По их отношению к различным лексико-грамматическим разрядам слов слова со значением множественного числа классифицируются следующим образом: существительные, числительные, местоимения, прилагательные, гла-

голы, наречия, предлоги, союзы и др. Все эти разряды слов имеют определенное отношение к множественности, т. е. каждый разряд выражает множественность на основе своей лексико-семантической и функциональной возможности. Например, существительное, в основном, выражает множественность предмета, глагол — своеобразную множественность процесса, характеризующую предмет, числительное — количество предмета и т. д.

Семантическая классификация представлена определенными подклассами форм множественного числа внутри самой категории множественности. Здесь можно различать: а) значение каждого лексико-грамматического разряда слов в отдельности, б) такие семантические признаки, как число или количество предметов, собирательность, нумерация, счет, парность, удвоение, умножение, повторение и многие другие, служащие основой для семантических словарей, тезаурусов и т. д.

В целом, лексические единицы выражают множественность неотчетливо. Однако некоторые слова могут иметь в своем составе единицы, более явно связанные с множественностью. Ими могут быть либо самостоятельные слова, выступающие в качестве первого или второго компонента сложных слов, либо словообразовательные морфемы (префиксы, суффиксы). На этой основе можно разделить слова на две группы: а) немаркированные слова со значением множественности, б) маркированные слова со значением множественности.

Немаркированные слова со значением множественности

Немаркированные слова — это те лексические единицы, у которых множественность выражается без специальных количественных показателей. По своей структуре эти слова могут быть: простыми, производными и сложными. Они относятся к различным лексико-грамматическим разрядам слов. Более явными из них являются числительные, которые прямо связаны с категорией множественности.

Остальные разряды слов передают множественность выборочно, т. е. в каждом разряде слов имеется определенная группа слов, связанная по своей семантике со значением множественности. С этой точки зрения лексические единицы, выражающие множественность, целесообразно делить на две группы: а) числительные, б) другие разряды слов.

Числительные

Числительные обозначают отвлеченное число, которое лежит в основе категории множественности в качестве ее основной составляющей.

А. Н. Кононов дает следующее определение числительного: «Имя числительное — часть речи, обозначающая название отвлеченного числа (два + два = четыре), количество предметов (два стола), порядок предметов по счету (второй стол), — в узбекском языке делится на следующие разряды...» [173, с. 166].

В сравниваемых языках числительные характеризуются рядом структурных, семантических и функциональных свойств, на основе

которых устанавливаются межсистемное расхождение и схождение. Английские и тюркские числительные гетерогенны между собой. Внутри тюркских языков числительные в целом сохранили свои генетические связи на всех уровнях иерархии языка, т. е. фонетические, морфологические и синтаксические связи. У тюркских числительных сохранились и функциональные и семантические сходства, что дает основание изучать их, исходя из общего фоно-морфо-семантического поля лексической основы [261, с. 3]. Однако сказанное не гарантирует наличия абсолютного изоморфизма во всех отношениях. Будучи самостоятельным национальным языком, каждый из сравниваемых тюркских языков располагает специфическими дифференцирующими признаками.

Теперь рассмотрим сопоставительную таблицу английских и тюркских количественных числительных.

Сопоставительная таблица числительных сравниваемых языков

	Английский язык	Тюркские языки				
		узб.	каз.	кирг.	каракалп.	туркм.
2	two	икки	екі	эки	еки	ики
3	three	уч	үш	үч	үш	үч
4	four	тўрт	төрт	төрт	төрт	дөрт
5	five	беш	бес	беш	беш	беш
6	six	олти	алты	алты	алты	алты
7	seven	етти	жеті	жети	жети	еди
8	eight	саккиз	сегіз	сегиз	сегиз	секиз
9	nine	тўққиз	тоғыз	тогуз	тоғыз	докуз
10	ten	ўн	он	он	он	он
11	eleven	ўн бир	он бір	он бир	он бир	он бир
12	twelve	ўн икки	он екі	он эки	он еки	он ики
13	thirteen	ўн уч	он үш	он үч	он уш	он үч
14	fourteen	ўн тўрт	он төрт	он төрт	он төрт	он дөрт
15	fifteen	ўн беш	он бес	он беш	он бес	он баш
16	sixteen	ўн олти	он алты	он алты	он алты	он алты
17	seventeen	ўн етти	он жеті	он жети	он жети	он еди
18	eighteen	ўн саккиз	он сегіз	он сегиз	он сегиз	он секиз
19	nineteen	ўн тўққиз	он тоғыз	он тогуз	он тоғыз	он докуз
20	twenty	йигирма	жырма	жыйырма	жигирма	йигрими
30	thirty	ўттиз	отыз	отуз	отыз	отуз
40	forty	қирқ	қырқ	кырк	қырқ	кырк
50	fifty	эллик	елу	элүү	елли	элли
60	sixty	олтмиш	алпыс	алтымыш	алпыс	алтмыш
70	seventy	етмиш	жетпіс	жетимиш	жетпис	етмиш
80	eighty	саксон	сексен	сексен	сексен	сегсен
90	ninety	тўқсон	тоқсан	токсон	тоқсан	тогсан
100	hundred	юз	жүз	жүз	жүз	йүз
500	five hundred	беш юз	бес жүз	беш жүз	бес жүз	баш йүз
1000	thousand	минг	мың	миң	мың	мүң
100,000	one hundred thousand	юз минг	жүз мың	жүз миң	жүз мың	йүз мүң
1000,000	million	миллион	миллион	миллион	миллион	миллион ¹
1000,000,000	milliard, billion	миллиард	миллиард	миллиард	миллиард	миллиард

¹ Приведенные в таблице слова «миллион» и «миллиард» обычно рассматриваются как существительные [80, с. 293].

Следует отметить, что числительные рассматриваются здесь как часть слов со значением множественности, которые участвуют в выражении категории множественности.

В разных тюркских языках разряды числительных с семантико-морфологической точки зрения классифицируются неодинаково [224, с. 83]. Кроме того, в узбекском языке существует особая группа числительных, образуемых аффиксальной морфемой *-та*, которые не характерны для систем других сравниваемых тюркских языков.

В современном узбекском языке выделяют семь разрядов числительных.

А. Н. Кононов выделяет следующие разряды числительных: 1) количественные числительные, 2) штучные числительные, 3) порядковые числительные, 4) разделительные числительные, 5) дробные числительные, 6) собирательные числительные, 7) неопределенно-количественные числительные [173, с. 166—172]. Вслед за А. Н. Кононовым С. Низамитдинова относит к разрядам числительных следующие семь групп: *санок сон*, *тартиб сон*, *жамловчи сон*, *чама сон*, *доналик сон*, *таксим сон*, *каср сон* [221, с. 12—53].

Следует указать, что не во всех грамматиках узбекского языка соблюдается традиционное деление числительных на семь групп. В последней грамматике узбекского языка, изданной Академией наук УзССР, различаются только пять разрядов числительных [313, с. 307—331].

Сочетательная способность штучных числительных в узбекском языке более подробно описана в монографическом исследовании С. Низамитдиновой [221, с. 32—41].

Штучные числительные не характерны для казахского, киргизского, каракалпакского и туркменского языков.

В современном казахском языке различают шесть групп числительных, которые по-разному соотносятся с категорией множественности. К этим семантико-морфологическим группам относятся: *есептік сан есімдер*, *реттік сан есімдер*, *жинақтық сан есімдер*, *топтық сан есімдер*, *бөлшектік сан есімдер*, *болжолдық сан есімдер* [365, с. 200—216].

В киргизском и каракалпакском языках также выделяют шесть разрядов числительных.

В киргизском языке С. Кудайбергенов, Н. О. Чечейбаева и др. выделяют следующие разряды числительных: *эсептик сан*, *иреттик сан*, *жандама сан*, *чамалама сан*, *бөлчөк сан*, *топ сан* [179, с. 40—64; 337, с. 11—77].

В каракалпакском языке числительные классифицируются следующим образом: *санақ санлар*, *қатарлық санлар*, *жыйнақлау санлары*, *топлау санлары*, *шамалық санлар*, *бөлшек санлар* [34, с. 225—235; 43, с. 28—59].

По количеству разряды числительных в казахском, киргизском и каракалпакском языках совпадают.

В туркменском языке числительные функционируют аналогичным образом, они делятся на пять групп: *мукдар санлары*, *тертип санлар*, *дробь санлар*, *такмын санлар*, *топар санлар* [231].

Следует указать, что все разряды числительных имеют отношение к типологической категории множественности. Однако для порядко-

вых числительных главным является обозначение места или порядка следования предмета в серии.

Таким образом, в тюркских языках числительные по своей семантике, морфологической форме, синтаксической сочетаемости и функционированию совпадают, и они в одинаковой степени участвуют при выражении категории множественности в качестве одной из составляющих типологических форм.

Как было указано выше, внутри самих тюркских языков имеются определенные расхождения фонетического и морфологического характера. Однако, будучи близкими по системе, эти языки хорошо сохранили генетическое сходство, характеризуемое как глубинно-поверхностное тождество. При сопоставлении числительных сравниваемых тюркских языков с английскими числительными наблюдается материальная гетерогенность английско-тюркской лексики. Это можно видеть в приведенной сопоставительной таблице числительных (см. с. 213).

Проблема нумеративных слов. Особое место в системах языков, в том числе и тюркских, занимают слова, указывающие на количество. Эти слова обычно называют нумеративными, или пояснительными [120, с. 92; 172, с. 75; 173, с. 167], счетными, или нумеративными, словами [34, с. 228] и т. д.

По утверждению Н. А. Баскакова, к ним относятся слова, выражающие «меры длины, веса, объема, а также слова, обозначающие счет отдельными штуками, персонами и пр. или счет группами» и т. д. [34, с. 228].

Действительно, семантические единицы, выражающие меры длины, объема, веса и др., обладают определенной общностью и служат своеобразным метаязыком при выявлении межъязыковых поверхностных средств в различных языках. Формы выражения этих семантических групп могут совпадать и не совпадать в зависимости от родства языков. Однако в сравниваемых языках эти единицы обязательно находят свое выражение. С точки зрения типологической общности внешних и внутренних совпадений и расхождений они подразделяются на: а) общие нумеративные слова для английского и тюркских языков, совпадающие по форме выражения типа «километр», «гектар»; б) слова, характеризующие тюркскую общность («штука» — *узб.* дона, *кирг.* даана, *туркм.* дәне, *каз.* дана, *каракалп.* дана); в) слова, характерные для каждого из сравниваемых языков в отдельности. Последние обуславливают расхождения в системах родственных языков, накопление которых постепенно меняет картину лексического состава. Для иллюстрации сказанного выше приведем список отдельных нумеративных слов без сравнения и без семантической дифференциации в каждом из сравниваемых тюркских языков в отдельности. При выборке слов использованы грамматические, а также специальные монографические исследования. Следующие примеры охватывают все типы нумеративных слов.

туркм.: килограмм, грамм, тонна, метр, сантиметр, танап, пут, гадак, жүпт, тонтак, тон, сүри, баш, топ, гошавуч, овуч, үбтүк,

дәне, гысым, санач, тай, дабан, тикеч, дүвүнчек, гант, набат, өрүм (сач), күлтем (йүп), тагма (кагыз), дилим, пенже, дишлем, бөлек, араба, дүе, дүе йүки, халта, чувал, эшек, дессе, дөвүм, атым, гөч, салкын, сере, гысым, чүммүк, мервер, мүче, алчын, сере, гарыш, мензил, хада, гез, әдим, гулач, гултум, дамдык, сажын, түммек, мысгал, бармак, бөлек, дызбойы, адам бойы, гол бойы, дөрт бармак и др. [231, с. 228 и др.].

каракалп.: метр, километр, дециметр, сантиметр, гез, аршын, аунак, пуд, батпан, сийсери, сери, қадак, шерекаҒары, мысқал, танап, гектар, сотых, саат, күн, хәпте, ай, тыл, секунд, минут, сутка, кулаш, сүйем, қарыс, ели, адым, шақырым, топ, топар, бөлек, өрис, пада, үйир, салым, қысым, орам, дәсте, уртлам, тислем, асым, тартым и др. [34, с. 228; 43, с. 24—25].

кирг.: даана, баш, түп, нусха, түтүн, тал, короо, кадак, килограмм, батман, миллиграмм, грамм, пуд, центнер, тонна, литр, тамчы, жутум, татым, ууртам, тутам, сындырым, ууч, байлам, чымчым, кесим, тартым, түркүм, кучак, тангақ, канат, тилим, мүнөт, секунд, саат, метр, сантиметр, миллиметр, дециметр, чакырым, саржан, эли, сөөм, карыш, укум, кадам, аттам, кулач, кез, танап, теше, такта, сотых, квадрат дециметр, квадрат метр, квадрат километр, гектометр, куб дециметр, куб сантиметр, куб метр, колтук, чеңел, чаңгач и др. [337, с. 72—75].

каз.: центнер, килограмм, тонна, батпан, гектар, кубометр, адым, қарыс, кез, метр, шақырым, ат шаптырым, қозы көш(жер), ет асым, қас қаққанша, қас пен көздің арасында, әу дегенше [365, с. 201—202; 303; 304].

узб.: бош, нафар, дона, нафас, тилим, түп, томчи, сих, парча, варақ, сиқим, бўлак, гурух, тұда, шайка, нусха, саҳифа, бет, оҒиз, луқма, чимдим, қултум, ютум, хўплам, қатра, нима, тұҒрам, пой, шингил, гала, даста, боҒ, боҒлам, кучок, шода, группа, ҳовуч, жуфт, пар(а), грамм, килограмм, метр, пуд, центнер, тонна, литр, пиёла, қошиқ, коса, чойнак, қоп, қути, чамодон, жұра, кийим, кийимлик, арава, машина, туя, қават, ўрим, тандир, тоҒора, сантиметр, километр, газ, таноб, тош, қулоч ёш, яшар, аср, йил, ой, ҳафта, сутка, кун, көча, кундуз, соат, дақиқа, минут, секунд, сўм, танга, чака, тилла, марта, мартаба, карра, бор, ҳисса, қатла, дафъа и др. [221, с. 32—41; 173, с. 167; 313, с. 313—324].

Особый интерес представляют эти слова в современном узбекском языке, так как наличие аффиксальной морфемы нейтрализует некоторые из этих слов, т. е. происходит взаимоисключение разноуровневых маркеров.

Действительно, слова типа бош голова (при счете животных); нафар человек, персона, душа; дона штука; нусха экземпляр; нафас момент, миг; тилим кусок, ломоть; туп куст (при счете растений); томчи капля; сих вертел, шампур; парча кусок, кусочек; варақ лист; сиқим горсть, горстка, горсточка; бўлак кусок; түп группа, куча, толпа, стая; гурух группа, куча; тұда куча, грудa, шайка, кучка, стая и др. выступают только как поясняющие единицы.

Некоторые из них могут считаться разноуровневыми синонимами аффиксальной морфемы -та. Напр.: ўнта қалам → ўн дона қалам *десять (штуk) карандашей*, ўттизта эркак → ўттиз нафар (эркак) *тридцать мужчин* и т. д.

Итак, в узбекском языке эти единицы выступают синонимично с аффиксальной морфемой, а в других тюркских языках эти слова считаются единственными показателями нумеративности, связанными с числительными, хотя они принадлежат к другим разрядам слов. В этом отношении узбекский язык противопоставляется не только английскому языку, но и другим тюркским языкам, в которых используются нумеративные слова, так как в их системах нет специальной аффиксальной морфемы, служащей синонимом нумеративных слов.

Другие лексико-грамматические разряды слов, выражающих множественность

Данная группа объединяет большое число слов, семантика которых связана с понятием множественности. Эти слова относятся к различным лексико-грамматическим разрядам.

Существительные

В современном английском языке существительные со значением множественности делятся на две группы: 1) существительные, имеющие только форму множественного числа (*Pluralia tantum*), 2) нейтральные существительные.

1) **Существительные, имеющие только форму множественного числа.** Это малочисленная группа существительных с семантически ограниченным кругом значений. Эти существительные обозначают парность, собирательность и т. д. Они не имеют прямых аналогов в тюркских языках, что видно из перевода некоторых из них на тюркские языки.

Английский язык	Тюркские языки				
	узб.	каз.	кирг.	каракалп.	туркм.
scissors <i>ножницы</i>	қайчи	қайшы	кайчы	қайшы, дукарт	гайчы
spectacles, glasses <i>очки</i>	кўзойнак	көзілдірік	көз айнек	көз айнек, козлик	эйнек
clothes <i>одежда</i>	устбош	киім	кийим	киим, уст-бас	гейим
trousers <i>брюки</i>	шим	брюки, шалбар	шым	шалбар	жалбар
pyjamas <i>пижама</i>	пижама	пижама	пижама	пижама	пижама
scales <i>весы</i>	торози	таразы	тараза	тарези	терези
entrails <i>внутренности,</i> <i>кишки</i>	ичак	ішек	ичеги	ишек	ичеге
pincers <i>клещи,</i> <i>щипцы</i>	омбур	тістеуік, қысқаш	аттиш, кыпчыгыч	қысқыш	атагзы, гысач

В тюркских языках также встречаются случаи употребления отдельных существительных с суффиксом -лар. По характеру эти существительные можно разделить на группы, основными из которых являются: а) редуцированные слова: *узб.* ёр-биродарлар, ёр-дўстлар; *каз.* досжар; *каракалп.* достиян *друзья, приятели*; б) научные термины, заимствованные через переводные тексты: *узб.* изотоплар *изотопы*, изочизиқлар *изолинии*, бўғиноёқлилар *членистоногие*, айқисмонлар *медведевые*, иккипаллалилар *двудольные*; *каз.* изотермалар *изотермы*, изотоптар *изотопы*; *кирг.* изотоптор и др.

2) **Нейтральные существительные.** К этой группе слов относятся многочисленные нейтральные существительные, не имеющие формальной обусловленности. Они не обусловлены ограниченным кругом семантических признаков. В сравниваемых языках эти слова объединяются под общей глубиной «множественность». Они обозначают понятия, принадлежащие к самым разнообразным семантическим группам.

На основе совпадения или несовпадения форм нейтральные существительные можно разделить на две группы: а) заимствованная лексика, совпадающая и по форме, и по значению, б) гетерогенная лексика, не имеющая формальных совпадений.

а) Заимствованная лексика имеет одинаковую форму как в английском, так и в тюркских языках. Существительные этой группы проникли в тюркские языки главным образом через русский язык; об этом свидетельствуют и правописание, и произношение этих слов. Напр.: *англ.* series — *русск.* серия — *узб., каз., кирг., каракалп., туркм.* серия; *англ.* association — *русск.* ассоциация — *узб., каз., кирг., каракалп., туркм.* ассоциация и т. д.

Рассмотрим примеры англо-тюркских соответствий заимствованных существительных.

Английский язык		Тюркские языки				
		узб.	каз.	кирг.	каракалп.	туркм.
army	<i>армия</i>	армия	армия	армия	армия	армия
legion	<i>легион</i>	легион	легион	легион	легион	легион
association	<i>ассоциация</i>	ассоциация	ассоциация	ассоциация	ассоциация	ассоциация
trio	<i>трио</i>	трио	трио	трио	трио	трио
quartet	<i>квартет</i>	квартет	квартет	квартет	квартет	квартет
decade	<i>декада</i>	декада	декада	декада	декада	декада
jury	<i>жюри</i>	жюри	жюри	жюри	жюри	жюри
police	<i>полиция</i>	полиция	полиция	полиция	полиция	полиция
catalogue	<i>каталог</i>	каталог	каталог	каталог	каталог	каталог
calendar	<i>календарь</i>	календарь	календарь	календарь	календарь	календарь
menu	<i>меню</i>	меню	меню	меню	меню	меню
series	<i>серия</i>	серия	серия	серия	серия	серия
register	<i>реестр</i>	реестр	реестр	реестр	реестр	реестр

б) Гетерогенная лексика характеризуется отсутствием формального сходства. Существительные данной группы объединяются на основе семантической близости, которая служит своеобразным метаязыком сравнения. Эта группа формально гетерогенных слов довольно многочисленна, однако в отношении этих слов пока нет единого мнения как в английском, так и в тюркских языках.

Формальная гетерогенность относится только к англо-тюркскому соответствию, а в тюркских языках такие существительные могут совпадать и формально.

В таблице (см. с. 220) приводятся образцы соответствия англо-тюркских слов данной группы. При этом эквивалентные слова сокращены до минимума. В действительности каждое из соответствующих слов не является одним из составляющих данного семантического поля, т. е. английскому слову *people* в тюркских языках соответствуют слова «халқ», «халк», «халык», «калк» и др., которые не ограничивают этот список.

Прилагательные

В сравниваемых языках прилагательные относятся к лексико-грамматическим разрядам слов, у которых число зависит от числа существительных, с которыми они сочетаются. Однако, в отличие от русского языка, прилагательные в сравниваемых языках формально не согласуются с существительными. В этом отношении современный английский язык отличается даже и от древнеанглийского языка и сближается с такими агглютинативными языками, как тюркские. Несмотря на отсутствие формальных грамматических средств-прилагательные могут выражать множественность явно. Напр.: *complementary* *добавочный*, *divisible* *делимый*, *countable* *исчисляемый*-*computable*, *numerable*, *calculable* *исчислимый*, *поддающийся* *исчислению*, *inventorial* *инвентарный*, *twin* *двойной*, *scant*, *scanty* *скудный*, *редкий*, *thin*, *rare* *редкий*, *негустой*, *various* *различный*, *thick* *изобилующий*, *numerosus* *бесчисленный*, *multiplied* *умноженный*, *размноженный*, *peopled*, *crowded* *заполненный народом*, *переполненный*, *битком набитый*, *endless* *бесконечный*, *limitless* *безграничный*, *boundless* *безграничный*, *dual* *двойственный*, *двойной*, *cloven* *раздвоенный*, *cleft* *расщепленный*, *dichotomous* *делящийся на два*, *дихотомический*, *coupled (with)* *соединенный*, *сопряженный* и др.

В сравниваемых тюркских языках множественное число у прилагательных может выражаться аналогичным образом.

узб.: *кўп* *много*, *оз* *мало*, *кўшимча* *добавочный*, *беҳисоб* *бессчетный*, *бесчисленный*, *неисчислимый*, *безграничный*, *кўш* *двойной*, *қалин* *густой*, *сийрак* *редкий*, *ҳархил* *различный*, *турли*, *турли-туман* *различный*, *мўл* *обильный*, *изобильный*, *чексиз* *бесконечный*, *кўпайган*, *кўпайтирилган* *умноженный*, *бўлинг*, *парчаланган* *расщепленный*, *кўшма* *совместный*.

каз.: *эртүрлі* *различный*, *қою* *густой*, *қалың* *густой*, *тығыз* *густонаселенный*, *шексіз*, *таусылмайтын* *бесконечный*, *сансыз* *бесчислен-*

Английский язык		Тюркские языки				
		узб.	каз.	кирг.	каракалп.	туркм.
people	народ	халқ	халық	калк	халқ	халк
majority	большинство	кўпчилик	көпшілік	көпчүлүк	көпчилик	көпүси
multitude	множество	кўп, кўпчилик	көптеген	көп, толуп жаткан	көп, көпчилик	көп, өран көп
total	итог	жам, жамики	жыйыны, жыйнак	жыйынтык	жиынды	жем
tally	счет, серия	хисоб, серия, хисоблов	есеп, серия	счет, эсептөө, саноо	серия, счет, есаптау, санау	серия, счет, хасап, сан
twin	двойня, близнецы	эгизак	егіз	эгиздер	егиз	экизлер
adjunct	приложение	илова, кўшимча	қосымша	кошумча, тиркеме	қосыу, тиркеу	гошмача, уланма, гойма
partnership	товарищество, компания	шерик, шериклик	жолдостык, серіктік	жолдоштук, шериктик	жолдаслык, сериклик	шерекет, ёлдашлык
multiplicand	множимое	кўпаювчи	көбейгіш, көбейтілген (сан)	көбөйтүүчү	көбөйтулуши	көпелдилён сан, гөтерилейён сан
multiplier	множитель	кўпайтувчи	көбөйткіш	көбөйтүүчи	көбөйтуши	көпелджи
decimal	десятичная дробь	ўнли каср	ондық бөлшек	ондук болчөктөр	онлык бөлшек	онлук дробь
summation	суммирование, совокупность	жамлаш, умумий	суммалау, жыйнақтау	суммалөө	суммалау	жемлеме
measurement	система мер, замер	ўлчап, ўлчагич	өлшеу	өлчөө, ченөө, ченеп чыгуу	олшеву, олшеуиш	өлчег, өлчеме
muster	сбор (для проверки)	ййғиш	жыйнау, жыю	жыйноо, чогултуу	жинау	жыгнамаклык
computation	подсчет, расчет	хисоб, хисоблаш	есеп, есептеу	эсептөө	есаплау	хасаплама, санама
addition	добавление	кўшиш, кўшув	қосу, устеу	кошуу, кошум чалоо	косу, косымша	гошма, артдырма

Продолжение

Английский язык		Тюркские языки				
		узб.	каз.	кирг.	каракалп.	туркм.
accessory	соучастник	шерик	бірге қаты сушы	шерик, кошо иштөөчү	косыла ислеуши	биле катнашыжы
colleague	сослуживец, коллега	хамкасб	қызметтес	кызматташ	хызметлес	хызмат ёлдашы
pair, couple	два, пара	жуфт	пар, жуп	түгөй, жубий, эрди-катын	жуп, тенг еки	жубт
both	оба	иков, икови	екеу, екі	экөө тең эки	екеу, еки еки	ики ики
twain	два (книжн.)	икки	екі	эки	еки	ики
tribe	племя	қабила, қавм	тайпа	уруу, тукум, эл	қаум, халқ авлад	тайпа, халк

ный, мол обильный, бай обильный, қос двойной, бирлескен совместный, біріккен, бірлескен объединенный, бірлестіруші, біріктіруші объединительный.

кирг.: артурдүү разнообразный, көшумча дополнительный, кошмо объединенный, биргелеш слившиеся воедино, биргелешме, бирикме объединенный, коллективный, эсепсиз (көп), сансыз (көп) бесчисленный, коюу, жыш, калың густой.

каракалп.: қос парный, двойной, қоспа объединенный, бирлескен объединенный, коллективный, шексиз бесконечный, сансыз, есепсиз бесчисленный, артықмаш чрезмерный.

туркм.: гоша, жұпт двойной, парный, бирлешен объединенный, дүрли разный, различный, гүр, дыкыз густой, галың обильный, сансыз бесчисленный, түкениксиз бесконечный.

В английском языке существует как следствие образования по конверсии значительное число омонимичных лексем со значением множественности: существительные, прилагательные и глаголы.

twін *n* двойня, близнецы; парная вещь

twін *a* двойной, сдвоенный, спаренный; состоящий из двух однородных вещей

twін *v* родить двойню; соединять

double *n* двойное количество, двойник

double *a* двойной, удвоенный, сдвоенный

double *v* удваиваться, сдваивать; складывать вдвое

joint *n* соединение, стык

joint *a* соединенный, общий, совместный

joint *v* соединять, сочленять

Таким же образом выражается типологическая категория множественности у следующих слов: couple *n* парные предметы; пара (супруги; жених и невеста) — couple *v* соединять; пожениться; спариваться; associate *n* коллега, партнер — associate *a* объединенный, присоединенный — associate *v* соединять, связывать(ся), ассоциироваться; triplicate *n* одна из трех копий — triplicate *a* тройной — triplicate *v* утраивать, составлять в трех экземплярах и т. д.

Отдельные прилагательные могут иметь показатель множественности в своем составе. Напр.: threefold *ут*троенный, тройной от слова three *три*; сюда же относятся слова типа bipartite *двусторонний*, состоящий из двух частей.

Для сравниваемых тюркских языков также характерно совпадение форм различных лексико-грамматических разрядов слов. В большей степени это характерно для существительных, прилагательных и наречий.

Совпадение по форме различных лексико-грамматических разрядов слов создает общую нейтральную основу по отношению к разрядам слов. Поэтому прилагательные легко преобразуются в существительные, когда к ним присоединяются показатели (сигналы) существительных. Показателями последних служат категориальные аф-

фиксы, выражающие множественное число и падежные отношения. Например, в зависимости от дистрибуции тюркское слово көп (*узб.* кўп) может функционировать как наречие, прилагательное и существительное. Когда показатель множественности -лар присоединяется к этому слову, оно становится существительным. Ср. *каракалп.*: Көплер усылай ойлайды *Многие так думают*. Данное явление характерно и для других сравниваемых тюркских языков.

Глаголы

У глаголов множественность выражается двояко: а) при помощи морфологических показателей, б) без специальных показателей множественности.

Как указывалось ранее, первый способ имеет ограниченное распространение в английском языке. В тюркских языках формы множественного числа глагола образуются при помощи специальных морфем множественного числа. Оппозиция показателей единственного и множественного числа глагольных форм ярко представлена в следующем примере.

<i>туркм.</i> : Мен ока-ды-м	Биз ока-ды-к
(Я читал)	(Мы читали)
Сен ока-ды-ң	Сиз ока-ды-ң-ыз
(Ты читал(а))	(Вы читали)
Ол ока-ды	Олар ока-ды-лар
(Он(а) читал(а))	(Они читали)

Второй способ передачи множественного числа является лексическим: множественность передается основой глагола. Этот способ в равной мере характерен как для системы английского языка, так и для сравниваемых тюркских языков, так как во всех языках глагольные основы по своей природе связаны с тем или иным категориальным понятием, а в данном случае глагольные основы являются носителями значения множественности. Многие глаголы, выражающие множественность, образованы от других разрядов слов путем конверсии.

Примеры из английского языка:

people *заселять, населять*, add *добавлять*, join *соединять(ся), объединять(ся)*, repeat *повторять*, divide *делить*, echo *повторять*, sum *складывать*, multiply *увеличивать, размножать, умножать*, divide *делить(ся)*, list *составлять список*, total *подводить итоги*, associate (with) *общаться, соединять, объединяться*, couple (with) *соединять, сцеплять*, pair *располагать парами, подбирать под пару*, halve *делить пополам*, hemisect *делить пополам продольно*, divide *делить, разделять*, dimidiate *делить на две части*, furcate *разветвляться*, treble, triple *утраивать(ся)*, teem (with) *кишеть, изобиловать*, crowd *толпиться, тесниться* и др.

Приведем примеры слов со значением множественности, относящихся к различным лексико-грамматическим разрядам слов.

A nerveless **mass** stumbled from the car; in a moment they were in a **group** of half a **dozen**, huddled in the **triangular** space that the bridge made with the shore. (F. Fitzgerald) The usual lumber **pile** like a child's building game knocked down in a fit of temper, told the story. (Ibid) You **collect** everything in the store that looks like this and bring across the way...(Ibid) ... did he realise **how much** his love for her had counted in his lonely life. (Ibid) The present was the thing — work to do and someone to love. But not to love **too much** ... (Ibid) ... his income was again **twice** as large as their own. (Ibid) She had built up **all** her fear of life into one wall and faced it toward him. (Ibid) Fortunate if she didn't **combine** the traits of **both** that had brought them to disaster. (Ibid) I used to **collect** them instead of stamps. (Ibid) At the top of the steps two great door swung silently open and amber light **flooded** out upon the darkness, silhouetting the figure of an exquisite lady with black, high-piled hair, who held out her arms toward them. (Ibid)

В тюркских языках лексический способ передачи множественности у глаголов осуществляется аналогичным образом. Глаголы выражают множественность действия или процесса. По семантике они также обозначают увеличение, распространение, разделение, соединение и др.

В узбекском языке к ним можно отнести глаголы типа:

кўпаймоқ *умножаться*, *множиться*, кўпайтирмоқ *размножиться*, ошмоқ *увеличиваться*, *умножаться*, бирикмоқ *объединиться*, қўшмоқ *добавлять*, тўпламоқ *собрать в кучу*, ўртоқлашмоқ *подружиться*, *сдружиться*, *делиться*, *обмениваться*, жанжаллашмоқ *ссориться*, қўшмоқ *соединять*, жамламоқ *собирать* и др.

Ғончи районидаги «Ленинград» совхозининг отарларида кўзилар кўпаймоқда. (Совет Тожикистони, 12.IV.79) ...каротиннинг 90 проценти унинг баргига тўпланган. (Совет Тожикистони, 12.IV.79) Биологик жиҳатдан сифатли бўлиши учун бостириш вақтида озуқабоп фосфат ва қуруқ бензол кислотаси қўшилади. (Совет Тожикистони, 12.IV.79) Аммо илҒорлар тажрибаси кенг **оммалаштирил**маяпти. (Совет Тожикистони, 12.IV.79) Гап шундаки, бу касаллик тез **тарқалмоқла**. (Совет Тожикистони, 12.IV.79)

В казахском языке к глаголам со значением множественности относятся глаголы типа: қоюлану, жиілану *густеть*, көбею, арту *умножиться*, көбейтілу *быть умноженным*, көбейту *умножить*, біріктіру, бірлестіру *объединить*, бірігу, бірлесу *объединиться*, бірлестірілу *объединяться* и др.

... бір-екі аптаға дейін **созады**. (Қ. Сауыркенов) Сіз жолдас Асыллов, ауыл адамдарымен **әңгімелесіңіз**. (Қ. Сауыркенов) Сәлемдесіп, **жайғасып** отырғаннан кейін, сөзді шалдың өзі бастады. (Қ. Сауыркенов) Жәй, әншейін ... Мына Харон өз жағындағы есікті мен жақтағыдан бұрын ашып, өзін жұлқып түсірді, — дейді, соған дауласып **жатырмыз**. (Қ. Сауыркенов) **Жиналған** жұрт та «ал

айтып жіберіңіз» дескендей Нарекеңе жапырыла қарасқан. (Т. Жақыпбайұлы) Оперативтік топ дереу жиналып, қылмыстыларды ұстауға кеткен соң селектрдің қоңырауы тағы да безектей жөнелді. (Қ. Сауыркенов)

Рассмотрим примеры из киргизского языка:

кошмоктош- *связывать попарно, по двое*, кошокто- *привязывать (овец) друг к другу за шею*, коштолуш- *сопутствовать друг другу*, кошул- *присоединяться*, биргелеш- *объединяться*, бирик-, бириктеш- *объединяться*, көбэй- *умножаться*, көбэйт- *увеличивать количественно* и др.

— Сөздү көп узартпайлы, кийиктерды кайсы жерге каттың? — деп талап кылды инспектор. (Көрөгөч көз менен) Тигил маңдайкы тезкейде жайылып жаткан бир топ кийикке карышкыр кол салды. (Көрөгөч көз менен) Адам таң каларлык катуу кыйынчылыктарда жолдошко чыныгы достук мамиле кылуу анын жүрөгүн бийледі. (Көрөгөч көз менен) Машинаны күтүп-күтүп чарчадык. (Көрөгөч көз менен) Азыр кекеликтер экиден болуп бөлүнүп уя салып жаткан кез. (Көрөгөч көз менен)

В туркменском языке к глаголам, выражающим множественность, относятся глаголы типа:

гошаламак *сдваиваться*, соединять в пару, гошмок *дополнять*, объединять, көпелдилмек *увеличиваться*, быт *умноженным*, коплемек *делать что-л. сообща*, нападаты *вместе с кем-л. на кого-л.*, йыгнамак, топламак, үйшүрмек *собрать*, дүзмек *собрать*, жемлемек *собрать*, үйшмек *собраться* и др.

Мен илки шонуң билен **маслахатлашып гөрөйин**. (Б. Сейтәков) Хеммеси эдил команда берлен ялы Оразмырадың, бөлүминиң өңүнде **жемленишдилер**. (Б. Сейтәков) Магазын ачылды. Адамлар бөвет йыкылан ялы болуп, жайың ичини **долдурдылар**. (Б. Сейтәков) Онуң хыялы, арзувы пикири хич бир аялда Айбөлекке **жемлениши** ялы жемленмәнди. (Б. Сейтәков) Оглы Атанепес ики йыл мундан өң **айрылышып** башга района гөчүпди, шол ерде ише ерлешипди. (Б. Сейтәков)

Рассмотрим примеры из каракалпакского языка:

көпле- *действовать всем вместе*, қосыл- *прибавляться*, присоединяться, көбей- *увеличиваться*, умножаться, жый- *собрать в кучу*, копить, бирик- *объединяться*, соединяться, биримле- *разбивать на отдельные части*, бирлес- *объединяться* и др.

Олардың, кейпин, ишки сырларын аңламаған молла гәпке қыстырылды. (Т. Қайыпбергенов) Мүмкиншилиги балғанынша олар менен жайпарахат **сөйлесип**, кеңес береді. (Т. Қайыпбергенов) — Жумагүл апа, мен сизге келдим, — деди ол аман — есенлик сorasып болғаннан кейин. (Т. Қайыпбергенов)

— Болады, сиңлим. Бірақ қызларды еле де көбейтiу керек. Көп болған сайын ислесиу оңай.

— **Көбейтемиз**, көбейиңи сөзсиз! — Жумагүлдиң бул исе-
нимли ўәдесине ер муғаллимлер аң-таң. (Т. Қайыпбергенов)

— Халайықлар, жәмлениңлер — деди Айтбай шалы атызы-
ның бийиклеу жерине минип. (Т. Қайыпбергенов)

Наречия, предлоги и союзы

Для этих лексико-грамматических разрядов также характерно выражение множественности лексическим способом.

Н а р е ч и я выражают множественность либо независимо от других разрядов слов (такие наречия называются первичными), либо значение множественного числа наречия зависит от тех разрядов слов, от которых они образованы (такие наречия называются вторичными).

Вторичные наречия имеют широкое распространение. Они образуются от прилагательных, числительных, существительных и т.д.

Приведем примеры, выражающие множественность в английском языке:

withal к тому же, вдобавок, together вместе, совместно, along вместе с, collectively совместно, коллективно, twice дважды, thrice трижды, twofold вдвое, threefold втрое, втройне, fourthly вчетвертых, trebly втройне, frequently часто, numerously в большом количестве.

In a moment a dozen little paddlewheels, fixed to the sides, had churned the mixture into a radiant rainbow of pink foam which enveloped him softly with its delicious lightness, and burst in shining, rosy bubbles here and there about him. (F. Fitzgerald) "No, we oughtn't even to sit together." (Ibid)

В тюркских языках отдельные наречия также выражают множественность. Подобно английским наречиям, в тюркских языках значение множественного числа наречия передается при помощи корневых, производных или сложных основ.

В узбекском языке к ним можно отнести слова типа:

кўп много, обильно, тўла заполнено, анча много, в большом количестве, талай немало, много, кўплашиб совместно, все вместе, кўплаб понемногу, бисёр многочисленно, аксарият большей частью, ялпичасига сплошь, улгурчасига оптом, бараварига совместно, қатарасига подряд, челаклаб ведрами, тонналаб тоннами, ҳар вақт(да), ҳар замонда всегда, ҳар томонда (по)всюду, ҳар тарафлама, ҳар томонлама всесторонне, ҳамма ерда всюду, ҳамма ёқдан, ҳамма ердан отовсюду [173, с. 382 — 390] и др.

Шуни унутмаслик керакки, намлиги **юқори** бўлган бедани сенаж қилиш унинг тўйимлигини 2-3 **баравар** камайтириб юборади. (Совет Тожикистони, 12.IV.79) Ёш офицер кўп шуҒулланди, ўқиди. (Совет Тожикистони, 12.IV.79)

В казахском языке множественность выражается с помощью наречий количества и меры (молшер үстеулері), а также собирательных

наречий (топтау, саралау үстеулері) и др. [365, с. 355 — 357; 281, с. 339 — 340]. К ним относятся наречия типа:

онша *столько*, сонша, осынша *столько*, *сколько*, соншолык *столько*, *настолько*, осыншалык *столько*, соншама *столько*, оншама *столь*, айтарлыктай *столь*, бірталай *значительно*, *изрядно*, біркындырыу, екеулеп *вдвоем*, ушеулеп *втроем*, он-ондап *по десять*, көп-көптен *помногу*, түрліше *различно*, мол *обильно*, бірге *вместе*, *совместно*, бірлесіп, қосылып *совместно*, көп *много* и др.

Екеуі жақын достардай, терезелері тең жандардай энгіме шертті. (Қ. Сауыркенов) Үсті-үстіне ақша сұрауды көбейтті. (Қ. Сауыркенов) — Ойбай, аяғым, — деп қайта отыра кетті. (Қ. Сауыркенов) — Жетті, Миллионер, көп асқанға бір тосқан деген. (Қ. Сауыркенов)

В киргизском языке наречия выражают значение множественности аналогичным образом [121, с. 114—118]. К ним относятся слова типа:

көп *много*, түрдүүча *разнообразно*, кошумча, кошумчалап *дополнительно*, кошо *вместе*, *совместно*, бирге *вместе*, ашыкча *излишне*, *сверх нормы*, ошончалук *столько*, *насколько*, *в таком количестве*, анчалык *столько*, *настолько*, мынча, мынчалык *столько*, айлап *месяцами*, биротолоо *совсем* и др.

Бая күнү силер менен бирге келген инспектор суусарды бутун сындырбай кароону айтты эле го. (Көрөгөч көз менен) Чэ-энден жаны чыккан судлар ар кайсы жерде чуркап жүрөт. Токой ичинде канаттуулардын сайраганы тынымсыз чигат. (Көрөгөч көз менен) — Алар өздөрүнө өздөрү ишенбей кайта-кайти карашты. (Көрөгөч көз менен)

В каракалпакском языке к наречиям, выражающим множественность, можно отнести слова типа:

көп *много*, бирге, биргеликте, биргелесип *вместе*, *совместно*, мөл *обильно*, косымша *дополнительно*, түрли, түрлише *разнообразно*, кэбинше *большей частью*, *больше всего*, көп-көп *много-много*, аз-маз *немножко* и др. [34, с. 217 — 224].

Жумагүл көп отыра бермей орнынан түргелип, алдына жайыұлы жатырған кітаптың бетін қайырып, буклай сала тартпасына салып, тық еткізип жапты. (Т. Қайыпбергенов) Жумагүл қапыны ашып, оның өзі ескертіусіз шығар ма екен деп күтип-күтип, ақыр соңы шідамай:

— Мени Баймуратов шақырып атыр, кетежакпан, — деди қатал дауыс пенен.

Ол ашыұлы сөйлеген менен оның көкірегінде куұанышы бардей сезген Турымбет желкесін оң қолы менен қасып-қасып:

— Жумысым бар еді, — деди төмен қараған халында. (Т. Қайыпбергенов)

В туркменском языке к наречиям, выражающим множественность, можно отнести следующие:

ный на две части» и т. д., напр.: bivalve (зоол.) *двустворчатый*, bisect *разделить пополам*, bilateral *двусторонний*, binary *двойной, сдвоенный*, bipartite *двусторонний, состоящий из двух частей*, biped *двуногий*, biphasе *двухфазный*, bilabial *билабиальный*, biliteral *состоящий из двух букв*, dialogue *диалог, разговор, беседа*, dimidiate *делить пополам*, diphthong *дифтонг*, double-decker *двухпалубное судно*, double-dyed *окрашенный два раза*, two-sided *двусторонний*, two-oar *двухвесельная лодка* и др.;

слова со значениями «тройной», «состоящий из трех» и т. д., напр.: triplet *тройка (три предмета, три лица)*, ternary *тройной, трехкомпонентный*, trefoil *трилистник; орнамент в виде трилистника*, trilogy *трилогия*, triangle *треугольник*, threefold *тройной, утроенный*, three-cornered *треугольный*, three-year-old *трехгодовой, трехгодовалый*;

слова со значениями «четыре», «состоящий из четырех» и т. д., напр.: quadrilateral *четырёхсторонний*, quadrisyllable *четырёхсложное слово*, tetragonal *четырёхугольный*, tetrachloride *четырёххлористый*, tetralogy *тетралогия (четыре произведения, объединенные общим замыслом или темой)*, four-cycle *четырёхтактный*, fourfold *состоящий из четырех частей, объединяющий в себе четыре предмета*;

слова со значениями «пять», «состоящий из пяти частей» и т. д., напр.: pentangular *пятиугольный*, pentasyllable *пятисложный*, five-fold *состоящий из пяти частей*, five-row *пятирядный*, five-year *пятилетний*, quintuplet *набор из пяти предметов*;

слова со значениями «шесть», «шестикратный», «состоящий из шести» и т. д., напр.: hexagon *шестиугольник*, hexameter *гекзаметр*, hexangular *шестиугольный*, sixfold *шестикратный*, six-foot *шириной или длиной в шесть футов*, six-shooter *шестизарядный револьвер, пистолет*;

слова со значениями «десять», «состоящий из десяти» и т. д., напр.: decagon *десятиугольник*, decagram(me) *декаграмм*, decathlon *десятиборье*, tenfold *десятикратный*, ten-spot (амер. разг.) *десятидолларовая бумажка* и др.;

слова со значениями «сто», «состоящий из ста» и т. д., напр.: hundredweight *английский центнер (= 50,8 кг)*, американский центнер (= 45,4 кг), centigrade *стоградусный*, centenary *столетие*, centesimal *сотый, разделенный на сто частей* и др.

В тюркских языках к этому типу слов относятся такие слова, как узб. бешбурчакли *пятиугольный*, бешатар *пятизарядная винтовка*, бешбарг (бот.) *лапчатка ползучая* и др.

Как правило, в тюркских языках числительное и определяемое существительное пишутся раздельно и обычно их относят к словосочетаниям.

2) Слова, выражающие обобщенное множество без указания на конкретное количество, многочисленны и разнообразны по семантике. Эти слова выражают совместность, обобщенность, совокупность, повторяемость, невозможность исчисления и т. п.

В английском языке к ним можно отнести слова следующего типа:

co- + N: co-author *соавтор*, coeval (книжн.) *современник, сверстник*;
co- + V: co-exist *существовать*; co-operate *сотрудничать, способствовать*;
co- + A: co-operative *совместный, кооперативный*;
multi- + A: multipartite *разделенный на много частей*, multinational *многонациональный*, multifold *разнообразный, многочисленный*;

re- + V: redouble *увеличивать*, reduplicate *удваивать*.

В некоторых случаях отрицательные префиксы также могут выражать множественность с семантикой «неизмеримость», «неподдающийся счету»:

in- + A: incalculable *неисчислимый, неподдающийся учету*, innumerable *неисчислимый*, immeasurable *неизмеримый, безмерный*;

un- + A: unmeasurable *неизмеримый, безмерный*, unlimited *неограниченный* и др.

Суффиксально-маркированные слова со значением множественности

В сравниваемых языках очень мало суффиксов, передающих множественность непосредственно. Однако можно выделить отдельные суффиксы, которые, будучи словообразовательными морфемами, одновременно выражают множественность. К ним можно отнести в английском языке производные слова типа:

cavalcade *кавалкада, группа всадников*, motorcade *автоколонна*, cavalry *кавалерия, конница*, infantry *пехота*, denture *ряд зубов*.

Отрицательные суффиксы, так же как и префиксы, могут выражать неопределенное множество, т.е. несоизмеримость, неиссякаемость и др.:

N + less: endless *нескончаемый, бесчисленный*, limitless *безграничный*, termless *не ограниченный условиями, не имеющий границ* и др.

В тюркских языках примерами образования слов, выражающих плюральность при помощи суффиксов, могут служить слова типа:

узб. бедазор *клеверное или люцерновое поле*, кирг. беделик *клеверное или люцерновое поле*, каракалп. тереклик *роща, богатая деревьями*, туркм. дереклик *тополевая роща* и др.

Редупликативные слова, выражающие множественность

В сравниваемых тюркских языках при выражении множественности имеют широкое распространение так называемые редупликативные слова. Многие из этих слов выражают неопределенное множество, многократный повтор, собирательность, обобщение и т.д. [173, с. 135].

По способу образования редупликативные слова в основном относятся к словам, образованным лексическим способом, так как путем удвоения образуются новые лексические единицы. Однако некоторые лингвисты относят их к словам, образующимся лексико-грамматиче-

көп *много*, көпленч *в большинстве случаев*, артык, хас *больше*, биле, билеликте, билелешиб *совместно, вместе*, тиз-тизден *часто*, зыят *больше, свыше*, икилөп *по два*, дөрдлөп *вчетвером*, аңрык-бэрик *туда-сюда*, чар тарапдан *отовсюду*, хемме ерден *отовсюду*, даш-төверекде *кругом*, хемише *всегда*, өрэн, гаты *слишком*, көп вагтлап, узак вагтлап *долго*, гаитадан *вторично*, ямашган *вторично*, уч гайта *трижды*, ики гезек *вдвое* и многие др. [285, с. 201 — 235; 109, с. 200 — 202].

Мениң хыялым ак экини көп экмекде, Мерген аҒа. (Р. Алланазаров) Кэвагтлар Айбэлегинң йүз гөрүлйән айнаның өнүнде безенип дуршуны, чар тарапа ялкым сачып, көчеден баршыны гөрөнде Ярнепесин гөзүне яш айланярды, бир ердан шадланып гелйән болса, шо бада рухы өчйәрды. (Б. Сейтәков)

Предлоги, союзы также могут выражать множественность. Однако их значение множественности зависит от значения множественности знаменательных слов: они указывают на отношение множественности между знаменательными словами. Значение множественности служебных слов зависит от значения знаменательных частей речи. К таким служебным словам в английском языке относятся, например, предлоги: *with с, совместно с, among среди, between между, midst средь, amid в окружении, посреди, среди, между*; союзы и союзные слова: *and и, as well as также, так же как, в дополнение, both ... and не только ..., но и; как ..., так и; и ..., и; the ... the чем ..., тем...; such ... as такой как* и др.

Приведем примеры из текстов:

“No, we oughtn’t even to sit together.” (F. Fitzgerald) They had only spare-time love to give the child, so the sister **more and more took care** of him. (Ibid) ...for to the people of Chilton Country it had become a personified force, definite as a pagan god — took a dozen houses, Jene Janney’s **among them**, and injured about thirty people. (Ibid) ... he stopped a moment to listen to a dialogue **between two reporters and two shy piccaninnies**. The old grandmother, her head bondaged, sat **among the ruins**, gnawing some vague meat and moving her rocker ceaselessly. (Ibid) ... The Montana sunset lay **between two mountains** ... (Ibid)

В тюркских языках множественность может быть выражена при помощи послелогов, союзов и других служебных слов. Ср. *туркм.*:

Шонуң үчинд-де сатыжы билен ак йүзли гызын **арасында** диңе семиз гиздан башга адам галмады. (Б. Сейтәков)

Маркированные слова со значением множественности

Эти слова характеризуются наличием так называемых количественных показателей, которые могут присоединяться к началу или к концу основы слова. По структуре они относятся к производным или сложным словам. Маркированные слова со значением множествен-

ности бывают препозитивно-маркированными и постпозитивно-маркированными.

Препозитивно-маркированные слова со значением множественности

К таким словам относятся слова, в которых количественные показатели употребляются префиксально, или препозитивно.

В английском языке показатели числа выражаются префиксами, союзными словами, числительными и другими словами, выражающими множественность в своей семантике. В тюркских языках показатели числа выражаются аналогичными единицами, за исключением префиксов, так как для систем тюркских языков не характерно наличие префиксов. Отдельные префиксы, встречающиеся в составе тюркских слов, заимствованы из других языков, для которых наличие префиксов характерно. Следует указать, что многие из приводимых ниже слов относятся к так называемым упрощенным словам, так как их невозможно делить на значимые части. Показатели количества в этих словах выделяются по аналогии с другими словами.

Препозитивно-маркированные слова также выражаются различными лексико-грамматическими разрядами слов: существительными, прилагательными, глаголами, наречиями и другими разрядами слов, которые имеют определенное отношение к категории множественности.

Многие из показателей количества заимствованы из латинского, греческого и французского языков. Некоторые из них имеют исконно английские синонимы, которые употребляются параллельно. Последние отличаются от первых более конкретным значением.

При передаче на тюркские языки многие из слов первой группы заимствуются без перевода, а слова второй группы, т. е. английские слова, передаются тюркскими эквивалентами. Напр.: *англ.* dialogue — *узб.* диалог, *каз.* диалог, *кирг.* диалог, *каракалп.* диалог, *туркм.* диалог. Однако: *англ.* two-storied — *узб.* икки қаватли, *кирг.* эки этаждуу, эки қабаттуу, *каз.* екі этажды, қос қабатты, екі қабат, *туркм.* ики мертебели, *каракалп.* еки этажлы, еки қабат и т. д.

Препозитивно-маркированные слова можно разделить на две группы: а) слова, выражающие конкретное число, б) слова, выражающие обобщенное множество.

1) С л о в а, в ы р а ж а ю щ и е к о н к р е т н о е ч и с л о, обозначают конкретное количество предметов, частотность, повторяемость или многократность действия в пределах норм, ограничиваемых показателями количества. Эти слова характерны как для системы английского языка, так и для систем сравниваемых тюркских языков. Показателями количества в этих словах выступают прежде всего числительные и другие нумеративные слова. В английском языке большинство таких слов заимствованы из греческого и латинского языков, которые фигурируют в языке наряду с исконно английскими словами. К этой группе слов можно отнести следующие:

слова, образованные при помощи префиксов, препозитивных слов со значениями «двойной», «состоящий из двух элементов», «разделен-

ским способом [365, с. 41]. Редупликативные слова следует отличать от синтаксического повтора.

В английском языке редупликативные слова развиты меньше, однако образование слов путем редупликации существует как самостоятельный словообразовательный тип. Напр.: tick-tack *тик-так* (звук, похожий на тиканье часов), zigzag *зигзаг*, *зигзагообразный*, пигпиг *журчание*, шорох (*листья*), жуужжание и др.

В узбекском языке к ним относятся слова типа:

ота-она *родители*, борди-келди *близкие отношения*, бола-чака *дети*, қозон-товоқ *посуда (разного рода)*, нон-чай *что-л. к чаю*, пи-чоқ-мичоқ *ножи и прочее*, ғала-ғовур *суматоха*, кийим-кечак *одежда всякого рода* и др. [173, с. 131 — 139].

3. Рахимова ўзининг юк ташиш машинаси билан тайёр махсулотлар участкадан цехларга, цехлардан участкага **асбоб-ускана**, хом ашё ташийди. (Совет Тожикистони, 12.IV.79) Бундай пайтларда эрка қиз **буралиб-буралиб** келардида, ноз билан сузилиб, дутарга қўл юборарди. (Ш. Рашидов) **Таниш-билишлар** ичига киргач жимгина ўтирарди. (Ш. Рашидов) Турмушимни колхоз йўлига тикдим, **хузур-ҳаловатдан** кечиб, **азоб-уқубатни** ютдим тоҒ-тоҒ қийинчиликларни шердай енгиб, раҳбар бўлиш ҳуқуқига пешона тери тўкиб етишдим. (Ш. Рашидов)

В казахском языке к ним относятся слова типа:

қайта-қайта, дүркін-дүркін *многokrатно*, түрлі-түрлі *различный*, ағыл-тегил *обильный*, оқта-текте, анда-санда, мезгіл-мезгіл *повременный* и др. [365, с. 113 — 130].

«... «Қызыл Жұлдыз» орденімен наградталды... Жау тылына арнаулы тапсырмамен жіберіліп **хабар-ошарсыз** кетті» деген сөйлемдерді **қайта-қайта** оқыды. (Қ. Сауыркенев) **Анда-санда** жоҒарҒы жақтаҒы жалпақтан үйір шақырып айҒыр кісінеп, **оқтын-оқтын** оқыранып қояды. (Т. Жақыпбайұлы) Өз өнерін ертең біреуден көрсе, туа жалғыздығын таза ұмытып, наҒыз **канат-құйрықты**, аҒайын-туҒанды адамдай ақаршақар ел болатындай сезінетін. (Т. Жақыпбайұлы)

В киргизском языке к редупликативным словам со значением множественности можно отнести:

кошул-ташыл *перемешанный*, идиш-аяк *всякого рода посуда*, оюн-шоок, оюн-тамаша *увеселения, развлечения*, обур-кобур *разговоры*, болтовня, оюн-күлкү *забава* и др. [122, с. 67 — 69; 121, с. 52 — 53].

Тоо-токойдо жашаган жапайы айбандар, түркүн канаттуу куштар көп. (Көрөгөч көз менен) Андрей Павлович **кыт-кыт** күлүп жатып, макул дегендей башын ийкеди. (Көрөгөч көз менен) Бул жолу биз **аздыр-көптүр** канжыгага илбээсин байланып, мууздоодон кан чагып, куржунубуз бөйрөктөнүп олжолуу кайттык. (Көрөгөч көз менен) Канаттуулар учуп өткүс бийик аскарларды, шаркырап аккан ак көбүк сууларды, **топ-топ** болуп учкан кекилик, уларды,

кар алдына жашынган чилдерди, шагылды шалдыратып жайылган кийиктерди, же тэ-ээ овода айланып шаңшыган алабарчын бүркүттөрдү көз алдына элестетет. (Көрөгөч көз менен)

В каракалпакском языке к редупликативным словам со значением множественности относятся:

мал-сал *всякий скот, разное имущество*, балашага *семья, члены семьи*, балдыр-булдыр *звукоподражание невнятного бормотанию*, арба-сарба *арбы, телеги и прочие повозки* и др. [34, с. 185 — 187].

Әдеуир-ақ хаял-қызлар жыйналды. (Т. Қайыпбергенев) Хаял-лар қосақ-қосақ болып қайтты. (Т. Қайыпбергенев) Ай жарық еди, ылашықтың саңлағынан ишке түскен ай-жулдыз нурлары үйди ала көлеңке этип тур. (Т. Қайыпбергенев) ...оның орнына сәнемнің жүрегі қатты-қатты соғып кетти. (Т. Қайыпбергенев) Қайтама еки-үш күнге шекем мазасын алып болған хәдийсе. Жумагүлди де шаршатты. (Т. Қайыпбергенев) Олар әсте-әсте төменге түсіп соқпақ пенен үйлерге қайтты. (Т. Қайыпбергенев) Жаман перзент жақсы атасының басын есикте қалдырады, жақсы перзент жаман ата-анасының басын төрге шығарады деган. (Т. Қайыпбергенев)

В туркменском языке к таким словам относятся:

дүрли-дүрли *разный*, дүрли-дүмен *разнообразный*, гоша-гоша *попарно*, гайталап-гайталап *многократно*, арзув-ислег, ислег-арзув *желание, мечта*, армаз-ирмез *неустанный, непрерывный*, бара-бара *постепенно*, топ-топ *группа, куча, стая* и др.

— «Әжеме-какама айтжак» диййә. Олары разы эдип, комсомол тоюны тутуп, дурмуш гуралы диййә. (Р. Алланазаров) Магазиниң ичиниң задының хетди-хасабы ёк. (Б. Сайтәков) Йөне чагажыкка сачы буйра-буйра болуп, товарып, товланып дурансоң, Нурга оңа «Товман» дийипди... (Р. Алланазаров) Әр-аял онуң ызына дүшди. (Р. Алланазаров)

Несмотря на то, что английский язык и сравниваемые тюркские языки относятся к разным типологическим группам, для их систем характерен определенный изоморфизм, который заключается в том, что чередование гласных компонентов этих слов, изменение согласных и др. происходит почти аналогичным образом.

Внутри тюркских языков редупликативные слова образуются по определенным общим моделям. Однако это не значит, что в них нет расхождения. Существуют внутрисистемные расхождения, характеризующие каждый из сравниваемых тюркских языков.

Близость языкового типа, или системную общность, можно определить глубинно-поверхностными соответствиями. Это можно видеть на примере перевода одного текста на все сравниваемые тюркские языки.

кирг.: Ата-эне, туугаңдар турганда аялын биринчи эскерип, катты анын наамына жазыш — жалаң эле Садык үчүн эмес, эркекмин дегендердин баарына эрөөн болобу, бирок биз ушундай эле катка

көптөн-көп ыраазыбыз, айыл элинин түшүнүгүндө бул өзү салттагы иш. (Ч. Айтматов)

узб.: Ота-онаси, қавм-қариндошлари турганда дастлаб хотинини эсга олиш, хатни унинг номига ёзиш одобдан эмас, албатта, бу нарса фақат Содиққа эмас, балки, умуман эркак зотиға тўғри келмайди. (Ч. Айтматов)

каз.: Ата-ана, туғандар туғанда әйелін алдымен ескеріп, хатты оның атына жазуды- тек қана Садық емес, өзін еркекпін дегендердің бәрі де бойына мін көретін. (Ш. Айтматов)

каракалп.: Ата менен ана, тууысқанлар турганда ҳаялын алды менен сөз етип хатты оның атағына жазууды-тек Ғана Садық емес, өзін еркекпен дегенлердің бәри де өзлерине ылайық көрмейтуғын еди. (Ч. Айтматов)

туркм.: Әжең-кақаң сағ гезип йөркә, обада аксакгаллар, яқын гарындашларың барка, элбетде, хатыңда аялың адыны илкинжи тутмак, айратынам онуң адына хат язмак говы дәл, хатда гелшикли бир зат дәл. Диңе бир Садыгам дәл, эйсем өзуне гөвни етйән хер бир эркек киши шейле хасап әдйәр. (Ч. Айтматов)

Рассмотрим примеры из сравниваемых языков, иллюстрирующие лексический способ выражения множественности в различных лексико-грамматических разрядах слов.

One day while they were eating lunch in the dining-car and discussing the imperfect characters of **several** of the boys at school, Percy suddenly changed his tone... (F. Fitzgerald) ... but I've got quite a **collection** myself. (Ibid) He had a **whole set** of surviving instruments ... (Ibid) We've got half a **dozen** anti-aircraft guns and we've arranged it so far ... (Ibid) The **many** towers, the slender tracery of the sloping parapets, the chiselled wonder of a **thousand** yellow windows with their oblongs and **hectagons** and **triangles** of golden light, the shattered softness of the interesting planes of starshine and blue shade, **all** trembled on John's spirit like a chord of music. (Ibid) The usual lumber **pile**, like a child's building game knocked down in a fit of temper, told the story. (Ibid) "And **one hundred** and **twenty million** people have been led to believe..." (Ibid) Already a **crowd** pressed around the doors of the hospital, closed these **three** months for lack of patients. (Ibid) There was a **long** silence. **All** of them felt their nerves straining. (Ibid) They **both** laughed. (Ibid)

узб.: Ҳар бир новда Ғунча ва гул билан тўла эди. (Ш. Рашидов) ... ўрик бу йил мисли кўрилмаган даражада сергул бўлди; **катта-кичик** новдалар **шиҒил-шиҒил** гулга кўмилиб, эндигина куртакдан чиққан нимжон япроқларни ҳам яширган эди. Ўрик дарахтининг **куюқдан-куюқ** гули оппоқ булутларни эслатарди. (Ш. Рашидов) ...у, тонг-сахарда уйқудан туриб, майин ва мусаффо ҳаводан **тўйиб-тўйиб** шимирарди. (Ш. Рашидов) Қотортол сойи **баланд-баланд** тоҒларнинг **бир-бирига туташган** еридан, тоҒ биқинида пайдо бўлган тиниқ зангори кўлдан бошланиб, кўриқ ва бўз ерлар ичида тамом бўларди. Бу кўлнинг атрофларида **сон-саноқ-**

сиз катта-кичик булоқлар мавжуд эдики, ана шу булоқлардан муттасил қайнаб чиққан зилол сув кўлни ҳам тўлғазарди, экинларни ҳам суғарарди, қишлоқни ҳам таъмин қиларди. Зангор кўлнинг атрофи қатор-қатор тол билан тўла бўлган учун булоқлар ҳам, кўл ҳам, қишлоқ ҳам, сой ҳам Қотортол номи билан юритиларди. (Ш. Рашидов)

каз.: Қалған үшеуі автобусқа түсіп төмен қарай кетті. (Қ. Сауыркенов) Ол суретті совхозда Шакарбекпен бірге істейтин Хамит те таныды. Ол әртүрлі қылмыстары үшін үш рет сотталған Сейдеман Мурза-оғлы. Онын Семейде екі баласы мен әйелі тұрады. (Қ. Сауыркенов) **Жиналған жұрт** та «ал, айтип жіберіңіз» дескендей Нарекене жапырыла қарасқан. (Т. Жақыпбайұлы) Бас экономист екеуіміз әкеміз өлгендей мелшиіп отырып қалдық. (Социалистик Қазақстан, 31.V.79)

кирг.: Бул жолу **биз аздыр-көптүр** канжыгага илбээсин байланып, мууздоодон кан чагып, куржунубуз бөйрөктөнүп олжоллу кайттык. (Көрөгөч көз менен) **Көпкө** жүрүп чарчагандан кейин жээкке от жагып, тамактандым да бир аз чырма этип уктап кеттим. (Көрөгөч көз менен) Эне өрдөк **жети жөжөсү** мен суу үстүндө **көпкө** сүзүп жүрдү. (Көрөгөч көз менен) **Тоо-токой**, камыштуу көл кайрадан көз алдыңа тартылып, жаратылыштын кооз дүйнөсүнө ой жүгүртөсүң. (Көрөгөч көз менен)

каракалп.: Мен соған қарап екеуіміз де бахытлы боламыз, жұрттан бийік мәртебеге ериседи екенбіз деп ойладымы. Сонда Төребай да ерип, жүрежақ болды, ал мен оны қалдырып, сени ертип кеттім. ... Яқшы, аға. **Бизиң** апам да түсинде сизиң менен мениң бир атқа мингесип баратырганымызды көрипти. (Т. Қайыпбергенов) **Көре-көре** көсем боласан, **сөйлей-сөйлей** шешен боласан деген. **Биз көп** жасадық, көп көрдик. (Т. Қайыпбергенов) Жипке дизген шиңгирик төсектиң дийвал бетки ернегинен баслап иргеге шекем тақыр. Сол жерге асқабақ **жыйылып** қойылады... Үлкени самардай, киширеги чайнекттей **хар қыйлы** асқабақлар менен палауқабақлар бәрха үйилип жатқаны жатқан. (Т. Қайыпбергенов)

туркм.: Қолхоз **газы-хашар** ишини тамамлап, сүрүме башлады. **Докуз** саны плуг билен үч саны күнде барды. (Р. Алланазаров) Эмма **бирнәче** ёлдашлары оны халамаярдылар. (Б. Сейтәков) Дүшекчәниң **ики** тарапына-да **икиден** үчден яссык ташлайрды. (Б. Сейтәков) — Бизе йигрими яшлы, гөрмегей, ылымлы бир йигит ише гелди. (Б. Сейтәков) Диймек, **хемме** зат ерли-еринде. (Б. Сейтәков) Магазине көпрәк бар. (Б. Сейтәков) Соңра **әр-аял** өз отағларына ятмага гитди. (Б. Сейтәков)

МЕЖЪЯЗЫКОВЫЕ СООТВЕТСТВИЯ МНОЖЕСТВЕННОСТИ НА СИНТАКСИЧЕСКОМ УРОВНЕ

Синтаксический способ выражения множественности осуществляется путем сочетания различных слов. При этом одна из составляющих сочетания имеет отношение к выражению множественности, т. е. вы-

ражает множественность и служит показателем количества синтаксической единицы. Обычно в роли такого показателя выступают слова, в которых множественность выражена лексически.

Сочетание показателей множественности с существительными в сравниваемых языках реализуется на основе следующих основных моделей: 1) $Q+N_{pl}$; 2) $Q_{sing}+N_{sing}$. Каждая из этих моделей имеет свои варианты, которые, как правило, остаются в пределах моделей.

1) Модель $Q+N_{pl}$ в английском языке является наиболее распространенной. Она характеризуется простым сочетанием показателей числа с именами существительными. Напр.: *two books, many students, several governments, some boys, a few books* и т. д.

Данная модель объединяет два подтипа: а) $Q_{pl}+N_{pl}$, т. е. количественные слова имеют форму множественного числа; б) $Q_{sing}+N_{pl}$, т. е. количественные слова употребляются в форме единственного числа.

а) Модель $Q_{pl}+N_{pl}$ обусловлена флективностью системы английского языка, и в качестве показателей множественности выступают слова во множественном числе. Напр.:

These tires are nearly through. (Arthur C. Clarke) ... A few minutes later as Pat sat shivering in the center of the room his memory went back to **those peep-shows** of his youth — though at the moment he could see little resemblance. (F. Fitzgerald) Already a crowd pressed around the doors of the hospital, closed **these three months** for lack of patients. (Ibid)

б) Модель $Q_{sing}+N_{pl}$. В этой модели количественные слова могут принадлежать к различным лексико-грамматическим разрядам слов: к числительным, прилагательным, местоимениям, существительным и т. д., которые имплицитно выражают множественность. Напр.:

... and **the two men** ran over to meet the Professor. (Arthur C. Clarke) Then it had sunk even deeper into the yielding soil, so that **fifty million years** later men could judge with some accuracy the duration of its halts. (Ibid) There were not **many places** where it was safe to walk... (Ibid)

2) Модель $Q_{sing}+N_{sing}$ представляет большой интерес с типологической точки зрения, так как именно с этой моделью связано типологическое расхождение, состоящее во взаимоисключении двух единиц одного категориального понятия и, кроме того, эта модель является общей для сравниваемых языков. Словосочетания этого типа отвечают на вопрос «сколько?» *how much?*, *how many?* Напр.:

“How many people,” said Barton suddenly, “do you think they have over there?” (Arthur C. Clarke) ... the necessary silences and pauses in the process, permitted the clients **too much time** to regard the prematurely aged face ... (F. Fitzgerald) They probably worked a good deal harder than usual, since the native laborers required **twice as much supervision** in the chief's absence. (Arthur C. Clarke) ... and Professor Fowler was following the **fifty-million-**

old-spoor with all the emotions of a big-game hunter tracking his prey. (Ibid) ... they did not relish a **two-mile walk** back to camp in the broiling sun. (Ibid) He shook his head in annoyance as he bumped into the truck ahead with slightly **more violence** than usual. (Ibid) The track which Professor Fowler was following now lay in a wide trench running away from the main excavation, for he had dropped **all other work** to investigate it. (Ibid)

Множественность может выражаться синтаксическим сочетанием определенного артикля с прилагательными, с субстантивированными причастиями и т. д. Напр.:

The injured were being evacuated to the cities by train as fast as their wounds were dressed ... (F. Fitzgerald) **The dead** began to be brought in by ten o'clock; there were twenty, twenty-five, thirty, forty — the list grew. (Ibid)

Модель $Q + \text{prer} + N_{pl}$ также характерна для системы английского языка. Основная особенность этой модели заключается в том, что и показатели числа, и существительные, определяемые ими, выражают множественность. Напр.:

Some scores of birds and reptiles had come here in search of the receding water, and left their footsteps as a perpetual monument eons after their bodies had perished. **Most of the prints** had been identified, but one — the largest of them all — was new to science. (Arthur C. Clarke) He wrote **a lot of letters** to Nature not so long ago. (Ibid) There were **dozens of reasons** why two great scientists might have hidden themselves in the place. (Ibid)

Модель $Q + \text{prer} + N_{sing}$ осуществляется соединением количественных слов с именами существительными в единственном числе при помощи предлогов.

... and they can get **a couple of million** without any trouble. (Arthur C. Clarke) "It would save you **a lot of trouble**, wouldn't it, if you could actually see what took place in the past" ... (Ibid) **Most of the more hazardous atomic research** was carried out as far as possible from civilization ... (Ibid) **A lot of people** know we're at the same hostel. (F. Fitzgerald) They both slid down another **cascade of laughter**. (Ibid)

В английском языке существуют много других синтаксических конструкций, которые также выражают множественность. Они распределяются между различными лексико-грамматическими разрядами слов: субстантивными, адъективными, глагольными, адвербиальными и другими сочетаниями. Напр.:

a certain number, a great number, a large number, all the world and his wife, a pack of troubles, some ten or dozen, ever so much, more than one can tell, no end of (to), thick as hail, numerous as the sands on the seashore numerous as the hair on the head; to go halves in some-

thing, to bring together, to know no limits, to know no bounds; in company with, hand in hand, side by side, cheek by jowl, arm in arm, in a body, over again, again and again, over and over, day by day, many a time, how often, half as much again и т. д.

Итак, мы рассмотрели основные способы передачи категории множественности в английском языке. Рассмотренные здесь случаи не исчерпывают всех моделей множественности: для данного исследования мы сочли необходимым выбрать модели с максимальным функционированием.

В тюркских языках синтаксический способ передачи множественности также осуществляется соединением показателей числа с другими словами. Это свидетельствует о своеобразном изоморфизме данного способа выражения множественности в тюркских языках.

Синтаксический способ передачи множественности считается самой малоисследованной областью. Об этом свидетельствует следующее высказывание А. Д. Даниярова, занимающегося изучением категории множественности в современном казахском языке: «Синтаксический способ выражения категории множественности в современном казахском языке, можно сказать, вообще не изучен» [113, с. 21]. Сказанное в одинаковой степени касается и других тюркских языков.

Однако малоизученность проблемы не говорит об отсутствии данного способа в сравниваемых тюркских языках. Во всех тюркских языках широко распространена передача категории множественности путем сочетания слов, принадлежащих к различным лексико-грамматическим разрядам.

Как было сказано ранее, в тюркских языках в синтаксических конструкциях разноуровневые показатели множественности в целом взаимоисключают друг друга. Исключение составляют особые случаи, из которых многие стилистически обусловлены.

В сравниваемых тюркских языках к основным моделям множественности относятся модели $Q+N_{sing}$ и $Q+N_{pl}$, которые, в свою очередь, включают несколько микромоделей. Рассмотрим несколько примеров как из переводной, так и оригинальной литературы. Переводная литература выбрана специально для сравнения текста, так как в сравниваемых близкородственных языках глубинная общность совпадает с поверхностной общностью, т. е. они выражаются почти аналогичными единицами плана выражения.

Модель $Q+N_{sing}$. Для иллюстрации данной модели использованы переводы двух предложений из киргизского текста на сравниваемые тюркские языки.

кирг. (1): Чет-четтен чийлер ыкташып, жаан-чачындан кийин топурагы борпоң тоборсуп карайган жолдо, катарлаб баскан эки жолоочунун изи тигинден бери чубайт. (Ч. Айтматов)

узб.: Ёғин-сочиндан кейин пўрсиллаб ётган, чеккаларидаги қамишлар бир-бирига айқашиб кетган йўлда икки йўловчининг оёқ излари кўзга ташланади. (Ч. Айтматов)

каз.: Екі жағында қалың ши, жауыннан кейін беті тобарсы-

Ған қара жолда қатар жүрген екі жолаушының, ізі шұбап жатыр. (Ш. Айтматов)

туркм.: Тигир ызының, бойы билен ики саны ёлагчының ызы узалып гидйәр. (Ч. Айтматов)

каракалп.: Еки жағы Ғаз қатара дизилискен қамыслар, жаўыннан кейин бети тобарсыҒан қара жолда қатар жүрген еки жолаушының ийреңлеген излери шубатылып жатыр. (Ч. Айтматов)

кирг. (2): Айлына қайтып келгенине бир топ кун болсо да, ушинтип эч кимге кошулбай, ар качан жалҒыз жүрүп, Данияр өзүнө жоро-жолдош күтө албады. (Ч. Айтматов)

узб.: Овулга келганига бир неча кун бўлса ҳам ўзини четга тортиб, ҳечкимга кўшилмай юрган Дониёр ошна-оҒайни орттира олмади. (Ч. Айтматов)

каз.: АуылҒа қайтып оралҒанына біраз кун болса да, ешкімге жоламай, әр қашан жалҒыз жүріп, Данияр өзіне жолдас-жора таппады. (Ш. Айтматов)

каракалп.: АуылҒа келгенине әдеуир ўақыт болса да, ҳешкімге жоламай бәрхәма жалғыз жүрип, Дәнияр өзине жора-жолдас таппады. (Ч. Айтматов)

Редупликативные слова в сравниваемых тюркских языках употребляются по-разному. Например, слово «родители» (*букв.* «старик-старуха») в одних случаях употребляется в единственном числе, в других — во множественном числе. Причиной, по-видимому, служит тот факт, что эти слова начинают функционировать как одно сложное слово. Напр.:

кирг.: — Андай болсо, бүгүн чачын алдиртып, кемпир-чалга эркелеп кетсин, — деп, Орозмат жайдарыланып коштоду. — Сейит иним, бугун үйгө түнөп, аттарыңды тыныктыр. (Ч. Айтматов)

узб.: — Ундай бўлса майли, бугун сочини олиб, чол-кампирлар ёнида бир дам олсин, — деди Ўразмат чеҳраси ёришиб, — Сеитжон, ука, бугун уйда қолиб отларингга бир оз дам бер. (Ч. Айтматов)

каз.: — Олай болса, бүгін шашын алдырып, кемпір-шалдың қойнында жатып кетсін, — деп Орозмат апамды жайдары қостады. — Сейіт інім, бүгін үйге түнөп, аттарыңды тыныктыр. (Ш. Айтматов)

каракалп.: — Олай болса, бүгін шашын алаырып кемпир — Ғаррының қойнында жатып кетсин, — деп Оразмет апамды қурҒақ, қуұатлап қойды, — Сейит иним, бугин уйиңде қонып, атларыңа қара, демин алсын. (Ч. Айтматов)

В туркменском переводе данное редупликативное слово заменено нередупликативным словом «гаррылар» (*старики*):

Ери болярда, гой бугун Сейит гаррыларың янында яйнасын, башыны сырдырсын! — дийип, Оразмәт әжемиң, угрундан турды. (Ч. Айтматов)

Рассмотрим несколько примеров из оригинальной литературы.

каз.: Ал бір бастап алса, **бір-екі** аптанға дейін созади. (Қ. Сауыркенов) **Бүтін** ауыл болып аспанға қарады. (Т. Жақыпбайұлы) Осыдан соң **бірнеше** коллективте болып, еңбек адамдарымен әңгімелестік те. (Социалистик Қазақстан, 28. XI. 1979)

узб.: Ҳозир қайси томонга йўл олманг турли хил транспорт бор. (Муштум)

кирг.: Социалистик мелдештин жыйынтигы менен жаш **43** куруучу, тейлөө кызматында иштеген **26** комсомолец и «Коммунистик эмгектин эпкиндүүсү» деген жогорку наамга татыктуу болушту. (Советтик Кыргызстан, 18. XI. 1979)

туркм.: Селим ага шол палатенчалардан **йигрими** топуны алышды. (Р. Алланазаров) Гузламагына муның, энтек ене **ики айы** дагы бар. (Р. Алланазаров)

каракалп.: Сораған **бир-еки** адам оған жөнли жууап бермеді. (А. Бегимов) Ең ақырында Хийуалыдан үш одамды өлтириб, садағының оғы таусылып, өзи қолға түседі. (А. Бегимов)

Модель $Q+N_p$ также характерна для сравниваемых тюркских языков. Взаимовключение количественных слов и морфемы множественного числа -лар может быть обусловлено семантикой самих количественных слов, семантикой определяемых существительных, стилистической необходимостью, влиянием переводных текстов, заимствованием готовой модели и т. д. Напр.:

кирг.:—Анда биз, **бир кур** оспүрүм балдар, колхоздо араба айдап, суу сугарып чөп чаап, айтор, — согушта салгылашып жаткан эр бүлөлөрдүн оор түйшүгү биздин мойнубузда калган. (Ч. Айтматов)

узб.: Ушанда биз **бир** гала ўспирин болалар колхозда экин суғориб, арава ҳайдаб, ўт ўриб юрар эдик, хуллас, урушга кетган эркакларнинг оғир меҳнати бизнинг зиммамизга тушган эди. (Ч. Айтматов)

В казахском, туркменском и каракалпакском языках сочетание «бир кур оспүрүм» передано другими описательными способами.

Рассмотрим примеры:

узб.: Бу йил 31 августгача энг керакли мутахассислар тайёрлайдиган **10 олий ўқув юртларига** 17887 та ариза тушди. (Муштум) Партиямизнинг бу муҳим ҳужжати **барча олий ўқув юртларида** чуқур ва ҳар томонлама ўрганилмоқда. (Муштум)

каз.:—Осының, бәрін қалай жасадың? Мынау **көп** белшектерді табу да оңай болмаған шығар? (Социалистик Қазақстан) ... өткен өмір жолдарымен **неше** түрлі адамдар бейнесі тізбектеліп өтіп жатты. (Қ. Сауыркенов)

кирг.: Бирок мында али абдан **көп-көп** иштерди аткаруу керек. (Советтик Кыргызстан) Коммунист акындын **бир неча китептери** Москвада жана Фрунзеде орус тилинде да басылып чыкты. (Советтик Кыргызстан)

каракалп.: ... қосықты айтқан **20—30** лаған атлылар; булардың

штаб қылып отырған кеңсесінің алдында келип тоқтап, оның есигін бузып, 10—15 адамды қамап атырғанын ... (А. Бегимов)
Мине Андреевтің изине орген жабай дивизияның **бир қанша адамлары** таң қаранғысында келип Зайырды басқан еді. (А. Бегимов)

Если категория множественности передается при помощи наречных или глагольных сочетаний, они выражают повторение или узуальность. Напр.:

кирг.: **Ар дайым** жолго чыгарда, мен ушул алкагы жөнөкөй жагачтан жасалган суреттүн алдына келип турам. (Ч. Айтматов)

узб.: **Ҳар гал** сафарга чиқишим олдидан кичкина ёғоч рамкага солинган сурат олдида туриш менга одат бўлиб қолганди. (Ч. Айтматов)

каз.: **Эрдәйім** бір жаққа жол жүрерде мен осы карапайым ағаш рамкаға салынған шағын суреттің алдына келіп тұрамын. (Ш. Айтматов)

туркм.: **Эртир** ир билен оба гитмели велин, мен суратдан гөзүми айырман ... (Ч. Айтматов)

каракалп.: **Хәрдайым** мен бир жаққа сапарға шығарда усы әпиуайы ағаш рамкаға салынған шағынырақ, сүуреттің алдына келип тураман. (Ч. Айтматов)

Употреблением показателей совместности выражается совместное действие субъекта. Напр.:

кирг.: Тээ чоң аталарыбыз **бирге көчүп, бирге конуп** өтө ынтымактуу турушкан экен, ошолордун салты менен биз дагы арабызды алыстатпай, кол үзгөн жокпуз. (Ч. Айтматов)

узб.: Ота-боболаримиз **бирга кўчиб, бирга қўниб**, жуда аҳл Яшаган экан, бу одатни муқаддас билиб биз ҳам орага совуқлик туширмай, опоқ-чапоқ бўлиб келяпмиз. (Ч. Айтматов)

каз.: Арғы аталарымыз **бирге көшіп, бирге қонып** өте ынтымақты өмір сүрген экен, солардың салтымен біз де арамызды алыстатпай бір-бірімізден қол үзген жоқпыз. (Ш. Айтматов)

каракалп.: Арғы аталарымыз **бирге көшип, бирге қоныс басып** жүдә татыу өмір сүрген, солардың, дәстүри менен бизде арамызды алыстатпай, бир-биримізден, қол үзген емеспіз. (Ч. Айтматов)

туркм.: Бизиң бабаларымыз мал сүрен вагтларында-да **биле сүрүп, дүшлән** вагтларында-да **биле дүшләп**, өңем бир юртда **биле яшапдырлар**. (Ч. Айтматов)

* * *

Итак, мы рассмотрели основные способы передачи категории множественности в английском и тюркских языках. Необходимо указать, что некоторые модели передачи множественности не были включены в анализ. К ним прежде всего относятся те способы, которые связаны с колебанием выражаемых единиц в тюркских языках, т. е. те, кото-

рые относятся к частным случаям передачи категории множественности, и те, которые еще не получили своего решения в нормативных и академических грамматиках сравниваемых языков.

С точки зрения типологического сходства и несходства большой интерес представляет определение основных моделей выражения той или иной категории в каждом из сравниваемых языков, а также установление принципов межъязыкового соответствия в пределах выбранной категории.

Как видно из анализа конкретного языкового материала, типологическая категория множественности одинаково характерна для систем рассмотренных нами языков и в качестве типологических форм выступают те же морфологические, лексические и синтаксические единицы иерархии языка, которые, в свою очередь, либо взаимовключают, либо взаимоисключают друг друга. Это явление связано с типовыми признаками английского языка и тюркских языков. С этой точки зрения можно утверждать, что в английском языке разноуровневые показатели множественности взаимовключают друг друга, а в тюркских языках они, в основном, взаимоисключают друг друга с частичным «нарушением» этого принципа.

К одному из главных различий между системами сравниваемых языков относится материальное несходство соответствующих друг другу средств выражения в английском и тюркских языках. Это расхождение является результатом генетической гетерогенности систем сравниваемых языков.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Об основных проблемах таксономии см.: *Gregg J. R.* The Language of Taxonomy. An Application of Symbolic Logic to the Study of Classificatory Systems. N.Y., 1954; *Любишев А.А.* О критериях реальности в таксономии. — В кн.: Информационные вопросы семиотики, лингвистики и автоматического перевода. М., 1971, вып. 1; *Майр Э.* Принципы зоологической систематики. М., 1971; *Löther R.* Die Beherrschung der Mannigfaltigkeit. — Philosophische Grundlagen der Taxonomie. VEB Gustav Fischer Verlag, Jena, 1972.

² Например, один из представителей «Volkerpsychologie» (Психология народов) В. Вундт пытался объяснить широкое распространение словарных повторов (редупликативных слов) либо примитивностью народов, либо более живым темпераментом носителей языка. К последним он относит итальянский язык. Такие спиритуалистические и другие отклонения от реального положения вещей можно встретить и в отношении других проблем, разбор которых требует специальных исследований. (См.: *Баранников А.* Словарное повторение в хиндустани. — Восточные записки. Л., 1927, с. 73.)

³ См., напр.: *Маркарян Э.С.* О значении сравнительного метода в культурно-историческом познании. — Вестн. истории мировой лит., 1957, № 4; Он же [195]; *Масленников М.М.* Методологическое значение сравнения в научном познании. Воронеж, 1968; *Файзиев М.М.* Ф. Энгельс о сравнительном методе исследования естественных и общественных наук. — Общественные науки в Узбекистане. 1970, № 11; Он же: Использование классиками марксизма-ленинизма сравнительного метода при исследовании государственно-правовых явлений. — СГП. 1973, № 8; *Климов Г.А.* Вопросы компаративистики в трудах Ф. Энгельса. — Энгельс и языкознание. М., 1972; *Берг М.А.* Сравнительно-историческое изучение буржуазных революций XVI—XVIII вв. — Вопр. истории, 1975, № 9.

⁴ В этом отношении мы солидарны с А. Димой: «Сравнительное литературоведение как историко-литературная дисциплина входит в состав более широкой науки — науки о литературе, трактуемой в самом общем смысле этого термина. Здесь оно соприкасается с историей литературы, критикой и теорией литературы, а также — прямо или косвенно, как мы попытаемся показать в дальнейшем — со всемирной литературой». (См.: *Дима А.* Принципы сравнительного литературоведения. М., 1977, с. 25.)

⁵ В этом можно легко убедиться, сравнивая труды этих ученых по языкознанию и литературоведению: *Schlegel Fr.* [427]; Он же: *Geschichte der alten und neuen Literatur.* Wien, 1812; *Schlegel A.* Blumensträuße italienischer, spanischer und portugiesischer Poesie. Wien, 1804; Он же [428].

⁶ В книге К. Горна эта классификация выглядит следующим образом [399, с. 18]:

A. Formless languages	
(1) collocating	Indo-Chinese
(2) derivative	
(a) by reduplication and prefixes	Polynesian
(b) by suffixes	Turkish
(c) by incorporation	Amerindian
B. Form languages	
(1) collocating	Chinese
(2) derivative	
(a) by juxtaposition of grammatical elements	Egyptian
(b) by inner root change	Semitic
(c) by "red" suffixes	Sanskrit

⁷ Приводим классификацию Ф. Мистели, которую необходимо рассмотреть в сравнении с классификацией его предшественника Г. Штейнтала. Классификация также приводится из цитируемой работы К. Горна [399, с. 20—21]:

A. Formless languages	
(1) with sentence words (Ein-Wort-Sätze)	Amerindian
(2) without words (nichtwortig)	

sky N. Logical Syntax and Semantics, Their Linguistic Relevance. — *Language*, 1955, vol. 31.

²⁴ См.: Рождественский Ю. В. [251]; Гак В. Г. [90]; Толстой Н. И. Из опытов типологического исследования славянского словарного состава. — ВЯ, М., 1963, № 1; Wells R. S. [439]; Крамский И. К проблеме артикля. — ВЯ, М., 1963, № 4; Salzmann Z. A Method for Analyzing Numerical Systems. — *Word*, 1950, vol. 6, № 1; Гроот А. В. Классификация групп слов. — Принципы типологического анализа языков различного строя. М., 1972; Stan I. Problems of Linguistic Typology. — *Revue de linguistique*, 1963, vol. VIII, N 2; Voegelin C. F. Subsystem Typology in Linguistics. — *Men and Cultures, Selected Papers of the Vth International Congress of Anthropological and Ethnological Sciences/Ed. by A. F. Wallace*, Philadelphia, 1960; Уфимцева А. А. [322]; Ullmann S. [438]; Калужний Л. А., Скороходько Э. Ф. Некоторые замечания о лексической семантике. — Исследование по структурной форме типологии. М., 1963.

²⁵ См.: Степанова М. Д. Методы синхронного анализа лексики. М., 1968; Уфимцева А. А. [322; 323]; Гальперин И. Р. Информативность единиц языка. М., 1974; Гак В. Г. [90]; Он же: Беседы о французском слове. М., 1966; Медникова Э. М. [197].

²⁶ К отдельным статьям, касающимся этого вопроса, относятся, напр.: Волоцкая Э. М. К сопоставительному описанию славянских языков. — ВЯ, М., 1975, № 5; Береснев С. Д. Опыт типологии словообразовательной формы. — *Филол. науки*. М., 1975, № 2.

²⁷ Более подробное описание дается в следующих работах: Marchand H. *The Categories and Types of Present-Day English Word-Formation*. Wiesbaden, 1960, с. 313; Greenberg J. *The Nature and Uses of Linguistic Typologies*. — *IJAL*, 1957, XXIII, N 2, с. 71; Horne K. [399, с. 7].

²⁸ Об этимологии данного слова см.: Севортян Э. В. [26, с. 147—148].

²⁹ К работам, в которых рассматривается данная тема, относится: Газов-Гинзбург А. М. Символизм прасемитской флексии. М., 1974.

³⁰ Об этом свидетельствует нижеследующее высказывание: The use of traditional descriptions will certainly lead to quicker results. A danger inherent in more sophisticated theoretical frameworks such as transformational generative grammar is that the proponent of such models may easily lose sight of the practical aims he had in mind when starting his investigation [413, с. IX].

³¹ См.: Хомский Н. [332; 381]. В последней работе Н. Хомский признает, что генеративная модель состоит из: семантической интерпретации, глубинной структуры, поверхностной структуры, фонетической интерпретации.

³² См.: Katz J. *Interpretive Semantics vs. Generative Semantics*. — *Foundations of Language*, 1970, VI, с. 220—259; Lakoff G. *Abstract Syntax and Latin Complementation*. The M.I.T. Press, Cambridge, Massachusetts, 1968; McCawley J. *Interpretive Semantics ...* — *Foundations of Language*, 1971, VII, с. 285—296; Katz J. and Fodor J. *The Structure of a Semantic Theory*. — *Language*, 1963, vol. 39; Postal P. *On Raising One Rule of English Grammar and Its Theoretical Implications*. The M.I.T. Press, Cambridge, Massachusetts, London, 1974.

³³ См.: Uhlenbeck E. M. *Critical Comments of Transformational-Generative Grammar 1962-1972*. The Hague, 1973, с. 84—96. О различных вариантах интерпретации глубинной и поверхностной структур в работах Н. Хомского и др. см.: *Studies in English Transformational Grammar* by Swen Jakobson. Stockholm, 1971.

³⁴ См.: Бархударов Л. С. [30]; Мартемьянов Ю. С. Семантика в порождающей грамматике. Проблемы и результаты. — Принципы и методы семантических исследований. М., 1976; Богданов В. В. Концепция глубинной структуры в современной лингвистической семантике. — Вопросы лингвистической семантики. Тула, 1976; Botha R. *The Justification of Linguistic Hypotheses*. Mouton, 1973.

³⁵ См. об этом: Baron D. E. *Case Grammar and Diachronic English Syntax*. Mouton, The Hague, Paris, 1974, с. 33. Д. Барон следующим образом характеризует систему Ч. Филлмора: «In 1968, Charles Fillmore proposed a case grammar model, based on the theory that various noun phrases of a proposition (i.e. sentence) can stand only in a limited number relations to the verb. He termed these "deep case" relationships. They have nothing to do with the surface cases of traditional grammar such as nominative, accusative, or genitive. One of the advantages of Fillmore's theory over both traditional and transformational grammar is that

Fillmore incorporates the lexicon more or less directly into the syntactic system, formalizing semantic theory to a greater extent than had been done in the past» (Указ. соч., с. 14.)

ПРЕДМЕТНЫЙ УКАЗАТЕЛЬ¹

- Абстрагированные и подабстрагированные модели 113, 114, 115, 116, 117
Агглютинативные языки 74, 75, 173
Агглютинация 174
Английский язык 168, 169
Ареалогия 54, 55
Ареальная типология 53, 54, 55
— и перевод 161
- Бинарность 76, 77, 78, 79
— двуязычная 76
— многоязычная 76
— односторонне многоязычная 76, 77, 78
— двусторонне многоязычная 79
Близость
— генетико-материальная 144, 145, 146, 147
— системно-эмическая 144, 145, 146, 147
Бурский язык (Африкаанс) 168
- Взаимовключение разноуровневых маркеров 120, 121, 122, 123, 124
Взаимосключение разноуровневых маркеров 120, 121, 122, 123, 124
Внутриязыковая типологическая грамматика 133, 134, 135, 136
Внутриязыковые аспекты типологических категорий 133, 134, 135, 136
Восточно-германские языки 167
- Генеалогическая классификация 41, 42, 43, 44
Генеалогическое развитие английского и тюркских языков 167
Генетическая типология 34, 35, 36
— динамико-генетическая типология 35
— статико-генетическая типология 35, 36
Генетическая типология и перевод 161
Гетерогенная лексика 219, 220, 221
Глубинная структура 79, 80, 81, 82, 83, 84, 85, 86, 87, 88, 89
— абсолютная 86, 87, 88, 89
- глубинно-поверхностного тождества 82, 83, 84
— максимальная глубинная структура глубинно-поверхностного тождества 84, 85
— минимальная (или внутриязыковая) 82, 83, 84, 85
— нейтрального отношения к поверхностному тождеству 85, 86, 87, 88, 89
— типологическая
— глубинная структура глубинно-поверхностного тождества 83, 84, 85
— глубинная структура с эмически организованной поверхностью 84, 85
— глубинная структура с этико-эмически организованной поверхностью 83, 84, 85
— глубинная структура нейтральная по отношению к глубинно-поверхностному тождеству 85, 86
Глубинно-поверхностное тождество 82
Грамматико-лексические поля 108
Грамматическая форма 101, 102, 103, 104
Грамматические категории 101, 102, 103, 104
Грамматическое значение 102, 103, 104
Графические особенности сравниваемых тюркских языков 179, 180, 181, 182, 183, 184
- Дистрибутивные отношения разноуровневых показателей типологических категорий 120, 121, 122, 123, 124
- Завершенность и незавершенность типологических операций 94, 95
Заемствованная лексика 218
Западно-германские языки 168, 169
- Идентичность процесса сравнения 141, 142, 143
Идиш 168
Изолирующие (аморфные) языки 176, 177, 178
Изоморфизм и алломорфизм структуры предложения 184, 185, 186, 187, 188, 189, 190, 191

¹ Указаны только основные случаи употребления ключевых слов и понятий.

(a) root-isolating	Chinese
(b) stem-isolating	Malay
(c) juxtaposing (anreihend)	Egyptian
(3) with apparent words (scheinwortig)	Turkish
B. Form languages	
(4) with real words (echtwortig)	Semitic and Indo-European

⁸ Классификация Н. Финка выглядит следующим образом [399, с. 26]:

A. Isolating	
(1) root-isolating	Chinese
(2) stem-isolating	Samoan
B. Inflected	
(1) root-inflected	Arabic
(2) stem-inflected	Greek
(3) group-inflected	Georgian
C. Combining, but not inflected	
(1) juxtaposing (anreihend)	Subiya
(2) subordinating (unterordnend)	Turkish
(3) incorporating (einverbindend)	Greenland Eskimo

⁹ Как указал А. А. Реформатский [249, с. 460—461], в классификации Ф. Ф. Фортунатова арабский язык относится к флективно-агглютинативному типу. Что касается турецкого языка, то в работе Е. Д. Поливанова указывается на аналитический характер агглютинирующих языков [236, с. 51].

¹⁰ См., напр.: Мельников Г. П. [203]; Он же: Некоторые общие черты вокализма урало-алтайских языков. — В сб.: Исследования в фонологии. М., 1966; Он же: Объемные геометрические модели в пространстве физических характеристик для анализа статистических и динамических свойств фонологических систем. М., 1965; Он же: Проблема языка-эталона в тюркологии: Тез., докл. и сообщ. — Статистическое информационное изучение тюркских языков. Алма-Ата, 1969; Он же: Взаимообусловленность структуры ярусов в языках семитского строя. — В сб.: Семитские языки. М., 1965, вып. II; Он же: Геометрические модели вокализма и причины перебора башкирско-татарских гласных. — В сб.: Проблемы лингвистического анализа. М., 1966; Он же: Морфологический строй языков и средство слово-разграничения. — В сб.: Исследования по фонологии. М., 1966; Он же: Психологические особенности грамматического строя языков. — В сб.: Теория речевой деятельности и проблемы психолингвистики. М., 1968.

¹¹ Эти вопросы более подробно освещены в работах Т. А. Амировой [13; 14]. См. также: Амирова Т. А. К вопросу о лингвистической интерпретации алфавитных систем письма (Проблема моделирования функциональной связи звучания и графемки). — В сб.: Младописьменные языки Африки. Вопросы фонологии и грамматики. М., 1977.

¹² К числу работ, касающихся этих вопросов, относятся: Salmaa Arto. Formal Languages. N.Y., London, Acad. Press, 1973; Она же: The Formal Analysis of Natural Languages. — Proceedings of the 1st International Conference./Ed. by Maurice Gross (et al.). The Hague—Paris, Mouton, 1973; Levell W. G. M. Formal Grammars in Linguistics and Psycholinguistics. 1974, vol. 1.

¹³ См.: Арнольд И. В. Графические стилистические средства. — ИЯШ. М., 1973, № 3; Иванова А. М. К вопросу о методической типологии орфографического материала на начальном этапе в спецшколе. — Иностраный язык [Сб. ст. асп. и соискателей]. Алма-Ата, 1970, вып. V.

¹⁴ См.: Щерба Л. В. [347]; Он же: Основные принципы орфографии и их социальное значение. (Первый Всесоюзный тюркологический съезд). Баку, 1926; Виноградов В. В., Серебрянников Б. А., Решетов В. В. и др. Основные итоги разработки вопросов письменности и развития литературных языков народов СССР: Тез. докл. — В сб.: Закономерности развития литературных языков народов СССР в советскую эпоху. Алма-Ата, 1962.

¹⁵ Более широкое освещение этот вопрос получил в трудах Н. Г. Комлева [171]; Э. М. Медниковой [197]; Ю. Н. Караулова [151]; А. А. Леонтьева [187].

¹⁶ См.: Слюсарева Н. А. [272]; Мартмянов Ю. С. Семантика в порождаю-

шей грамматике: проблемы и результаты. — Принципы и методы семантических исследований. М., 1976; См. также: Проблемы порождающей грамматики и семантики [Реферативный сб. АН СССР]. М., 1976; Вопросы лингвистической семантики./Тульский гос. пед. ин-т им. Л. Н. Толстого. Тула, 1976.

¹⁷ См.: *Якобсон Р., Фант Г. М. и Халле М.* [357]; *Успенский Б. А.* Типология языков (прогр. спецкурса). — Типология языковых систем. (Прогр. специализации студентов). М., 1966, с. 22; *Hockett Ch. F.* A Manual of Phonology. — IJAL, 1955, vol. XXI, N 4; *Voegelin C. F.* Methods for Typologizing Directly and by Distinctive Features (in reference to Uto-Aztekan and Kiowa-Tanoan vowel systems). — Lingua, 1962, XI; *Милевский Т.* [211, с. 3—31]; *Milewski T.* Phonological Typology of American Indian Languages. — Lingua Posnaniensis, 1953, vol. IV; *Menzerath P.* Typology of Language. — The Journal of the Acoustical Society of America, 1950, vol. XXII, N 6; *Skalička V.* Konsonantenkombinationen und linguistische Typologie. — TLP, 1964, I; *Martinet A.* [408] и др.

¹⁸ См.: *Лекомцева М. И.* Типология фонологических систем. — Исследования по структурной типологии. М., 1963, с. 42—51; *Елизаренкова Т. Я.* К типологии фонологических систем некоторых новоиндийских языков: Докл. делегации СССР (XXVII Международ. конгр. востоковедов). М., 1963; *Мельников Г. П.* Проблема языка-эталоны в тюркологии: Тез. докл. и сообщ. — Статистическое информационное изучение тюркских языков. Алма-Ата, 1969; *Гамкрелидзе Г. В., Мачавариани Г. И.* Система сонантов и аблаут в картвельских языках. — Типология общекартвельской структуры. Тбилиси, 1965; *Клычков Г. С.* [160, с. 239—255]; *Ширков О. С.* [344; 345].

¹⁹ О конкретных случаях универсалий, составленных на основе проделанных работ, см.: [354, с. 333—336]; *Успенский Б. А.* [318, с. 186—208].

²⁰ См., напр.: *Martinet A.* [408, с. 74—75]; *Скаличка В.* [270, с. 28 и сл.]; [224а, с. 536 и сл.]; *Мельников Г. П.* Некоторые способы описания и анализа гармонии гласных. — Вопросы языкознания в современных тюркских языках. М., 1962, № 6; Он же: Геометрические модели вокализма и причины перебора башкирско-татарских гласных. — В сб.: Проблемы лингвистического анализа. М., 1966; Он же: Объемные геометрические модели в пространстве физических характеристик для анализа статических и динамических свойств фонологических систем. М., 1965; Он же: Некоторые общие проблемы вокализма урало-алтайских языков. — В сб.: Исследования по фонологии. М., 1966; *Топорова И. Н.* Типология фонологических систем языков банту. М., 1975.

²¹ См.: *Crystal I. D.* Prosodic Systems and Intonation in English. Cambridge, 1919, с. 31—32; *Lotz G.* Metrics and Linguistics. — Report of the 10th Annual Round Table Meetings on Linguistics and Language Teaching/Ed. by R. S. Harrell. Georgetown Monograph Series on Language and Linguistics. Washington: Georgetown U. P., с. 129—137.

²² См.: *Hjelmslev L.* La catégorie des cas. Etude de grammaire générale I ("Acta Jutlandica", 1935, vol. VII, N 1); II ("Acta Jutlandica", 1937, vol. IX, N 2); *Якобсон Р. О.* Морфологические наблюдения над славянским склонением (Состав русских падежных форм). — American Contributions to the Fourth International Congress of Slavists (Moscow, September, 1958). S'Gravenhage, 1958; Он же: Шифтеры, глагольные категории и русский глагол. — Принципы типологического анализа языков различного строя. М., 1972; *Засорина Н.* Опыт системного анализа предлогов современного русского языка. — Уч. зап. ЛГУ, 1961, вып. 6, № 301; *Успенский Б. А.* О существовании грамматических типов в языке. — Лингвистическая типология и восточные языки. М., 1965; Он же: Отношения подсистем в языке и связанные с ними универсалии. — Проблемы языкознания. М., 1967; *Гухман М. М.* [110]; *Гарвин П. Л.* Относительная анализируемость морфологических данных. — Принципы типологического анализа языков различного строя. М., 1972; [212; 213]; *Царенко Б. И.* К вопросу о морфологической и фонологической структуре слова в агглютинативных языках. — Филол. науки. М., 1975, № 6.

²³ См.: *Мецианинов И. И.* [205; 207; 209]; *Милевский Т.* [211]; *Базелл Ч. Е.* [23]; Он же: Syntactic relations and linguistic typology. — Cahier Ferdinand de Saussure, 1949, N 8; *Martinet A.* [408]; *Broendal V. A.* Autonomie de la syntax. — Journal de psychologie, 1933, vol. XXX, N 1—4; *Рождественский Ю. В.* [251]; *Мельников Г. П.* Проблема языка-эталоны в тюркологии: Тез. докл. и сообщ. — Статистическое информационное изучение тюркских языков. Алма-Ата, 1969; *Стом-*

Индифферентность сравнительной типологии
— к глубинно-поверхностному тождеству 79, 80, 81, 82, 83, 84, 85, 86, 87, 88, 89
— к генетическому родству 144, 145, 146, 147
— к генетическому родству и системной близости 89, 90, 91, 92, 93, 94
Индоевропейские языки 167, 168, 169
Инкорпорирующие (полисинтетические) языки 178, 179
Интерференция 157, 158, 159
— положительная 158
— отрицательная 158, 159, 160, 161

Казахский язык 169
Каракалпакский язык 170
Категория определенности—неопределенности 112, 159, 160, 161
Категория залоговости 114, 115, 116, 117
Квантитативный подход к классификации 47, 48, 49
Киргизский язык 170
Классификация Э. Сепира 44, 45, 46, 47, 48
Контенсивный подход к сравнению 95, 96; 97, 98
Контрастная лингвистика 59, 60
Корреспонденция
— межуровневая межъязыковая 126, 127, 128, 129, 130
— межъязыковая 124, 125, 126, 127, 128, 129, 130, 131, 132, 133
— одноуровневая одноязычная 126, 131

Лексикографические вопросы типологизации 162, 163, 164, 165, 166
Лексическая типология 71, 72, 73
Лингвистические универсалии 37, 38, 39

Маркированность (типологических категорий) 119, 120
— имплицитная 119, 120
— эксплицитная 119, 120
— периферийная 119, 120
— центральная 119, 120
Маркированные плюральные слова 228, 229, 230
— выражающие конкретное число 229, 230
— выражающие обобщенное множество 230, 231
— суффиксально-маркированные 231
— редуликативно-маркированные 231, 232, 233, 234, 235

Межразрядность типологических категорий 117, 118, 119
Межуровневость
— типологических категорий 113, 114, 115, 116, 117
— соответствующих единиц 143, 144
Межъязыковая типологическая грамматика 134, 135, 136
Межъязыковость типологических категорий 111, 112, 113
Модифицирующие факторы
— ареальной типологии 54, 55
— генетической типологии 35, 36
— сравнительной типологии 56, 57, 58, 59, 60, 61, 62, 63, 64, 65, 66, 67, 68, 69, 70, 71, 72, 73, 74, 75, 76, 77, 78, 79, 80, 81, 82, 83, 84, 85, 86, 87, 88, 89, 90, 91, 92, 93, 94, 95, 96, 97, 98, 99
— структурной типологии 37
Морфологическая типология 68, 69
Морфологический способ выражения множественности 197, 198, 199, 200, 201, 202, 203, 204, 205, 206, 207, 208, 209, 210
Морфологическая классификация (см. типологическая классификация)

Нейтральные слова (к числу) 218, 219, 220, 221, 222, 223, 224, 225, 226, 227, 228
Немаркированные плюральные слова 212, 213, 214, 215, 216, 217
Немецкий язык 118
Нетождество
— эмически обусловленное 30, 31
— этически обусловленное 30, 31
Нидерландский язык 168
Нумеративные слова 215, 216, 217

Общность 90, 91, 92, 93, 94
— высшая 91, 92
— генетическая 90
— максимальная 90
— минимальная 90
— низшая 92
— плана содержания 140, 141
— типологическая 92, 93, 94
Ограниченность—неограниченность систем языков 29, 30
— ареальная 30
— количественная 29, 30, 76, 77, 78, 79
Оппозиция форм единственного и множественного числа 191, 192, 193, 194, 195, 196, 197, 198, 199, 200, 201, 202, 203, 204, 205, 206, 207, 208, 209, 210
— маркированных форм единственного и множественного числа 202, 203
— немаркированных форм единствен-

ного и множественного числа 203, 204, 205, 206

— немаркированных форм единственного и маркированных форм множественного числа 197, 198, 199, 200

Относительная ограниченность типологических операций 94, 95

Плюралия тантум 217, 218

Подход к сравнению

— уровневый 4, 5, 75

— контенсивный 31, 32

— межуровневый 5, 31

— формальный 32

Понятийные категории 104, 105, 106, 107

Принципы классификации лексических единиц

— по разрядам слов 211, 212

— по семантике 212

— по структуре 211

— по числу 211, 212

Проблема категоризации 99, 100, 101, 102, 103, 104, 105, 106, 107, 108, 109, 110, 111

Различие контрастной лингвистики и сравнительной типологии 59, 60

Различие в плане содержания 151, 152, 153

Свобода выбора 148, 149, 150, 151

Связь сравнительной типологии с другими науками 136, 137, 138, 139, 140, 141, 142, 143, 144, 145, 146, 147, 148, 149, 150, 151, 152, 153, 154, 155, 156, 157, 158, 159, 160, 161, 162

Северо-германские языки 167, 168

Семантическая типология 63, 64, 65, 66

Символическая типология 72

Синонимия

— межуровневая 124, 125, 126, 127, 128, 129, 130, 131, 132, 133

— межуровневая одноязычная 126

— одноуровневая одноязычная 126

Синтаксическая типология 69, 70

Синтаксический способ образования множественности 235, 236, 237, 238, 239, 240, 241, 242

Сопоставительная грамматика

Е. Д. Поливанова 74, 75, 76

Сравнение

— в литературе 10, 11, 12

— в общественных науках 9

— в психологии 8, 9

— в юридических дисциплинах 10

— несубстанциональное 8

— полное 159

— частичное 159

Сравнительная характеристика модифицирующих факторов разделов лингвистической типологии 60, 61

Сравнительная типология 55, 56, 57, 58, 59, 60, 61, 73, 74, 75, 76, 77, 78, 79, 80, 81, 82, 83, 84, 85, 86, 87, 88, 89, 90, 91, 92, 93, 94, 95, 96, 97, 98, 99

Сравнительная типология и лексикография 161, 162, 163, 164, 165, 166

Сравнительная типология и методика 156, 157, 158, 159, 160, 161

Сравнительная типология и перевод 137, 138, 139, 140, 141, 142, 143, 144, 145, 146, 147, 148, 149, 150, 151, 152, 153

Сравнительная типология и стилистика 153, 154, 155

Сравнительно-историческое языкознание 16, 17, 18, 19, 34, 35

Степень распространения грамматических средств 171, 172

Степень эквивалентности 144, 145, 146, 147

Структурная типология 36, 37, 38, 39, 40, 41, 42, 43, 44, 45, 46, 47, 48, 49, 50, 51, 52, 53

Структурная типология и методика 161

Субстанциональное сравнение 8

Супraseгментная типология 72

Суффиксально-агглютинативные языки 74

Тип

— языка 28

— в языке 28, 29

Типологическая имитация 22, 23

Типологическая категория 109, 110, 111, 112, 113, 114, 115, 116, 117, 118, 119, 120, 121, 122, 123, 124, 125, 126, 127, 128, 129, 130, 131, 132, 133, 191, 192, 193, 194, 195, 196, 197, 198, 199, 200, 201, 202, 203, 204, 205, 206, 207, 208, 209, 210, 211, 212, 213, 214, 215, 216, 217, 218, 219, 220, 221, 222, 223, 224, 225, 226, 227, 228, 229, 230, 231, 232, 233, 234, 235, 236, 237, 238, 239, 240, 241, 242

Типологическая классификация 41, 42, 43, 44, 45, 46, 47, 48, 49, 50, 51, 52

Типологическая

— теория 52, 53

— форма 109, 110, 111

Типологическая операция

— завершенная 32, 33

— незавершенная 32, 33

Типологическое значение 111

Типология

— общая 7
— лингвистическая 8, 12, 13, 14, 15 и далее
— нелингвистическая 8, 9, 10, 11, 12, 33
Типологичность взаимовключения и взаимоисключения 123, 124
Тождество
— глубинно-поверхностное 30
— эмическое 30
— этическое 30
— этико-эмическое 30
Туркменский язык 170
Тюркские языки 169, 170, 171

Узбекский язык 169
Универсалии языка 37, 38, 39, 40, 41
Универсальная «Грамматика Пор-Рояль» 19, 24

Факторы развития лингвистической типологии 21, 22, 23, 24, 25, 26, 27
— первый 22, 23
— второй 23, 24, 25
— третий 25
— четвертый 25, 26
— пятый 26
— шестой 26, 27
Фламандский язык 168
Флективные языки 172, 173
Фонетическая типология 67, 68

Фонологическая типология 67
Формальная типология 62, 63
Фризский язык 168
Функциональная типология 72
Функционально-семантическая категория 107, 108

Характерология 57, 58

Число

— у существительных 197, 198, 199, 200, 201, 202, 203, 204, 205
— у глаголов 210
— у местоимений 206, 207, 208, 209, 210
— аффиксальный способ 207, 208
— супплетивный способ 208, 209, 210

Этапы лексикографического процесса 162, 163

Этапы развития лингвистической типологии 15, 16, 17, 18, 19, 20, 21

Язык-эталон (метаязык) 32, 39, 40, 41
— максимальный 41
— минимальный 41, 98, 99
— неограниченный 32
— ограниченный 32

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 23, 24, 25.
2. Энгельс Ф. Франкский период (раздел «Франкский диалект»). — Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 19.
3. Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 3.
4. Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 25.
5. Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 45.
6. Абаев В. И. Отражение работы сознания в лексико-семантической системе языка. — В сб.: Ленинизм и теоретические проблемы языкознания. М., 1970.
7. Абдурахманов Г., Шукуров Ш. Историческая грамматика узбекского языка (на узбекском языке). Ташкент, 1973.
8. Адмони В. Г. Типология предложения. Исследования по общей теории грамматики. М., 1968.
9. Адмони В. Г. Типология предложения и логико-грамматические типы предложения. — ВЯ. М., 1973, № 2.
10. Азизов О. А. Сопоставительная грамматика русского и узбекского языков: Морфология. Ташкент, 1960.
11. Алексеев М. Н., Колшанский Г. В. О соотношении логических и грамматических категорий. — ВЯ. М., 1955, № 5.
12. Алпатов В. М. Об уточнении понятий «флективный язык», «агглютинативный язык»: Тез. дискус. «Типология как раздел языкознания». М., 1976.
13. Амирова Т. А. Графология как область лингвистической проблематики (постановка вопроса). — В сб.: Лингвистика и методика в высшей школе. М., 1970.
14. Амирова Т. А. К истории и теории графемики. М., 1977.
15. Амирова Т. А., Ольховиков Б. А., Рождественский Ю. В. Очерки по истории лингвистики. М., 1975.
16. Аракин В. Д. О диахронических константах: Тез. дискус. «Типология как раздел языкознания». М., 1976.
17. Аракин В. Д. Типы атрибутивных словосочетаний в английском и узбекском языках. — Иностр. яз. в вузах Узбекистана. 1975, вып. 8.
18. Аракин В. Д. Сравнительная типология английского и русского языков. Л., 1979.
19. Арутюнова Н. Д. Понятие пресуппозиции в лингвистике. — Изв. АН СССР, Сер. лит. и яз. М., 1973, вып. 1, т. XXXII.
20. Арутюнова Н. Д. Понятие пропозиции в логике и лингвистике. — Изв. АН СССР. Сер. лит. и яз. М., 1976, № 1.
21. Арутюнова Н. Д. Морфология. Способы выражения грамматических значений. — Общее языкознание. Внутренняя структура языка. М., 1972.
22. Ахманова О. С. Словарь лингвистических терминов. М., 1966.
23. Базелл Ч. Е. Лингвистическая типология. — Принципы типологического анализа языков различного строя. М., 1972.
24. Балли Ш. Общая лингвистика и вопросы французского языка. М., 1955.
25. Балли Ш. Французская стилистика. М., 1961.
26. Бархударов Л. С. Общелингвистическое значение теории перевода. — В сб.: Теория и критика перевода. Л., 1962.
27. Бархударов Л. С. Структура простого предложения современного английского языка. М., 1966.
28. Бархударов Л. С. Уровни языковой иерархии и перевод. — Тетради переводчика. М., 1969.
29. Бархударов Л. С. Понятие поверхностной и глубинной структуры в свете «аллоэмической» модели языковых единиц: Тез. научн. конф. «Глубинные и поверхностные структуры в языке» (20—21 декабря). М., 1972.
30. Бархударов Л. С. К вопросу о поверхностной и глубинной структуре предложения. — ВЯ. М., 1973, № 3.
31. Бархударов Л. С. К вопросу о грамматических значениях и их передаче при переводе. — ИЯШ. М., 1975, № 3.
- 31а. Бархударов Л. С. Очерки по морфологии современного английского языка. М., 1975.
32. Бархударов Л. С. Язык и перевод. М., 1975.

33. Бархударов Л. С., Штелине Д. А. Грамматика английского языка. 2-е изд. М., 1968.
34. Баскаков Н. А. Каракалпакский язык. II, часть первая. М., 1952.
35. Баскаков Н. А. Морфологическая структура слова и части речи в тюркских языках. — Советское востоковедение. М., 1957, № 1.
36. Баскаков Н. А. Классификация тюркских языков в связи с исторической периодизацией их развития и формирования. — Тр. ин-та языкознания. М., 1962, т. 1.
37. Баскаков Н. А. Порядок и иерархия аффиксов в основе слова в тюркских языках. — Морфологическая типология и проблема классификации языков. М.—Л., 1965.
38. Баскаков Н. А. Введение в изучение тюркских языков. М., 1969.
39. Баскаков Н. А. Ареальная консолидация наречий и генетическое родство алтайских языков. — ВЯ. М., 1970, № 4.
40. Баскаков Н. А. О современном состоянии и дальнейшем совершенствовании алфавитов тюркских языков народов СССР. — В сб.: Вопросы совершенствования алфавитов тюркских языков СССР. М., 1972.
41. Басманова А. Г. Именные грамматические категории в современном французском языке. М., 1977.
42. Бегалиев Г., Махмудов Х., Мусабаяев Г. Краткий казахско-русский словарь. Алма-Ата, 1959.
43. Бекбергенов А. Каракалпак тилиндеги санлыклар. Некис, 1973.
44. Бенвенист Э. Классификация языков. — В сб.: Новое в лингвистике. М., 1963, вып. III.
45. Бенвенист Э. Общая лингвистика. М., 1974.
46. Березин Ф. М. О типологии языков у В. А. Богородицкого. — Лингвистическая типология и восточные языки. М., 1965.
47. Березин Ф. М. Русское языкознание конца XIX начала XX в. М., 1976.
48. Бернштейн С. Б. Очерк сравнительной грамматики славянских языков: Чередования. Именные основы. М., 1974.
49. Благова Г.-Ф. К методике историко-ареальных сопоставлений в тюркологии. — ВЯ. М., 1972, № 5.
50. Блумфилд Л. Язык. М., 1968.
51. Богородицкий В. А. Курс сравнительной грамматики индоевропейских языков, Тетр. 1, Казань, 1899; Тетр. 2, Казань, 1909.
52. Богородицкий В. А. Введение в изучение современных романских и германских языков. 2-е изд. М., 1959.
53. Бодуэн де Куртене. Избранные труды по общему языкознанию. М., 1963, т. I—II.
54. Большая Советская Энциклопедия. М., 1976, т. 1, 10, 25, 42.
55. Бондарко А. В. Грамматическая категория и контекст. Л., 1971.
56. Бондарко А. В. Теория морфологических категорий. Л., 1976.
57. Бондарко А. В. Грамматическое значение и смысл. Л., 1978.
58. Бондарко А. В. Проблемы лингвистической семантики: Тез. докл. и сообщ. (Всесоюзная научн. конф. по теорет. вопр. языкознания, 11—16 ноября 1974). М., 1974.
59. Боровков А. К. Агглютинация в тюркских языках. — Морфологическая типология и проблема классификации языков. М.—Л., 1965.
60. Бородин М. А. Ареалогия и некоторые вопросы романского языкознания. — ВЯ. М., 1975, № 2.
61. Будагов Л. Сравнительный словарь турецко-татарских наречий. 1—2. Спб., 1868—1871; 2-е изд. М., 1961 (фототипия).
62. Будагов Р. А. Сравнительно-семасиологические исследования. Романские языки. М., 1963.
63. Будагов Р. А. Близкородственные языки и некоторые особенности их изучения. — Типология сходств и различий близкородственных языков. Кишинев, 1976.
64. Буранов Дж., Аглаев Ю., Рахманбердыев К. Узбекско-английский словарь. Ташкент, 1961.
65. Буранов Дж., Курбаназаров П. Каракалпакско-английский словарь. М.—Нукус, 1970.

66. Буранов Дж. Инглиз ва ўзбек тиллари қиёсий грамматикаси (Сопоставительная грамматика англ. и узб. яз. Теорет. курс для ин-тов и фак-тов иностр. яз.). Ташкент, 1973.
67. Буранов Дж., Курбаназаров П. Грамматика английского языка. Морфология (на англ. и каракалпак. яз.). Нукус — М., 1974.
68. Буранов Дж., Хашимов У. Х. Инглиз тили грамматикаси (Грамматика англ. яз.). Ташкент, 1974.
69. Буранов Дж. Программа по курсу «Сравнительная типология английского и узбекского языков (для ин-тов и фак-тов иностр. яз.)». Ташкент, 1978.
70. Буранов Дж. Об одном способе категоризации в лингвистической типологии. — Иностранные языки в вузах Узбекистана [Сб. научн. тр.]. Ташкент, 1979, № 587.
71. Буранов Дж. Типологические категории и сравнительное изучение языков. АДД. М., 1979.
72. Ваараск П. К. Аналитический и синтетический строй языка. Таллин, 1961.
73. Вандриес Ж. Язык. Лингвистическое введение в историю. М., 1937.
74. Вардуль И. Ф. Понятие универсалий в лингвистической типологии. — Языковые универсалии и лингвистическая типология. М., 1969.
75. Вардуль И. Ф. Основы описательной лингвистики. М., 1977.
76. Вардуль И. Ф., Солнцев В. М. О двух возможных подходах к типологии. Тез. дискус. «Типология как раздел языкознания». М., 1976.
77. Введение в германскую филологию. М., 1980.
78. Вейнрейх У. О семантической структуре языка. — В сб.: Новое в лингвистике. М., 1970, вып. V.
79. Вейнрейх У. Одноязычие и многоязычие. — В сб.: Новое в лингвистике. М., 1972, вып. VI.
80. Виноградов В. В. Русский язык (грамматическое учение о слове). М. — Л., 1947.
81. Виноградов В. В. О категории модальности и модальных словах в русском языке. — Тр. ин-та русск. яз. М. — Л., 1950, т. II.
82. Виноградов В. В., Серебренников Б. А. О задачах советского языкознания в области исторического и сравнительно-исторического изучения языков. — ВЯ. М., 1956, № 2.
83. Виноградов В. А. Методы типологии. — Общее языкознание. Методы лингвистических исследований. М., 1973.
84. Вопросы совершенствования алфавитов тюркских языков СССР, М., 1972.
85. Вопросы структуры языка. М., 1964.
86. Гаджиева Н. З. Агглютинация как определяющий фактор развития синтаксической структуры тюркских языков. — Проблемы языкознания. М., 1967.
87. Гаджиева Н. З. Задачи и методы тюркской ареальной лингвистики. — ВЯ. М., 1975, № 1.
88. Гак В. Г. Сопоставительная лексикология (на материале фр. и русск. яз.). М., 1977.
89. Гак В. Г. Сравнительная типология французского и русского языков. Л., 1977.
90. Гак В. Г. К типологии лингвистических номинаций. — Языковая номинация. Общие вопросы номинации. М., 1977.
91. Гальперин И. Р. Очерки по стилистике английского языка. М., 1958.
92. Гамкрелидзе Г. В. Лингвистическая типология и диахроническая лингвистика: Тез. докл. и сообщ. (Всесоюзная научн. конф. по теорет. вопр. языкознания, 11—16 ноября 1974). М., 1974.
93. Глисон Г. Введение в дескриптивную лингвистику. М., 1959.
94. Головин Б. Н. Введение в языкознание. 3-е изд. М., 1977.
95. Городецкий Б. Ю. К проблеме семантической типологии. М., 1969.
96. Городецкий Б. Ю., Раскин В. В. Методы семантического исследования ограниченного подязыка. М., 1971.
97. Грамматические категории. Лингвистические исследования. М., 1976.
98. Грамматика русского языка. М., 1960, т. I.
99. Гринберг Дж. Квантитативный подход к морфологической типологии языков. — В сб.: Новое в лингвистике. М., 1963, вып. III.

100. Гринберг Дж. Некоторые грамматические универсалии, преимущественно касающиеся порядка значимых элементов. — В сб.: Новое в лингвистике. М., 1970, вып. VI.
101. Гринберг Дж., Осгуд И., Дженкинс Дж. Меморандум о языковых универсалиях. — В сб.: Новое в лингвистике. М., 1970, вып. V.
102. Гринберг Дж. Фонологические универсалии в синхронии и диахронии. — Принципы типологического анализа языков различного строя. М., 1972.
103. Гузаев В. Г., Насилов Д. М. К интерпретации категории числа имен существительных в тюркских языках. — ВЯ. М., 1975, № 3.
104. Фуломов А. Узбек тилида кўлик категорияси. Тошкент, 1944.
105. Фуломов А., Аскарова М. Ҳозирги замон ўзбек тили. Синтаксис. Тошкент, 1961.
106. Фуломов А., Тихонов А. Н., Кўнғуров Р. Узбек тили морфем луғати. Тошкент, 1977.
107. Гулыга Е. В., Шендельс Е. И. Грамматико-лексическое поле в современном немецком языке. М., 1969.
108. Гумбольдт В. О сравнительном изучении языков применительно к различным эпохам их развития. — В кн.: Звегинцев В. А. История языкознания XIX—XX веков (В очерках и извлечениях). М., 1964.
109. Гурбанов А. А., Кўрраев Н. Туркмен дилиниң грамматикасы. I бөлүм. Ашгабат, 1970.
110. Гухман М. М. Развитие залоговых противопоставлений в германских языках. М., 1964.
111. Гухман М. М. Типологические исследования. — Теоретические проблемы советского языкознания. М., 1968.
112. Гухман М. М. О содержании и задачах исторической типологии: Тез. докл. и сообщ. (Всесоюзная научн. конф. по теорет. вопр. языкознания, 11—16 ноября 1974). М., 1974.
113. Данияров А. Д. Теория множественности в современном казахском языке. АКД. Алма-Ата, 1965.
114. Десницкая А. В. К вопросу о взаимоотношении агглютинации и флексии. — В сб.: Морфологическая типология и проблема классификации языков. М. — Л., 1965.
115. Дешериев Ю. Д., Протченко И. Ф. Основные аспекты исследования двуязычия и многоязычия. — Проблемы двуязычия и многоязычия. М., 1972.
116. Дешериев Ю. Д. Закономерности развития литературных языков народов СССР в советскую эпоху. М., 1976.
117. Дешериева Т. И. Структура семантических полей чеченских и русских падежей. М., 1974.
118. Дмитриев Н. К. Строй тюркских языков. М., 1962.
119. Дмитриев Н. К. Категория числа. — Исследования по сравнительной грамматике тюркских языков. Часть 2. Морфология. М., 1956.
120. Дмитриев Н. К. Грамматика башкирского языка. М. — Л., 1948.
121. Дыйканов К., Худайбергенов С. Кыргыз тилинин морфологияси. Фрунзе, 1957.
122. Дыйканов К. Имя существительное в киргизском языке. Фрунзе, 1955.
123. Ельмслев Л. Можно ли считать, что значения слов образуют структуру? — В сб.: Новое в лингвистике. М., 1962, вып. II.
124. Ергалиев Т. Қазақ тіліндегі есімше категориясы. Алматы, 1958.
125. Есперсен О. Философия грамматики. М., 1958.
126. Ефимов А. М. Стилистика русского языка. М., 1969.
127. Жирмунский В. М. Развитие частей речи в тюркских языках по сравнению с индоевропейскими языками. — Изв. АН СССР, ОЛЯ. М., 1945, вып. 3—4, т. 4.
128. Жирмунский В. М. Введение в сравнительно-историческое изучение германских языков. Л., 1964.
129. Жирмунский В. М. Об аналитических конструкциях. — В сб.: Аналитические конструкции в языках различных типов. М. — Л., 1965.
130. Журиная М. И. Лингвистическая типология. — Общее языкознание. Внутренняя структура языка. М., 1972.
131. Зализняк А. А. Проблема словоизменения. М., 1966.

132. *Звегинцев В. А.* Хрестоматия по истории языкознания. М., 1956.
133. *Звегинцев В. А.* История языкознания XIX и XX веков в очерках и извлечениях. М., 1960, ч. I.
134. *Звегинцев В. А.* Современные направления в типологическом изучении языков. — В сб.: Новое в лингвистике. М., 1963, вып. III.
135. *Звегинцев В. А.* Теоретическая и прикладная лингвистика. М., 1968.
136. *Зограф Г. А.* Морфологический строй новых индоарийских языков. М., 1976.
137. *Иванов В. В.* Генеалогическая классификация языков и понятие языкового родства. М., 1954.
138. *Иванов В. В.* Типология и сравнительно-историческое языкознание. — ВЯ. М., 1958, № 5.
139. *Иванов В. В., Топоров В. Н.* Санскрит. М., 1960.
140. *Иванов С. Н.* Курс турецкой грамматики. Часть I. Грамматические категории имени существительного. Л., 1975.
141. *Иванова И. П., Чахоян Л. П.* История английского языка. М., 1976.
142. *Ильиш Б. А.* Строй современного английского языка. Л., 1971.
143. *Ильиш Б. А.* Современный английский язык. 2-е изд. М., 1948.
144. *Иртеньева Н. Ф.* О лингвистической пресуппозиции. — Проблемы семантического синтаксиса. Пятигорск, 1975.
145. *Исаев М. И.* О языках народов СССР. М., 1978.
146. *Исмаилов И.* Туркий тилларда қавм-қариндошлик терминлари. Тошкент, 1966.
147. Исследования по общей теории грамматики. М., 1968.
148. Историко-типологическая морфология германских языков. Фономорфология. Парадигматика. Категория имени. М., 1977; Категория глагола. М., 1977; Именные формы глагола. Наречия. Монофлексия. М., 1978.
149. *Исхаков Ф. Г.* Имя существительное. Исследования по сравнительной грамматике тюркских языков. Часть 2. Морфология. М., 1956.
150. Каракалпакско-русский словарь. М., 1958.
151. *Караулов Ю. Н.* Общая и русская идеография. М., 1976.
152. Категория залога. — Материалы конференции. Л., 1970.
153. *Кацнельсон С. Д.* Типология языка и речевое мышление. Л., 1972.
154. *Қашғарий М.* Туркий сўзлар девони. 1—3. Тошкент, 1960, 1961, 1963, 1967.
155. Киргизско-русский словарь. М., 1965.
156. *Климов Г. А.* Вопросы методики сравнительно-генетических исследований. Л., 1971.
157. *Климов Г. А.* Очерк общей теории эргативности. М., 1973.
158. *Климов Г. А.* Типология языков активного строя. М., 1977.
159. *Клычков Г. С.* Типологическая гипотеза реконструкции индоевропейского праязыка. — ВЯ. М., 1963, № 5.
160. *Клычков Г. С.* Типологические измерения и развитие индоевропейских языков. — Лингвистическая типология и восточные языки. М., 1965.
161. *Клычков Г. С.* Предмет исторической типологии: Тез. дискус. «Типология как раздел языкознания»/Ин-т востоковедения. М., 1970.
162. *Ковтун Л. С.* Лексикография в Московской Руси начала XVII в. Л., 1975.
163. *Когур Г.* Стихотворный размер и перевод. — Актуальные проблемы теории художественного перевода. М., 1967.
164. *Кодухов В. И.* Общее языкознание. М., 1974.
165. *Кодухов В. И.* Введение в языкознание. М., 1979.
166. *Колшанский Г. В.* Лингвистическая основа анализа языкового стиля. — Проблемы лингвистической стилистики. М., 1969.
167. *Колшанский Г. В.* Проблемы универсалий языка. — Общее языкознание. Внутренняя структура языка. М., 1972.
168. *Колшанский Г. В.* Использование языковых универсалий при описании языков мира. — Принципы описания языков мира. М., 1978.
169. *Колшанский Г. В.* Некоторые вопросы семантики языка в гносеологическом аспекте. — Принципы и методы семантических исследований. М., 1976.
170. *Комиссаров В. Н.* Слово о переводе. М., 1973.

171. *Комлев Н. Г.* Компоненты содержательной структуры слова. М., 1969.
172. *Кононов А. Н.* Грамматика современного турецкого литературного языка. М. — Л., 1956.
173. *Кононов А. Н.* Грамматика современного узбекского литературного языка. М. — Л., 1960.
174. *Коротков Н. Н.* Основные особенности морфологического строя китайского языка. М., 1968.
175. *Кошечкина И.* Типологические структуры языка. Сфера видовременных значений. Киев, 1973.
176. *Кубрякова Е. С.* О соотношении парадигматических и словообразовательных рядов в германских языках. — Историко-типологические исследования морфологического строя германских языков. М., 1972.
177. *Кубрякова Е. С.* Семантика синтаксиса и некоторые проблемы словообразования. — Сб. МГПИИЯ им. М. Тореза. 1977, вып. № 112.
178. *Кубрякова Е. С.* Части речи в ономазиологическом освещении. М., 1978.
179. *Кудайбергенов С.* Сын атооч, сан атооч жана буларды мектепте окутуу. Фрунзе, 1960.
180. *Кудрявцева Н. А.* Сравнительная психология. Л., 1972.
181. *Кузнецов П. С.* Морфологическая классификация языков. М., 1954.
182. *Курбанов А. М.* Общее языкознание (на азерб. яз.). Баку, 1977.
183. *Кыдырбаев А.* Хэзирги қарақалпақ тилиндеги атлык сөзлер. Нөкис, 1961.
184. Кыргыз тилиндеги ат атоочтор. Фрунзе, 1960.
185. *Лайонс Дж.* Введение в теоретическую лингвистику. М., 1978.
186. *Леонтьев А. А.* Изолирующие языки. — БСЭ. М., 1972, т. 10.
187. *Леонтьев А. А.* Психолингвистический аспект языкового значения. — Принципы и методы семантических исследований. М., 1976.
188. Лингвистическая типология и восточные языки. М., 1965.
189. *Лоя Я. В.* История лингвистических учений. М., 1968.
190. *Майтинская К. Е.* Местоимение в языках разных систем. М., 1969.
191. *Макаев Э. А.* Проблемы индоевропейской ареальной лингвистики. М. — Л., 1964.
192. *Макаев Э. А.* Современное состояние общего языкознания и соотношение сравнительной, сопоставительной и типологической грамматики. — Теоретические проблемы современного языкознания. М., 1964.
193. *Макаев Э. А.* Отбор констант для построения типологической грамматики германских языков. — В сб.: Структурно-типологическое описание современных германских языков. М., 1966.
194. *Макаев Э. А.* Соотношение генетических и типологических критериев при установлении языкового родства. — В сб.: Энгельс и языкознание. М., 1972.
195. *Маркарян Э. С.* Очерки теории культуры. Ереван, 1969.
196. *Маслов Ю. С.* Введение в языкознание. М., 1975.
197. *Медникова Э. М.* Значение слова и методы его описания. М., 1975.
198. *Медникова Э. М., Лесняк А. Т.* Перевод и прагматическая адекватность. — Вестн. МГУ. Сер. X: Филология, 1975, № 3.
199. *Мейе А.* Введение в сравнительное изучение языков. М. — Л., 1938.
200. *Мейе А.* Сравнительный метод в историческом языкознании. М., 1954.
201. *Мельников Г. П.* Язык как система и языковые универсалии. — Языковые универсалии и лингвистическая типология. М., 1969.
202. *Мельников Г. П.* Семантика и проблемы тюркологии. — Советская тюркология. Баку, 1971, № 6.
203. *Мельников Г. П.* Детерминантная классификация языков и языки банту. — Афр. этнографический сб., № 9/Тр. Ин-та этнографии им. Н. Н. Миклухо-Маклая. Новая сер. Л., 1972, т. 100.
204. Методы сравнительного изучения современных романских языков. М., 1966.
205. *Мещанинов И. И.* Члены предложения и части речи. М. — Л., 1945.
206. *Мещанинов И. И.* Понятийные категории в языке. — Тр. военного ин-та иностр. яз. М., 1945, № 1.
207. *Мещанинов И. И.* Типологические сопоставления и типология систем. — Филол. науки/Научн. докл. высш. шк. М., 1958, № 3.

208. *Мецанинов И. И.* Агглютинация и инкорпорирование. — Морфологическая типология и проблема классификации языков. М. — Л., 1965.
209. *Мецанинов И. И.* Различные виды классификации языкового материала. — ВЯ. М., 1959, № 3.
210. *Мецанинов И. И.* Эргативная конструкция в языках различных типов. Л., 1967.
211. *Милевский Т.* Предпосылки типологического языкознания. — В сб.: Исследования в структурной типологии. М., 1963.
212. Морфологическая структура слова в языках различных типов. М. — Л., 1963.
213. Морфологическая типология и проблема классификации языков. М. — Л., 1965.
214. *Москальская О. И.* Проблемы семантического моделирования в синтаксисе. — ВЯ. М., 1973, № 6.
215. *Мухин А. М.* Лингвистический анализ. Теоретические и методологические проблемы. Л., 1976.
216. *Навоий Алишер.* Муҳокаматул-луғотайн. Асарлар. Тошкент, 1967, т. 14.
217. *Найда Ю. А.* Наука перевода. — ВЯ. М., 1970, № 4.
218. *Насыров Д.* Каракалпак тилинде көплик категориясы. (Илмий грамматика бойынша материаллар). Некис, 1961.
219. *Недялков В. П., Сильницкий Г. Г.* Типология каузативных конструкций. — Морфологический каузатив. Л., 1969.
220. *Неупокова И. Г.* История всемирной литературы. Проблемы системного и сравнительного анализа. М., 1976.
221. *Низамитдинова С.* Ҳозирги замон ўзбек тилида сон. Тошкент, 1963.
222. *Никольский Л. Б.* Синхронная социоллингвистика. М., 1976.
223. *Никонов В. А.* Имя и общество. М., 1974.
224. *Нурмуханова А.* Учебник по сравнительной грамматике тюркских языков (на каз. яз.). Алма-Ата, 1971.
- 224а. Общее языкознание. Внутренняя структура языка. М., 1972; Методы лингвистических исследований. М., 1973.
225. *Ольховиков Б. А.* Рационализм и эмпиризм в философии языка XVII в. и «Грамматика Пор-Рояль». — Уч. зап. МГПИИЯ им. М. Тореца, М., 1968, т. 42.
226. *Ольховиков Б. А.* Состояние теории языка в раннее средневековье и возрождение (на базе становления европейской лингвистической традиции). — Уч. зап. МГПИИЯ им. М. Тореца, М., 1969, т. 51.
227. *Панфилов В. З.* Эргативная конструкция предложения в языках различных типов. Л., 1967.
228. *Панфилов В. З.* Взаимоотношение языка и мышления. М., 1971.
229. *Панфилов В. З.* Типология грамматической категории числа и некоторые вопросы ее исторического развития. — ВЯ. М., 1976, № 4.
230. *Панфилов В. З.* Философские проблемы языкознания. Гносеологические аспекты. М., 1977.
231. *Пенжиев С.* Хазирки заман туркмен дилинде санлар. Чаржев, 1962.
232. *Петерсон М. Н.* Очерк синтаксиса русского языка. М., 1923.
233. *Петерсон М. Н.* Введение в языковедение. Задания 5 — 6. М., 1928.
234. *Пиотровский Р. Г.* Близкородственные языки или национальные варианты? — Типология сходств и различий близкородственных языков. Кишинев, 1976.
235. *Пирейко Л. А.* Основные вопросы эргативности на материале индоиранских языков. М., 1968.
236. *Поливанов Е. Д.* Русская грамматика в сопоставлении с узбекским языком. Ташкент, 1934.
237. *Поливанов Е. Д.* Опыт методики преподавания русского языка. Ташкент, 1968.
238. *Почепцов Г. Г.* Конструктивный анализ структуры предложения. Киев, 1971.
239. Принципы и методы семантических исследований. М., 1976.
240. Принципы описания языков мира. М., 1976.
241. Принципы типологического анализа языков различного строя. М., 1972.
242. Проблемы двуязычия и многоязычия. М., 1972.

243. Проблемы интерлингвистики. Типология и эволюция международных искусственных языков. М., 1976.
244. *Пумпянский А. Л.* Введение в практику перевода научной и технической литературы на английский язык. М., 1965.
245. *Расторгуева В. С.* К вопросу о путях развития близкородственных литературных языков. Кишинев, 1976.
246. *Рашидов Ш. Р.* Язык дружбы и братства. Ташкент, 1978.
247. *Рашидов Ш. Р.* Октябрь билан ҳамнафас. — Таржима санъати (Мақоллар тўплами). 4-китоб. Тошкент, 1978.
248. *Реформатский А. А.* Агглютинация и фузия как две тенденции грамматического строения слова. — В сб.: Морфологическая типология и проблема классификации языков. М. — Л., 1965.
249. *Реформатский А. А.* Введение в языковедение. М., 1967.
250. *Рецкер Я. И.* Теория перевода и переводческая практика. М., 1974.
251. *Рождественский Ю. В.* Типология слова. М., 1969.
252. *Рождественский Ю. В.* Введение в общую филологию. М., 1979.
253. *Рождественский Ю. В.* Типология слова. ДД. М., 1969.
254. *Розенцвейг В. Ю., Уман Л. М.* Интерференция и грамматические категории. — Исследования по структурной типологии. М., 1968.
255. Руководство для составления «Узбекско-русского словаря». Ташкент, 1960.
256. Русский язык. Энциклопедия. М., 1979.
257. *Савченко А. Н.* Сравнительная грамматика индоевропейских языков. М., 1974.
258. *Саломов Ф.* Тил ва таржима. Тошкент, 1966.
259. *Самойлович А. Н.* Некоторые дополнения к классификации турецких языков. Петроград, 1922.
260. *Сартбаев К. К.* Турк тилдеринин салыштырма грамматикасы. Фрунзе, 1962.
261. *Севортян Э. В.* Этимологический словарь тюркских языков. Общетюркские основы на гласные. М., 1974; Общетюркские и межтюркские основы на букву «Б». М., 1978.
262. *Севортян Э. В.* Вопросы грамматики в советской тюркологии. — В сб.: Теоретические проблемы советского языкознания. М., 1968.
263. *Сепир Э.* Язык. Введение в изучение речи. М. — Л., 1934.
264. *Серебрянников Б. А.* К проблеме типов лексической и грамматической абстракции. — Вопросы грамматического строя. М., 1955.
265. *Серебрянников Б. А.* Причины устойчивости агглютинативного строя и вопрос о морфологическом типе языка. — В сб.: Морфологическая типология и проблема классификации языков. М. — Л., 1965.
266. *Серебрянников Б. А.* О лингвистических универсалиях. — ВЯ. М., 1972, № 2.
267. *Серебрянников Б. А.* Сводимость языков мира, учет специфики конкретного языка, предназначаемость описания. — Принципы описания языков мира. М., 1976.
268. *Серебрянников Б. А., Гаджиева Н. З.* Сравнительно-историческая грамматика тюркских языков. Баку, 1979.
269. Синхронно-сопоставительный анализ языков разных систем. М., 1972.
270. *Скаличка В.* О современном состоянии типологии. — В сб.: Новое в лингвистике. М., 1963, вып. III.
271. *Скаличка В.* Типология и тождественность языков. — Исследования по структурной типологии. М., 1969.
272. *Слюсарева Н. А.* Проблемы лингвистической семантики. М., 1973, № 5.
273. *Слюсарева Н. А.* Об универсализме в грамматике. — ИЯВШ. М., 1966, вып. 3.
274. *Смирницкий А. И.* Объективность существования языка. М., 1954.
275. *Смирницкий А. И.* Морфология английского языка. М., 1959.
276. *Смирницкий А. И.* Сравнительно-исторический метод и определение языкового родства. М., 1955.
277. Советский Энциклопедический Словарь. М., 1980.

278. Соколова М. А., Кузьмина Е. Н., Родионов М. Л. Сравнительная педагогика. М., 1978.
279. Солнцев В. М. Язык как системно-структурное образование. 2-е изд. М., 1978.
280. Солнцев В. М. К вопросу о предмете и задачах типологии: Тез. дискус. «Типология как раздел языкознания». М., 1976.
281. Сопоставительная грамматика русского и казахского языков. Алма-Ата, 1966.
282. Сопоставительная стилистика иностранных языков. Ростов н/Д, 1976.
283. Соссюр Ф. де. Курс общей лингвистики. М., 1933.
284. Сравнительная грамматика германских языков. М., 1966, т. IV.
285. Сравнительная грамматика русского и туркменского языков. Часть 1. Фонетика и морфология. Ашхабад, 1964.
286. Сравнительная грамматика русского и туркменского языков. Часть 2. Синтаксис. Ашхабад, 1977.
287. Степанов Г. В. Типология языковых состояний и ситуаций в странах романской речи. М., 1976.
288. Степанов Г. В. Объективные и субъективные критерии определения понятия «вариант языка». — Типология сходств и различий близкородственных языков. Кишинев, 1976.
289. Степанов Ю. С. Сопоставительная стилистика европейских языков. — Типология языковых систем (Программа). М., 1966.
290. Степанов Ю. С. Основы языкознания. М., 1966.
291. Структурная типология языков. М., 1966.
292. Структурно-типологическое описание современных германских языков. М., 1966.
293. Суник О. П. Вопросы типологии агглютинативных языков (К проблеме соотношения агглютинации и флексии). — В сб.: Морфологическая типология и проблема классификации языков. М. — Л., 1965.
294. Сусов И. П. Семантическая структура предложения. Тула, 1973.
295. Тез. дискус. «Типология как раздел языкознания». М., 1976.
296. Теория и критика перевода. Л., 1962.
297. Теоретические проблемы современного советского языкознания. М., 1964.
298. Тилле А. А., Шевков Г. В. Сравнительный метод в юридических дисциплинах. 2-е изд. доп. и испр. М., 1978.
299. Типология германских литературных языков. М., 1976.
300. Типология пассивных конструкций. Диатезы и залогии. Л., 1974.
301. Тихонов А. Н. Морфема как значимая часть слова. — Филол. науки. М., 1971, № 6.
302. Тихонов А. Н., Хатамов Н. Т., Емельянова С. А., Тихонова М. Ю. Русско-узбекский тематический словарь. Ташкент, 1979.
303. Төлеуов Э. Қазақ тіліндегі зат есім категориясы (Қазақ тілі мұғалімдеріне жоғарғы оқу орны филология факультеттерінің студенттеріне арналған). Алматы, 1971.
304. Төлеуов Э. Қазақ тіліндегі сын есіммен сан есім категориялары. Алматы, 1975.
305. Тронский Н. М. Сравнительно-исторические исследования. — В сб.: Теоретические проблемы советского языкознания. М., 1968.
306. Трубецкой Н. С. Основы фонологии. М., 1960.
307. Трубецкой Н. С. Мысли об индоевропейской проблеме. — ВЯ, 1958, № 1.
308. Тулина Т. А. Функциональная типология словосочетаний. Киев — Одесса, 1976.
309. Туркменско-русский словарь. М., 1968.
310. Турсунов Д., Хасанов Б., Ислямов А., Бейсенбаева К., Ишанов К. Сопоставительная грамматика русского и казахского языков. Алма-Ата, 1967.
311. Узбекско-русский словарь. М., 1959.
312. Узбек совет энциклопедияси. Тошкент, 1980, т. 14.
313. Узбек тили грамматикаси: Морфология. Тошкент, 1975, т. 1.
314. Ульманн С. Семантические универсалии. — В сб.: Новое в лингвистике. М., 1970, вып. V.

315. Умаров А. Сопоставительный синтаксис русского и каракалпакского языков. Нукус, 1973.
316. Универсалии и типологические исследования М., 1974.
317. Уорф Б. Л. Грамматические категории. — В сб.: Принципы типологического анализа языков различного строя. М., 1972.
318. Успенский Б. А. Структурная типология языков. М., 1965.
319. Успенский Б. А. Отношение подсистем в языке и связанные с ними универсалии. — ВЯ. М., 1968, № 6.
320. Успенский Б. А. Языковые универсалии и актуальные проблемы типологического описания языков. — Языковые универсалии и лингвистическая типология. М., 1969.
321. Успенский Б. А. Проблемы универсалий в языкознании. — В сб.: Новое в лингвистике. М., 1970, вып. V.
322. Уфимцева А. А. О типологическом изучении лексики и структурно-типологическое описание современных германских языков. М., 1969.
323. Уфимцева А. А. Семантический аспект языковых знаков. — В сб.: Принципы и методы семантических исследований. М., 1976.
324. Федоров А. В. Основы общей теории перевода. М., 1968.
325. Федоров А. В. и др. Немецко-русские языковые параллели. М., 1961.
326. Филин Ф. П. Современное общественное развитие и проблема двуязычия и многоязычия. М., 1972.
327. Филин Ф. П. Русский язык в советских национальных республиках. — Русский язык как средство межнационального общения. М., 1977.
328. Фортунатов Ф. Ф. Избранные труды. М., 1959.
329. Хайдаков С. М. Сравнительно-сопоставительный словарь дагестанских языков. М., 1973.
330. Хожиев А. Узбек тилида кўшма, жуфт ва такрорий сўзлар. Тошкент, 1963.
331. Хоккет Ч. Ф. Проблемы языковых универсалий. — В сб.: Новое в лингвистике. М., 1970, вып. V.
332. Хомский Н. Синтаксические структуры. — В сб.: Новое в лингвистике. М., 1962, вып. II.
333. Храковский В. С. Трансформация и деривация. — Проблемы структурной лингвистики 1972. М., 1973.
334. Храковский В. С. Некоторые проблемы синтаксической типологии. — Acta Universitatis Carolinae-philologica. 1974, 5.
335. Цивян Т. В. Имя существительное в балканских языках. М., 1963.
336. Чемоданов Н. С. Сравнительное языкознание в России. М., 1956.
337. Чечейбаева Н. О. Кыргыз тилиндеги сан атоочтор. Фрунзе, 1978.
338. Члены предложения в языках различных типов. (Мещаниновские чтения). Л., 1972.
339. Шахматов А. А. Очерк современного русского языка. Л., 1941.
340. Швейцер А. Д. Перевод и лингвистика. М., 1973.
341. Швейцер А. Д. Литературный английский язык в США и Англии. М., 1971.
342. Шендельс Е. И. Связь языкознания с другими науками. М., 1962.
343. Шендельс Е. И. О сопоставительно-типологическом анализе в морфологии. — Структурно-типологическое описание германских языков. М., 1966.
344. Широков О. С. Фонологическое схождение балканских языков. М., 1966.
345. Широков О. С. Балканские межъязыковые схождения в вокализме. М., 1974.
346. Широкова А. В. Лекции по сопоставительной грамматике. М., 1977.
347. Щерба Л. В. К вопросу о реформе орфографии. — РЯШ. М., 1930, № 5.
348. Щерба Л. В. Преподавание иностранных языков в средней школе. — Общие вопросы методики. М. — Л., 1947.
349. Щербак А. М. Сравнительная фонетика тюркских языков. Л., 1970.
350. Щербак А. М. Очерки по сравнительной морфологии тюркских языков (имя). Л., 1977.
351. Щербак А. М. Грамматический очерк тюркских текстов X—XIII вв. из Восточного Туркестана. М. — Л., 1961.

352. Юлдашев А. А. Принципы составления тюркско-русских словарей. М., 1972.
353. Юлдашев А. А. Аналитические формы глагола в тюркских языках. М., 1965.
354. Языковые универсалии и лингвистическая типология. М., 1969.
355. Яковсон Р. О. Типологические исследования и их вклад в сравнительно-историческое языкознание. — В сб.: Новое в лингвистике. М., 1963, вып. III.
356. Яковсон Р. О. Звуковые законы детского языка и их место в общей фонологии. — Принципы типологического анализа языков различного строя. М., 1972.
357. Яковсон Р., Фант Г. М., Халле М. Введение в анализ речи. Различительные признаки и их корреляты. — В сб.: Новое в лингвистике. М., 1962, вып. II.
358. Яковсон Р., Халле М. Фонология и ее отношение к фонетике. — В сб.: Новое в лингвистике. М., 1962, вып. II.
359. Ярцева В. Н. Сопоставительный анализ структуры слова в современных германских языках. — Проблемы морфологического строя германских языков. М., 1963.
360. Ярцева В. Н. Принципы типологического исследования родственных и неродственных языков. М., 1967.
361. Ярцева В. Н. Типологическое исследование морфологических структур в родственных языках. — Структурно-типологическое описание современных германских языков. М., 1966.
362. Ярцева В. Н. Взаимоотношение грамматики и лексики в системе языка. — В сб.: Исследования по общей теории грамматики. М., 1968.
363. Ярцева В. Н. Иерархия грамматических категорий и типологическая характеристика языков. — Типология грамматических категорий. (Мещаниновские чтения). М., 1975.
364. Яхонтов С. Е. О морфологической классификации языков. М. — Л., 1965.
365. Ысқақов А. Қазіргі қазақ тілі: Морфология. Алматы, 1974.
366. Afolayan A. Contrastive Linguistics and the Teaching of English as a Second or Foreign Language. — In: Modern Studies in English. Prentice Hall, 1969.
367. Agard F. B. et al. The Grammatical Structure of English and Italian. The University of Chicago Press, 1965.
368. Akhmanova O., Delieva L. Approaches to Contrastive Linguistics. MGU, 1972.
369. Allen W. S. Ancient Ideas on the Origin and Development of Language Transactions of the Philological Society of Great Britain. London, 1948.
370. Anderson J. Ergative and Nominative in English. — Journal of Linguistics. N.Y., 1968, vol. 4, N 1.
371. Arnauld A., Lancelot C. General and Rational Grammar: Port-Royal Grammar. Mouton, The Hague, Paris, 1975.
372. Baugh A. C. History of the English Language. N.Y., 1957.
373. Bazell Ch. E. Linguistic Typology. London, 1958.
374. Birnbaum H. Problems of Typological and Genetic Linguistics Viewed in a Generative Framework. The Hague, Paris, Mouton, 1970.
375. Bopp F. Vergleichende Grammatik des Sanskrit, Zend, Griechischen, Lateinischen, Litthauischen, Gothischen und Deutschen. Berlin, 1833.
376. Brunot F. La pensée et la langue. Paris, 1965.
377. Bryan W. F. Notes on the Founders of Prescriptive English Grammar. — The Manly Anniversary Studies in Language and Literature. N.Y., 1968.
378. Catford J. C. A Linguistic Theory of Translation. London, 1965.
379. Chafe W. L. Meaning and Structure of Language. Chicago University, 1971.
380. Chomsky N. Cartesian Linguistics. A Chapter in the History of Rationalist Thought. N.Y., 1956.
381. Chomsky N. Deep Structure, Surface Structure and Semantic Interpretation. — In: Studies in General and Oriental Linguistics. Tokyo, 1970.

382. *Danielsen N.* An Essay on Nomads and Human Language. København, 1976.
383. *Dixon R.* What is Language? London, 1965.
384. *Ellis J. E.* Towards a General Comparative Linguistics. London, The Hague, Mouton, 1966.
385. *Filipović R.* The Yugoslav Serbo-Croatian-English Contrastive Project. — In: Papers and Studies in Contrastive Linguistics/Ed. by G. Nickel. Cambridge, 1971.
386. *Fillmore Ch.* The Case for Case. — In: Universals in Linguistic Theory /Ed. by E. Bach and R. Harms. N. Y., 1968.
387. *Finck F. N.* Die Haupttypen des Sprachbaues. 3 Aufl. Leipzig, 1936.
388. *Fisiak J.* Papers and Studies in Contrastive Linguistics. Poznań, 1973, vol. 1; 1974, vol. 2; 1975, vol. 3.
389. Formal Semantics of Natural Language. Cambridge University Press, 1975.
390. *Funk and Wagnalls.* New Standard Dictionary of the English Language. London, 1939.
391. *Greenberg J. H.* Language Typology: A Historical and Analytic Overview. Mouton, The Hague, Paris, 1974.
392. *Gruntzman C. et al.* Comparative Constructions in Contemporary English. — English Studies. Amsterdam, 1973, N 4, N 5.
393. *Halliday M. A. K., McIntosh A., Strevens P.* The Linguistic Sciences and Language Teaching. London, 1964.
394. *Halliday M. A. K.* Linguistics and Machine Translation. Patterns of Language. London, 1966.
395. *Halliday M. A. K.* Lexis as a Linguistic Level. — In Memory of G. R. Firth. Longmans, London, 1966.
396. *Harris Z.* Methods in Structural Linguistics. University of Chicago Press, 1951.
397. *Hjelmslev L.* Language. An Introduction. University of Wisconsin Press, London, 1970.
398. *Hockett Ch. F.* A Course in Modern Linguistics. N. Y., 1958.
399. *Horne K. M.* Language Typology. 19th and 20th Century Views. Washington, 1966.
400. *Humboldt Wilhelm von.* Ueber die Verschiedenheit des menschlichen Sprachbaues und ihren Einfluss auf die geistige Entwicklung der Menschengeschlechts. Berlin, 1838.
401. *Irteneva N. F. et al.* The Structure of the English Sentence. M., 1969.
402. *Jakobson R.* On Linguistic Aspects of Translation. — On Translation. Harvard University Press, 1959.
403. *Jespersen O.* Modern English Grammar. London, Copenhagen, 1954.
404. *Khaimovich B. S., Rogovskaya B. L.* A Course in English Grammar. M., 1967.
405. *Kretzmann N.* Transformationalism and the Port-Royal Grammar. A Critical Essay to the Port-Royal Grammar. Mouton, The Hague, Paris, 1975.
406. *Lord R.* Comparative Linguistics. 2nd ed. London, St. Paul's House, 1974.
407. *Lyons J.* Toward a "Notional" Theory of Parts of Speech. — Journal of Linguistics, 1966, 2.
408. *Martinet A.* A Functional View of Language. Oxford, 1962.
409. *Mathesius V.* On Linguistic Characterology with Illustrations from Modern English. — Actes du Congrès international des linguistes. Leiden, 1928.
410. *McIntosh A., Halliday M. A. K.* Patterns of Language. — Papers in General Descriptive and Applied Linguistics. London, 1966.
411. *Misteli F.* Charakteristik der hauptsächlichsten Typen des Sprachbaues. Berlin, 1893.
412. *Müller M. F.* Lectures on the Science of Language. Longmans, London, 1880.
413. *Nickel G.* Papers in Contrastive Linguistics. Cambridge University Press, 1971.
414. *Palmer L. R.* Descriptive and Comparative Linguistics. A Critical Introduction. London, Taber and Faber, 1972.
415. Papers and Studies in Contrastive Linguistics. — Karpacz Conference on Contrastive Linguistics (16-18 Dec. 1971). Poznań, 1973, vol. 1.

416. Papers and Studies in Contrastive Linguistics. Poznań, 1974, vol. 2.
 417. Papers and Studies in Contrastive Linguistics. Poznań, 1975, vol. 3.
 418. Papers and Studies in Contrastive Linguistics. Poznań, 1976, vol. 4.
 419. *Pierce J. E.* Sampling and Typological Indices in Language. — *Linguistics*. 1966, vol. 24.
 420. *Pott A. Fr.* Etymologische Forschungen auf dem Gebiete der indogermanischen Sprachen. Lemgo, 1833.
 421. *Quirk R., Greenbaum S., Leech G., Svartvik J.* A Grammar of Contemporary English. N.Y., 1972.
 422. *Rabin C.* The Linguistics of Translation. — *Aspects of Translation*. London, 1958.
 423. *Robins R. H.* Ancient and Mediaeval Grammatical Theory in Europe. London, 1951.
 424. *Robins R. H.* General Linguistics. London, 1964.
 425. *Robert J. L.* Grammar of English Nominalisation. Indiana University Press, 1946.
 426. *Roget's University Thesaurus* / Ed. by C. O. Sylvester Nawson. London, N.Y., 1963.
 427. *Schlegel Fr.* Ueber die Sprache und Weisheit der Indier. Heidelberg, 1808.
 428. *Schlegel A.* Observations sur la langue et la littérature provençales. Paris: Librairie grecque-latine-allemande, 1818.
 429. *Schleicher A.* Zur vergleichenden Sprachgeschichte. Bonn: H. B. König, 1848.
 430. *Schleicher A.* Die Sprachen Europas in systematischer Uebersicht. Bonn: H. B. König, 1850.
 431. *Schleicher A.* Compendium der vergleichenden Grammatik der indogermanischen Sprachen. Weimar, 1861-1862, Bd. 1-2.
 432. *Sebüktekin H.* Turkish-English Contrastive Analysis. Mouton, The Hague, Paris, 1971.
 433. *Skalička V.* Die Inkorporation und ihre Rolle in der Typologie. — *TLP*, 1968, III.
 434. *Steinthal H.* Charakteristik der hauptsächlichsten Typen des Sprachbaues. Berlin: Dümmler, 1860.
 435. *The Concise Oxford Turkish Dictionary* / Ed. by A. D. Alderson. Oxford, 1959.
 436. *The Yugoslav Serbo-Croatian-English Contrastive Project. B. Studies. 1.* Zagreb, 1969.
 437. *The Yugoslav Serbo-Croatian-English Contrastive Project. A. Reports. 1.* Zagreb, 1969.
 438. *Ullmann S.* Descriptive Semantics and Linguistic Typology. — *Word*, 1953, vol. 9, N 3.
 439. *Wells R. S.* Archiving and Language Typology. — *IJAL*, 1954, vol. 20.
 440. *Zgusta L.* Manual of Lexicography. Mouton Press, 1971.

* * *

- Авезов М.* Абай йўли. Иккинчи китоб. Тошкент, 1960.
Айтматов Ш. Жәмилә. Алматы, 1959.
Айтматов Ч. Жәмийла. Фрунзе, 1977.
Айтматов Ч. Жәмийла. Нөкис, 1962.
Айтматов Ч. Жәмилә. Ашгабад, 1963.
Айтматов Ч. Жәмилә. Тошкент, 1961.
Айтматов Ч. Биринчи мугалим. Фрунзе, 1978.
Айтматов Ч. Биринчи муаллим. Танланган асарлар, иккинчи том. Тошкент, 1978.
Алланазаров Р. Сырныңың гызы. Ашгабат, 1978.
Әуезов М. Абай жолы. Екінші кітап. Алматы, 1957.
Глинка Н. Л. Общая химия. Л., 1967.
Глинка Н. Л. Умумий химия. Тошкент, 1968.
Жақыпбайұлы Т. Асан ата. Алматы, 1977.
Каримбаев К. Эл казнасы. Фрунзе, 1981.

- Көрөгөч көз менен.* Фрунзе, 1975.
Кайыпбергенов Т. Каракалпак кызы. Нөкис, 1975.
Магтымгулы. Сайланган гошгулар. Ашгабат, 1976.
Махтумқули. Танланган асарлар. Тошкент, 1960.
Рашидов Ш. Бұрондан кучли. Тошкент, 1973.
Сейтаков Б. Первана. Ашгабат, 1978.
Сауыркенов К. Құмдағы оқиға. Алматы, 1976.
Шекспир В. Трагедия о короле Ричарде III. — Вильям Шекспир. Полн. собр. соч. М., 1941, том IV.
Шекспир В. Ричард III (Трагедия). Алматы, 1969.
- Bumsted G. M.* Henry Alline. University of Toronto Press, 1971.
Glinka N. General Chemistry. М., 1970.
Fitzgerald F. Scott. Selected Short Stories. М., 1979.
Hemingway E. Selected Stories. М., 1971.
 Modern English Short Stories. М., 1961.
Shakespeare W. Richard III. Cambridge, 1959.
 Spanish Pride. A Collection of Humorous Stories. М., 1958.
Wells H. G. The Invisible Man. М., 1955.

ОГЛАВЛЕНИЕ

Предисловие	3
Часть первая. Общие теоретические вопросы лингвистической типологии	7
Глава первая. Современные методы сравнительного изучения систем различных языков. Лингвистическая типология и ее место в системе наук . . .	7
Универсальность типологического сравнения	7
Разделы общей типологии	8
Нелингвистическая типология	8
Лингвистическая типология	12
Предмет лингвистической типологии	12
Этапы развития лингвистической типологии	15
Основные факторы развития лингвистической типологии	21
Классификация разделов лингвистической типологии	27
Основные критерии, определяющие предмет и разделы типологии	27
Разделы лингвистической типологии по объекту исследования	33
Генетическая типология	34
Структурная типология	36
Лингвистические универсалии	37
Язык-эталон (метаязык)	39
Типологическая классификация	41
Типологическая теория	52
Ареальная типология	53
Сравнительная типология	55
Разделы лингвистической типологии по ее отношению к двум планам языка	61
Формальная типология	62
Семантическая типология	63
Разделы лингвистической типологии по отношению к уровням иерархии языка	66
Фонологическая типология	67
Фонетическая типология	67
Морфологическая типология	68
Синтаксическая типология	69
Лексическая типология	71
Глава вторая. Сравнительная типология и основные параметры, определяющие ее предмет	73
Ограниченность числа сравниваемых языков	76
Индифферентность к глубинно-поверхностному тождеству	79
Глубинная структура глубинно-поверхностного тождества	82
Минимальная (или внутриязыковая) глубинная структура	82
Типологическая глубинная структура глубинно-поверхностного тождества	83
Типологическая глубинная структура с этико-эмически организованной поверхностью	83
Типологическая глубинная структура с эмически организованной поверхностью	84
Максимальная глубинная структура глубинно-поверхностного тождества	84
Глубинная структура на основе нейтрального отношения к поверхностному тождеству	85
Минимальная глубинная структура	85
Типологическая глубинная структура, нейтральная по отношению к глубинно-поверхностному тождеству	85
Абсолютная глубинная структура	86

Индифферентность сравнительной типологии к генетическому родству и системной близости	89
Относительная ограниченность и завершенность типологических операций	94
Контенсивный подход к сравнению и межъязыковость инвариантов	95
Минимальность метаязыка	98
<i>Глава третья. Основные параметры типологических категорий</i>	<i>99</i>
Проблема категоризации в грамматике	99
Грамматические категории	101
Понятийные категории	104
Функционально-семантическая категория	107
Грамматико-лексические поля	108
Типологические категории	109
Межъязыковость типологических категорий	111
Межуровневость типологических категорий	113
Межразрядность типологических категорий	117
Своеобразная маркированность типологических категорий	119
Дистрибутивные отношения разноуровневых показателей типологических категорий	120
Межуровневая синонимия и межъязыковая корреспонденция	124
Внутриязыковые аспекты типологических категорий	133
<i>Глава четвертая. Соотношение сравнительной типологии и других теоретических и прикладных отраслей языкознания</i>	<i>136</i>
Соотношение сравнительной типологии и теории перевода	137
Основные идентифицирующие признаки	139
Общность единиц плана содержания	140
Идентичность процесса сравнения	141
Межуровневость соответствующих средств	143
Индифферентность к генетическому родству	144
Основные дифференцирующие признаки	147
Свобода выбора	148
Различие в плане содержания	151
Соотношение сравнительной типологии и стилистики	153
Соотношение сравнительной типологии и методики преподавания	156
Соотношение сравнительной типологии и лексикографии	161
<i>Часть вторая. Типологические категории, их реализация и межъязыковая корреспонденция</i>	<i>167</i>
<i>Глава пятая. Общая характеристика английского и сравниваемых тюркских языков</i>	<i>167</i>
<i>Глава шестая. Некоторые особенности и сходства структуры предложения в английском и тюркских языках</i>	<i>184</i>
<i>Глава седьмая. Типологическая категория множественности</i>	<i>191</i>
Определение категории множественности	191
Принципы оппозиции множественных форм	192
Межуровневые способы реализации и корреспонденции типологической категории множественности	196
Межъязыковые соответствия на морфологическом уровне	196
Морфологический способ выражения множественного числа у существительных	197
Оппозиция немаркированных форм единственного числа и маркированных форм множественного числа	197
Оппозиция маркированных форм единственного числа и маркированных форм множественного числа	202
Оппозиция немаркированных форм единственного числа и немаркированных форм множественного числа	203

Морфологический способ выражения множественности у других лексико-грамматических разрядов слов	206	3
Выражение множественности у местоимений	206	3
Множественное число у глаголов	210	0
Межязыковые соответствия множественности на лексическом уровне.		
Маркированные и немаркированные слова со значением множественности	211	1
Немаркированные слова со значением множественности	212	2
Числительные	212	2
Проблема нумеративных слов	215	5
Другие лексико-грамматические разряды слов, выражающих множественность	217	7
Существительные	217	7
Существительные, имеющие только форму множественного числа.	217	7
Нейтральные существительные	218	3
Прилагательные	219	9
Глаголы	223	3
Наречия, предлоги и союзы	226	5
Маркированные слова со значением множественности	228	3
Препозитивно-маркированные слова со значением множественности	229	9
Суффиксально-маркированные слова со значением множественности	231	1
Редукативные слова, выражающие множественность	231	1
Межязыковые соответствия множественности на синтаксическом уровне	235	5
Примечания	243	3
Предметный указатель	247	7
Список использованной литературы	251	1

Джамалдин Буранов
СРАВНИТЕЛЬНАЯ ТИПОЛОГИЯ
АНГЛИЙСКОГО И ТЮРКСКИХ
ЯЗЫКОВ

Заведующий редакцией И. Э. Волкова. Редактор
В. И. Киселева. Художественный редактор В. И. По-
номаренко. Художник Н. А. Седельников. Технический
редактор Э. М. Чижевский. Корректор З. Ф. Юрескул

ИБ № 3322

Изд. № А-760. Сдано в набор 15.03.83. Подп. в печать 21.10.83.
Формат 60×90^{1/16}. Бум. тип. № 1. Гарнитура литературная.
Печать высокая. Объем 16,75 усл. печ. л. Усл. кр.-отт. 16,75.
Уч.-изд. л. 19,95. Тираж 6000 экз. Зак. № 2033. Цена 1 р.

Издательство «Высшая школа», 101430,
Москва, ГСП-4, Неглинная ул., д. 29/14

Ордена Трудового Красного Знамени
Московская типография № 7 «Искра-революции»
«Союзполиграфпрома» Государственного
комитета СССР по делам издательств,
полиграфии и книжной торговли,
Москва, 121019, пер. Аксакова, 13.